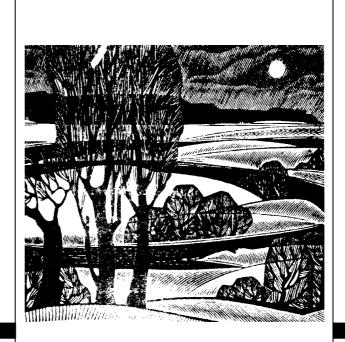
TOUSKUS 30PU

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

09

IPHOKSKUS 30PH

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ ОСНОВАН В 2005 ГОДУ 2009 — 2(15)

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА	3
ТУЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ	
От главного редактора	4
Иван Афремов. Тульский оружейный завод	
Виктор Греков. Просвещение: от частного, семейного — к общественно значимому.	
Белевское духовное училище. Белевская русская школа и др. очерки	
АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА	
Алексей Яшин. Ранняя история городского трамвая	47
Татьяна Кутикина. Месть	
Иван Беляев. А где же шашлык?! Беспризорник	65
Алина Филатова. Когда-нибудь — это слишком долго	69
Надежда Лысенко. Ноев ковчег	75
Геннадий Маркин. Убогая	79
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА	
Павел Юрьев. Ученик волшебника	83
RNEEOП	
Геннадий Иванов. Personalia	122
Юрий Лукаш. Пусть подождут меня издалека	131
Константин Струков. Ночью дождь шел яро, зло	134
Раиса Носова. Письмо в детство	137
Игорь Боронин. Клятвопреступление	140
Владимир Родионов. Родные дали	143
Анатолий Миронов. Ой, сторонка ты родная	
Геннадий Ошуров. Начало войны	149
Иван Прасолов . У могилы отца.	152
Владимир Завещевский. Вольные сонеты	155
Лариса Истомина. Дорога — абстрактное слово	
Владимир Резцов. Учительская доля	
Владимир Сапожников. Развернув просторы Вселенной	
Александр Хадарцев. Не то!	168

Олег Пантюхин. Ветераны войны	171
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ	
Валерий Кручинин-Русич. Русановка	174
Юрий Карельский. Карельские хокку	
К 75-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО	193
ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ	
Марина Баланюк. Творчество Наталии Парыгиной	201
Предлагаем читателям отдельные страницы из книги Наталии Парыгиной	
«Семейные повести»	206
ТУЛА И МАЛЫЕ ГОРОДА ТУЛЬСКОГО КРАЯ: СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО	
Наталия Кириленко. Николочасовенская церковь	212
Мария Аблогина, Михаил Семенов. Семья Астаховых	215
Владимир Никишов. Иван Егорович Астахов. Рассказ ученика	221
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Игорь Золотусский. «У Гоголя была прекрасная душа»	238
Ирина Кедрова Еще раз об «Историке и его Истории»	244
Обратная связь (ответное письмо, переросшее в размышления)	252
ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА	
Неугомонные реформаторы русского языка	263
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	269

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на дискете и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети. Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@yahoo.com; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН Первый зам. главного редактора Виктор Пахомов

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ Виктор ГРЕКОВ (Белев) Олег КОЧЕТКОВ (Коломна) Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники — Новомосковск) Валерий МАСЛОВ — председатель Межрегионального союза писателей Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы Олег ПАНТЮХИН (Щекино) Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск) Наталия ПАРЫГИНА Владимир РЕЗПОВ Владимир САПОЖНИКОВ Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по Высшим литературным курсам Константин СТРУКОВ — отв. секретарь Александр ХАДАРЦЕВ Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК

Информационная поддержка:

- Литературное агентство «Московский Парнас»
- журнал «Подъем» (г. Воронеж)
- «Литературная газета»
- газета «Российский писатель»
- газета «Тульский литератор»

Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте интернета: www.medtsu.tula.ru

© «Приокские зори», 2009

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Идет пятый год планово-периодического издания нашего журнала. За прошедшее время издание де-факто стало межрегиональным, получило всероссийскую известность. Информация о «Приокских зорях» достаточно регулярно появляется на страницах «Российского писателя», «Литературной газеты», «Московского Парнаса», не говоря уже о тульских изданиях. Постепенно, но увеличивается тираж, непрерывно возрастает качество публикуемых материалов. Через библиотечную сеть и сайт Интернета www.medtsu.tula.ru журнал стал доступен как любому читателю в России, так и всем читающим по-русски в мире.

Редколлегия постоянно работает над совершенствованием структуры и, так сказать, инфраструктуры журнала. В части последней за прошедший, 2008-й год отметим, как наиболее значимое, госрегистрацию издания и учреждение ежегодной литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации в «Приокских зорях» в четырех номинациях. Имена первых лауреатов опубликованы в настоящем номере (см. 3-ю страницу обложки).

Другим приятным итогом предыдущего года, хотя бы он и был високосным, малоудачливым по народному поверью, является интерес Администрации области в лице Департамента культуры к журналу; обсуждается вопрос о включении «Приокских зорь» в план финансирования в рамках новой, с 2011-го года, Культурной программы Тульской области. С этим мы вполне реально связываем получение журналом международного классификационного индекса ISSN и включение его в подписную систему «Роспечати», а также увеличение тиража до 1000 экз. Пока же тираж журнала печатает Тульский госуниверситет — наш соучредитель, и пока все наши надежды связаны с ним, а наша признательность — ректору Михаилу Васильевичу Грязеву.

Другое нововведение: начиная с 2009-го года, наряду с рубрикой «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников», вводится аналогичная: «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Как сразу можно догадаться — эта рубрика будет содержать произведения студентов и преподавателей Литературного института им. А. М. Горького, которому, кстати говоря, в прошлом году исполнилось 75 лет. Наша alma mater... Договоренность с ректором Литинститута проф. Б. Н. Тарасовым достигнута.

...И еще один момент: пусть вас не интригует исчезновение с обложки журнала слова «межрегиональный» — это всего лишь связано с госрегистрацией нашего журнала; получить регистрацию с этим определяющим словом архисложно, но вы, уважаемые читатели и авторы, постоянно «держите в уме», что по характеру «Приокские зори» были и остаются де-факто межрегиональным, почти что всероссийским изданиям, учредителем которого является издательство «Неография» (директор Валерий Ксенофонтов, наш новый член редколлегии), а издателями Тульская писательская организация Союза писателей России и Тульский госуниверситет.

Настоящий номер журнала относится к числу тематических, посвящен истории, а том числе литературной, Тулы и Тульского края. А также мы отмечаем заметное событие в литературной жизни не только Тулы. Но и всей страны: старейшей писательнице России Наталии Диомидовне Парыгиной исполнилось 85 лет! С Юбилеем Вас, дорогая Наталия Диомидовна!

ТУЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

От главного редактора: В настоящем разделе номера «Приокских зорь», тематически посвященного дальней и ближней истории Тулы и Тульской области, мы предоставляем страницы журнала для публикации материалов, написание которых разнесено во времени на полторы сотни лет. Их авторы: первый историк Тульского края Иван Федорович Афремов (1794—1866) и, пожалуй, наиболее значимый современный исследователь старины, особенно своей малой родины — кафедрального города Белева, член редколлегии нашего журнала, директор Белевского художественнокраеведческого музея, известный исторический писатель Виктор Яковлевич Греков.

Не только время разделяет этих двух, наиболее известных историков тульской земли — городов ее и весей, и не просто историков, а исторических писателей, но их преимущественная тематика. Если основной предмет внимание Афремова — историческое обозрение Тулы и Тульской губернии, включающее историю военную, промышленную, сословную и иерархическую церковную и так далее, особо выделяющую становление и развитие железоделательного и оружейного промысла, то у Грекова — это история образования, литературы и духовности, как непременного атрибута развития края в Новой и Новейшей истории Русского государства. Однако и «точек пересечения» у этих историков предостаточно, прежде всего — это подробные исследования церковной, духовной жизни в рамках Тульской православной епархии.

И это не удивительно: ведь туляк Афремов и белевец Греков во многом историки и бытописатели своих, кафедральных городов, ибо епархия ранее и сейчас именуется Тульской и Белевской (в последнем названии — через «е», как принято в русской грамматике, а не через совершенно искусственно введенную в русский же алфавит Карамзиным букву «ё», во многом способствовавшей повреждению исконной русской фонетики*...).

…И еще один существенный момент. Так случилось, что оба исторически наиболее известные города нашего края — первые упоминания о Туле и Белеве, причем о Белеве наиболее достоверные, чуть ли не к одному, 1147 году относятся — не только разделили между собой епархиальную власть, но и поделили приоритеты преимущественных артефактов исторической (для нас, ныне живущих) памяти. Тула известна прежде всего как промышленный город; так всегда в России и говорили, сравнивая два соседних города: Тула мастеровая, а Калуга торговая... Причем и прежде всего как исторически первый военно-промышленный город; только в начале XIX века таковыми стали еще Сестрорецк, Ижевск и Златоуст.

А вот Белев, ныне городок невидный, и без того малая его промышленность в новейшие времена сгинула, так он еще задолго до Ясной Поляны стал литературной Меккой тульского края. Так уж получилось, что многие, громкие в литературе, в искусстве, имена связаны с этим окским городом. И самое громкое из них — Василий Андреевич Жуковский; имение родителей его в селе Мишенском рядом с Белевом. А литературный кружок белевской помещицы Авдотьи Петровны Елагиной, племянницы Жуковского и матери знаменитых братьев Киреевских (Елагина — по вто-

^{*} Это личное мнение автора, впрочем, имеющее достаточные обоснования; см. очерк «Повреждение нравов (реплика грамотея)» в «ПЗ», № 2, 2007.

рому мужу) — Ивана и Петра Васильевичей. И возникло уникальное «славянофильское гнездо» — между Белевом и близким калужским Долбиным. Здесь же и Хомяков... да кто только из русских писателей XIX века не бывал в Белеве? И, заметим, цари и царицы бывали. Но все это надо читать у Грекова, бытописателя Белева.

Но ныне активно работающий в литературном краеведении и исторической романистике Виктор Яковлевич, что называется, на виду. Представлять его читателям «Приокских зорь», редкий номер которых обходится без его произведений, излишне.

А вот о первом тульском историке Иване Федоровиче Афремове немного подробнее, тем более, что его сочинение «История Тульского края» стало и энциклопедией, и наиболее достоверным источником сведений о Туле и Тульской губернии с древних времен до середины XIX века. И вообще здесь ситуация во многом уникальная: все последующие исследования по истории Тулы, включая современные, опираются фактологически и методологически лишь на единственный источник — труд Афремова. Вот и Греков пишет в первой главе своей книги «Тульская епархия»: «...Автор широко освещает предысторию..., немало заимствует из истории Карамзина, так же черпает из сведений И. Ф. Афремова» (с. 4).

Иван Федорович родился в 1794 г. в селе Солоницы — и, опять же, Белевского уезда (!).* Его отец происходил из служилых дворян, был кавалером многих боевых орденов, а мать — сестра известного ученого и писателя В. А. Левшина. Окончил в СПб Морской кадетский корпус, а летом 1812 г. совсем юный мичман лично просил Кутузова отправить его сражаться с французами, но морское министерство перевело его служить в Архангельск, где через семь лет он становится командиром брига, многажды плавает по Балтийскому и Белому морям. Однако вскоре в чине капитанлейтенанта Афремов уволился с морской службы и поселился на родине.

С 1828 г. служил инспектором в Тульском кадетском корпусе, преподавал математику, артиллерию и фортификацию, был произведен в майоры. С начала 1840-х годов начинает печатать в «Тульских губернских ведомостях» очерки по истории, экономике, географии губернии, дает первое обстоятельное «Описание Куликовской битвы» и плана Куликова поля, изданное отдельной книгой в Москве. А в 1850 году И. А. Афремов издает за свой счет (это он наши славные времена предвосхитил...) первую часть «Исторического обозрения Тульской губернии». За использование в ней цитаты из В. Г. Белинского книгу арестовали и опечатали. Далее запрет все же был снят, и Афремов завершил свой труд — труд на века.

Что же касается участия Афремова в общественной жизни губернии, то достаточным будет упомянуть, что он, наряду с Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым, в предреформенные годы подписал «особое» мнение группы тульских помещиков с требованием освободить крестьян с безусловным наделением их землей. Это о многом говорит. Историк, краевед, астроном-любитель, бывший военный моряк и общественный деятель,— таким был Иван Федорович. А его труд о Тульском оружейном заводе помещен нами ниже.

Далее мы особо не оговариваем, что публикуемые тексты взяты из книг: Афремов И. Ф. История Тульского края (историческое обозрение Тульской губернии).—Тула: Приок. кн. изд-во, 2002. — 256 с., илл.; Греков В. Я. Белев: Очерки об истории кафедрального города.— Тула: Издат. Дом «Пересвет», 2007.— 344 с., илл.; Греков В. Я. История Тульской епархии: Очерки.— Тула: Изд-во «Тульский проспект», 2008.—236 с., илл.

68806880

^{*} Сведения взяты из предисловия А. А. Петухова к современному изданию книги Афремова (библиографию см. ниже).

Иван Афремов

ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД

Началом кузнечества в Туле послужили прииски богатой железной руды, искони добываемой близ Тулы и Дедилова; колыбель же оружейного искусства началась с эпохи московского преобладания и ограждения Тулы дубовой крепостью (острогом) 1509 года, как сказано выше. Царь Федор Иоаннович и знаменитый правитель Борис Федорович Годунов, 1595 года, положили первое основание Кузнецкой казенной слободе, даровав тридцати самопальным (ружейным) мастерам землю за Упой, по Алексинской дороге на Хопре; равно как «обельную» грамоту, с тем однако, чтобы самопальники ежегодно вносили по 10 рублей (50 рублей серебром нынешних) во Владимирский приказ, заведовавший тогда Тулой,— до сего самопальники (ружейники) жили вместе с гражданами на посадах и внутри дубовой крепости (острога).— При царе Михаиле Федоровиче на кузнецкой стороне самопальников было уже 48 дворов, под управлением старосты их Еремея Баташева (предка известных дворян Баташевых).

В благословенное царствование Михаила государство впервые переняло иноземные произведения чугунных и железных воинских орудий: покупавший в России хлеб голландский купец Виниус получил дозволение в Тульском уезде устроить железный завод, на старом городище при речке Тулице, в 15 верстах от Тулы.— В царской грамоте, пожалованной Виниусу в 29 день февраля 1632 года, сказано следующими счастливо предвещанными словами: «Дозволити ему, дабы впредь то железное дело было государю прочно и государевой казне прибыльно; а людей государевых ему Виниусу всякому железному делу научать, и никакия ремесла от них не скрывать».— Первый в России иностранный завод этот послужил началом тульскому оружейному искусству. К большему производству работ городищенского завода этого приписано было 250 дворов Саломыковской волости (см. Алексинского уезда село Заводы).— Чугунная руда большей частью доставлялась сюда из древних дедиловских копей, при речке Олене, в 5 верстах от Дедилова.— 1639 года Виниус принял к себе товарищей: гамбургца Петра Марселиуса и одноземца купца Акему, которые в царствование царя Алексея Михайловича 1652 года основали в Алексинском уезде другие железные заводы: Саломыковский, Ведменский, Елкинский и оружейный Немиовский завод (см. Алексин, уезда село Заводы).— Здесь изделия их имели уже выгодный сплав по реке Скниге в Оку и потом в Москву; сюда выписаны ими были 600 иностранных мастеров, которым главным условием правительства поставлено было обучать тульских самопальников; вследствие чего на Ченцовский оружейный завод ежемесячно посылаемы были очередные самопальники тульской Кузнецкой слободы, для обучения заварки стволов, шпажному и замочному делу, что и послужило значительным улучшением оружейного производства в Туле. за 60 лет прежде основания казенного оружейного завода. Тогда же указом царя Алексея Михайловича тульская Кузнецкая слобода из ведомства Владимирского приказа отдана была в управление Московской оружейной палате, с повелением 121-му самопальнику, кроме выделки железа, выставлять ежегодно по 242 пищали (большого размера ружья), а старостам Филиппову и Варлаамову доставлять их в Москву. При этом же государе в Кузнецкой слободе построены были деревянные церкви: первая — св. великомученика Георгия на Хопре, усердием священника Иоанна; храм этот 1698 года был уже каменный, перестроенный вновь 1759 года; вторая — св. Николая Чудотворца, усердием священника Григория и брата его Дмитрия; храм этот с 1730 по 1734 год великолепно перестроен был каменным зданием, знаменитым Акинфом Никитичем Демидовым. Царь Федор Алексеевич, указами 1678 и 1679 года, повелел всех из свободного состояния, занимающихся оружейным делом, принимать и водворять в Кузнецкую слободу, со всеми дарованными ей правами и льготами. При царевне Софье Алексеевне 194 самопальника выделывали в год 2000 пищалей, под начальством старост своих: Марка Мосолова (предка дворян Мосоловых) и Никиты Орехова. При единодержавии Петра до 1698 года в Кузнецкой слободе поставлена была третья деревянная церковь Вознесения Господня, после пожара 1779 года перестроенная каменным зданием 1787 года, по проекту известного заводского механика, капитана Косьмы Семеновича Сокольникова, на иждивение усердных прихожан. Таким образом самопальники Кузнецкой слободы, со времен царя Алексея Михайловича распространившиеся в оседлости своей, первые избытки трудов рук своих принесли на алтари Божий, и Господь утвердил и, видимо, благословил поколение их в Туле. В царствование же Петра 1-го 1704 года в Кузнецкой слободе было уже около 300 дворов и 749 самопальников, при старостах их: Марке Мосолове, Никите Орехове, Владимире Баташеве и Панкрате Горбунове, которые доставляли в Москву ежегодно по восьми тысяч фузей (ружей). За каждую фузею самопальники получали тогда из тульского таможенного и кружечного двора по 22 алтына и по 2 деньги, то есть 67 копеек серебром. Привозимые в Москву фузеи часто пробовались в личном присутствии самого Петра, и горе тем было, чьи фузеи разрывало от явного нерадения: государь приказывал старостам таких самопальников, по возвращении в Тулу, «бить батоги на мирском дворе, чтобы и впредь всем не повадно было».

Гений преобразователь России положил и первое основание первым оружейным заводам в Туле с вододействующими машинами. Предпринимая Азовский поход свой, Петр Великий, с 1694 года, стал часто посещать Воронеж, чтобы устроить там на Дону верфи, для постройки военных плоскодонных судов, вследствие чего, часто проезжая Тулу, ознакомился с городом и обратил мудрое внимание свое к оружейному производству тульских самопальников Кузнецкой слободы.— 1696 года лично узнал государь первого тульского оружейного мастера Никиту Демидова, был у него в гостях на домашней фабрике и видел неутомимую деятельность и отличные способности хозяина-мастера. — Гениальный взор Петра остановился на Демидове и тогда же извлек из толпы отличного мастера, предвидя в нем высокую государственную деятельность; всей пылкой душой полюбил Петр своего Демидыча, развил в нем огромные идеи промышленности и создал любимца-подданного, понявшего своего великого государя.— Демидов разлил новую жизнь в тульском оружейном производстве и прославился как родоначальник знаменитой фамилии дворян Демидовых, более же благоприобретенным своим колоссальным богатством.— Видимо, Господь благословил полезные отечеству труды Демидова и показал щедрую руку Свою в благотворениях славного потомства нашего незабвенного согражданина Никиты Демидовича, которым по всей справедливости может гордиться Тула и отечественный край наш. В то же время гениальный гость Тулы осмотрел всю местность города и дозволил Демидову, при впадении Тулицы в Упу, (того же 1696 года) устроить собственный завод с большой плотиной, по примеру городищенского (построенного Виниусом 1632 года в 15 верстах выше, на той же речке Тулице в дачах села Торхова; а для добывания чугунной руды государь пожаловал ему несколько десятин земли под Малиновской засекой (ныне именуемые рвы, по проселочной Крапивенской дороге). Указом 1701 января 2 дня Петр Великий дозволил Никите Демидову распространить завод свой и поднять плотину во всю ее огромную ширину более 200 саженей. Такое счастливое начинание Демидовского завода, в 15-ть лет времени, оказало счастливые результаты и разлило новую жизнь в тульском оружейном производстве. В продолжение этого времени 1707 года Петр Великий пожаловал любимца своего Никиту Демидовича личным дворянином, повелев именовать его господином Демидовым.

Чтобы распространить оружейное производство в Туле по словам Демидова, Петр Великий 1705 года прислал из Москвы дьяка Андрея Беляева и велел ему при-

искать удобное место к построению оружейного двора с 50 горнами, для заварки стволов и отделки ружей. Беляев построил такой оружейный двор по подряду самопальника Андрея Владимирова, на берегу Упы, против деревянной Вознесенской церкви, рядом с мирским двором, где судили и рядили оружейные старосты. Того же 1705 года, по собранным сведениям Беляева, Петр Великий издал оружейный наказ, подробно определявший обязанность оружейников (бывших самопальников) к своим старостам, равно как в строгом осмотре и приеме сделанных ими оружий. Но когда наказ этот в строгом смысле не мог быть исполняем одними старостами, государь 1708 года, сентября 15 дня, повелел быть в тульской Оружейной (бывшей Кузнецкой) слободе первым начальником, «комиссаром» помещику (Тульского уезда) капитану Якову Филипповичу Жеребцову, который мало-помалу стал вводить воинскую подчиненность между оружейниками и быстро подвинул дело вперед; но два года спустя вспыхнувший пожар на мирском дворе немало повредил и оружейный двор Беляева, так что оружейники стали вновь льготно работать по своим дворам, всемерно избегая оружейного казенного двора.— 1711 года августа 2 дня прибыл в Тулу из Москвы сенатор, князь Григорий Иванович Волконский, назначенный главным начальником всего оружейного производства в государстве; лично осматривал Оружейную слободу и завод господина Демидова. Вскоре после сего (10 августа 1711 года) стольник Клементий Матвеевич Чулков сменил Жеребцова и скоро построил посреди Оружейной слободы другой оружейный двор (ныне арсенал), также по подряду оружейника Владимирова. — Новый строгий комиссар этот, по вступлении своем в должность, доносил в Москву, сенатору князю Волконскому, следующим любопытным рапортом: «Живу я в оружейной слободе неотлучно, и мастерам подтверждаю с пристрастием, чтобы они ружья делали с великим тщанием денно и ночно, и против образцов в сходство, и для того каждаго дни по мастерам езжу, и многих быю батоги».— В другой раз Чулков пишет к князю Волконскому следующее: «По твоим, государь, письмам, истинно, ей, ей, всеусердно радею, как пуще того быть нельзя, что каждаго дня человек по десяти бью батоги, приборщиков и замошников на оружейном дворе зело понуждаю, не только что дни, но и ночи спать не даю». Тогдашняя война Петра Великого с Турцией и северным героем, Карлом XII, требовала такой неусыпной деятельности в оружейном производстве. В то же время, указом Сената, повелено к 1749 тульским мастерам-оружейникам прибавить из разных губерний кузнецов свободного состояния; до 1716 года перешло их в Тулу 255 человек.

За сим именным указом Петра Великого в 15-й день февраля 1712 года повелено сенатору князю Волконскому строить в Туле, на старом тульском городище, казенный оружейный завод, переградив плотиной реку Упу у нижнего моста; потому что судоходство по Упе из Ивановского канала, при всех усилиях Петра, не состоялось. — Волконский, прибыв в Тулу, поручил главный надзор за построением завода стольнику Василию Кирилловичу Вельяминову, и с 17 марта (1712 года), во-первых, начато построение 34-саженной плотины гидравликом-самоучкой, оружейником Марком Красильниковым; а через два года (1714 года) завод этот уже был в ходу, и вододействующие машины сверлили, обтачивали и белили (полировали) стволы.— Ружейные же замки и прочие ручные работы производились по-прежнему на оружейном дворе и по домам мастеров. После смерти Красильникова (11 июня 1714 г.) место его занял также самоучка механик, ораниенбургского (меншиковского) батальона, солдат Василий Батищев, случайно присланный из Москвы в Тулу, с предписанием оружейной палаты к комиссару Чулкову. При Батищеве, для увеличения вододействующих машин, князь Волконский испросил у государя 2500 человек пленных шведских солдат и с оставленного Ивановского канала перевел их к заводу в Тулу.— 1715 года марта 16 дня, по воле Петра, указом Сената, на место князя Волконского назначен главным начальником оружейного производства генералфельдцейхмейстер Брюс (известный граф Яков Вилимович, прославившийся астрологическими знаниями и своим столетним календарем, долговременно игравшим большую роль в государстве), и завод поступил в ведение артиллерийского приказа; тогда же г. Чулкова сменил новый комиссар, князь Никита Матвеевич Вадбольский, родной брат бывшего тогда первым тульским провинциальным воеводой князя Ивана Матвеевича Вадбольского. — Того же 1715 года, для хранения оружия и ручных работ, по предписанию Брюса, был перестроен Вадбольским оружейный двор каменным зданием, оконченный 1718 года сказанными пленными шведами. — Двор этот 1786 и 1787 года перестроен С. Н. Веницеевым в арсенал на прежнем фундаменте. После комиссара, князя Никиты Вадбольского, до 1737-го года были начальниками завода: князь Василий Григорьевич Волконский (внучатый брат сенатора), Свечин, Хомяков, Половинкин, Брянчанинов, барон Альбедеиль и Овцын. В царствование императора Петра ІІ-го 1728-го года, по указу генералиссимуса, светлейшего князя, герцога Ижорского, Александра Даниловича Меньшикова, Тульский оружейный завод был перестроен вновь. По указу же императрицы Анны Иоанновны 1737-го года, 22 сентября, назначен главным начальником оружейного производства и вновь учрежденной систербецкой оружейной канцелярии известный генерал Вилим Иванович де Геннин (de Hennin), построивший Петру Великому екатеринбургские и пермские медные и железные заводы, вместе с знаменитым Акинфом Никитичем Демидовым.— Геннин был друг Демидовым и прославился своим бескорыстием при таких капитальных местах. При Геннине на мирском дворе для управления заводом была построена оружейная контора, впоследствии переименованная (1762 г.) канцелярией; командиром же Тульского оружейного завода был прислан из С.-Петербурга, с Сестрорецкого оружейного завода, майор Андрей Венедиктович Беер, покровительствуемый всемощным тогда герцогом Бироном, по повелению коего тульские заводы дворянина Акинфа Никитича Демидова куплены тогда в казну и, вероятно, с немалой пользой для корыстолюбивого временщика.

Затем прибывший с Беером гиттен-фервальтер Улих устроил на заводе машину для вырабатывания стали.— А новый командир 1737 года озаботился испросить у всемошного Бирона весьма важные для завода милости: указом правительствующего Сената повелено 8 казенных засек, Калужской и Тульской провинции, отчислить к заводскому ведомству и около $2\frac{1}{2}$ тысяч душ крестьян, по тогдашней 1-й ревизии из Козельского, Перемышльского, Лихвинского, Тульского, Дедиловского и Веневского уездов, приписать к заводу засечными сторожами и чернорабочими людьми. — Другим указом, по настоянию Беера, повелено ограничить штат оружейников числом 1688; а вне числа этого всем дозволено переходить в купечество, с платежом 1-го рубля 20-ти копеек ежегодного подушного оклада, до новой ревизии. — Вследствие чего многие семейства зажиточных оружейников объявили капиталы и перешли в купцы, превознося милость и заступление Беера. — С 1737 до 1797 года, по 2-й, 3-й, 4-й и 5-й ревизиям, в течение 60-ти лет, их выбыло в купечество около 600 лиц. В то же время Беер (1737—1739 г.) перестроил на заводе плотины и запрудил новую верхнюю плотину в 120 сажен длины, с подъемными спусками, прорыв сообщение с нижним рукавом речки Тулицы. Беер, ежегодно возводимый в чины Бироном, в начале парствования императрицы Елисаветы Петровны был уже бригалиром, и 1744 года мая 17-го из командиров Тульского оружейного завода был послан в Сибирь, к управлению Колыванского, Барнаульского, Змеиногорского и других медных и серебряных заводов, взятых от действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова в казну. Добытое первое сибирское серебро Беером (более 86 пудов) было пожертвовано императрицей Елисаветой Петровной в Александро-Невский монастырь, к раке святого благоверного великого князя Александра Невского; причем бессмертный преобразователь русской словесности, Михаил Васильевич Ломоносов, сочинил приличную эпитафию, начертанную на серебряной раке этой.

Императрица Елисавета Петровна, проезжая через Тулу 1744 года августа 4 дня, лично изволила видеть завод — труды бессмертного своего родителя.

Место Беера на Тульском оружейном заводе занял бригадир Василий Фед. Пестриков, при котором, 1748 года, устраивал на тульском заводе новые машины слетербургского сестрорецкого завода механик Нитиель.— 1754 года, указом императрицы Елисаветы Петровны, для сохранения лесов, повелено все частные заводы, на расстоянии 200 верст от Москвы, уничтожить; ходатайством же Пестрикова, заводы на Тулице: Баташева и Данилова, а за Окой (против Алексина) Мышенский Мосолова и Дугенский (близ Оки) Демидовых оставлены для производства материалов Тульскому оружейному заводу.— По смерти Пестрикова, 1755 года, был командиром завода действительный статский советник Федор Тимоф. Хомяков, потом генералмайор Бибиков, а его заместил бригадир Афанасий Семенович Жуков, который с 1763 по 1782-й год был произведен тут в генерал-майоры и генерал-поручики. В начале правления его тульская оружейная канцелярия поступила в ведомство генералфельдцейхмейстера, знаменитого графа Петра Ивановича Шувалова.

По окончании празднеств Куйчук-Кайнарджийского мира, 1775 года, декабря 13-го дня, Екатерина Великая прибыла из Москвы в Тулу осмотреть оружейный завод и остановилась на оружейной стороне, в доме Никиты Акинфиевича Демидова.— На другой день командир завода генерал-майор Жуков имел счастие показывать обожаемой государыне на заводе все тульское оружейное производство; памятником вожделенного события этого хранится в арсенале оружейный ствол, при заварке которого сама государыня державной рукой удостоила три раза ударить молотком, поднесенным Жуковым на стальном блюде, также хранящемся в арсенале. Это составляет первую достопамятность арсенала; весьма жаль, что по множеству изделия драгоценной рукой Петра Великого, ничего не осталось здесь для памяти. При открытии наместничества 1777-го года оружейники по судным делам подчинены были тульской нижней расправе; в полицейском же отношении — тульскому городничему.

1780 года июня 2-го дня тот же командир завода, генерал-поручик Жуков имел счастие показывать Тульский оружейный завод августейшему гостю — римскому императору Иосифу II, который немало удивлялся нашему искусству оружейного производства, в особенности драгоценному ружью (14 декабря 1775 г.) почитаемой им царицы севера, отлично оправленному золотой и серебряной насечкой (*incruster*).

1782 года, влиянием наместника Михаила Никитича Кречетникова, оружейная канцелярия уничтожена, а командир завода генерал-поручик Жуков, после двадцатилетнего начальствования, уволен, и Тульский оружейный завод поступил в непосредственное ведение Тульской казенной палаты, при поручике правителя наместничества (вице-губернаторе) бригадире, Ларионе Григорьевиче Украинцове, при коем, для разбирательства судебных дел, с 1782 года учреждена была оружейная ратуша, по собственному выбору оружейников.

После сего правителями завода были следующие советники Тульской казенной палаты: Гавриил Федорович Гурьев с асессором А. Д. Денисовым; с 1785-го года кол. совет. Семен Никифорович Веницеев; с 1794 года Владимир Иванович Остолопов; с 1791 по 1796-й год последним от казенной палаты правителем был советник, князь Егор Михайлович Назаров.— В четырнадцатилетнее правление казенной палатой завод получил следующее устройство: 1782 года высочайше утверждено положение Кречетникова об управлении заводом и приписанных к нему тульских и калужских крестьян, равно как о сбережении казенных засек; причем Чулковская слобода отписана была вся к поселению оружейников, а находящиеся в ней земли помещиков (за 11 тысяч рублей серебром) куплены государыней, для построения слободы по ново-

му плану; тогда же тульские ямщики, искони жившие в Кузнецкой слободе за мостом (по всей нынешней Миллионной улице), переведены за Московскую и Киевскую заставы, а все оружейники, жившие на городской стороне (вопреки не исполненного указа 1737 года при Беере) переведены были на оружейную сторону.— Гончарная слобода с Пречистенской церковью своей (Рожд. Богородицы) прежде сего слилась уже с Кузнецкой слободой; гончары (горшечники) частью перешли в оружейники, частью же переселились за Московскую заставу.— За сим высочайше подтверждены все права и преимущества оружейников, а зажиточным из них даровано право купцов 1-й и 2-й гильдии без платежа гильдейских повинностей; три года спустя после сего (1785 года), по ходатайству незабвенного Веницеева, все оружейники освобождены были от платежа подушной подати (1 руб. 20 коп. сереб. в год).

Екатерина Великая, горячо заботясь о всех делах бессмертного Петра, с 1778 года, по проекту наместника Кречетникова, составила комиссию для построения каменного оружейного завода; но за недостатком средств к таковому предприятию, 1782 года, повелела временно перестроить Тульский оружейный завод; дело это было окончено советником-правителем Веницеевым в 1786 году.— Гидравлическими постройками машин всех заведывал известный зодчий-механик, капитан, Косьма Семенович Сокольников, и завод стал ежегодно отделывать оружия на 15 тысяч войска, с усиленными же средствами мог выставить вдвое более этого.— Солдатское ружье по расценке стоило тогда 3 рубля 80 коп. серебром.— 1784 года построена была у Демидовского пруда (на заводской плотине его) каменная пробная галерея, где каждую субботу, при пробе (двойным зарядом пороха) готовых оружейных стволов, бывает страшная канонада выстрелов, раздающихся по всей Туле.— 1785 года построена была первая механическая мастерская для математических и физических инструментов; на предмет этот был прислан из С.-Петербурга, светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным, английский мастер Федор Иванович Дових.

В управление же заводом советника Семена Никифоровича Веницеева (1786— 1787 г.) каменный оружейный двор был перестроен на старом фундаменте в арсенал, где хранились прежде несколько древних орудий: пищали, самопалы и пушки, бывшие на тульских крепостях и поражавшие некогда татар и московскую рать царя Василия Иоанновича Шуйского: равно как древние мечи, секиры и бердыши, и довольное число взятых под Полтавой шведских ружей, с которыми северный герой — Карл XII, 1709 года хотел покорить Петра и Россию. — Большая часть древних орудий сих взяты были в Московскую оружейную палату и арсенал; все же оставшееся с образцовым оружием помещено при входе в арсенал, в средней палате, 1816 года переправленной архитектором Лером, стены коей при командире завода Е. Е. Штадене изящно украшены были воинскими арматурами известным оружейником Боголеповым.— Ныне же с 1843 года, при командире завода Н. И. Лазаревиче, военная арматура эта приведена в новый изящнейший вид по рисунку архитектора Михайлова оружейником Селезневым, состоящий в призматико-цилиндрическом возвышении из всех родов оружия, увенчанного большим бюстом царствующего государя императора. — Там же внизу лежат: прежние литавры, дубель-гаки (род огромных мушкетонов с цапфами, бывшие в употреблении на воронежской флотилии при Петре Великом); из образцовых оружий нет старше пистолета 1744 и ружья 1758 года. Здесь же хранятся в отличной оправе шесть ружей, осчастливленных работой высочайших особ; равно как несколько знамен, употребляемых ежегодно при сборе в Тулу бессрочно-отпускных солдат.— Стены палаты этой в том же 1843 году украшены золотыми надписями о времени посещения высочайших особ.— При входе в арсенал на каменном помосте лежат две прежние чугунные пищали (пушки) 8-фунтового калибра, длиной по 2 арш. 10 верш., с вылитым на них титулом царя Алексея Михайловича 1646 года; и одна чугунная корабельная пушка, вырытая 1843 года близ плотины

бывшего Демидовского завода. В боковых палатах арсенала размещены в нескольких этажах огромное количество готовых ружей, штуцеров, пистолетов, сабель, тесаков, пик и прочего оружия, на целую стотысячную армию. Вместе с арсеналом, по повелению наместника Кречетникова, был построен временный деревянный дворец (где ныне корпус паровой машины), для проезда императрицы Екатерины II из полуденного края.— Усердный Веницеев озаботился насадить тут из молодых деревьев сад, с бассейном и фонтаном чистой воды. — Государыня изволила пробыть здесь около двух суток: июня 20-го, 21 и 22 дня 1787 года. — Осмотрев арсенал и завод, императрица была несказанно милостива: лично благодарила Веницеева и всех заводских начальников, наградила многих оружейников, приняла от них собственно для ее величества работанные стальные кресла, столы, канделябры и отличную чернильницу, (сохраняющиеся доныне в С.-Петербургском летнем дворце); после чего на другой день (22 июня), в 9 часов утра государыня изволила выехать в Москву.— Из дворца этого оставшееся государынино бархатное с золоченой резьбой кресло и английские стенные часы усердный Веницеев испросил на всегдашнюю память поставить в оружейной канцелярии, сохраняющиеся доныне в оружейном правлении.

1794 года на заводе был надзирателем оружейного искусства обучавшийся (по мысли Веницеева) в Англии тульский оружейник Алексей Михайлович Сурин, за искусство свое высочайше пожалованный в титулярные советники при последнем правителе, казенной палаты советнике, князе Егоре Михайловиче Назарове,

На другой день, по восшествии на престол императора Павла I, 8 ноября 1796 года, был назначен командиром Тульского оружейного завода бывший калужский гражданский губернатор, генерал-майор, князь Петр Петрович Долгоруков, с высочайшим повелением тогда же отменить правление заводом тульской казенной палаты и принять его в непосредственное ведение военной коллегии по всей административной части.

По прибытии своем в Тулу князь Долгоруков решительно преобразовал все оружейное производство: при нем, 1797 года, учреждено оружейное правление, вместо прежней ратуши, — и оружейный цеховой разряд (подобный городовому магистрату) в гражданском и уголовном производстве под ведением оружейного правления и правительствующего Сената. — Равно как собственная полиция под ведением заводского полицмейстера. Завод получил директора (первым был г-н Золотухин), и все оружейники разделены были на пять цехов: ствольный, замочный, белого оружия, приборный и ложевой; первые три разделялись на 20, а последние два на 10 артелей, сверх сего еще артель стальных мастеров с ежегодным общественным выбором старост и старшин.— При сем главным условием поставлено было все работы производить временными уроками. При таковом новом устройстве завода прочность и успех в оружейном деле быстро возросли при Долгорукове: 1797 года сделано было нового огнестрельного оружия 24438, белого оружия 46976; солдатское ружье обошлось в 6 руб. 60 коп. серебром; 1798 года сделано огнестрельного оружия 45438, белого 103434; ружье обошлось в 8 рублей серебром; 1799 года сделано было огнестрельного оружия 43388, белого 76180; ружье обошлось в 9 рублей 90 коп. серебром; 1800 года, по 1-е августа, сделано огнестрельного оружия в 7 месяцев 27644; ружье обошлось в 8 рублей серебром. — Высочайшие благоволения и щедроты императора Павла I не умедлили в наградах ревностного начальника завода: князь Долгоруков 1798 года, 3 марта, был произведен в генерал-лейтенанты; 1799 года 3 декабря в генералы от инфантерии. Но не медлили и враги Долгорукова: в конце 1800 года он уже был отставлен от службы.

В 3 день декабря 1800 года император Павел I назначил на место Долгорукова командиром завода генерал-лейтенанта Федора Андреевича Экелена.— При восшествии на престол императора Александра Благословенного Экелен, после коронации

в Москве, имел счастье представить избранных тульских оружейников с поднесением превосходной отделки оружейных изделий и стальных вещей; юный монарх, при всемилостивейшем рескрипте 1 октября 1801 года, благоволил пожаловать оружейникам тульского завода *золотой ковш*, которым первый изволил откушать вина за здоровье своих верноподданных — усердных мастеров.— Рескрипт и ковш хранятся ныне особливо под стеклянным колпаком в тульском оружейном цеховом разряде.— При Экелене построен новый двухэтажный каменный дом для заводских командиров, рядом с древним городищенским Воскресенским собором; при нем же и известный заводской механик Сокольников (1802 года) уволен в отставку с чином коллежского советника; место его заменил артиллерии полковник Фелькерзам, потом бывший директором завода.

По высочайшему повелению 1804 года, определен командиром завода генералмайор Василий Николаевич Чичерин, а на место директора, генерал-майора Фелькерзама, назначен стат. советник Прохор Григорьевич Цвиленев. — При Чичерине с 1807 по 1810 год завод стал украшаться большими каменными зданиями; тогда построены были: корпус оружейного правления, приемная палата, механическая мастерская, дом заводской полиции, затем, прошед кривой мост,— два каменных корпуса для хранения угля и ложевых дерев (ныне штамбовые мастерские).— Потом вся береговая местность завода выровнена и возвышена насыпной землей, а правый берег Упы, между красным и кривым мостом, укреплен каменной набережной; причем по всей каменной набережной поставлена была прочная железная решетка, на протяжении 250 сажен, четыре спуска рабочей воды, идущие от набережной к заводским машинам, также обложены тесаным камнем.— Вместо нижней плотины построен прочный каменный шлюз с тремя воротами для спуска воды; равномерно и верхняя плотина перестроена была в каменный шлюз с десятью спусками для весенних вод. Все гидравлические работы эти были произведены простым механиком, веневским купцом Фед. Чеботаревым.— При таких значительных постройках на заводе Чичерин должен был еще усилить оружейное производство: борьба с Наполеоном в Аустерлицкой кампании 1805 года, в Прусской кампании 1807 года и наконец Финляндская кампания 1808 года, когда беспрерывно тульский завод должен доставлять новое оружие; все это требовало больших трудов и энергической деятельности; Чичерин и комитет о постройке завода достойно оправдал доверенность Александра Благословенного. — 1809 года по представлению Чичерина куплены были у оберегермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина 350 душ оружейников его, с прежде бывших алексинских заводов: Соломыковского, Ведменского, Ченцовского, Вепрейского, и перенесены в тульские казенные оружейники.— При Чичерине с 1806 по 1808 год, когда серебряный рубль, постепенно возвышаясь, взошел в 4-е рубля, солдатское ружье обходилось только около 11 руб. ассигнациями (около 3 рублей серебром, весило 13½ фунтов и стреляло пулей на 120 сажен); а оружейники, при 50-тысячной пропорции огнестрельного оружия, зарабатывали в год: заварщики стволов до 239 руб., стальные мастера до 270 руб., кальщики до 250 руб., ствольные токари до 200 руб., сверльщики до 120 руб., молотобойцы от 73 до 38 рублей ассигнациями.— Вследствие чего задельная плата упала в значительном количестве против прежних лет, с видимыми убытками для мастеровых.

По высочайшему повелению на место Чичерина 1810 года поступил командиром завода артиллерии генерал-майор Федор Никитич Воронов и в то же время утвержден механиком завода комиссионер стальных сибирских материалов незабвенный Павел Дмитриевич Захаво, а по кончине Довиха (1812 года) принял в ведение свое и механическую его мастерскую.— С 1810 по 1811 год построен был на заводе архитектором Лером каменный корпус для паровой машины, отлитой в С.-Петербурге, по проекту инженера генерал-лейтенанта Бетанкура, на заводе Берда, и инженер майор

барон Боде прислан был устраивать ее в Туле. — 1811 года завод для лучшего устройства разделен был на искусственную и хозяйственную часть, и директором первой назначен был барон Боде, директором же хозяйства г-н Цвиленев. — 1812 года по высочайшему повелению Тульский оружейный завод поступил в ведение С.-Петербургского артиллерийского департамента. Уготовляемая Наполеоном гроза с запада требовала неусыпной деятельности в приготовлении оружия, с которым бы, по выражению бессмертного поэта: «Стальной щетиною блистая, восстала Русская земля!» И вот настал ужасный гол отечественной брани: Наполеон с громалными силами почти всей Европы нагрянул на Россию. — Александр поспешил в Москву и в 12-й день июля воззвал государство к ополчению. Воронов из Тулы прибыл получить лично повеления обожаемого государя, и снабжен был высочайшим предписанием, оканчивающимся следующими словами: «Ежели вы, благоразумным своим распоряжением, и старанием вольных фабрикантов, будете ежемесячно приготовлять оружия более, то оное принято будет мною за особливый знак вашего ко мне и отечеству усердия. Препоручаю вам объявить всем тульским заводским мастерам и фабрикантам, имеющим свои фабрики, что ни каковое еще время в отечестве нашем не требовало более от каждого усердия и пожертвований, как нынешнее, следовательно, я уверен, что из фабрикантов найдутся такие усердные сыны отечества, что все фабрики свои обратят к одному делу оружия, и тем дадут способ имена их передать в память потомству».— Получив такое воззвание и вняв отеческому гласу обожаемого монарха, тульские фабриканты и оружейники превзошли себя и оказали колоссальные усилия и труды: каждый месяц было готово по 10 тысяч новых ружей и по 3 тысячи переправленных (казенные мастера выставляли их по 7 тысяч, частные по 3 тысячи).— Такая громадная пропорция могла составить в год 156 тысяч ружей.— Но ужасная борьба с исполином Европы истребляла все: все запасы, все арсеналы; и в августе месяце могущественная союзница наша Англия прислала еще 50 тысяч своих ружей... Воображением трудно объять столь непомерные нужды... какая война!?.. какое исполинское усилие одного против всех народа Русского?!.. Тут можно повторить с царем-пророком: «Кто Бог велий, яко Бог наш! Ты еси Бог творяй чудеса»! Тульские оружейники наши в продолжении всей войны с Наполеоном, 1812, 1813, 1814 года, выставили около 500 тысяч огнестрельного оружия!!! И таким примерным усердием царю и отечеству на вечные времена обессмертили себя в истории.

В 28-й день июля, 1816 года, его императорское высочество великий князь Николай Павлович, ныне благополучно царствующий государь, после августейшей бабки своей великой Екатерины, первый из императорской фамилии удостоил своим посещением завод и при заваривании карабинного ствола собственноручно изволил действовать; причем командир завода Воронов имел честь поднести высокому гостю на блюде тот же молоток, который 1775 года был осчастливлен державными руками повелительницы могущественной России.— Карабинный ствол этот тогда же был осажен в красивую ложу и хранится ныне в арсенале.

В 1-й день сентября 1816 года Тула и оружейный завод, при радостных кликах народа, в первый раз имели счастье встречать Богом прославленного и народами Европы благословенного царя своего.— Осчастливив завод своим присутствием, император Александр Благословенный лично благодарил все сословия мастеров за примерное усердие и усиленное жертвование их в Отечественную войну; для поощрения же оружейного дела собственными державными руками изволил участвовать в работе ружейного ствола и прославленного штыка русского.— Командир завода Воронов готовое ружье с такими драгоценными воспоминаниями, на память векам, поставил в арсенал для хранения.

Высочайшим повелением в 20-й день апреля 1817 года назначен командиром завода артиллерии генерал-майор Евстафий Евстафьевич Штаден; а в сентябре месяце того

же 1817 года прибыл на завод из знаменитого английского города Бирмингема механик Иван Иванович Джонс. — С этого счастливого времени начинается новый блистательный период в истории тульского оружейного производства. — Штаден был новым Долгоруковым для завода.— Его-то неусыпными трудами и попечениями восстановлена вся организация оружейного производства: обеспечены работы, поддержаны мастеровые, бывшие до него в критическом положении после непомерных усилий военного времени; наполнены хлебом запасные магазины и улучшен быт оружейников под собственным его личным надзором; равно как высокой деятельностью и совершенным знанием дела сотрудников его (по искусственной части) — Захавы и Джонса, Тульский оружейный завод достиг европейской известности и славы. — Механик Джонс преобразовал с самого начального основания многие заводские работы: посредством своих (джонсовых) штамбов и прессов все части ружья стали, так сказать, отливаться у нас в одну форму, так, что целые сотни тысяч ружей, будучи разобраны и перемешаны во всех частях своих до малейшего винта, могут быть вновь собраны, приходясь одними соответствующими частями к другим без изъятия!!.. Этого никогда и нигде до сего времени не являла еще история оружейного производства.

Во 2-й день ноября 1817 года покойный великий князь Михаил Павлович в первый раз удостоил посещением своим завод и оставил по себе памятник поощрения и трудов: собственноручно кованный им ствол гусарского ружья, который тогда же был осажен в красивую ложу и поставлен Штаденом в арсенал.

В 25-й день июня 1819 года Тульский оружейный завод имел счастие поступить под главное начальство его императорского высочества, покойного великого князя Михаила Павловича, как генерал-фельдцейхмейстера всей артиллерии, и за отличное управление Штаден награжден 1822 года орденом св. Анны 1-й степени.— Вслед за сим, предстательством его высочества в 19-й день мая 1823 года, высочайше утвержден новый штат заводу, с прибавкой всем жалованья.— По положению этому за всякое пехотное ружье определено платить мастерам по 8 руб. 35 коп. ассигнациями (с полным же прибором ружье обходилось казне по 19 руб. асс. около 5 ½ руб. сереб.) и приведены в ясность обязанности всех и каждого, служащих на заводе, равно как положено выделывать ежегодно от 50 до 70 тысяч огнестрельного оружия, и от 20 до 25 тысяч белого оружия.— Причем заводской механик Джонс получил 20 тысяч рублей асс. годового оклада жалованья.

Во 2-й день сентября 1823 года блаженной памяти государь император Александр Павлович вторично осчастливил завод своим посещением: лично изволил благодарить Штадена, Захаву и в особенности Джонса за его механические приспособления штамбов и прессов в отделке ружейного замка; более получаса времени удостоил говорить с ним по-английски о необыкновенных дарованиях и переимчивости русских в мастерствах. За найденное государем превосходное устройство завода командир Штаден тогда же был награжден орденом св. Владимира 2-й степени большого Креста.

Высочайшим приказом в 7-й день апреля 1824 года генерал-майор Штаден определен инспектором всех трех оружейных заводов в государстве (Сестрорецкого, С.-Петербургской губернии, Тульского и Ижевского,— Вятской губернии).— После чего в 29 день апреля 1825 года, по высочайшему повелению, назначен был артиллерии генерал-майор Александр Богданович Философов командиром Тульского оружейного завода, где предоставлено и местопребывание главному начальнику, инспектору Штадену.

После кончины блаженной памяти императора Александра Благословенного, когда тело его из Таганрога, января 28—29 дня 1826 года, было провозимо через Тулу, оружейные мастера, благоговея к памяти царя-благодетеля своего, около 10 верст везли на себе тело его и простили весь долг неимущим собратьям своим,— ассигна-

циями около 150 тысяч рублей.— За таковой примерный поступок государь император обществу тульских оружейников соизволил пожаловать в 28-й день марта 1826 года драгоценный золотой кубок при всемилостивейшей похвальной грамоте.— Кубок этот хранится ныне по примеру александровского золотого ковша в оружейном разряде. Событие это общество оружейников положило ежегодно праздновать в день получения (31-го июля) и выдавать бедным по тысяче рублей ежегодно.

В первый день января 1826 года государь император Николай Павлович за отличное управление заводами инспектора Штадена всемилостивейше наградил чином генерал-лейтенанта артиллерии.

В 20-й день сентября 1826 года благополучно царствующий государь император, в сопровождении принца Карла Прусского, принца Гессен-Гамбургского, начальника главного штаба Ивана Ивановича Дибича и прусского генерал-майора графа Ностица, прибыл из Москвы в Тулу.— На другой день в 10 часов утра его величество, в сопровождении принцев, изволил поехать в арсенал осматривать в нем уже готовое оружие, коего находилось тогда налицо: огнестрельного 54125 и белого 27318.

Из арсенала государь поехал на завод, где изволил пробыть до 6-ти часов вечера, упражняясь в самом подробном рассматривании всех машинных и ручных работ, показываемых инспектором Штаденом, отличным знатоком оружейного дела; потом к неописанному восторгу мастеров-оружейников, что величеству благоугодно было собственными державными руками действовать при разных производствах работ и при разбирании смешанных частей от многих оружейных замков, чему немало удивлялись иностранные принцы, лично отдавая справедливость механику Джонсу как первому эксперту в Европе.— Милостивые выражения не сходили с уст монарха, лично изъяснявшего благоволение свое инспектору Штадену, командиру завода Философову и механикам Захаве и в особенности Джонсу.

Того же 1826 года 11 октября после царя прибыл из Москвы в Тулу его императорское высочество генерал-фельдцейхмейстер, покойный великий князь Михаил Павлович, дабы обревизовать разные отделения завода во всей их подробности, для чего и пробыл здесь около двух суток, удостоив личным посещением любимого им инспектора Штадена, который в особе его высочества имел всегдашнего своего покровителя и благодетеля.

1827 и 1829 годы были самые неблагоприятные для оружейного производства: большие наводнения Упы два раза прорывали старую верхнюю заводскую плотину, и завод без действия стоял по целому году. — 1831-го года инспектор оружейных заводов генерал-лейтенант Штаден вместе со своими обязанностями был высочайше назначен военным губернатором города Тулы и правящим Тульской губернией на правах генерал-губернатора. В то же время, по возобновлении плотины, оружейный завод быстро пошел вперед производством оружия: 1831-го года выставлено было 46 тысяч ружей; 1832 года 35 763 ружья.— 1833-го года поступил на завод помощником командира по искусственной части артиллерии подполковник Илья Тимофеевич Радожицкий (известный автор, ныне генерал-майор); при нем в тот же год выработано было 45250 новых ружей, а 1834 года по 29 июня, в полгода, сделано было 25649 ружей.— Такое быстрое производство обещало еще большие успехи; но бедственный пожар 29 июня 1834 года, гонимый ужасной бурей юго-западного ветра, от Петропавловской церкви обратился на гостиный двор и Пятницкую улицу, а в третьем часу пополудни охватило пламенем все деревянные здания завода и превратило их в пепел. В несколько часов были жертвой огня и каменные заводские мастерские, вместе с домом инспектора и военного губернатора Штадена (где прожил он с семейством своим около 17-ти лет). — Рядом же с домом этим, видимо, Господь сохранил заводскую церковь — эту главную святыню древнего города Тулы, равно как усердием оружейников и благоразумными распоряжениями директора Радожицкого среди

столь опустошительного пожара спасены были оружейное правление, корпус паровой машины и дом заводской полиции.

Счастливо уцелевшая бердовская паровая машина, стоявшая на заводе (с 1811-го года) без всякого употребления, вскоре после пожара, с разрешения высшего начальства, стала быть исправляема заслуженным заводским механиком Павлом Дмитриевичем Захавой. — Его-то большей деятельностью и знанием дела приспособлены были к машинам 50 станков для внутренней и наружной отделки ружейных стволов.— Вместе с этим на *Пемидовской* мельнице устроены им же гидравлические машины для точения и полирования штыков и шомполов (10 точильных и 9 полирных дубовых кругов).— И таким дивным возобновлением, после восьмимесячного бездействия вовсе погибшего завода, в 1-й день марта 1835 года, Захаво пустил в ход бердовскую паровую машину и Демидовскую мельницу. — Обездоленные оружейники с жадностью приступили к своему привычному делу, и более 35 тысяч огнестрельного оружия было выставлено ими в год, к 1-му марта 1836 года. — После такого славного опыта Захаво, по воле начальства, увеличил число станков к паровой машине и точилам на Демидовской мельнице и в следующие годы, этими двумя заведениями своими, вполне заменил погибший от пожара завод, а трудолюбивые, усердные оружейники, успешными работами своими, но давали заметить истребление прежних больших вододействующих машин.

Потеря завода и бедственное опустошение Тулы до того огорчили многоуважаемого и всеми любимого начальника Штадена, что он продолжительно занемог и 1835 года был уволен от всех занимаемых им должностей...

В 17-й день июля 1835 года высочайше назначена комиссия о построении нового каменного Тульского оружейного завода, под председательством артиллерии генерал-лейтенанта Николая Степановича Вельяминова; членами комиссии были: действ. стат. советник Николай Яковлевич Захарьин, артиллерии полковник Яков Петрович Красовский и инженер путей сообщения полковник (ныне генерал-майор) Эрнест Иванович Шуберский.

Вскоре после сего государь император благоволил назначить инспектором всех оружейных заводов (1835 года) генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Матвея Евграфовича Храповицкого (командовавшего прежде в Туле гренадерской дивизией войск).— При нем комиссия по высочайше утвержденному проекту, через главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, графа Карла Федоровича Толя, приступила к построению завода; для чего, вместе с большим количеством вольнонаемных мастеров-каменщиков, употребляемы были шесть резервных батальонов 2-го пехотного корпуса.

Вместо А. Б. Философова, высочайшим приказом в 22-й день января 1837 года, поступил командиром завода артиллерии генерал-майор Александр Иванович Сиверс; при нем строящийся завод осчастливлен был, в 9-й день июня 1837-го года, высочайшим прибытием государя цесаревича наследника Александра Николаевича, путешествовавшего для обозрения государства. Свиту его высочества составляли: генерал-адъютант Александр Александрович Кавелин, тайный советник Василий Андреевич Жуковский (знаменитый согражданин наш), действ. стат. совет. Константин Иванович Арсеньев (известный географ), полковник Назимов, гвардии офицеры: граф Виельгорский, Паткуль, Адлерберг (сын графа Владимира Федоровича) и лейбмедик Иван Васильевич Енохин.— На другой день 10-го июня государь цесаревич соизволил осматривать производство работ на бердовской машине, лично благодарил механика Захаву и при заварке ружейного ствола собственноручно участвовал в работе.— Осаженное в красивую ложу ружье это командиром завода Сиверсом поставлено в арсенал.— После сего его высочество посетил выставку тульских фабрикации, нарочито уготовленную к приезду августейшего гостя. На выставке этой после воен-

ного оружия, с казенного завода, обращали на себя особенное внимание: 1) охотничьи ружья и пистолеты Бабякина, Ижевского, Сушкина, Порохова и Рудакова; ружье и два пистолета Медведева с полным прибором, но в таком малом виде, что вместе весили не более двух золотников; его же, Медведева, многоствольный пистолет, заряжающийся в один раз на 50 выстрелов; 2) кинжалы, шашки и сабли Афанасьева; 3) кавалерийские приборы и множество всякого рода стальных вещей Баташева, Киселева, Селезнева, Пушкина, Барышова, Лялина и Ефимова; равно как трех последних заводчиков и оружейника Плакидина, превосходной работы, комнатные дверные и оконные приборы, рассылаемые из Тулы по всей империи; 4) прелестные галантерейные вещицы Шкунева и Шпанова; 5) компасы, барометры, термометры и свекловичные терки Коновалова; 6) отличные полугодовые часы знаменитого нашего механика Павла Дмитриевича Захавы и красивые стенные часы Милованова. За сим, первые в государстве произведения самоварных фабрик были на выставке: потомственных почетных граждан Ломовых и Черникова, равно как купцов: Лисицына, Хруслова; самовары же и кофейники оружейника Маликова отличались на выставке особенной изящностью форм своих, добротой металла и несравненно противу всех чистой отделкой. — Маликовские самовары требуются из Тулы за границу.

В числе других произведений выставлены были оружейником Гайдеровым стальные волоки для золотой канители, его же пилы, сделанные прокатной машиной собственного произведения; Зубарева стальные веретена для бумагопрядильной машины; Надежина утюги и подпилки; Жучкина топоры и долота, столь необходимые в сельском быту; жаль, что недоставало здесь только кос и серпов, каковые вывозятся нам из австрийской провинции Штейермарка.— Торговлей кос этих прославишсь города Рыльска (Курской губернии) два купеческих дома: Соловьевы и Филимоновы.

В том же 1837 году августа 16 дня завод был осчастливлен посещением великой княгини Елены Павловны.— Ее императорское высочество соизволила оставить на память посещения своего пистолет, в работе которого изволила лично участвовать; каковой хранится ныне в арсенале.

Вскоре за августейшей супругой своей прибыл в Тулу 18 сентября главный начальник артиллерии и завода, покойный великий князь Михаил Павлович, где три дня подробно изволил осматривать устраивающийся завод, лично благодарил П. Д. Захаву за устроение паровой машины, а для поощрения оружейников в работе оставил собственноручно кованный им ружейный ствол; осаженное в ложу ружье это поставлено командиром Сиверсом для хранения в арсенал.

В 16 день февраля следующего 1838 года на место генерал-адъютанта Храповицкого, по представлению его императорского высочества, главного начальника, был высочайше определен вновь инспектором всех оружейных заводов многоуважаемый и всеми любимый начальник Евстафий Евстафьевич Штаден.

В 1839 году завод понес чувствительнейшую потерю: незабвенный Павел Дмитриевич Захаво, неутомимо действовавший к вырабатыванию оружия на устроенной им паровой машине и *Демидовской* мельнице, равно как по гидравлическому сооружению нового завода, от безмерных усилий так расстроил свое здоровье, что впал в тяжкую болезнь и почил на службе, от многолетних и многополезных трудов своих; — скончался на заводе в 19-й день ноября 1839 года.

В том же 1839 году все казенные засеки с $3^{1}/_{2}$ тысячами душ крестьян (в Калужской губернии, Перемышльского, Лихвинского и Козельского уездов; в Тульской губернии — Веневского, Тульского и Богородицкого), более 100 лет бывшие за Тульским оружейным заводом, по высочайшему повелению отошли в ведение министерства государственных имуществ (см. царство растений) при первом председателе Тульской палаты государственных имуществ действ, ст. советнике Дм. Павл. Левшине.

Наступивший голодный 1840-й год грозил общим бедствием всем жителям ору-

жейного сословия, но благоразумной предупредительностью инспектора Штадена наполнены уже были все запасные магазины хлебом, и таким вечно памятным благо-деянием примерного начальника во время бедствия отвращена была гибель голода.— Оружейники получали хлеб с небольшим по рублю за пуд, тогда как все остальные тульские граждане получали его по 5 рублей за пуд.— К общему сожалению, в начале того же года завод потерял командира своего, артиллерии генерал-майора А. И. Сиверса, после тяжкой болезни скончавшегося в 16-й день февраля 1840 года.— По кончине Сиверса завод поступил под начальство помощника его, артиллерии полковника Михаила Ивановича Тагайчина; место же Захавы занял английский механик Иван Родионович Сно-Трувелер.

Назначенный высочайшим приказом новый командир завода, артиллерии полковник Николай Иванович Лазаревич, прибыл в Тулу 25 января 1841 года.— При нем вся организация завода получила деятельнейшее направление; инспектор же Штаден, в следующем году, всемилостивейше пожалован в генералы от артиллерии.

При Н. И. Лазаревиче завод был осчастливлен 1841 года октября 13 дня прибытием ее высочества великой княгини Елены Павловны со старшей дочерью, покойной великой княжной Марией Михайловной, путешествовавших из полуденного края и Крыма.

Наконец с началом 1843 года настала счастливая эпоха окончания главных построений на новом заводе, продолжавшихся около 8 лет. Здесь прославили себя по сооружению гражданской архитектуры господа архитекторы: Иван Осипович Вальпредо и Михаил Алексеевич Михайлов; гидротехническими сооружениями — инженер путей сообщения полковник Эрнест Иванович Шуберский (ныне генерал-майор); механическим сооружением машин — английский механик Иван Родионович Сно-Трувелер. — В 16-й день февраля 1843 года было торжественное открытие работ этого русского Бирмингема — первого оружейного завода в государстве, где архипастырь наш, преосвященный Дамаскин, вначале всего воздав благодарение Господу Сил, окропил святой водой все механические здания, в присутствии тульского военного губернатора князя Андрея Михайловича Голицына, артиллерии генераллейтенанта Николая Степановича Вельяминова и прочих членов строительной комиссии, командира завода Н. И. Лазаревича, инспектора генерала от артиллерии Евстафия Евстафьевича Штадена, начальствовавшего открытием сим.— И вот могучим словом Царя возник он из пепла, как феникс, обновленный красотой каменных твердынь! Чугун, железо и медь везде заменили временность долговечностью; статика и гидродинамика увеличили и распространили силы вращательных своих движений, дивное устройство машин показало всем посетителям необыкновенные действия нашего русского Бирмингема, обреченного на вечную славу ковать сибирскую сталь в победоносное оружие Всероссийскому воинству, — перуны Русскому Громовержцу.

Переходя из одной механической мастерской в другую, нельзя без изумления смотреть на эти дивные силы природы, ума и рук человеческих: легкий шум воды, движущей полувершковым падением своим огромные чугунные колеса,— удары тяжких молотов, колеблющие основание стен и землю,— резкий визг точильных камней, сыплющих искры огня, всюду вращательное движение колес,— сильным огнем пылающие доменные печи и горны, раздуваемые воющими вентиляторами (вместо меховых).— Невнятный вопль, гул, крик, озабоченные лица оружейников, ловко бегающих с раскаленным железом, выходящим потом из прокатных машин огненными полосами.— Все это вместе изумляет, поражает, заставляет забыться и невольно думать, что сам Вулкан основал здесь царство свое и кует молниеносные стрелы для поражения врагов России.

Великолепный новый завод этот, с новыми плотинами, каменными шлюзами, цепным мостом (над верхним шлюзом Упы в 50 сажен длины, для пешего сообщения

завода с Чулковской слободой) и всеми механическими мастерскими, чугунными решетками набережной, Красным и Кривым мостом, стал государству более двух миллионов рублей серебром.

В том же 1843 году командир Н. И. Лазаревич за отличную службу был высочайше пожалован (11 апреля) в генерал-майоры, а инспектор всех оружейных заводов Евстафий Евстафьевич Штаден в 24-й день ноября высочайше награжден был орденом Белого орла, при совершении пятидесятилетнего юбилея его государственной службы.— Наконец долговременная служба, раны и преклонные лета понудили многоуважаемого начальника Штадена просить об отставке; вследствие чего, в 4-й день декабря 1844 года, согласно прошению, он был всемилостивейше уволен от занимаемой должности, с состоянием по артиллерии.— Вслед за сим, в первый день нового 1845 года, был награжден орденом св. благоверного князя Александра Невского; последней царской наградой покойный Штаден украсился один только раз, 28 января, в день рождения его императорского высочества покойного великого князя Михаила Павловича, его всегдашнего благодетеля и августейшего начальника.— К общему всех прискорбию, Евстафий Евстафьевич скончался в Туле 5 февраля 1845 года, в собственном своем доме (на Дворянской улице).

Место генерала от артиллерии Штадена по высочайшему повелению, в конце 1844 года, заступил артиллерии генерал-лейтенант Александр Павлович Смагин.

В правление заводом Н. И. Лазаревича предписано высшим начальством (1846 г.) при ружейных замках оставить работу кремневых курков и полок, заменив их ударным курком с пистонами.

Высочайшим приказом в 20-й день февраля 1847 года на место генерал-майора Лазаревича назначен артиллерии генерал-майор Герман Романович Самсон; при нем в 30-й день сентября 1847 года закрыта комиссия о построении нового оружейного завода, со славой и государственной пользой исполнив свое назначение и августейшую волю государя императора. Вообще тульский новый завод, по видимому устройству машин своих, заслуживает подробного, особливого описания.

СОСЛОВИЕ ОРУЖЕЙНЫХ МАСТЕРОВ

Каждого цеха оружейники, для хранения казенных материалов, приписных и задельных денег, ежегодно избирают *старосту*; смотреть же за порядком и исправностью работ каждая артель избирает *старшину и* надзирателя, или *браковщика с* помощниками их.— За сим, для совещания о пользах и нуждах общественных и для постановления приговоров, все пять цехов вместе избирают, по большинству голосов, из среды своей, до 60 *сотенных* (старшин), утверждаемых командиром завода.— *Сотенные* эти распределяются потом к разным присяжным должностям.

По полицейской части в домашних делах оружейники судятся своим словесным судом и заводским полицмейстером или помощником его; в делах же общественных и тяжебных — гражданских, подлежат суду цехового разряда, а на неправые решения его приносят жалобы оружейному правлению и наконец правительствующему Сенату.— По уголовным делам и большим преступлениям судятся они военным судом.— Оружейникам даны все права мещан и цеховых; разрешено торговать собственными изделиями, отпускать их за границу и по капиталам входить в права купеческих гильдий, как сказано выше; позволено заводить частные фабрики и брать из казны железо (до 25 тысяч пудов ежегодно), сталь, уголь, и проч., по той цене, во что обходится самому казенному заводу, с прибавкой только 10 процентов.— Запрещено оружейников употреблять к заводу чернорабочими (для чего употребляются государственные крестьяне) или отлучать от жилищ без добровольного их согласия.— Они

избавлены от всякого постоя и городских повинностей, исключая живущих на городской стороне и тех, которые имеют частные фабрики и промыслы, или ставят вместо себя работников на оружейном заводе, или получают от домов более 50 рублей ежегодного дохода (Указы 22 марта 1821 года; 19 мая 1823 года и 27 мая 1831 года).— Равномерно избавлены от рекрутской повинности, податей и всякого рода складочных денег. Пришед в бедность или расстроясь от пожаров, получают безвозмездно строевой лес из казенных засек или за указные проценты заимообразное денежное вспомоществование: в неурожайные голы пользуются по самой умеренной цене мукой и крупой из заводских запасных хлебных магазинов. — Имеют свою собственную пожарную команду; для больных военный госпиталь и аптеку (за арсеналом); для престарелых и увечных богадельню; для мальчиков — ланкастерскую школу (более 300 воспитанников). — При столь обширных правах и преимуществах оружейники не пользуются только правом перехода в другие состояния, стеснены несколько в свободных занятиях своих, прежде нежели обучатся оружейному делу, равно как правом отлучек от завода и переменой места жительства в самом городе Туле (Матер. статист. С.-пб. 1841 года, стат. тульского помещика Басил. Иван. Линки).

Права и преимущества, высочайше дарованные тульскому оружейному обществу в бозе почившими монархами и ныне на благоденствие России царствующим государем императором, не могли долго оставаться без благоприятных следствий, мануфактурного успеха, от них ожидаемого.— Ныне уже есть в Туле до сорока фабрик и заводов, принадлежащих только оружейникам.— Фабрики эти снабжают всю Россию, все отрасли промышленности и все сословия государства металлическими (медными, стальными, железными и чугунными) изделиями.

Оружейное производство и завод гг. Демидовых возвели Тулу на степень провинциального города и менее нежели в полвека сделали одним из важнейших губернских городов в России и поставили Тулу на почетное место значительной известности. — Оружейному заводу своему обязана Тула быстрым приращением народонаселения деятельного и промышленного, лучшими частными фабриками и заводами (одной из прибыльных статей внутренней торговли). — Оружейный завод и Тула стали синонимами в государстве; так что с именем Тулы столь же не разлучна мысль об оружейном заводе, как с Нижним Новгородом ярмарка, с Кронштадтом или Севастополем Балтийский или Черноморский флот. Тульским оружейникам обязано государство распространением железного и чугунного дела повсюду: на севере в Олонце и Систербеке; на востоке — в Екатеринбурге, в Ижеве и многими заводами Пермской и Вятской губернии, равно как в знаменитом селе Павлове на Оке между Муромом и Нижним Новгородом; наконец заводами на речке Гусе близ Оки, где сходятся губернии: Тамбовская, Рязанская, Владимирская и Нижегородская; Дугенским и Мышенским заводами Калужской губернии, и многими другими, число коих простирается в государстве более, чем сто чугунных, железных и медных заводов. — Открытием самых благородных металлов на Урале и Сибири государство обязано нашим знаменитым оружейникам.

По 1-е августа 1847 года при Тульском оружейном заводе считалось мастеровых оружейников ствольного цеха 2053; замочного цеха 2066; приборного цеха 940; цеха белого оружия 2430; ложевого цеха 1215; стальной артели 116; итого 9270 человек, из них на заводе работающих мастеровых было 3660; учеников их 856; всего на заводе в действительной работе 4516 человек. Мужского и женского пола всех вообще тульских оружейников (1847 г.) более 19 тысяч душ. По первой ревизии 1722 года всех оружейников было 2560 душ мужского пола; по третьей ревизии 1762 года нашлось 4443; по четвертой 1782 года, 5152 души мужского пола, а с женским около 10½ тысяч, не включая 600 оружейников, вышедших в купцы.— Судя по таковой градации, можно безошибочно положить народонаселение оружейного сословия на-

растающим вдвое в 75 лет, тогда как прочие сословия доходят до сего в 86 лет.—Сословие тульских оружейных мастеров, по всей справедливости, имеет предпочтительное место между гражданами государства.— Отечественная война 1812 года усвоила им бессмертную славу.— Государь император, в изъявление своего монаршего благоволения, всемилостивейшей грамотой назвал оружейников верным и достойным сословием. Многие из сословия сего носят на шее, на орденских лентах знаки монаршей милости за отличную свою службу и государственную пользу; поименуем здесь только высочайше жалованных двумя медалями— серебряной и золотой: Максим Иванович Надежин, Гавриил Максимович Лялин, Николай Иванович Ситников, Аким Прокофьевич Романцов, Петр Корнеевич Гольтяков, Павел Матвеевич Ефимов, Павел Алексеевич Лялин и Яков Васильевич Лялин; число имеющих на шее серебряные медали несравненно более.

Виктор Греков (г. Белев)

ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОТ ЧАСТНОГО, СЕМЕЙНОГО — К ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОМУ

«...Во-первых, училища, во-вторых, училища, в-третьих — училища!»

Из документа о просвещении в Тульской губернии за 1896—1897 учебный год.

Божий ли промысел, немотивированное ли ничем иным упорство, как только традиционной для обывателей Белева страстью преобразовывать к лучшему и прекрасному, по только белевичи были поразительно неутомимы в обустройстве своего города. Воистину, город был их детище от начала его славного века.

Обывателям, в их самозабвенном упорстве преображать, чиновники от правительства, власти губернские то и дело ставили ограничители инициативе снизу, препоны и препятствия, занижая планку на шкале общечеловеческих ценностей. Они же, обыватели, одержимые, исполненные созидательного духа, в ответ всякий раз опять и опять подымали планку все выше, выше, ну хотя бы и еще на одну отметину.

Так было и в делах просвещения в уезде в целом, и в городе в частности, от дней зарождения и постановки образования. То есть от начала обучения детей дворянских в семье — азы домашнего воспитания на лучших образцах XVIII столетия. Так характерно проявилось в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века.

В этой связи прелюбопытно проследить судьбу прогимназии по отчетам Белевского уездного земского собрания.

История ее изложена в докладе председателя уездной земской управы Алексея Федоровича Бортфельда. Он, в частности, уведомляет, что в отчете от 3 сентября 1868 года директор училищ Тульской губернии вынес свое предложение 29 сентября 1867 года, за № 950, в котором просил Управу высказать свое мнение относительно преобразования белевского уездного училища. Причем выдвинул альтернативу: или «возвысить учебный курс до уровня прогимназии, или упростить учебные программы до степени двухклассной школы». Но и назревало худшее: «...наконец присоединить к предметам преподавания обучения нужным ремеслам».

И что же в Белене? Белевский совет училища высказался за безусловное преобразование училища в прогимназию. Однако, кстати, было указано, «что для этого со стороны Земства до 6 тысяч рублей ежегодно».

Это последнее обстоятельство заставило прибегнуть к необходимости расширения границ охвата прогимназией образованием и детей соседних уездов. С этой целью Управа связывалась с Козельским, Волховским, Лихвинским и Одоевским земствами, «предлагая им принять соразмерное участие в содержании прогимназии». Но предложение это не нашло в соседних уездах поддержки.

Тогда Земское собрание заслушало письменное заявление по этому поводу глас-

ного Н. Г. Клингена. Он принимал во внимание то, что пока из-за недостатка средств учреждение в Белеве прогимназии недоступно. К этому надо отнестись с пониманием. Но принимая во внимание то, что город Белев есть на самом деле лучший в Тульской губернии по своему местному положению и по численности жителей, нельзя довольствоваться лишь «...простым училищем». Говорилось в заявлении, что «...город, по крайней мере, нуждается в таком образовательном заведении, в котором дети небогатых родителей могли бы приготовляться к 4 классу гимназии».

Далее гласный Клинген, основываясь на примерах земств Елецкого, Обоянского и Богодуховского уездов, предлагал ходатайствовать о введении в Белевском уездном училище дополнительных курсов латинского, греческого и одного из новейших языков, а также дополнительных курсов алгебры и естественной истории.

Но и это предложение не было принято с удовлетворением, мнения разделились, и восторжествовало одно: «Преобразование уездного училища отложить».

Прошло более шести лет, к этому вопросу возвратились, и было принято постановление, в котором, в частности, говорилось следующее: «...определить, в случае устройства прогимназии, по одной тысяче рублей в пособие казне на содержание заведения».

Но вышла новая заминка. Доклад А. Ф. Бортфельда отдельной строкой уведомляет земство в следующем. «Из переписки Белевского городского Головы с уездною Управою в 1874 г. видно, что попечитель Московского учебного округа князь Мещерский не нашел возможным уступить здание уездного училища под помещение прогимназии и Земству предоставлялось купить или нанять для этого особый дом, с приспособлением его на земские средства.

Требование это, при всей его неожиданности, казалось, однако, настолько удобоисполнимым, что Земское Собрание без особого затруднения решилось пожертвовать своим запасным капиталом, и 15 сентября 1875 года определило: израсходовать на покупку и приспособление дома для прогимназии до пяти тысяч рублей. Дом куплен 4 сентября 1877 года, и в то самое время, когда в конторе нотариуса еще писалась купчая крепость на приобретаемое здание, в нем уже несколько дней производились экзамены вновь поступающим ученикам. Прогимназия фактически была открыта».

Никакие препоны, внутренние и внешние, вплоть до Министерства просвещения, не смогли остановить устремленность белевской общественности открыть и еще одно учебное заведение на самом гребне двадцатого столетия. Речь — о епархиальном женском училище.

Но прежде чем изложить суть дела по порядку, надлежит сделать некоторую оговорку. К началу XX века в Белеве не было ни одного среднего учебного заведения. Епархиальные училища на тот момент пользовались большой популярностью, и неудивительно, в нашем случае, что к тому времени Тульское епархиальное училище было переполнено. К тому же оно было чрезвычайно тесно, а расширение его было невозможно, так как усадебное его местоположение было слишком ограничено для расширения. В конце концов стало ясно, что необходимо открыть второе училище.

На собрании благочинных Тульской епархии 27 января 1899 года преосвященный Питирим епископ Тульский и Белевский, предложил ознаменовать приближающийся столетний юбилей епархии открытием второго женского епархиального училища. По поручению епископа выступил на собрании настоятель Воскресенской церкви города Белева М. Ф. Бурцев с заявлением о возможности устроить второе училище без особых затрат.

Он предлагал открыть его в зданиях Белевского Крестовоздвиженского монастыря. Благочинные охотно пошли навстречу, отметив воспитательное значение местных красот природы. Разработку проекта поручили протоиерею Бурцеву.

Однако как только он приступил к работе, стало ясно, что проект в первоначаль-

ном варианте неосуществим, так как монастырь не мог уступить своих зданий, где, собственно, и предполагалось разместить епархиальное училище. В одном из них размещалась двухклассная монастырская школа, а вот другое еще не вполне перешло во владение монастыря.

Таким образом, обнаружились так называемые подводные рифы в предполагаемом свободном якобы плавании по просторам российского просвещения. Отчаялись белевичи? Протоиерей Бурцев отступил и ретировался восвояси? Нет! Михаил Федорович предложил новый проект. Естественно, он настаивал открыть новое учебное заведение непременно в Белеве и находил к тому немало достоинств. Недорогое содержание, относительно расходов в Туле, здоровый климат в городе на Оке. Он предложил открыть училище в зданиях купцов Сорокиных. Этот проект рассматривался вначале на совете Тульского епархиального женского училища, затем на XX Епархиальном съезде. На съезде было принято решение открыть в Белеве училище, для чего «...на покупку дома купцов Сорокиных ассигновать по 1000 рублей из прибылей свечного завода и страховой кассы духовенства».

Но тут преосвященный Питирим признал это решение «очень поспешным» и не утвердил его. И начались новые мытарства.

Бурцев обратился за помощью в Белевскую городскую думу, призвав ее помочь духовенству разрешить бесплатно пользоваться водопроводом, чтобы уменьшить денежные расходы на содержание училища. И что же? Вышел очередной казус? Нисколько: Белевская дума тотчас положительно решила поставленный Бурцевым вопрос.

После этого было назначено две комиссии; и вот 12 октября 1899 года был созван XXI епархиальный съезд, где и были оглашены комиссией сложившиеся обстоятельства с учреждением в Белеве училища.

Съезд проходил, однако, под председательством М. Ф. Бурцева, и оппозиция в этой связи активно себя не проявляла. Съезд единогласно постановил: «...усерднейше просить своего Милостивейшего Архипастыря и Отца, Преосвященного Питирима, Епископа Тульскаго и Белевскаго, ходатайствовать пред Св. Синодом о скорейшем открытии второго епархиального женского училища в г. Белеве в память 100-летнего существования Тульской епархии, как втором кафедральном городе сей епархии, имеющем Мужское Духовное училище, могущее давать для епархиального училища преподавателей с академическим образованием из среды учащихся в нем, и при том, в таком городе, где и самое устройство нового училища обойдется духовенству в два с половиной раза дешевле, чем в г.Туле, и содержание учащихся будет обходиться дешевле, чем в Туле, а гигиенические условия без всякого сравнения лучше, чем в Туле, а когда будет Св. Синодом уважено это ходатайство, немедленно открыть в новом училище I класс, чтобы для девочек не пропал задаром целый учебный год, и чтобы в будущем учебном году не было еще большего наплыва желающих поступить и этот класс, чем сколько их было в текущем году».

Преосвященный Питирим в своей резолюции писал: «Утверждается! Благослови, Господи, доброе начало; благослови, Господи, и ... депутатов съезда! В Консистории без малейшего промедления изготовить от меня проект представления Святейшему Синоду».

В Св. Синоде дело подвигалось в общем успешно, хотя в конце ноября — начале декабря 1899 г. потребовалась новая командировка в С.-Петербург (где уже был ранее Бурцев по этому же вопросу) — протоиереев Никольского и Боголюбова. Наконец, 14 июня 1900 года Преосвященный Питирим получил от В. К. Саблера телеграмму: «Поздравляю. Святейший Синод благословил открытие второго женского епархиального училища в Белеве».

Тогда же он сообщил об этом прот. Бурцеву, а 29 января назначил и день открытия нового училища: 1 февраля 1900 года.

О многом в плоскости нашего разговора об учебных заведениях в Белеве говорит тот факт, что к этой теме «Тульские епархиальные ведомости» обратились в своих изданиях в 1862 году и поведали яркую событиями историю. Полагаем, что в показе этой необыкновенной истории пристойно было бы перепечатать лаконично изложенный материал полностью и без комментариев.

БЕЛЕВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ

От основания Белевского духовного училища под именем Русской школы протекло не более ста лет. Но и в этот небольшой промежуток времени история училища представляет уже пять особых периодов, обозначившихся пятью разными наименованиями училища.

В первый период своего существования оно является под именем Белевской русской школы (1761—1767 гг.); второй период — русская школа преобразуется в семинарию, где подобно другим семинариям преподается уже латинский язык (1766—1782 гг.); в третий — Белевская семинария, при незначительных внутренних преобразованиях, продолжает свое существование под именем училища (1783—1788 гг.). Новейшие преобразования духовных училищ начинают собою четвертый период существования под именем Белевских духовных, уездного и приходского училищ (1815—1852 гг.), и пятый — под настоящим именем Белевского духовного училища с 1852 года до настоящего времени.

БЕЛЕВСКАЯ РУССКАЯ ШКОЛА

(1761—1767 гг.)

Белевская русская школа получила свое начало в 1761 году с поступления на управление Крутицкою епархиею, которой принадлежал Белев, архиепископа Амвросия Зертис-Каменского. По крайней мере, прежде сего времени не упоминается нигде об ней в бумагах Спасо-Преображенского монастыря, при котором она находилась.

Настоятелем сего монастыря и вместе присутствующим Крутицкой консистории в это время был архимандрит Пустил. Сей достойный муж, как видно, был один их главных сотрудников пресвященного Амвросия по устройству русских школ во всей обширной Крутицкой епархии.

...В первый раз о Белевской русской школе упоминается в приказе арх. Иустина, данном монастырской конторе, в бытность его наличным присутствующим в Крутицкой консистории, следственно, прежде 1762 года.

...Первоначальное помещение Белевской школы было, вероятно, в самом монастыре. На это наводит отчасти выражение приказа архимандрита Иустина, чтобы ребятам не жить при монахах, но на квартирах, и оттуда ходить в русскую школу, т.е. вероятно, в монастырь.

Но в 1762 году вследствие предписания Крутицкой духовной консистории по общему приговору Белевских градских и уездных священно-церковнослужителей, были произведены два сбора на устройство школьных покоев.

На собранную таким образом сумму, которой оказалось 288 рубля 65 копеек, построены были внутри г. Белева пять школьных покоев из взятых у монастыря безденежно пяти срубов; четыре покоя были вверху и пятый внизу.

Школа просуществовала до 1767 года. Последовало решение и о продаже школьных покоев для учащихся. Последовало новое реформирование в просвещении духовном.

БЕЛЕВСКАЯ СЕМИНАРИЯ

(1776—1782 гг.)

Спустя лет 8 по уничтожению русской школы, появляется при Белевском Спасо-Преображенском монастыре Белевская семинария. Но в каком именно году была учреждена, этого не видно из бумаг монастыря. В указах 1776 года об ней говорится уже как об учрежденной. Указы сии писаны из Крутицкой консистории на имя игумена Белевского монастыря Амвросия.

...Учеников в семинарии было — до 50 человек. В 1781 году управление Крутицкой епархии поручено было преосвященному Амвросию (Подобедову). Белевский игумен Амвросий обращается к сему архипастырю с просьбой о выдаче ему книги для записи прихода и расхода суммы, жертвуемой от доброхотных дателей на содержание обучающихся в Белевской семинарии учеников. К сему времени число учащихся в Белевской семинарии значительно умножилось (150 человек).

Этими сведениями оканчивается период существования Белевского духовного училища при Белевском Спасо-Преображенском монастыре под именем Белевской семинарии.

В следующем за тем 1783 году наименование Белевской семинарии заменяется наименованием Белевскаго училища, а игумен Амвросий в во всех бумагах именуется смотрителем сего училища.

БЕЛЕВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЕЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ

Белевское училище (1783—1788 гг.)

В жизнеописании преосвященного Амвросия (Подобедова), помещенном а «Страннике» (1860 г. за май), сказано, что он, поступив на Крутицкую епархию, прежде всего озаботился устройством Крутицкой семинарии, потом занялся учреждением низших училищ в своей епархии, и открыл их в Боровском и Белевском монастырях. Ближайшим поводом к открытию Белевского училища послужила, как видно, упомянутая просьба Белевского игумена Амвросия о выдаче ему книги для Белевской семинарии. И из просьбы видно, что есть доброхотные датели, усердствующие к делу образования духовного юношества; следовательно, есть и средства к надлежащему устройству училища.

И вот с января 1783 года открывается при Белевском монастыре — Белевское училище, и поручается смотрению Белевского игумена Амвросия. Служившие в бывшей семинарии учителя — Успенский дьячок Степан Васильев и Рождественский священник Петр Матвеев, определяются один за другим в учителя Белевского училища, первый — информатором, второй — в высший класс.

Учителем низшего класса определяется Афанасьевский дьякон Ксенофонт Федоров. Впрочем, поступившие из бывшей семинарии учителя, дьячок Степан Васильев и священник Петр Матвеев, не прослужили и года в училище. Третий же учитель, Кенофонт Федоров, бывший сперва дьяконом, а с 1786 года священником при Афанасие-Кирилловской церкви, учительствовал во все время существования Белевского училища. На место второго учителя, священника Петра Матвеева, определен был уволенный от дел из межевой канцелярии канцелярист Василий Беляев.

В 1785 году учителем высшего грамматического класса назначен был священник Мироносицкой церкви Иоанн Скалковский (бывший впоследствии протоиереем Белевского духовного правления присутствующим и благочинным).

Учителем нотного пения был сперва Белевского Крестовоздвиженского монастыря священник Николай Петров; потом на его место определен переведенный из Лютикова Троицкого монастыря в Белевский — дьякон Адриан.

...В 1787 году в высшем классе считалось 46 человек. Обучавшиеся были дети священнослужителей как города Белева с уездом, так и других городов Крутицкой епархии. Все ученики содержались на своем коште.

...В половине 1788 года Крутицкая епархия была закрыта и г. Белев причислен к Коломенской епархии. С этим вместе закрывается и Белевское училище.

...Так закончился третий период существования Белевского училища при Спасо-Преображенском монастыре. С сего времени до 1815 года, то есть, до закрытия духовных училищ, после преобразования их по воле Благочестивейшего Государя императора Александра I, в Белеве не было духовного училища, но все священноцерковнослужители г. Белева и уездные должны были представлять детей своих для обучения сперва в Коломенскую семинарию, потом, по закрытии Коломенской епархии — в Тульскую.

БЕЛЕВСКИЕ ДУХОВНЫЕ, УЕЗДНОЕ И ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩА

(1815—1852 гг.)

После преобразований духовных училищ в царствование императора Александра I, Белевское училище открыто снова, под именем «Белевских духовных, уездного и приходского училищ», при Спасо-Преображенском монастыре в 1815 году, в одно время с такими же училищами — Тульскими, Новосильскими и Епифанскими.

...Открытие белевских духовных училищ, с приличным духовным торжеством, последовало 30 января 1815 года, в присутствии местного духовенства, гражданских чинов и граждан города Белева.

...Всех учеников, перемещенных в училище на первый раз из Тулы для продолжения учения, в 1815 году значится по списку 163, а именно: 46 — Белевского уезда, 59 — Одоевского и 68 — Чернсного. Детей, представляеммх из домов, сперва дозволено было принимать в училища во всякое время до сентября 1815 года; с сентября же в одно определенное время на основании правил устава духовных училищ за несвоевременное представление детей в училища взыскиваем был с родителей денежный штраф, сперва по 5 рублей с каждого лица, потом со священников по 5 рублей, с диаконов по 2 рубля, с причетников по 1 рублю.

...Помещения училищ. Белевские училища, с самого открытия оных, помещались нераздельно в одном здании, находящемся на восточной стороне Белевского Спасопреображенского монастыря.

После 1842 года классы уездного училища перемещены в другое здание, находящееся на западной стороне монастыря, рядом с церковью Св. Алексия митрополита Московскаго.

Причиной к такому разделению классов послужила, с одной стороны теснота помещения, по причине умножившегося числа учеников в уездном училище, а с другой стороны и то еще неудобство, что ученики сего училища всегда хаживали чрез классы приходского училища, что мешало занятиям в сих классах.

Самая дорожка и крыльцо, по которым ходили ученики, были всегда опасны для них, первая тем, что была очень узка и лежала над крутым спуском к р. Оке, а второе тем, что было довольно высоко и состояло почти из одной лестницы, устроенной над тем же спуском к реке.

Заметив сии неудобства, семинарское правление испросило у Св. Синода разрешение на постройку другого здания для классов уездного училища на счет экономических сумм училища, а ход учеников в остающиеся классы приходского училища предписало немедленно обезопасить устройством для них нового входа, с монастырского двора».

Таким образом, русская школа действовала с 1761 по 1767 год; духовная семинария, соответственно, с 1776 по 1782 год, училище, в свою очередь, с 1783 по 1788 год, а духовное (уездное и приходское) — с 1815 по 1852 г.

Примечательно, что до открытия вышеупомянутого Белевского женского епархиального училища, в Белеве действовало Духовное училище (для мальчиков) вплоть до 1917 года, и здание его было на редкость заметным по архитектуре в ряду других городских зданий.

Как повествуют о том «Тульские епархиальные ведомости» за 1899 год (№ 121), для этого училища был приобретен дом умершего купца Василия Сергеевича Сорокина, в 1896 году. Позднее при новом училищном здании был сооружен храм трех святителей, с больницей для учащихся, на месте существовавшего храма во имя святых Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Храм был уничтожен опустошительным пожаром, за сто лет, как сообщают «Ведомости», до этого года. То есть, повидимому, пожаром 1719 года.

В это училище были переведены учащиеся из тесного монастырского здания.

1 октября 1874 года в Белеве было открыто и еще одно учебное заведение — Школа грамотности при Крестовоздвиженском девичьем монастыре, по благословению высокопрсосвященнейшего архиепископа Никандра. Об этом было сообщено «Тульскими епархиальными ведомостями» в номере от 15 декабря 1874 года (стр. 453).

Школа разместилась в монастырской гостинице, выходящей фасадом на улицу. Внешняя обстановка школы,— как писали «Ведомости»,— «не оставляет желать ничего лучшего. Можно сказать, не лишена даже некоторого комфорта. Религиознонравственная и научная обстановка школьного дела подает еще более отрадные надежды... В настоящее время уже набралось 40 учениц, преимущественно из детей духовенства... Присутствовавший при открытии школы г. инспектор народных училищ барон Н. К. Нольде прочитал сочиненные им стихи».

Относительно светского образования вопрос решался сложнее, вплоть до 1861 года, когда было отменено крепостное право. С этого времени в России широко осваивается программа развития образования.

В 1862 году было в Белеве и уезде 62 школы. Земство значительно раздвигает рамки образования. В 1872 году правительство утверждает новый Устав городских училищ. Осенью того же года в Белеве открывается двухклассное городское училище им. В. А. Жуковского. В 1907 г. при училище открыто ремесленное отделение по слесарно-кузнечному и столярно-токарному специальностям.

На гребне нового тысячелетия белевские граждане ощутили необходимость открытия для их детей уже не прогимназии, а гимназии. А само министерство, в свою очередь, предложило для Белева разработать проект профессиональной школы. Надо отмстить, что этот проект поддержали и некоторые представители белевского земства. Так, в частности, председатель земской Управы князь Львов в своем докладе на земском собрании 3 февраля 1889 года настаивал на необходимости открытия промышленно-технического училища, однако, не среднего, а низшего, где велось бы обучение производству простых сельскохозяйственных машин — сеялок, молотилок, плугов и т. п. Это предложение кн. Львова вызвало серьезные возражения со стороны различных представителей слоев населения Белева.

На этом собрании была создана комиссия от земства и города для разрешения всех вопросов, связанных с обучением молодежи.

После отказа Министерства народного просвещения учредить в Белеве классическую гимназию, комиссия, спустя несколько лет, возбудила новое ходатайство об открытии в городе реального училища.

Но реальное училище отличалось от классической гимназии существенно, и тем, что в нем отсутствовало преподавание древних языков, греческого и латинского.

Здесь главное внимание уделялось изучению математики, физики, естествознания, иностранных языков — французского, немецкого, а также и черчения.

Причем реальные училища не открывали доступа в университет. По окончании их можно было поступить в технические высшие учебные заведения.

Министерство просвещения по-прежнему настаивало на профессиональной школе.

Наконец, определились окончательно в Белеве, в 1902 году, в связи с исполнившимся пятидесятилетием со дня смерти поэта В. А. Жуковского, комиссия из представителей города возбудила новое ходатайство об открытии в Белеве реального училища имени своего земляка, прославившего российскую землю.

Это ходатайство наконец было удовлетворено. Присвоение училищу имени поэта Жуковского состоялось 17 мая 1903 года. Реальное училище разрешено было открыть 1 июля 1903 года в составе двух младших классов с тем, чтобы в последующие годы открывать по одному классу, впредь до полного сформирования училища в составе 6 классов и седьмого дополнительного.

В конце августа 1903 года было сделано сообщение о приемных экзаменах в первые два класса, назначенные на 1—2—4 сентября. Было подано 61 заявление. Вступительные экзамены выдержали 53 мальчика, из них 39 — были приняты в первый класс, а 14 — во второй.

6 сентября 1903 года начались классные занятия.

Учебный персонал в первый год состоял: из директора Э. В. Жадовского, преподавателя русского языка и истории К. А. Вознесенского, преподавательницы французского и немецкого языков А. Г. Соловцовой, преподавателя чистописания и рисования А. А. Пастухова, который одновременно состоял и библиотекарем училища.

К 1909 году здесь училось 218 учеников. В штате реального училища находилось 12 преподавателей с высшим образованием.

В те же годы открывается и действует прогимназия, которая в 1904 году преобразовывается в Белевскую женскую гимназию, и здесь вскоре насчитывается 276 учениц.

Проходят годы, и старое здание женской гимназии уже не вмещает всех желающих учиться.

В 1912 году Белевское Земское собрание ходатайствует перед Министерством просвещения о постройке нового здания женской прогимназии. Министерство изыскивает необходимую сумму средств на постройку здания. Гимназия открывается во вновь построенном здании на ул. Пушкина,— ныне школа № 4.

Одновременно открывается четырехклассная школа для мальчиков. Построена она была на средства купца Киселева. Таким образом, вплоть до 1917 года в Белеве действует 10 учебных заведений, и широкая сеть на селе — из церковно-приходских школ и школ грамоты.

Но слишком тяжек был путь образования в сельской местности, чтобы легковесно отнестись к этому факту ныне и обойти вниманием. Показательна в этом аспекте речь, произнесенная на юбилейном акте церковных школ Тульской епархии 13 декабря 1909 года членом Епархиального училищного совета, преподавателем Тульской духовной семинарии М. Н. Рудневым.

«При обсуждении школьной реформы 1828 г. начальное образование признано почти не существующим,— говорит М. Н. Руднев,— в частности, императором Николаем I в 1828 году был утвержден устав о приходских училищах, которые должны были открываться повсюду, где представятся к тому средства, для распространения первоначальных более или менее всякому нужных сведений между лицами в самых нижних состояний. В 1836 году император, кроме того, возвратил право на существование школам грамоты в домах священно-церковнослужителей.

...После освобождения от крепостной зависимости,— говорит далее оратор,— крестьянин, призванный к личному участию в государственной и общественной жиз-

ни, почувствовал спрос на грамоту... Продолжавшаяся в течение почти двух десятилетий в нашей губернии деятельность Земства по начальному образованию,—резонно замечает он,— как и вообще в России, оказалась не в состоянии удовлетворить постоянно возрастающему спросу на грамотность.

При пространстве в 27,205 кв. верст, при полуторамиллионном населении, при количестве детей школьного возраста более 200 000 душ обоего пола, в губернии к 13 июня 1884 года было лишь до 600 начальных школ разных наименований, т. е. приходилось: по одной школе на 45 кв. верст — на 2 500 душ населения, на 340 детей школьного возраста, и это тогда, когда в большинстве государств Западной Европы — за исключением Голландии и Бельгии — законодательным путем была установлена обязательность начального обучения; когда уже были объявлены законы об обязательном обучении мальчиков и девочек в Турции.

Во время таких и в силу таких обстоятельств 13 июня 1884 года державною волею императора Александра III были утверждены правила о церковно-приходских школах, которые призваны служить и борьбе с народным невежеством, как и земскоминистерские начальные училища».

По состоянию на 1900 год исправно действовали школы грамот в Губине, в Астафьеве, Железнице, Беляеве, Черногрязке, сельце Гамове, в селе Бельмове, в Верхних Савинках и Семьюнове, в д. Кураково, Болтенках, в д. Таратухине, д. Башкине, д. Бедринцах, с. Зайцевс, д. Александровке, сельце Игнатьеве, в д. Малое Самолково, в д. Николаевке, в с. Каменке, в с. Лиховищи, в с. Ментелове, в селе Новые Дольцы в с. Фурсове, в с. Сгромки, в д. Кудеяровские Выселки и т.д.

Приходские школы работали в с. Погорелом, с. Песковатом, в с. Бельмове, с. Бакинс, с. Сухочеве, с. Лабодине, с. Фурсове и в трех приходах ныне Арсеньенского района.

ГОСУДАРЕМ ЖАЛОВАННЫЕ ЗА УСЕРДИЕ

«Товар полюбится — ум расступится», «Не все с верою — ино и мерою», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Купец — ловец; а на ловца и зверь бежит», «Дорого, да любо; дешево, да грубо».

Пословицам, поди, уж по два-три века, и каждая есть поэма,— но будто только что с языка острослова слетели они где-либо на веселом торжище, с пылу-жару: нате вам, пользуйтесь! Что ни пословица, то библейская притча — сестра родная, ей-богу!..

И не мудрено, и не случайно все это, потому что люди этого промысла, нареченные в древности гостьми (гостями),— и на редкость интернациональны и легендарно патриотичны. Они, гости былинные,— и открыватели новых стран за границами — кордонами Отечества, и верные послы его, и радетели об отчем, жертвователи на благолепные строения городские во имя процветания православия.

Купеческое сословие — это нечто мистическое, и в то же время — это что-то очень земное: лампада и соха. Купечество — это вера, особенная религия.

Может быть, правы древние, поклонявшиеся богу Меркурию,— отдельно от всех,— именно своему покровителю?

Белевское купечество не знало устали, прокладывая путь к не чуждым славянину рынкам торговлей, международной значимости промыслом единым людей всех и всяких наций и вероисповеданий. Пробивали тропы сквозь дебри лесные, по горамдолам — к рынкам столиц, осваивали речные, а затем и морские дороги. Недаром же город их, Белев, как порт их приписки (говоря современным языком моряков),— стоял превечно несокрушимо на Оке-кормилице.

В этом отношении совершенно четко изложил суть происходившего на Оке в Белеве полтора века тому назад статистический сборник, издаваемый при Совете Ми-

нистерства внутренних дел Российской империи. В сборнике за 1842 год лаконично изложено:

«Белев лежит на трактах Киевском и Украинском, по левому, нагорному берегу Оки, под 53° 48' 17" северной широты и 55° 50' 26" восточной долготы, в 905 верстах от С.-Петербурга, 267 — от Москвы и 121 от Тулы...»

Отмечая живописные здания города, автор особо выделяет купеческие: «Из множества прекрасных частных зданий невольно обратят на себя внимание особенное дома купцов: Бунакова, Сорокина, Щеколдиной, Прохорова, Евстратова, Собининых...»

«...При императоре Павле I,— рассказывается далее,— и в начале прошлого царствования были в Белеве 22 дома первогильдейцев, которые торговали к портам балтийского моря».

Чем торговали? Традиционно пенькой, салом, конопляным маслом, хлебом, конопляным и льняным семенем.

О них здесь, в поречье, слагали пронзительно грустные и разудалые, несказанно печальные и озорные были, бывальщины и небылицы, складывали народные песни; об их промысле ходили меж людей тароватых, удачливых, на редкость меткие пословицы. И что за прелесть эти пословицы, сказал бы, наверное, наш поэт, догадай к тому случай.

Какими путями-дорогами все это щедрое богатство разных окраин доставляется на прилавок городов провинции и столицы?

«...Прямо из Орловской и Черниговской губерний доставляется зимою в Зубцов, а от гуда, по вскрытии рек, Вышневолоцкою системою к С.-Петербургскому порту... Только Орлу уступает Белев в обширной торговле конопляным маслом. Одна половина его, приобретенная на Свенской ярмарке (Орловской губернии Брянского уезда) и в ново учрежденном городе Сухиничах (Калужской губернии, недалеко от Козельска) идет до С.-Петербурга; другую половину, сливаемую в Белеве, Ока приносит на Московские рынки».

Тем, что Белев в свое время считался первым после губернского, и не только по обороту капитала, но и по живописному его местоположению на крутоярье Оки, а также красотой построек город обязан в первую очередь купцам. Во всех статистических данных, за 1841, 1852, 1855, 1856 и поздних, в очерках писателей, краеведов и других авторов он ставился в ряд образцовых, богато украшенных, культурных, непременно с театральными подмостками и благолепием парков, а в Белеве — даже и бульваром на столичный манер.

По существу последнего обстоятельства мы находим следующее: «Прекрасный Белевский бульвар всегда сух, всегда чист и в порядке... Среди бульвара триумфальные ворота, под которыми, в 1837 году, здешние жители, на богатом, серебряном блюде поднесли русскую хлеб и соль, именитому белевскому уроженцу — В. А. Жуковскому».

В другом месте говорится о достоинствах города как раз в связи с вкладом в его процветание — почтеннейших людей коммерции. «Белев первый между уездными городами Тульской губернии не только по числу зданий и обывателей, не только по обширным торгам и богатству купечества, которое в образовании нисколько не уступает Тульскому — он первый по удобствам и приятности общежития».

Бесспорно, как отмечалось выше, в главе о правах, в основе достоинств и великолепия былого (конец XVIII и XIX вв.) пребывает от дней его начальных — есть и была Ока, Вот и в документах ведомств, не склонных к преувеличениям, и, в частности, в «Военностатистическом обозрении Российской империи» (1852 г.) сказано бесстрастно:

«По торговле — Белев занимает второе место в губернии после Губернского города, и принадлежит к числу весьма немногих уездных городов, производящих обширную торговлю.

Обширною своею торговлею он обязан судоходной реке Оке, по которой ежегодно проходит вверх и вниз до 2500 судов разной величины. С Белевской пристани отправляют каждый год до 50 барок, с конопляным маслом и преимущественно с хлебом...

...Главные торговцы пенькою и конопляным маслом: Сорокин (ежегодный оборот которого простирается до 800 000), Сабинины (на 600 000), Сорокины (братья) — на 600 000, и Прохоров (400 000) рублей серебром...

...Между хлебными торговцами замечателен дом братьев Субботиных, который отличается значительностью своих оборотов. Также замечательны оборотом братья Беликовы, Макаровы. Уланов...

...Ярмарка бывает только один раз в год, с 28 августа по 10 сентября; к этому времени привозят простые товары, галантерейные; серебряные и золотые вещи, чай, сахар, сукна, шелк, и пр., всего на миллион рублей серебром».

Сегодня, с высоты нового тысячелетия, можно взирать на факты едва ли не двухсотлетней давности в развитии торговли уездного города — и сдержанно, и вовсе скептически. Однако попробуем вглядеться попристальнее в корень существа дела.

По данным статистики на конец 50-х годов XIX столетия, в Белеве насчитывалось 7946 человек жителей обоего пола. И что примечательно с позиции сопоставимости цифр,— в 1854 году здесь появилось на свет 287 детей, а в мир иной ушло — 189 человек.

И что же, если рассматривать положение дел в этом ключе? — А то именно, что на это «количество душ», так сказать, приходилось, по состоянию на 1855 год,— 1475 человек купеческого сословия, мужского и женского пола. Это семьи купцов ІІ и ІІІ гильдии. И не рядовых, говоря современным языком, а широко известных, ворочавших огромными капиталами. К тому же, высокочтимых. Так, в Белеве на тот год было 8 семейств потомственных почетных граждан, а в этих семьях — свыше 50 человек.

Вместе с тем, ориентиров для четкого представления среды, в которой трудились в поте лица своего торговые люди, было бы недостаточно, если бы мы позабыли, ничтоже сумняшеся, о выпуклых приметах общежития обывателей.

На этот час, как говорится, в городе насчитывалось 1299 домов и среди них каменных — всего 156. Действовал кожевенный завод, производящий товара на 70000 рублей серебром, 4 салотопенных и 1 винокуренный.

И вот что, для полной картины условий, в которых происходило приращение капиталов, примечательно: в городе было 8 мощеных улиц, а 21 — немощеная. Но зато 2 торговые площади. Много или мало на 29 улиц и 18 переулков, на 8 тысяч, без малого, жителей?

Упоминание в разных статистических отчетах, в том числе издаваемых «...по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба», заслуги купеческого сословия перед Отечеством и Белевом стали возможны, конечно же, в условиях прогнозирования государством внутренней и внешней торговли, в условиях этих якобы автономно развивающихся процессов рынка. Купцы, промышленники, промысловики — все это, так сказать, люди государевы, ибо, по пословице: «Деньга счет любит, а хлеб меру!»

И чего уж далеко ходить за примерами. Указ Сената о торговле к порту С.-Петербургскому от октября 1713 года диктует следующее:

- «— ...чтобы купецкие и иные чиновные люди, у кого есть пенька и юфть, к городу Архангельску и на Вологду для торговли не возили, а привозили в С.-Петербург, также которые государевы товары: икру, клей, поташь, щетину... к городу не отпускать, а привозить в С.-Петербург хлеб.
- ...и купецким людям для торгу возить в С.-Петербург и к городу Астраханскому, из которых городов куда способнее, невозбранно».

Не менее интересен в том же аспекте и другой указ, диктующий правила отправ-

ления к порту пеньки и юфти. «Великий государь указал: в Губерниях всем купецким людям подтвердить указами, чтобы оне по-прежним Его Величества Государя указом пеньку и юфть, которые торговали иноземцы, и задатки взяли отпускать в С.-Петербург на продажу за море, во всем против того, кто, сколько посылал к городу, без умедления нынешним зимним путем, а остальные товары по изволению.

А буде кто, сей Его Величества Государя Указанных товаров пеньки и юфти в С.-Петербург, для продажи за море отпускать не буде, а таким товарам прежь сего отпуски к городу бывали, и оные товары в готовности есть, а про то буде ведано, и за то у таких прослушников имение их все без остатка взято будет на Великого Государя бесповоротно».

В этом контексте любопытны сведения о собственно белевских предпринимателях того времени. В 1872 году «Тульские губернские ведомости» писали следующее:

«Торговля из Белева к Санкт-Петербургу шла и идет непрерывно от самого основания порта Петром I, хотя древние торговые дома, начавшие это дело (Вышневолоцкою системою), по времени перевелись. Еще недавно существовал в Белеве дом Сабинина, предок которого начал торговать к С.-Петербургу. Дома Сорокиных и Прохорова торговали к порту около ста лет. П. А. Прохоров теперь коммерции советник — явление редкое в нестоличном купечестве.

Все это чрезвычайно интересно как поступательное развитие торговли в принципе, и как традиции,— в сущности, в порядке преемственности — особливо».

Разумеется, что-то утрачивается и уходит а историю, что-то, напротив, становится точкой отсчета в продвижении и совершенствовании дела. А в торговле по тем временам правила были строгие требования к качеству товара — достаточно жесткие. В этой плоскости документ от I723 года по осуществлению торговли пенькой — характерная иллюстрация. И соответственно, предписание, что: «...во время мытья и мочения пеньки смотрели накрепко:

- 1. Чтоб в уездах концы у пеньки или коренья отрывали или обрезали и кострик выбивали начисто, и на торги в городы с линьками и мокрую не возили, и не продавали, и вывозили бы пеньку без лапок.
- 2. Купечеству запретить, чтобы они от крестьянства мокрой и с кореньями или лапками пеньки не покупали, под штрафом, смотря по важности вины, а которы купцы в городах чистят пеньку в домах своих, тем чистить начисто и за трепальщиками того смотреть накрепко, дабы кострики и никакого обмана не было...»

Так же естественно в таковой ситуации рассматривать как параллельно идущие к рынку два процесса, производство товаров и их реализация. Белев в этом отношении славился и промыслами, которые теми же купцами всячески поощрялись.

Здесь же свою нишу занимали ремесла. Предания донесли до сегодняшнего дня, что в XVII в. мастера плотничьего дела строили добротные струги емкостью в 30 тысяч пудов, баржи и полубарки, на которых доставляли товары по реке Оке в Москву.

Столь же успешно строили здесь струги, которые использовались в военных целях.

Плотники из белевских мест были востребованы в других городах, и их заказывали в Брянск и даже в Петербург. Указом Петра I от 1 февраля 1705 года был дан наряд губерниям, а те, в свою очередь, уездам, а стало быть, и Белеву, чтобы прислали 40 тысяч разных ремесел знатоков. Конечно же, для строительства Северной столицы. Белевский воевода постарался, откомандировал по указу 700 мастеров.

Весьма любопытен факт, связанный с обстоятельствами правительств Петра I обеспечивать льготные условия для тех из провинции, которые в качестве мастеров пожелали бы остаться жить в Петербурге. «Для размножения населения» таковым желающим поселиться в Северной столице («на вечное поселение») льготы по тем временам были и на самом деле существенные. То есть, прежде всего они освобождались от воинской повинности, освобождались от обязательных налогов, а глав-

ное — получали безвозмездно в собственность дом, а также землю под свою усадьбу и огород — в размере 1 десятины, а кроме того, землю под пашню.

На какую мысль наводит это обстоятельство? А не с этого ли благоприятного указа Петра I стало возможным для белевских предприимчивых людей осваивать порты, отвоевывая на рынках сбыта свое вольготное местечко?

А иначе как так могло произойти-случиться, что белевские кузнецы, мастера изготовления стальных ножей, обощли своей инициативой самих знатных туляков — оружейников и прочих металлистов?

Из поколения и поколение передавалась молва о великолепных, не знавших аналогов в округе ножах мастера из Белева — Вязмитина. Мастер-легенда. Якобы он знавал секрет закалки стали, да такой, редчайшей, что его изготовления нож перерубал, если лезвие сделать достаточно длинным, ствол ружейный... Диво дивное, да и только. Как сказали бы ныне, ножи Вязмитина — нарасхват!

И якобы дошла слава та и до слуха Петра-царя, и возжелал он заполучить таковых ножей множество — до 300 тысяч. И заготовлено было на то письмо от 19 марта 1705 года, в коем он поручал одному из сподвижников своих, некоему Курбатову, заручиться у мастеров обязательством изготовить это количество знаменитых ножей. На что Курбатов отвечал с огорчением, что изготовить таковых ножей возможно только 150 тысяч и что он самолично дал задание другим городам совместно с Белевом изготовлять такие лезвия: «сколько сделать возможно».

Свое место в общем объеме промышленного производства в небольшом уездном городе заняла суконная фабрика надворного советника Павлова, оборудованная 1 станком для чесания шерсти, с приводом лошадьми, и пятью прядильными машинами с ручным приводом, на которой работали 40 человек. В год здесь производилось 13 тысяч аршин белого сукна.

Кожевенный завод купца Семина выдавал подошвенной кожи па несколько тысяч рублей в год. В 1888 году крупный купец-промышленик Ш. К. Прохоров открыл в Белеве производство так называемой огневой ушки плодов и овощей. Однако едва ли не всемирную славу, во всяком случае, широко известно было об этом производстве в Европе,— принесло ему производство пастилы, вырабатываемой по уникальным рецептам из антоновских яблок. В течение летне-осеннего сезона в цеху заводчика Прохорова производилось до 700 пудов пастилы.

Купцы всемерно, беспрецедентно поощряли производство кружев. Белевское кружево принесло городу славу, известность от Москвы, Петербурга до Праги и Парижа, Риги и Лондона. В 1880 году, кстати, и городе насчитывалось до 2 тысяч кружевниц. Искусство кружевниц было отмечено медалью на Лондонской выставке, и вот как это по документам и переписке происходило.

Итак, в Лондоне готовились к открытию выставки изделий мастеров всевозможных промыслов, и вот, соответственно, включаются в список предполагаемых конкурсантов и претенденты из Белева. Для международной выставки «избранных произведений» готовят образцы белевского кружева, имевшего свои характерные особенности.

Дело в том, что кружевоплетение получило в Белеве к действию и к повсеместному увлечению импульс из Крестовоздвиженского женского монастыря, открытого еще в первой половине XVII века. Насельницы девичьего монастыря были подлинно искусными мастерицами, талантливы уж тем, что умели вносить в тонкий узор определенное настроение чуткой к прекрасному души, одухотворяли элементарный рисунок, и он оживал в руках как произведение искусства — самобытного, неповторимого, в нюансах искренних чувств девушки — «Христовой невесты».

Белевский уездный исправник в письме за № 707 писал в июне 1884 года секретарю Тульского губернского статистического комитета: «Вследствие отношения от 21 числа минувшего месяца за № 48 имею честь препроводить при сем к Вам образ-

цы кружевных и других изделий, которые производят Белевские кружевницы, а равно счет вещам».

А вот как шла переписка и каким образом оформлялись соответствующие документы на поступление кружевных изделий от поставщика к исправнику города Белева, затем в Тулу и обратно. «Белевскому уездному исправнику. Присланные образцы кружев и других изделий, представленных мещанкою Рыбаковой (в оригинале недостаточно разборчиво.— Авт. В. Я. Г.), и счет на оные изделия мною получены. О чем честь имею уведомить Вас, Милостивый Государь, и присовокупить при этом, что деньги будут высланы на получение оных от Общества для развития прикладных художеств в России».

В списке, возвращенном исправнику белевскому, перечислен ряд изделий, в том числе:

— 2 салфетки стоимостью 15 рублей, косынка — 8руб, блузка — 1 рубль 30 коп., шарф — 6 рублей, платочек — 1 руб. 20 коп.

По прошествии определенного времени русское техническое общество направляет письмо в Тулу, в котором излагается в лаконичной и уважительной форме признательность за участие в международной выставке и препровождается своеобразный приз — награда. «В Тульский губернский статистический Комитет. Императорское Русское Общество имеет честь предводить высланное на имя Комитета Комиссарии Королевы Великобритании медаль за содействие Лондонской международной выставке, избранных произведений 1874 г. доставлением образцов белевских кружевных изделий.

Что же касается до самих кружев, принадлежащих белевскому купцу Ивану Тинькову, то они будут высланы ему прямо в г. Белев...» Это письмо подписал «Товарищ председатель Императорского русского технического Общества».

Более того, извещается об этом и сам купец Иван Иванович Тиньков в адресованном лично ему письме: «Милостивый государь, Иван Иванович! Императорское русское техническое Общество отношением от 21 авг. сего года за № 562 уведомляет Тульский Губернский статистический Комитет, что принадлежащие Вам образцы белевских кружевных изделий (бывшие в Лондоне на международной выставке) будут высланы Вам прямо в Белев тотчас по разборке всего, весьма значительного количества кружевных изделий, которые остались за неявкою главных экспонатов, или возвращена будет их стоимость — 20 руб. 25 коп.»

Но был еще один промысел, освоенный белевичами буквально — классически, так что им занимались здесь от поколения к поколению — это маркитантство. Следует признать, что на достаточно обширном пространстве в Верховье реки Оки это занятие было опробовано в той или иной степени в уездных городах, но с таким рвением и с такими тончайшими особенностями — только в Белеве, и только в Белеве он получил долговременное развитие, стал приметой эпохи.

О маркитантстве в Белеве писали многие корреспонденты губернских газет и других изданий, по наиболее исчерпывающе осветил сущность промысла И. Мартынов, белевич но происхождению.

«Так как маркитантство есть основной промысел здешних жителей,— писал он в материалах, опубликованных в 1855 году,— и можно сказать, единственное средство настоящего существования большей части из них, то нелишне будет сказать и об этом предмете.

Промысел этот, так заманчивый для белевцев, не всегда приносит одинаковые выгоды: в настоящее время маркитантство в крепостях и при отрядах доставляет здешним жителям только кусок насущного хлеба и редкому — состояние. Не то были памятные по событиям 1812—1815 годы. Почти каждый из тогдашних маркитантов, побывав на чужой стороне, привез порядочный запас денег и, не очень вдаваясь в

рассуждение о будущем, прожил в свое удовольствие. Даже большая часть домов в городе обязаны своею постройкою этим годам.

С каким удовольствием старые маркитанты Белева, находящиеся уже на покое, и заменившие себя, где следует, или детьми или внуками, вспоминают теперь о своих делах того времени!

Бывало, маркитант, улучив время побывать дома, щедрою рукою сорит деньгами: есть верная надежда опять разжиться с избытком.

Выедет, бывало, зимою, на катанье, он изумляет порядком и довольством: одетый в хорошенький тулуп, с бобрового шапкою на голове, опоясанный заграничным поясом,— он есть чистый тип русского купца прошлого времени. На жене его, покрытой, сверх кокошника или повязки, тяжелою жемчужного рефетью, надета штофная шуба с богатым воротником; лошадка у него молодая и сытая, а об упряжи и говорить нечего.

Заглянули ли бы, в то время, кто на домашний быт приезжего, и тут увидали бы, что живется в удовольствие и открыто: с утра до вечера ворота дома не запирались. Здесь толпились не только родные, но и чужие, и всякий, кому только желалось проведать гостя, попробовать его хлеба-соли, поговорить о военных событиях того времени, а вместе с тем узнать и о своих родных, тоже отлучившихся.

Шумная жизнь тогда лишь сменялась каким-то тихим безлюдьем, когда приезжий опять отправлялся в армию. ...По Большой Калужской улице, месте теперешнего публичного катанья (жалкого остатка прошлого),— можно было видеть прежде, в зимнее время, около 400 экипажей зажиточных белевцев, находивших в катанье немалое удовольствие. На этом основании какой-то остряк того времени даже придумал поговорку, что «жена полная, лошадь толстая, хомут красный, и кнут длинный» есть вывеска здешнего маркитанта».

УСТРОЕНИЕ! — ВСЕ С НУЛЯ?!

В сущности, мы подошли к уровню горизонта в пластах раскрытия темы, когда следовало бы дать исчерпывающее представление о самом значении слова — «Епархия».

Как и следовало ожидать, собственно «Библейская энциклопедия» никак не поясняет значение этого слова и не оговаривает в комментариях («Библейская энциклопедия»; «ТЕРРА». Москва. 1991 г.) «Полный церковно-славянский словарь» (Протоирей Г. Дьяченко. Издательский отдел Московского патриархата. Москва. 1993 г.) толкует чрезвычайно лаконично: «Епархия — область, уезд, подчиненный главному городу. 2. Область, подведомственная в духовном отношении епископу».

Более пространно изъясняет в популярной форме «Малый энциклопедический словарь» — Брокгауз, Ефрон. С-Пб. 1890) «Епархия — (греч.) — единица церковно-административного областного деления России, совпадающая ныне с губерниями и областями и подведомственная епархиальному архиерею».

В свою очередь,— поясняется «Словарем»: — Епархиальный архиерей назначается высоч. властью по избранию Св. Синода; при нем викарий, духовная консистория, благочинные, епархиальные попечительства о бедных духовного звания».

Таким образом, преосвященному Мефодию надо было именно зачинать церковно-административное учреждение, а по сути дела, очень сложное и весьма разветвленное хозяйство в прямом смысле этого слова — с нуля, а образно говоря,— «засучив рукава!».

Ему достало и природной сметки, и природной распорядительности, и столь нужной предприимчивости на то, чтобы и в безденежье произвести конструктивный поворот в обустройстве района г. Тулы, предназначенного для размещения зданий, сооружений и строений епархии, а также консистории.

А поначалу владыка столкнулся с невероятными трудностями, однако не впал в отчаяние, сконцентрировал свое внимание на генеральных делах фундаментального устроения новосозданной епархии.

Какие это трудности?! Избегая детальных перечислений, позволим лишь кратко изложить суть дела, опираясь на данные, изложенные в «Тульских Епархиальных ведомостях». Так, как явствует из соответствующего описания обстоятельств, поместившись в доме настоятеля Предтеченского монастыря, преосвященный обнаружил острую необходимость построить как для себя, так и для консистории и семинарии новые здания. Но средств на это не было предусмотрено. Возникла критическая ситуация. Доходило до таких крайних мер, когда владыка испросил у Св. Синода дозволения продать бывший загородный дом архиерея в Коломне, а вырученные таким образом деньги употребить на постройку архиерейского дома в Туле. Разумеется, на такие меры св. Синод не пошел. Не удовлетворил он и желание преосвященного, который просил, было, распустить временно учеников семинарии в Туле сроком на два года, чтобы таким образом покрыть издержки на устройство семинарии... Синод решительно отверг таковое предложение.

Наконец, преосвященный Мефодий просил дозволения взять, взаимообразно, остаточную сумму, имевшуюся у состоятельных, Воздвиженской и Петропавловской, церквей — (они предлагали сумму добровольно) — но и из этого ничего не получилось. Св. Синод, отклонив это предложение, отпустил средства на самые-самые необходимые расходы. Естественно, строго ограниченной суммы оказалось явно недостаточно, чтобы благоустроить постройки.

Преосвященный, стесненный в средствах для обустройства епархии, семинарии и консистории, обратился за помощью к пастве, и некоторая сумма денег была собрана. На эти средства были выстроены: сараи и флигель, затем и каменный двухэтажный дом для архиерея. Одновременно были испрошены им же деньги у государственного казначейства; наконец-то занялись строительством и еще одного двухэтажного дома, где позднее разместилась консистория.

То есть, при его озабоченности и завидной деятельности, все-таки выход из тревожного положения был найден, все образовалось и сложилось,— но — какой ценой... душевных затрат?!

Вместе с тем, еще одной «статьей» его расходов личного пользования стала забота о епархиальной библиотеке: тратил он деньги на все лучшее, выходившее в свет из издательств, и библиотека пополнялась,— за свой счет он приобретал редчайшие книги и инструменты, необходимые при изучении естественных наук.

Но если в элементарном обустройстве, образно говоря, в месте городского бытования, возникло столько трудностей, вплоть до курьезных в их непредсказуемости, то можно себе представить, на какую почву упали семена новообразования... Казалось бы!.. Ан нет! — как раз все напротив того, почва оказалась благодатной.

Господь Бог не оставил своим вниманием ни Тулу, ни ее предместья, ни уездные города, прираставшие от столетия к столетию, ни победоносного Поля Куликова, осиянной святостью Подвига объединившегося народа. И милостью своею не оставил Господь Тульский край, который в согласии с ходом истории последовательно,— от княжества до уездов,— преобразовывался как губерния.

Но вот что примечательно и характерно. И река Ока, опоясавшая более трети Тульщины, и Дон с его воинственными обитателями и угрозливыми шляхами — это исторически предопределенный опорный край державы.

Тула, благословленная в трудах, несломимая в оборонительной брани с любым супостатом, пресветлая со своими родничками святости, изначально заявила о себе как о центре обетования коренных здесь племен и народов... Как укреп культуры многоликой. Как форпост!

Счастливо, по божьему обетованию, сложилось таким образом, что здесь, в живописном верховье реки Оки, просиял образ преподобного Макария Жабынского Белевского чудотворца, и ныне мощи его покоятся в обережении монашеской братии на святом месте,— в Белевской Свято-Введенской Жабынской Макарьевской пустыни.

Но, пожалуй, главным накопителем целительного духа, хранителем тайн тульской древности, тульской изначальности — остается Дедославль. Наверное, правы описатели тульских древностей, заявившие без всяких оговорок, что «...Дедославль был довольно важным городом для вятичей, может быть, даже их столицей, если в период феодальной войны Давыдовичи (союзники великого князя Киевского Изяслава Мстиславича) созвали здесь вятичей на «вече».

Таким образом, здесь, в бассейне знаковых для Отечества рек, таких, как Ока, Дон с их притоками: Непрядвой, Упой, решалась судьба не только Московской государственности, а именно на Поле Куликовом, но и будущее «Матери городов русских» — Киева, его престола великокняжеского.

Впрочем, Дикое поле — это историческое название территории между Доном, в верховье Оки, и левыми притоками Десны и Днепра, отделявшей Русское государство от Крымского ханства.

Однако, русич той эпохи, произнося это словосочетание, вкладывал не только административно-географический смысл в название враждебной ему территории. То было для него средоточие зла. Там накапливалось и таилось, выжидая удобный момент, все злополучное и злоугодное, чтобы, выбрав удобный час, сходу, то есть, буквально на рысях, преодолев расстояние набега, обрушиться всеми разрушительными силами. Фактор внезапности был у налетчиков преобладающей, если не главной, силой. Условно исключив из черного перечня — списка недругов России, угрожавших с западной стороны границ, — можем, обратясь лицом к Дикому полю, представить и ощутить до телесной осязаемости, что приходилось испытывать тулякам тех годин в повседневной обыденности. Каково было жить в нечеловеческом напряжении, под страхом гнетущей угрозы: дикое не ведало понятия об общепризнанных законах права, дикое не признавало статуса неприкосновенности, и уж тем более, не воспринимало Кодекса чести, заповеди милосердия.

«Дикое Поле!» — произнес вслух современник, гражданин XXI века, находящийся на удалении от средневековья в 600—800 лет, и сейчас же в лицо ему дохнуло грозой угрозы; и тотчас кровь по жилам молодца заструилась резвее, и в грудную клетку бухнуло сердце воинственно: «Вставайте, люди добрые!..» — так перекликалось поколениям Земли русской во времени и пространстве в минуту опасности, и это закрепилось в генетической памяти.

Но если жив человек, даже удалившись в лесные дебри, чтобы уберечь семью, в безопасном медвежьем где-нибудь углу,— значит, засветилась лампада, воспылал светец в святом уголочке, и возносит русич-туляк оберегавшую все живое молитву небесным покровителям: непокоренный, несломимый и несломленный!

Так вот и обретался наш предшественник, обарывая недругов, преодолевал невзгоды и лихолетья, строил с Божией помощью и продолжал род свой с верою в Господа. Наслаждался тем, что Бог послал, не требуя наград, оберегал и отчий «Берег»,— левый берег реки Оки, то есть, естественном защитном рубеже на южных границах Русского государства в приснопамятных годах пятнадцатого и шестнадцатого столетий.

Так складывался образ обитания, так слагалась историческая летопись, так, пройдя этапами зачатия и рождения, обетованного обретения Отчизны, создавалась его нерасторжимая и непостижимая праздным умом — духовно-культурная общность,

Никоим образом не агрессор, тем более не завоеватель, и уж вовсе не колонизатор, туляк между тем, памятуя о «Береге», за рубежом которого простиралось Дикое

Поле, воздвигал на всякий случай укрепы, постепенно, год от года превращаемые в твердыни и форпосты — вдоль границ Русского государства.

Таким образом, туляк и «свершиша город на Туле камень. Крепкий. На прочной подошве. Толщина стен для вящей надежности пред супостатом и прочими лиходеями — около 3-х метров, высота — от 10-и до 12 метров. Но и это не все в твердыне: «на 4 метра в высоту от основания стены сооружены — из тесаного камня».

Стало быть, когда-то туляки хватили лиха в неустроенных крепостенках, значит, умылись собственной кровью понапрасну, и вот — тесаным камнем вглубь фундамента ушли, возводя укреп супротив супостата.

А как иначе, если отмечено в летописных источниках, что окончательно был построен кремль Тульский в 1514 году?!

А вкупе с устроением укрепов, возводится к началу XVII века в Туле и первый приходской храм,— сначала из дерева, с одним приделом во имя вмч. Дмитрия Солунского, затем — внушительный, каменный храм во имя Воздвижения Креста Господня.

Примечательно, что приход храма состоял в основном из посадских людей. Уместно напомнить, что Предтечев монастырь как тульская мужская обитель, построен в 1552 году. Построен наряду с людом мастеровым, в качестве создателей еще и известными зодчими, под руководством тульского наместника князя Г. И. Темкина-Ростовского; также — именитыми и простыми жителями города: в благодарность Господу за победу над войсками крымчаков хана Девлет-Гирея.

Прелюбопытно, что победа одержана в Судьбищенском сражении... Вслушайтесь! — ведь само название сражения несет в себе заряд предзнаменования, несет знак предопределения. И это также непостижимо, если вести речь в контексте национально-языковых особенностей каждого русского края.

Не исключено, что Божьим промыслом взаимообогащали друг друга, подобно сообщающимся сосудам, мирское дело и долг пред Отечеством; перемежаясь, в жизни общности взаимопроникали, дополняли хлопоты о хлебе насущном и долг обережения Дома отчего.

Так физически и духовно росла и созревала тульская общность, и перемежались свет и тьма, радость и горечь утрат.

Судьбищенское сражение стало своеобразной точкой отсчета; а Тула стала обретать статус опоры единодержавия в конкретных боевых делах, а также в военных стратегических операциях, имевших государственное значение.

Как это происходило?

Набег крымчаков был внезапным и стремительным: изгоном шли войска числом до 60-ти тысяч по Муравскому шляху. Выходили на тульское направление. В местечке, вовсе неприуроченном по такому поводу, а,— (как нередко в подобных сражениях!) — подвернувшемся на путях противоборства двух враждебных сил, а именно под Судьбищами — произошло столкновение. Надо сделать оговорку: в противоборстве участвовали далеко не равные силы. В русском войске воеводы боярина И. В. Шереметьева-Большого насчитывалось менее 13 тысяч воинов.

Поставленный в известность о внезапно напавшем противнике, Иван Грозный, быстро собрав достойную рать, выступил из Москвы к Оке. Наверное, соединение русских ратей в одно достойное войско, скорее всего, сейчас же одержало бы перевес, остановив противника. Однако, внезапность сказалась на скорости сбора — исполчились московиты слишком поздно, и Шереметьеву, как воеводе с отменным даром полководца, ничего не оставалось, как принять бой чрезвычайно малыми силами. Однако он, как полководец, не только сумел остановить врага, но и серьезно противостоять, более того, устоять и задержать набег.

Дело в том, как повествует нам историк, «узнав о вторжении, Шереметьев послал

гонца к царю, а сам от реки Северский Донец (возле г. Изюма) повернул назад и зашел в тыл к татарам, чтобы перекрыть им дорогу назад». Маневр известный; нередко применялся русичами в подобных ситуациях. О, если бы не запоздал маленько Иван Грозный...

Увы, случилось то, что случилось: у села Судьбищи (ныне это село в Орловской области в Новосильском районе) хан Девлет-Гирей предпринял обходной маневр, тем более, что в тылу было оставлено Девлет-Гиреем до 60 тысяч коней.

Далее события развернулись с потрясающей скоростью: Девлет-Гирей предпринял контрмеры и двинулся на Шереметьева; имея теперь, после оставления при обозе части воинов, без прикрытия с флангов, с семью тысячами ратников против все тех же 60-ти тысяч крымчаков, наш герой принял бой.

Пало в битве до 5 тысяч русских, оставшиеся бились самоотверженно, но из-за малочисленности, на какой-то момент русичи дрогнули. И все же судьба благоволила и в этой критической ситуации: воеводы Басманов и Сидоров восстановили порядки противостояния превосходящим силам крымчаков, а собрав вокруг себя около 2-х тысяч, сражались стойко.

Пришлось прибегнуть к естественной фортификации,— то есть отвести сражающиеся ряды бойцов в овраг, теперь уже у самого села Судьбищи. Надо отдать должное русским воинам,— они снесли сюда же и раненых. Бились до конца, хотя оставалась в строю буквально горстка.

К тому же, сам воевода Шереметьев-Большой был ранен. Но и к сумеркам помощь не подоспела. Зато хан отступился от своей затеи — в каком-то суеверном страхе он отвел свои войска, изрядно потрепанные, в сторону г. Ливны, где располагались его укрепленные улусы.

Где же на тот час находился Иван Грозный? Он приближался к Туле; во всяком случае, именно на тот момент был на пути к Туле. Страшную весть принесли ему гонцы, что, дескать, Шереметьев разбит. Хуже того, разнеслась весть, что будто бы хан Девлет-Гирей направляется к Москве.

Как быть, что предпринять, если даже стойкие из числа верных бояр в стане царя подавали мысль уйти назад? Чтобы поджидать татар там. Где это там? На Оке!

И вот здесь-то как раз и открывается страница Тульской летописи, на которой отображено событие, которое можно было бы назвать,— (если оно находится в согласии с нормированным литературным языком) — Предтеченским в истории самой Тулы и Тульской епархии. Впервые царь, оказавшись в сложной ситуации, предпочел отойти под защиту тульских стен.

Произошло то, что никак нельзя отнести к разряду случайного. По всем доводам, царь должен бы был поспешить к Судьбищам,— (со всеми вытекающими отсюда последствиями!) Однако, казалось бы, военно-тактическим представлениям вопреки, Иван IV избирает путь иной, а именно, отвод всего царского войска в Тулу. А это уже, так сказать, маневр стратегический, когда высший военачальник руководствуется здравым смыслом верховного правителя государства.

Вскоре в Тулу возвратились оставшиеся в живых воины, привезли они и раненых воеводу Шереметьева и Сидорова. Царь принял их с царской милостью, обласкал, также наградил всех сподвижников Шереметьева, которые храбро сражались с врагом, во много раз превосходившим по численности тульское войско Шереметьева-Большого.

Мастеровитый народ тульский, но и воинственного духа; талантливый, в меру прижимистый в житейском, однако — всегда трезвомыслящий, до консерватизма — правда, не переходящего в реакционность... Даже напротив, здравомыслие соседствует с напористой наступательностью в делах прогрессивной умопремены.

Достаточно ценностей, накопленных туляками, для того, чтобы укрепилось на

этом, добротно освоенном материале, на суровом пространстве, опоясанном двумя могучими реками в их верховье, духовное живоначалие.

Несомненно, что многое в истории причудливо переплелось, достоверное — с легендами, были — с небылицами, с красивым народно-эпическим вымыслом. Однако, доподлинно то, что начало Тульскому оружейному заводу положено Указом Петра I от 15 февраля (ст.ст) 1712 года. То есть, в нашем переложении под углом темы, это произошло за 86 лет до открытия Тульской епархии и спустя почти 400 лет после победоносного сражения на Поле Куликовом.

В этой же плоскости следует рассмотреть и еще одну особенность защиты от неприятеля русского пограничья. Само местоположение Пограничья определило приоритеты из разных видов и форм фортификационных сооружений, причем, с предпочтением в наших условиях и природно-рельефным особенностям местности на Волго-Донском и на Окско-Донском порубежье.

Тульские засеки издревле служили Московскому государству защитой от набегов кочевников Дикой степи, а позднее, и от агрессивных литвинов. Оборонительная линия, не имевшая в ту пору аналогов, то есть, как природная особенность в бассейне реки Оки, тянулась в южной части страны, проходила по территории ныне существующих областей —Тамбовской, Рязанской, Тульской, Калужской.

Восходя боевыми заветами воинской доблести и чести от былинных богатырей, Засечная черта отличалась на рубежах Московского государства довольно строгим уставом несения сторожевой службы. Порубежные заставы Засечной линии несли службу в форме сторожей денно и нощно, и всегда находились начеку, имея возможности незамедлительно передать сигнал к боевой готовности на большие расстояния,— по сигнальной цепи.

В чем это все вкупе выражалось? Это выражалось, в частности, в том, что сторожа обязана была стоять «на часах» исключительно неподвижно и «с коней не сседая»! А вдоль засек, с внутренней стороны, внутри них, дозором двигались легкие «станицы».

Конечно же, Тульские засеки — это составная часть Большой засечной черты Московского государства. Но ведь и сложилась она, в основном и по-преимуществу, из нескольких звеньев: Веневской, Каширской, Белевской, Крапивенской и Одоевской, а также из собственно Тульской. В свою очередь, собственно Тульская включала в себя ряд звеньев,— Коростеневской, Щегловской и, особо, Корницкой засек. Речь, разумеется, не в самодостаточности Тульской оборонительной системы на южной границе в XVI—XVII вв. Речь в самом туляке, как об архетипе, чей характер формировался в условиях постоянной готовности к отражению конных атак со стороны Дикого поля. Вот и предстает он как бы в одном лице: он — и коваль, и зодчиймастеровой, но и ратоборец по первому зову воинской трубы.

И потому храмы даже, возводимые им, монастыри на окраинах и в стратегическом порубежье, это оплот триединства, твердыня духа; это есть в конечном счете прототип беззаветной верности присяге и знаменосец единоверия.

Не отделяли себя от единародного и духовной общности князья русские, как великие Московские, так и удельные. То есть, в том числе воеводы, как правило. Так, основал в Белеве Спасо-Преображенский монастырь удельный Белевский князь Иван Иванович (2-я четверть XVI в). А вот Анастасов монастырь, во имя Рождества Богородицы, что близ Одоева, основали князь Иван Михайлович Воротынский с женой Анастасией. Жаловал князь монастырю и часть своих земель, помогал деньгами, и был тот монастырь подлинно оплотом духа и воинской доблести на реке Упе, входящей в водораздел стратегического значения.

До десятков набегов за полтора века совершили на тульские земли крымчаки, а именно по Муравскому шляху. Как тут не быть твердыней, чтобы не встать вовремя на защиту христиан от всего поганого из Дикой стороны?

А вот город Богородицк, не столь древний противу Одоева, Белева, да Венева с Каширой и, тем более, с Дедославлем,— основал стольник, и, что примечательно,— он же есть воевода Димитрий Александрович Хомяков (в 1670 г.). Факт на территории центральной России, надо заметить, не частый. Олицетворил все выше упомянутые качества и особенности древний Веневский мужской монастырь, во имя. Св. Николая Угодника, который историками, в том числе П. И. Малицким, характеризуется следующим образом. «...Мужская обитель и одновременно крупный оборонный центр Московской Засечной черты, в 33 км к северо-востоку от Тулы».

Подводя итоговую черту под кратким обзором путей и характера становления христианского православия, а именно в его конструктивно-предметном воплощении, следует очертить изначальное условие деятельности. Условие это конкретизировано в таком уникальном явлении российской истории, как образование Верховских княжеств. Это пространство можно поименовать более однозначно: анклав! — консолидированные образования из небольших княжеств. Расположены компактно, в схожих обстоятельствах рождения и пребывания в Порубежье.

Спору нет, они (говоря в рамках нашей темы), как бы не уместились в границах одной губернии, но составляют вместе один регион: а в историческом аспекте, эти феодальные княжества образовали некое силовое поле притяжения. Именно притяжение души великоросса!

Судите сами! — в этом созвездии и поныне сияют такие величины государственного устроения, как-то: Новисильское, Воротынское, Одоевское, Белевское, Оболенское, Перемышльское, Мезецкое, Козельское, Карачевское и другие княжества, но уже — в благословенной Чернигово-Северской земле (XII—XV в.).

Видимо, нельзя и Засечную черту отождествлять с чем-то в фортификации незыблемо-неприступным, однако, как нам это представляется, она универсальна в своем роде. Нельзя не согласиться с тем, что в сравнении с укрепрайонами разного характера в Отечестве,— это на самом деле образец военно-полевой, а точнее, стратегической фортификации буквально на природном материале и с принципами рельефных условий, использованных с максимальной эффективностью. Впрочем, и аналогов тому нет, разве что сравнить с оборонным значением горной цепи, например, в Альпах?

Чем руководствовался военный строитель Древней Руси в создании редкостного, прежде всего, какого-то непостижимо естественного по преимуществу, сооружения? Как была выработана концепция Засечной черты, когда в ней универсально сочетаются природно-ландшафтные условия и сама фортификационная конструкция именно с прицельной ориентацией на строгую и своеобразно ячейкообразную сеть сторожевых башен, типа вежи; сторожевых мобильных станиц и отряда лазутчиков? Плюс ко всему,— непрерывная цепь сигнальной службы пограничья.

Как могла зародиться мысль о соединении фундаментально-нового фортификации с использованием эффективного старого, то есть, в форме передвижных станиц и веж? Причем, с максимальным использованием особенностей русла рек, малых речек и ручьев по оврагам и балкам?..

Каким провидением гения самородка далось все это? Иль опытом? Не исключено, что и Божьим промыслом!

По сути дела, на рубеже средневековья, учреждения оборонительной системы Русского государства в виде «Засечных Линий»,— это был революционный прорыв в фортификационном отношении, когда устоялась граница между Лесом и Степью, чрезвычайно враждебными по отношению друг к другу. Но то, говоря образно, был и Зодиакальный свет в умонастроении поселян Средней полосы России, когда обязанности нести сторожевую и оборонную службу возлежали па людях исключительно нового типа, людях, сформировавшихся на рубеже управления Московским великим

княжеством, сперва, Василием Васильевичем, или же Василием II, прозванным Темным, затем и его сыном, Иваном III. Кстати упомянуть, что именно при Иване III обрел свой статус новый титул в названии Великого князя Московского, с поименованием его — «...и всея Руси».

С приходом на великокняжеский престол Ивана III, когда русская православная церковь обрела свою самостоятельность, постепенно стала укладываться в русло относительной стабильности жизнедеятельность в правовом отношении княжеств Верховьев Оки.

Верховские княжества в связи с усилием Литовского княжества, в особенности, при Витовте, занимали некоторое время двойную позицию, служа «на обе стороны». То есть, одновременно они пребывали и в составе Московского княжества, и являлись вассалами Литвы.

Только с усилением позиции Москвы при Иване III на международном уровне, князья православных княжеств стали тяготеть к Москве, как к центру духовности, родовой близости и национальной общности.

Как указывает историк К. В. Базилевич, «...в начале 1497 г. международная политическая обстановка сложилась вполне благоприятно для Москвы». Король Польский был занят устройством венгерских и чешских дел, и не мог, вследствие этого, оказать серьезной помощи Литовской половине своей державы, а тем временем урегулировались отношения с Крымским ханом Менгли-Гиреем. В то же время, Орда так называемых «Ахматовых детей» заметно ослабла и не могла угрожать противодействиями, находясь на рубеже южных русских границ.

В этой обстановке ускорился отход от вассальной зависимости Верховских князей, буквально откалывавшихся от Литвы. Воистину, Ивану III в тот час сделала подарок судьба; князь Семен Иванович Воротынский «со своею вотчиною» перешел к Ивану III.

Впоследствии примеру его последовали князь Михайло Романович Мезецкий и князь Андрей Юрьевич Вяземский. Причем, князь Михаил Романович Мезецкий «силой изымал двух своих братьев» из Литовской зависимости...

Переход Семена Воротынского и Михаила Мезецкого, а также двух братьев его, давал возможность Ивану III занять таким образом значительную часть территории на левом берегу в Верховьях Оки, которая, в свою очередь, составляла свою «отчину» и «дольницу» этих князей.

Присоединенная к Москве территория Верховских князей своеобразно выдавалась клином в юго-западном направлении по отношению к порубежным московским регионам в районе Тулы и Калуги, что представляло естественные возможности значительно укрепить оборону на тактическом участке южной границы. Именно этот участок нередко подвергался набегам крымчаков и других орд Дикого поля.

Теперь граница обозначилась ниже русла реки Угры. Она проходила от пункта нижнего течения Угры в направлении на Людимеск и Мезецк, затем — переходила на Верхнее течение реки Жиздры и, пересекая Оку южнее Белева, вливалась в черту старой границы уже вблизи города Одоева.

Читаешь труды К. В. Базилевича, и невольно ловишь себя на мысли, что, как говорят на Тульщине, «ножками исходил» историк те места, где шла отчаянно упорная борьба за земли Верховских княжеств, абсолютно бескомпромиссная, жесткая, буквально «наперехват», вплоть до агрессивного дележа: без правил и хотя бы какого-то приличного взаимопонимания, какой-то деликатной уступчивости между родственниками одного Дома. Дело в том, что Великий князь Московский Василий Дмитриевич, сын героя Поля Куликова Дмитрия Донского, был женат на дочери Великого князя Витовта. Но, тем не менее, и в условиях родственных уз, противостояние не стихало. Оно вновь и вновь достигало высшей точки кипения страстей по поводу собственности и власти над землями Верховья.

Другой историк, С. М. Соловьев, с присущей ему фундаментальностью доводов, дает более суровое определение происходившему на этом пространстве, ставшем при Иване III полигоном решительных действий.

Вот он излагает непреложные факты: «Что же касается земель присяжных князей Одоевских, Белевских, Воротынских, то здесь границы определить нельзя, потому что, по собственным словам Иоанна III, эти князья служили и его предкам, и предкам Казимира Литовского, на обе стороны, сообща; мы знаем также, что город Одоев, например, разделялся на две половины: одна принадлежала линии князей, зависевших от Москвы, а другая — линии князей, зависевших от Литвы».

По существу Тулы С. М. Соловьев и вовсе однозначен, теряется в догадках, сличая факты принадлежности ее в определенные периоды одному княжеству, и как бы одновременно и другому, в частности, Рязанскому и Московскому — как спорной вотчиной.

«Относительно Тулы новая трудность: «А что место князя Великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице Тайдуле, и кой ее байскацы ведали; в то ся князю Великому Олгу не вступатся и князю Великому Дмитрию».

«Тула,— поясняет С. М. Соловьев,— называется местом Великого князя Дмитрия на Рязанской стороне, он от нее отступается — это понятно, но в то же время отступается от нее и Великий князь Олег! В чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку в договоре Донского и, основываясь на позднейших договорах рязанских князей Василия и Юрия Дмитриевичей принимать, что Великие князья Московские отступились от Тулы в пользу великих князей рязанских, ибо в этих позднейших договорах московские князья обязываются не вступать в Тулу, но здесь опять затрудняет дело договор рязанского князя Ивана Федоровича с Витовтом, где встречается и следующее условие: «Великому князю Витовту в вотчину мою не вступатися Ивана Федоровича, в землю и воду, поколе рубеж Рязанские земли Переяславские моей вотчины вынемши Тулу, Берестей, Ретань с пашни, Дорожен, Заколотен Гордеевской» (Из актов эксп. I, № 25).

В такой чрезвычайно запутанной относительно собственности обстановке, каково же было утверждаться христианским добродетелям? Весь беспощадно громоздкий и непосильно тяжкий груз ответственности в делах поиска правды, ложился на плечи духовенства, и, прежде всего — архипастыря.

Вот как, к примеру, увещевает митрополит Иона своих духовных чад именно княжеского сословия.

«Дети! Била мне челом на вас мать ваша, а моя дочь жалуется на вас, что вы поотнимали у нее волости, которые отец ваш дал ей в опричнину, чтобы было ей чем прожить, а вам дал особые уделы. И это вы, дети, делаете богопротивное дело, на свою душу погибель, и здесь, и в будущем веке... Благословляю вас, чтобы вы своей матери челом побили, прощения у нее выпросили, честь бы ей обычную воздали, слушались бы ее во всем, а не обижали, пусть она ведает свое, а вы свое, по благословению отцовскому. Отпишите к нам, как вы с своею матерью управитесь: и мы за вас будем бога молить по своему святительскому долгу, и по вашему чистому покаянию. Если же станете опять гневить и оскорблять свою мать, то, делать нечего, пошлю за своим сыном, за вашим Владыкою и за другими многими священниками да, взглянувши вместе с ними в божественные правила, поговорив и рассудив, возложим на вас духовную тягость церковную, свое и прочих священников неблагословение».

Кстати заметить, что митрополит Иона явился своего рода родоначальником, когда с него начался отсчет нового времени в российском святительстве. В этой связи, С. М. Соловьев проясняет ситуацию, сложившуюся в Московском княжестве, следующим образом. «Московские смуты долго мешали назначению нового митрополита: — (имеется в виду, что после отказа ставленника Константинополя Исидору на

поставление в митрополиты; наконец был избран рязанский епископ Иона I митрополит, не только русский, но и рождением и происхождением из Северной Руси, именно из Солигалицкой области».

То есть, это показательный момент в истории преобразований, совершавшихся во Владимире, и последовательно в Москве.

В том же контексте следует напомнить, как отнеслась общественность государства Российского к доставлению именно русского, из подлинно и по рождению русских, в митрополиты; тем более, с поименованием Москвы — (впервые в ее истории?) — как града престольного.

«Таково было,— пишет С. М. Соловьев,— главное явление истории русской церковной иерархии в описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбский задумал дать Северной Руси отдельное самостоятельное существование, и даже господство над Южной Русью,— эта мысль осуществилась, когда обе половины Руси разделились под две равно могущественные и враждебные одна другой династии: вследствие этого разделения разделилась и митрополия, причем посредствующими явлениями опять, вследствие явлений политических, было образование отдельной Галицкой митрополии и перенесение Киевского митрополичьего стола на Север.

Это перенесение, «бедствие Византии, смуты, Флорентийский собор наконец, падение империи, высвободили Московскую митрополию из непосредственной зависимости от константинопольского патриархата...»

Любопытно суждение историка С. М. Соловьева о причинах и следствиях акта и перенесения митрополии в Москву из Киева, и мотивы поведений русских митрополитов. Он пишет: «Пребывание в Киеве, среди князей слабых, в отдалении от сильнейших, от главных политических сцен действия, всего лучшего могло бы дать им такое существование; но Киев не становится русским Римом: митрополиты покидают его и стремятся на Север, под покров могущества гражданского и на Севере недолго остаются во Владимире, который, будучи покинут сильнейшими князьями, мог бы иметь для митрополитов значение Киева, но переселяются в стольный город одного из сильнейших князей и всеми силами стараются помочь этому князю одолеть противников, утвердить единовластие».

Итак, определение сделано. «Утвердить единовластие!» — вот, думается, вектор духовной энергии и митрополии, и ее составляющих частей.

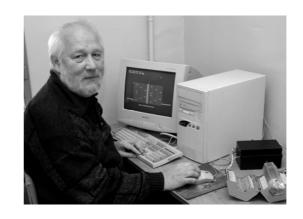
Но были и прозападные настроения на окраинах складывающегося государства в равной степени и за ее пределами, на довольно обширном пространстве; также были как и некоторые колеблющиеся, в центре. Однако общее настроение неуклонно восходило к идее единодержавия, и поэтому одерживали верх в противостоянии центростремительные силы.

Философию строения, вытекающую из очень простой формулы — «...яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...», овладела умами людей страны, считавшимися первыми лицами государства, сплачивала единомышленников, увлекала в свою орбиту колеблющихся и неустойчивых, одушевляла на действия решительные, и даже дерзкие — и самих князей, и их большие и малые дружины — Русь.

АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Алексей Яшин (г. Тула)

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ГОРОДСКОГО ТРАМВАЯ

Пармена Игнатьевича до невозможности обидело наконец-то состоявшееся решение городской Думы об учреждении в видах благоустройства, удобства жителей и поощрения внутренних грузоперевозок во вверенном ее управлению губернском городе трамвайного сообщения. Первоначально — по маршрутам отживающих свое конок.

Не потому обидело, что Пармен Игнатьевич (проще — Пармен; только так и называл его заглаза весь город) был ретроградом, врагом электрической энергии и европейских новшеств. Так окрестил его, будто клеймом каторжным лоб прижег, думский гласный Короленков. Нет-нет, просто этого самого Короленкова, хлыща и купчишку несерьезного, но фасонистого — как же! Коммерческое училище прошел! некогда по желанию Пармена высекли его лихие дьяволы-приказчики. Высекли на масленицу, на потеху всему православному народу. А Пармен-то Игнатьевич, не забывайте, телефон дома установил, в пекарне у него тестомешалка от стационарного парового механизма работает! Так какой же он ретроград? У Пармена хоша и русская натура, но толк и пользу машин признает, довелось не раз и не два побывать в столицах и на Макарьевской. Все повидал, выставками промышленными не манкировал. Более того, в душе презирает знаменитого местного воротилу самоварного короля Баташова. У него корпуса из листа медного гнут, паяют, доводят — все руками. Скупится поставить пресс и вытягивать самоварные основы. Вон как на патронном-то заводе гильзы снарядные так и штампуют, так и вылетают они. Говорит, полмиллиона стоит, ежели у Круппа покупать, да установка, да приспособа всякая — еще на четверть набежит. А того в ум не возьмет, что деньги эти затраченные за год прибыли втройне принесут. За три-четыре года всю империю Российскую, Китай да Персию с Турцией завалит самоварами. Не понимает, жмется.

Конечно, по правде полной говоря, Пармен Игнатьевич, истинно русский человек, машинами своими более обязан старшему приказчику, образованному и ловкому малому, нежели собственным домыслам о их полезности. Но, как говорится, барин-то все же хозяин, а не челядь его... Когда в кармане радостно теплит ладонь серебряный целковый, тем паче золотая десятка, то меньше всего вспоминаешь о копейке-основе.

А обиделся булочник Пармен, владелец солидной в городе крендельно-каравайной торговли — дом его в три этажа красного кирпича с цифрами недавнего года постройки на фронтоне, с перворазрядной кондитерской и булочной не хуже той, что столичный Филиппов в их городе двумя кварталами ниже построил, где только и бывают посыльные от кухонь губернатора, предводителя, виднейшего в городе дворянства и серьезного купечества, тот самый дом на углу Киевской и Благовещенской — так вот, обиделся по той причине, что кроме мукомольни, пекарен, булочных и кондитерских лавок, пая в небольшом, правда, но устойчивом самоварном производстве купца Орлова, имел он доход от двух десятков городских извозчиков, работающих по подряду от конюшни Пармена Игнатьевича, работодателя и отцаблагодетеля. Так в извозчиках все дело было.

* * *

Не было в городе невеликом, но и немалом человека, от носковского мещанинаогородника до последнего безусого подмастерья из гармонной мастерской, который бы не знал, не видел хоть разок мельком, не слышал, наконец, разных баек про булочника Пармена. Сама слава его была какой-то кособокой. Не имел Пармен миллионных капиталов и особой оборотистости. Далеко ему было до самоварщиков Баташовых, Батищевых, Орловых, Нефедовых, Синегубовых. Не владел он ни гармонной, ни пряничной, ни скобяной фабрикой. Песчинкой смотрелись его пекарни и лавки в сравнении с огромными, как иные уездные города, казенными оружейными заводами, на которых денно и нощно выделывали на славу Российской империи, да на страх усатому кайзеру и желтомордым япошкам, обидевшем-таки в пятом году государя и все православное воинство, винтовки и револьверы, пушки да пулеметы, да снаряд к ним; где трудились до двенадцати тысяч душ мастеровых. Сам царь Петр помогает казюкам крепить мощь государства: свежепоставленным памятником, в незазеленевшей еще бронзе стоит на оружейном дворе, в фартуке, искрами прожженом, и молотком выгибает стальную на наковальне полосу...

Пармен всего-то только купец второй гильдии, но человек поведения анархического, потому в регулярных учреждениях — Думе, правлении Купеческого клуба — не состоит. Народ там с замашкой на европейскую образованность, а потому не понимающий людей с широкой русской душой, каковой, вне всякого сомнения, награжден был при рождении Пармен — от папеньки Игнатия Тимофеевича.

При всем этом, однакоже, идет по Киевской заглавной улице, например, первогильдейный купец, оптовый мучной торговец Зимин, и мало кто ему кланяется. Городовой под козырек не берет, мелкие чиновники и те как на пустое место смотрят. А вот Пармену от всех уважение. С ним за руку и вице-губернатор, и начальник Оружейного завода, генерал-майор фон Вентцель, на что уж сухой остзейский немец. И тот же Зимин. Волком смотрит, а «наше вам почтение, Пармен Игнатьевич!» за три шага первый скажет. От серьезной власти и солидного купечества ему уважение, а простой народ так прямо восторгом преисполняется при виде Пармена. Иной, правда, скосоротится, ну да ясно, из приумолкших смутьянов, либо когда под горячую нетрезвую руку попал разгулявшемуся булочнику. А вот уж кто люто, хотя и трусовато, втихомолку, заглаза ненавидит Пармена Игнатьевича, так это мелкотравчатая губернская интеллигенция навроде учителя Благолюбова из частной гимназии, провизора Шайкевича да издателя либеральных «Вестей» Финкельштейна. Ну, эта публика известная с пятого года.

Власти уважают его за дело. В одном обществе Пармен принят радушно, и хотя не является его формальным главой, но только по своему капризу. Истинно же он душа губернского отделения «Союза русского народа». Власти-то хорошо помнят, что они должностью и животами своими обязаны Пармену Игнатьевичу! Когда в

смуту пятого года забастовали заводы и железная дорога, поддавшись стрезву пропаганде бунтовщиков, когда не осталось у губернатора никакой силы в подчинении, тогда и прошли по Киевской, а далее по Суворовской приказчики-молодцы Пармена, другие люди из верноподданных — человек под пятьсот. В черных рубахах, чуйках и однорядках, с хоругвями, у каждого вороненый револьвер в вытянутой руке, а впереди Пармен — бородища до пупа, саженного роста, кулаки по пуду. Один из полутысячи шел не с наганом, а с плетью. Подметная газетка Финкельштейна потом навалила сорок бочек мертвецов. Дескать шли пьянющие, за полверсты выдыхая спиртовой дух. Мол, сам Пармен лично выдавал каждому по полуштофной кружке водки, благославляя на поход против супостатов. Народ, понятно, не поверил. Приказчики у Пармена держались только трезвого поведения, и того Абрашка-газетчик в толк не возьмет, что с полштофа православный человек только дыхнет да и забудет, что пил. Попал пальцем в небо!

И так страшно, молча, тяжело ступая, дошли они до вокзала. На путях вместе с воспрянувшими духом казачками в дубье, в плети взяли бунтовщиков... и пошли, пошли, как миленькие, эшелоны с гвардейцами на север, в ближнюю столицу. Тогда лично и прилюдно назвал его губернатор-князь спасителем и троекратно расцеловал героя, а спустя короткое время и орден Святой Анны украсил сюртук Пармена Игнатьевича.

* * *

Но почему хмурится первостатейный купец Зимин — по той же причине кланяется в пояс Пармену весь народ. Натура булочника до предела беспокойная и увлекающаяся, что по душе истинно православному человеку. Пармена чаще можно было увидеть не в пекарнях, не в лавках, но наверняка на скачках, где он по-крупному играет с удачей. Это светлым днем. А вечером банк за банком срывает в Купеческом клубе либо в Благородном собрании. Родился под счастливой для фортунщиков звездой — карты послушными лошадками, как его верные слуги, бегают; только дармовые денежки как приходят, так и уходят. За пару-тройку дней прокутит со всяким городским сбродом выигранные тысячи, польет клубный паркет шампанским, под конец нафиксатуарит мордасы кому-то из мелких купчиков, а опосля расплатится с ними полюбовно. Иной же раз — через судебные кляузы.

За то народ уважает Пармена, что в обычае у него: выиграл крупно на бегах, сорвал банк на пяток тысяч — сразу на копейку цену на хлебный каравай сбавляет... до воспоследующего проигрыша. Отсюда и поговорка губернская: «Выиграл Пармешка — подешевела коврежка!» А когда у того же Зимина, игрока тоже азартного, но незадачливого, выиграл вагон муки, уже груженый к отправке в Гельсингфорс, то два дня в главной булочной приказчики — знай наших! — раздавали дармовой хлеб. Христианское это дело пресек, прислав пристава с нарядом, председатель казенной палаты, усмотрев в бесплатной раздаче караваев и саек фаланстерскую ересь и пропаганду Марксова «Манифеста».

Уважал Пармена городской люд.

* * *

Если что не по нем, то Пармен Игнатьевич впадал в форменное помешательство. Так и узнав о решении городской Думы, мигом прекратил торговлю во всех лавках, собрал приказчиков, грузчиков, ломовиков и прочую челядь в подвале своего дома — под главной булочной. Выставил бессчетно четвертей водки, сам в дым напился и кричал, кричал Пармен Игнатьевич:

— А-а! Головы премудрые, конки им мало, извозчиков, трамвай електрический подавай! Знаем мы для чего трамваи нужны: приличному человеку они не надобны, а смутьянам да жидам — бомбы перевозить чтоб сподручнее было.

И много другого гневного и обличительного сказал пьяный до синевы Пармен. Опосля с приказчиками ездили на конюшню, забрали несчастных — от трамвайного лиха — извозчиков и всю ночь пировали в извозничьем же трактире Федулова. Под утро Пармен, весь в слезах, с измочаленной бородой, целовался со своими лихачами и ломовиками, причитая горестно:

— Сиротинки вы мои, губят вас антихристы, трамваем давят...

Потом все собирался со своими орлами идти громить бунтовщиков и их думских потворщиков, но на выходе из подвала его могучее тело сломилось пополам, Пармен упал на руки приказчиков и захрапел. Отхаживали его домочадцы. Снились ему думские хлыщи, аптекари и гимназические либералы, раскатывавшие по городу в искрящих электричеством трамваях.

Было утро. Пьяные разбредались малопьющие приказчики и осиротевшие извозчики, унося наградные — разбросанные щедрой рукой благодетеля зелененькие, синенькие, а кто и червонцы да «сашеньки».

* * *

Даже не возможность потери извозничьего промысла разгневала Пармена (ведь почтительно, но настойчиво говаривал ему старший приказчик, что-де трамваем будут в основном пользоваться городские мещане да мастеровые, а барин — он и сейчас и при трамвайном сообщении поедет в коляске с лихачем на резиновом ходу. Очень ему нужно трястись с грязным народом, как в сельдяной бочке, в грохочущей железке!), а так: ну не понравилась ему сама идея заведения трамваев и вбил себе в голову: не жалаим!

Однако судьба обездоленных лихачей не давала простору для мыслей и выдумки. Потому, проснувшись ближе к полудню, Пармен опохмелился и живо вспомнил ночные поминки по гибнущему от искрящего, скрежещущего трамвая исконному, на шинном мягком ходу извозчичьему промыслу.

Надо принимать меры, но городская Дума с ее трамваями не бунтовщикимастеровые с коноводами-аптекарями. Их в плети и дреколье не возьмешь, следует
партикулярно осиливать. Пармен Игнатьевич, приняв еще стопку, велел человеку
живо сбегать за отцом Паисием, священником церкви Фрола и Лавра. Поповка Паисия стояла рядом, в пятидесяти саженях. Скоро явился и семидесятилетний кум и
всегдашний застольник булочника, сребровласый отец Паисий. Приняв за компанию
со священником уже третью стопку, за закуской Пармен излил душу духовному пастырю третьего уж поколения их рода и заключил беседу коллекционной мадерцей и
неожиданной просьбой: встать с крестом, в полном праздничном облачении, с дьяконом и хором во главе Парменова воинства из молодцов-приказчиков, бедолаг извозчиков и другого почтительного к булочнику люда — и повести крестный ход до Думы, мимо Благородного собрания, Купеческого клуба, губернаторского дворца, молясь об изничтожении божьим соизволением в самом корне либеральной мысли об
устройстве в городе електрического трамвая.

Опешивший отец Паисий сходу отказал, трепеща и сам лишиться на старости прихода, и сыновей-внуков обездолить. Пармен только рукой махнул. На старые дрожжи его развезло, сообразие мысли совсем утратил.

После ухода напуганного священника хозяин выпил одну за другой еще три рюмки, оправился от мрачности духа и объявил вызванному старшему приказчику: полную неделю извозчикам бесплатно возить народ (конечно, сажая публику почище, не шантрапу какую), втолковывая седокам, что барин-де разорится, но трамвая не допустит, а всякий враг думских трамвайщиков будет отныне собинным другом Пармена Игнатьевича, за которым благодарность никогда не пропадала.

Тотчас было передано и исполнено; Пармен же тихо и покойно задремал.

Спал он недолго. Могучее здоровье в полтора часа справилось с утренним похмельем и со вчерашним разгульным тяжелым хмелем. В положенное к вечеру время, успев побывать у двух купцов из числа солиднейших — самоварщика Устюжникова и скобяника Орлова (с последним успел и закусить в лучшем в городе трактире Сырокомова), — где интриговал все по тем же трамвайным делам, Пармен явился в Купеческий клуб. Игра состоялась значительная, но после первого круга случилось досадное. Некоторый купчик, не стоивший и случайного плевка, втиснулся в беседу:

- Пармен Игнатьевич, говорят, вы, в поощрение вашего-с противления новейшей в городе трамвайной идеи приказали своим извозчикам бесплатно возить всякого рода публику?
 - Да, буркнул Пармен, не отрываясь от карт.
 - И с какого же это дня-с?
 - Что... с какого!?
 - Возить бесплатно-с будут?

Из дальнейшего разговора, все более и более занимавшего внимание Пармена Игнатьевича, выяснилось, что с означенного купчишки его, Парменов извозчик сегодня взял полтину — от Никитской до Стародворянской. Такие же действия, по его наблюдениям, производились и другими Парменовыми извозчиками. Вспылил булочник:

— Канальи! — И тут же послал клубного лакея с устным приказом старшему приказчику: немедля собрать всех выжиг-извозчиков, рассчитать, выгнать в шею всех до единого, извозный промысел лихачей закрыть. Лакей умчался.

Меж тем карточная игра продолжалась. Спустя некоторое время другой клубный лакей почтительнейше попросил краснолицего, не остывшего от гнева на извозчиков Пармена Игнатьевича к телефону. Звонил старший приказчик. Для подтверждения необычного распоряжения хозяина.

Пармен рявкнул матерно и велел уволить каналий.

— Слушаюсь! — ответил хитрец приказчик. Пармен вернулся к сукну.

В этот же вечер Пармен проиграл всю конюшню с лошадьми, колясками и сбруей Орлову. Проиграл в спешке, почти нарочито. Был пьян и лют. Домой возвращаясь, страшно ругался, нарекал всех канальями, включая городского голову и губернатора (заглаза).

* * *

На следующий день несколько отвлекся от досадных мыслей о трамвайном зле. Причина того — число дня месяца июля, именно воспоследовавшего за разорением извозного промысла: Петров день — узаконенное традицией народной жизни время хулиганств и кулачных боев.

К полудню Пармен Игнатьевич в сопровождении домочадцев, старшего приказчика, именитых гостей из купечества на многих колясках отправились на Батищеву поляну, где издавна стенка на стенку бились Пореченская казюковская и Носковская слободы. (Надо ли говорить, что экипажи Пармену с сотоварищи любезно предоставил их новый владелец Орлов).

Народу в низину-пойму речки, разделявшей слободы, сошлось видимо-невидимо. Мастеровые, чиновники, городские мещане, ребятня толпились по обе стороны, облепив длинные пологие спуски. Преимущественно сидели на травке семьями, молодые ребята — компаниями, пили водку, хрустели огурчиками. Празднично наяривали в привычных руках настройщиков хромки. Немало уже ничком лежало упившихся тел, мелкими кучками задирались между своими.

Купечество, зажиточные мастеровые, невысокий чиновничий люд стояли по-

одаль на лучших местах Пореченской стороны: по бульвару Миллионной улицы и пониже — у Батищевского сада. Совсем чистая публика расположилась с комфортом: купцы-заводчики и фабриканты — в самом саду; городские власти, дворянство — на летней террасе трактира Сырокомова. В центре террасы, обслуживаемые самим почтительнейшим хозяином, сидели наизначительнейшие персоны: вицегубернатор, предводитель, начальник оружейного завода генерал-майор фон Вентцель, а с ним инспектирующий из Петербурга ответственный чин из военно-морского министерства. Фон Вентцель привел его на экзотическое зрелище.

Пармен же Игнатьевич, оставив своих провожатых и домочадцев в почетном месте Батищевского сада, раскланялся с вице-губернаторской ложей и в сопровождении Федора, самого здоровеннейшего из своих приказчиков, поспешил к месту игрища. Не глядя, сбросил на чьи-то услужливые руки дорогого сукна поддевку, засучил рукава и встал в дружину пореченских бойцов. Федор дышал в затылок луковым духом. Напротив, через лужайку, гуртовались раскрасневшиеся от водки и возбуждения битвы носковские самоварники и патронщики.

Но это еще не все. По мановению руки Пармена, знаменитого бойца и признанного главы пореченской дружины, тройка приказчиков примчала на тележке (лошадь выпрягли, ибо ей было не пробиться по склону в густой, полупьяной и мало что от вина и задора соображающей толпе), десятиведерную бочку, которую тотчас сгрузили. Федор вышиб затычку и ввернул кран. Пармен принял из рук запотевшего приказчика малый полуштофный ковшик. Бойцы, приглаживая волосы, чередой потянулись к дарующей руке, выпивали доверху наполненный черпак, — спасибочко! — с поклоном благодарили Пармена Игнатьевича, брали из наваленной на тележке горки по аппетиту огурчик, пучок зеленого лука, вяленую рыбку. Накладывали на порезанные калачи охотничью колбаску, сыр со слезой, буженину, наскоро закусывали и грозно, боевито откашливаясь, стягивались подковой к вытоптанному центру лужайки.

То же самое действо происходило и на носковской стороне. Там народ угощал самоварник Худяков вкупе с гармонными фабрикантами Крашенинниковыми. Под конец угощения некто по-двое, в суконных пиджаках, в которых без труда узнавались заводские мастеровые, разнесли по обеим сторонам несколько ведер водки. В публике, принимавшей угощенье, шептались, что-де генерал Вентцель, в ведении которого был и Оружейный — пореченской стороны — завод, и расположенный в Носково Патронный, выставил от себя и тем и другим без обиды. Генерала одобрительно хвалили: хоть немец, да человек!

Внезапно смолкли гармошки на носковской стороне, утихли скандалы, скандальчики, драки и драчки. Бойцы стенками-подковами стояли друг перед другом. Перед пореченской ратью прохаживался Пармен, веселый, красный как из бани... Как водится, поначалу выпустили по пятку мальчишек-подмастерьев. Те с петушиными криками, звонкой матерной бранью стали азартно ставить друг другу фингалы и вышибать зубы. Заклубилась пыль на притоптанной лужайке, под ногами дерущихся лежала пара сплюснутых сапогами фуражек. Косой Свирька, первый хулиган из подмастерьев Пореченской слободы, изловчившись, саданул малорослого парнишку, но что-то уж сильно ударил (хотя сам хлипковат был). Носковский парень брыкнулся оземь, пару раз крутанулся и страшно-больно закричал.

- В руке, в руке-то пятаки! подхватили крик носковские драчуны. Из стенки выбежал гармонный мастер Платон Охрипков, ухватил Свирьку за шиворот, разнял кулак и с торжеством показал всему честному народу полуфунтовую свинчатку, забросил ее поодаль и с растяжкой ударил хулигана прямо в душу. Тот без единого стона, онемев, перегнулся и рухнул в поднявшуся пыль.
 - Народ! завопили в публике пореченской стороны, малолетку убили-и! А из Парменовской дружины с матерным лаем выбежал Николай Родионов, род-

ной дядя Свирьки, с налету кулачным ударом раскровянил Платону нос. В народе взволнованно прошелестело:

— Началось!

Обе стенки торжественно и в полном молчании, смыкаясь флангами, двинулись навстречу друг другу, навстречу пудовым кулакам, ломаным ребрам, выбитым зубам, а может, если Господь того пожелает, и истинно христианской смерти в честном бою.

— Началось!

* * *

На сей раз слишком щедрое угощенье поставили бойцам, поэтому драка как никогда случилась страшная и кровавая. Пармена-благодетеля замертво вынес сам растерявший седмицу зубов верный Федор. Впрочем, булочник скоро ожил заботами своих домочадцев, омыл с лица и рук кровь, переоделся в чистую, загодя запасенную одежду, выпил для освежения чувств и тела четыре рюмки «Смирновской» и полчетверти пива, закусил у гостеприимного Сырокомова ушицей, а главное — с интересом наблюдал завершение битвы (сам потому не смог вернуться на позиции военных действий, что мешал забинтованный сломаный мизинец левой руки). А окончание случилось серьезным. Дело в том, что распаленные мужички обнаружили у двух-трех бойцов-пореченцев придерживаемые в кулаках, правда не свинчатки, но вполне увесистые медные пятаки с вензелем Катьки-царицы. Подобного нахальства носковцы не стерпели. Кто-то схватил кол, выдернутый из ограды ближнего дома мещанина Филиппова, другой невесть откуда взявшуюся железную поковку... Словом кровища полилась рекой, под ногами дерущихся валялись уже не картузы только, но страдальцы, истекая красной пеной на пыльную утоптанную землю. В этот-то интересный момент саданули поддых Пармена и обломили злополучный мизинец.

Слишком часто падавшие люди и дреколье в руках бойцов встревожило оберполицмейстера. Он наклонился к уху вице-губернатора:

— Ваше превосходительство, не прикажете ли разогнать? Членовредительство уж очень заметно.

Тот, поднимаясь с кресла, промолвил:

— Что ж, пожалуй, пора.

Вице-губернатора смутило не столько кровопролитие, а серьезный, изучающий взгляд петербургского гостя. Даже пожалел, что устроил официальное присутствие.

Вослед пошли и остальные, веранда опустела, половые бросились прибирать столы, перестилать скатерти. Обер-полицмейстер бросился к стоявшему обочь Миллионной полицейскому взводу. В этот-то момент гулко прогремели со стороны низины выстрелы.

* * *

Тотчас выстрелы забухали если не частоколом, то во всяком случае с внушительной быстротой. В многотысячной толпе любопытствующей публики раздались крики ужаса, женские вопли и детский надрывный плач. Полицмейстер, побледнев, погнал свистающий в свистки взвод прямо по ногам забившей косогор публики, по разложенной закуске, бутылкам, посуде. Драчуны вмиг рассыпались, только с пяток наиболее рьяных никак не могли расцепиться. Полиция хватала всякого с признаками драки: крови, растерзанной одежды, дикого озлобленного взора. Подкатили реквизированные извозчики, собирали лежащих на земле людей с признаками и без оных жизни.

Уже в трактире Сырокомова, сидя со своими гостями за обильно и умело сервированным столом (после ухода губернской власти весь большой зеркальный зал заполнился купечеством, богатыми подрядчиками, средним чиновничеством), геройски

уложив на столешницу между блюдом с осетром и мандариновым вазончиком руку с обвязанным мизинцем, Пармен услышал от припоздавшего купца Филимонова, помогавшего со своими приказчиками полиции вылавливать драчунов, окончание битвы и разъяснение стрельбы.

Оказывается, оглушенный ударом железной поковки, некто Маслов, мастеровойнадомник, обиделся страшно и, немного очухавшись, выбрался из свалки дерущихся. Придерживая рукой разбитую челюсть, сбегал в ближнюю — на Пореченской стороне — портерную, заложил по-дешевке серебряные «Павел Буре», заскочил в недальний свой дом, выгреб что было из кубышки, не отвечая на любопытные расспросы девяностолетнего деда. На обратном пути заскочил в пару подворотен, пользовавшихся у полиции дурной славой, и, запыхавшийся, пробился к полю боя уже с тремя несамовзводными солдатскими наганами и горстью патронов. Сунул два револьвера своим ребятам, а сам отыскал обидчика и три раза подряд выстрелил в него. С этого все и началось. После уже и хулиганы стреляли из публики. Итого, как подытожил вестник, общим числом убито трое, из них застрелены обидчик Маслова и шальной пулей — прачка фабриканта Синегубова-младшего, стоявшая в публике. Ранено и покалечено двенадцать, арестовано под три дюжины. Кроме того, во время зрелища в опустевшем городе совершено два десятка краж, среди которых и значительная: опытной рукой сработана патентованная немецкая денежная касса на фабрике Орлова. Взято денег, векселей и акций на восемнадцать тысяч четыреста тридцать один рубль.

Расходящаяся публика одобрительно шумела: веселый ноне бой получился! Пармен же, весь налившийся кровью, встал, поддерживаемый верным Федором, и гаркнул за драгоценное здравие государя-императора и всего августейшего семейства. Грянул хор присутствующих, и начался пир. Неслышными, бестелесными птицами летали меж столов, разнося бутылки и яства, вышколенные сырокомовские половые.

* * *

...Через 60 с небольшим лет внучатый племянник (это вроде как великий наш демократ Афанасьев — товарищу Троцкому) Пармена Игнатьевича — Семен, юрисконсульт швейной фабрики, жил и здравствовал в том же городе. Скупо, со слов отца, бывшего фронтовика, затем горнового металлургического завода, парторга цеха, слышал он о своем скандальном пращуре. Отец, прошедший суровую школу жизни, не любил таких колоритных воспоминаний.

Получилось так, что в ночь на Петров день Семен, как руководитель (по схожести профессий) своего фабричного ДНД, до утра дежурил в штабе Пореченского района. Ночь выдалась хлопотной. По давней, неумершей традиции вовсю хулиганили молодые ребята: как комсомольцы, так и шпана. Пээмгешки за один заезд привозили до пяти задержанных. В штабе составляли для райотдела описание их подвигов: те-то установили «Запорожец» пенсионера-инвалида Сидякина на доминошный стол во дворе, другие связали бельевой веревкой все двери первого этажа в подьезде кооперативного дома, а третьи и вовсе снесли ворота в частном домовладении...

Утром Семен не пошел на работу, поспал до обеда, опосля послонялся по дому, покурил в саду (жил он в собственном, отцовском доме в пригороде), а ближе к вечеру отправился в город. Неспешно и без особой цели прогуливаясь по тротуару центральной пореченской улицы им. Ленских событий (бывшей Миллионной), на перекрестке с недавно перепланированной улицей Академика Королева (еще через двадцать лет в угаре обновления обе улицы перекрестят, соответственно, в проспект Демреформ и Академика Сахарова) он встретил троих своих коллег по работе, инженеров, накануне вернувшихся с сельхозработ в подшефном совхозе, а потому отмечавших «банный» день. Семен опомниться не успел — а ведь были же у него какието дела? — но, видно, не особо важные? — как они всей компанией, освежиться по

случаю духоты воздуха в атмосфере оказались в «Радуге», ресторане, унаследовавшем свое название и самое помещение, ныне расписанное «под Палех» взамен давным-давно побитых зеркал, от бывшего трактира Сырокомова. От тех же времен остался и вид на застроенную блочными девятиэтажками пойму речки-невелички между Носковым и Поречьем.

В недавно отремонтированном капитально зале, где от былого великолепия остались лишь десятиаршинные потолки, в виду раннего промежуточного времени суток было пустовато. Официантки все до единой скрылись в служебке. За несколькими столами мужики пили попарно позавчерашнее «Славянское», почему-то с явным привкусом ванили. В сгороженном одновременно с ремонтом баре скучал молодой тонкогубый парень в джинсах, алой рубахе, с большой бутафорской сиреневой бабочкой. Кто его так вырядил? Он скучно менял пластинки на проигрывателе. За стойкой тянули мутный коктейль двое заводских парней, невероятно пораженные доселе виданным только в закордонных фильмах: баром с пустыми фигурными бутылками, подобранными на московских помойках, пластмассовыми соломинками и «червивкой» местного совхоза, смешанной с апельсиновым соком.

Еще к бармену уныло приставал мужик в галстуке, лет под тридцать, по виду — колхозный агроном, приехавший на семинар по линии Агропрома. Он требовал налить ему водки и совал трояк. Бармен заученно бубнил:

- Я торгую слабыми, средними и крепкими спиртными напитками. На что агроном резонно отвечал:
 - А разве водка не спиртной напиток?

* * *

С полчаса они маялись, сидя за пустым столом, вяло рассказывали анекдоты про членов ЦК КПСС. Ни одной официантской души! Собери все скатерти в узел и унеси — никто и внимания не обратит. Двое, плюнув, ушли. Торопились, и время, что рассчитывали провести за скорым пивком, иссякло. Семен остался на пару с Юркой, инженером из отдела главного механика. Наконец-то в зале объявилась официантка, но она не властвовала над их столом.

- Мадам! Скажите же нашей, если не померла еще: сорок минут ждем,— взмолился Семен.
- Сейчас придет,— кротко ответила официантка и сама вновь скрылась от греха и суеты подальше.

Когда минул ровно час ожидания, когда загудел заметно наполнившийся зал, из служебной двери полувзводом вывалились официантки. Самая древняя, с седыми всклокоченными патлами, враскачку подбрела к их столу. Не глядя на клиентов, равно как и на неубранную от предыдущих посидельцев посуду, оперлась подагрическими ладонями о залитую соусом скатерть, глухо осведомилась:

— В чем дело? — глядя поверх голов в сторону сияющих в лучах заходящего солнца золоченых куполов собора местного кремля.

Юрка, недавний еще ленинградец, не воспринявший в полной мере местную культуру общения, вытаращил глаза, после — расхохотался так искренне, что весь наполнившийся инженерами, фарцовщиками, офицерами, искательницами приключений и откровенными пережитками эпохи полового неравенства ресторанный зал засмотрелся в их сторону, но не поняв причины веселья, все тотчас и отвернулись.

Старуха угрожающе заворчала и уплелась назад, а наши страдальцы еще с четверть часа ждали, пока мегера принесла-таки водку и жухлый помидорный салат. Минералку, сигареты и спички она, конечно, забыла и принесла в следующий заход.

Чтобы освободиться от дремоты ожидания, они быстро, одну за другой, хлопнули по три рюмки. Головной зуд прошел, неприятность бесконечного ожидания забылась. Разговорились. Через час, пожелав заказать еще бутылку, Семен принялся выискивать почти что окончательно пропавшую фурию в фартуке. Обнаружив ее где-то в углу, за баром, он дико закричал:

— Мадам! Мадам!

Впрочем, та услышала, подошла, бормоча в сторону:

— Девок вам что ли подсадить?

Наверное, так она и поняла и скоро подсадила двух девок, вынудив их уйти с соседнего стола, который-де уже заказан.

Все дальнейшее малоинтересно. В начале одинадцатого часа наши герои покинули заведение. Девки же, продавщицы из продуктового, поняв, что у них в карманах «по-интеллигентски» пусто, остались ждать приличных женихов на час-другой, а может, если судьба улыбнется, и на всю оставшуюся жизнь в труде и радости, отдыхе, семье и детях.

Семену запомнился взгляд одной из них, знающей себе цену хохлушки, которым она проводила уходящих парней. Подумалось: вот что ей сейчас до боли, до колик в животе, в нутре, истерзанном абортами, нужно — чтобы вошел под закрытие ражий мужик, этакий шкаф с толстой мордой, лошадиными бисцепсами и полуаршинным «предметом», взял грубо за руку, вывел со словами «нечего тебе здесь торчать-киснуть», посадил в машину, сунул за лифчик пару косых и трое суток держал у себя, услаждая изголодавшуюся в тюрьме, в воркутинском забое живую плоть. Величайшее твое счастье — принадлежать животному, да еще и оплачивающему твое и его удовольствие. Тьфу!

* * *

Два дня Пармен Игнатьевич не выходил из дома. Лечил поломанный мизинец, кушал понемногу водочку, а все больше прогуливался по гостиной взад-вперед. Тук да тук постукивал каблуками подкованных сапожек в паркетный пол. Понятно, не боль в пальце, завернутом в бамбуковый лубочек и искусно забинтованном, волновали и заботили его в эти дни. Все тот же проклятый трамвай покоя не давал.

— Эк выдумали на голову честных людей этот трамвай?! — думал Пармен Игнатьевич, начисто забывая, что именно он-то в четвертом годе сам ратовал за трамвайное сообщение, насмотревшись как ловко он бегает в столице. Он и агитировал всех отцов города, купечество, да так рьяно, что наверняка бы сагитировал, не начнись бунты и прочие беспорядки по всей Российской империи, надолго прервавшие всякие новомодные прожекты.

Отчего случился такой чудесный поворот в мыслях и делах Пармена Игнатьевича? Уж, конечно, не из-за распущенного (кстати, самим же) извозного промысла, не из-за отвращения к новейшим механизмам и электрической тяге... а отчего? Один ответ здесь будет правильным: из-за православной, истинно русской широкой натуры Пармена Игнатьевича.

- Что хочу, то и ворочу!
- Сегодня одно разумею, а завтра другое делаю!

А может смутное время краснознаменных бунтов, стачек и забастовок подействовало на почтенного булочника таким образом, что стал он пугаться всяческих железных приспособлений. Ведь всерьез же кричал криком в Купеческом клубе:

— Да трамваи-то жидам и нигилистам нужны, чтобы сподручнее было револьверы с бомбами перевозить с позиции на позицию, да еще и прокламации на ходу из окошек разбрасывать!

Но как бы там ни было, теперь Пармен Игнатьевич не пожалел бы всего своего капиталу, дабы не допустить трамвай в город.

— Человек рожден по воле Господа ногами по землице ходить, а не в трамваях

раскатывать! — хмуро бормотал в тишине гостиной Пармен, — надо что-то делать? Вот ранение-контузия меня на два дня из строя вывела; ничего, с завтрева другой бой начнется... против трамвайщиков.

А слова Пармена тверже стали.

* * *

Что задумал, то и исполнил. Великой сметкой и хитростью наделила Пармена природа. Оправившись от ранения, на четвертый день от знаменательного боя, о котором еще и неделю спустя язвили и злословили все либеральные газетенки в столицах и университетских центрах, велел Пармен звать гостей на обед по-старинному, по-дедовски, без устриц и ананасов, но с тройной стерляжьей ухой, «Смирновской» с печатями, коньяком от Шустова, мадерой с корабликами, рыжиками в собственном соку, расстегаями, белужьим боком и всем остальным, чем богата пока еще, не оскудненная нигилистами и провизорами-бомбометателями Российская земля. Велел он звать и сомнительного члена новоявленного комитета Думы по изысканию и прокладке трамвайных путей, спивающегося адвоката Спасокукоцкого. За обильным застольем, за беседой узнал Пармен от пораженного таким вниманием и обласканного адвокатишки всю подноготную комитетских дебатов. А узнав, тотчас нащупал узкое место. А нащупав, в тот же день распорядился какими угодно деньгами купить домишко мещанина Усысоева со всеми строениями и огородом на берегу Батищевского пруда. Уже к ночи дело было порешено, а очумевший от дара небесного, сам сильнопьющий, Усысоев гулял напропалую. Даже злющая и скупая его супруга, онемевшая от одного вида таких денег, самолично выдала на разгул пару красненьких. И пока муж гулял в третьеразрядном трактире, где его и подцепила некая рябая девка, у которой он, семейный человек, торговый мещанин, очнулся поутру без единой копейки, она же, супружница Глафира Никитична сняла от домовладельца Пырщикова прекрасный флигель с участком в Поречье на Миллионной и думала, любуясь: как же хорошо и завистливо будет смотреться фронтон флигеля, украшенный вывеской: «Мелкая и бакалейная торговля Усысоева и сыновей». Было у них три дочери и сын — дурачок от рождения.

Но еще более радовался Пармен. Знай это, Усысоиха взяла бы с него и вдвоевтрое большие деньги за свою лачугу с сараем.

* * *

После той бешеной ночи, когда торговый мещанин Усысоев пьянствовал и прелюбодействовал с рябой девкой, а Пармен, послав старшего приказчика купить неказистый домишко, продолжал за закуской деловой разговор с членом трамвайноустроительного комитета городской Думы Спасокукоцким, уточняя различные, второстепенные вроде детали предприятия, к удивлению всей губернии, только-только решившей насладиться длительной схваткой Пармена Игнатьевича с городскими властями и трамвайным поветрием, все вмиг утихло.

Пармен загадочно улыбался, хулу на трамвай не пущал, вроде даже и смирился. По-прежнему удачливо играл на бегах, в Купеческом клубе, вновь сбрасывал копейки с коврижек, но... вот это «но», это показное покорство судьбе неуступчивого Пармена озадачило горожан.

— Что-то здесь не так! — говорили на базаре. Им вторили в лавках и канцеляриях, пожимали плечами даже в Дворянском собрании и губернаторской резиденции.

Это «но» внезапно выскочило через год и прямо в лобешник ударило потерявшие бдительность городские власти и Комитет трамвайщиков. Ведь не зря жил припеваюче облагодетельствованный мещанин Усысоев. Не дурак был Пармен Игнатье-

вич, купивший на имя дальней родственницы старшего приказчика в един вечер за громадные деньги халупу пьяного мужичонки. Наконец, не зря день и ночь говорил он за разносольем и шустовским коньяком с членом трамвайного Комитета Думы адвокатом Спасокукоцким. В один распрекраснейший день, почти как год тому назад во время смертоубийственного боя в межслободской ложбине, к бывшему владению торгового мещанина Усысоева притащился рассыльный из Думы, вынул из сумки росписную книгу, прокричал хозяина. После троекратного призыва из домишки выполз вовсе не торговый мещанин Усысоев, а некто древний Егор Голубин:

- Ште надобно?
- Из Думы. Здесь живет Усысоев, владелец дома и участка?
- Ни-и, хозяйка-то моя племяшка. Она самоя в Епифани земской фершалицей теперича проживает, а я тут-ка все коротаю...
 - С каких это пор?
 - Да год уже миновал, солдатик.

После непродолжительного разговора курьер, за неграмотностью деда, заставил его поставить крест в книге и ушел восвояси. Думские чиновники скоренько размотали дело с продажей и устно, по телефону, а потом и письменно попросили достопочтенного Пармена Игнатьевича посетить городскую Думу по вопросу, представляющему для него интерес. Он, конечно, не пошел, а послал досужего от дел приказчика, даже не старшего. Однако с видимым нетерпением ожидал его возвращения. Коварна же месть Пармена!

Приказчик явился пополудни и объявил, что-де Дума желает выкупить у благодетеля записанный на фельдшерицу имя-рек домишко с участком на берегу Батищевского пруда, поскольку именно там предполагается в обход пруда прокладка трамвайной линии пореченского маршрута. И что-де ответ положительный требуется немедля как на завтрешнее утро. Пармен Игнатьевич расплылся в благожелательнейшей улыбке и рек:

— Сами придут, ежели надобно. Больше туда не ходи.

* * *

Тут-то началась громкая война Пармена, юридически представляющего интересы фельдшерицы, занятой работой в епифанском земстве, против городской Думы. Действительно, сами пришли, не только рассыльный, но и председатель Комитета с ухмыляющимся Спасокукоцким, за последний год остепенившимся, бросившим пить и на сэкономленные деньги купившем вполне приличный для его адвокатского звания особнячок на престижной Жуковской улице. И сам инженер трамвайной стройки с ними, видные гласные Думы. А к полудню, в разгар беседы, подкатил сам городской голова.

Пармен принимал высоких гостей радушно, в соответствии с их званьями. Голову самолично встречать вышел во двор и с почтением ввел в покои. Горничная с кухаркой беспрерывно метали на стол. Однако ответ Пармена гостям, независимо от их сана, был един: нет, милостивые государи, не могу осиротить фельдшерицу, она мне может жизнь спасла — помните в прошлом годе на игрищах мне мизинец переломили? Почитай, гангрена уже пошла по телу, антонов огонь, а она, голубушка, в два дня отходила. Вот и купил ей домик на старость; там хорошо, водичка, вдали от шума городского! Все по христианской заповеди делаю: возлюби ближнего своего. А не захочет благодетельница из Епифани своей уезжать, так мыслишка есть заняться самоварным промыслом. Буду на том участке фабричку ставить. Благо и вода, пруд. Вот-де из Германии от Круппа выпишу пресс, буду по-новому корпуса штамповать. Электричество подведу для станков доводочных работ, паровой привод — вот и вода нужна; где еще лучше место найти? Дело наше купецкое тонкое, сегодня уступи, так завтра локоть кусать будешь.

Гости кисло слушали величаво-благодушные рассуждения Пармена Игнатьевича, поддакивали новому самоварному заводчику, пили настоенную на рябине водочку и коллекционную мадеру, закусывали малосольной осетриной, грустнели прямо на глазах, убеждаясь, что Пармен, раз взявшись даже за самое дурное дело, ни за что не отступится.

Дело приняло скандальный оборот, жаловались губернатору. С Парменом перестала здороваться половина Купеческого клуба. А тот только сочувственно улыбался купцам, вложившим кровные в трамвайный прожект: мол, рад бы, да своя рубашка... Против этого даже либеральные газетки ничего толком не могли возразить. Частную собственность надо уважать!

Закончилось тем, что в один осенний день подошли к пруду с сотню мужиков, работающих по планировке местности под трамвайные пути, и начали сбрасывать в пруд с берега, на котором стоял злополучный домишко, камни и разный мусор, что беспрестанно подвозили на ломовых подводах. Полоску в два-три аршина по берегу Пармен сдал в аренду трамвайному Комитету за такие бешеные деньги, так что даже на две копейки сбросил цену на хлеб.

Пруд оказался у берега глубоким, подмывался сильными и частыми ключами, так что работы обошлись городу недешево, главное же — здесь будущий ровный трамвайный путь неестественно искривлялся и подковой огибал полуразвалившуюся халупу с участком, заросшим чертополохом, но зато окруженным свежепоставленным узорным, очень даже щегольским саженным забором из струганных дубовых плах.

Пармен же порадовался победе, но скоро к трамвайному предприятию сделался равнодушным; увлекся церковным пением.

* * *

Однако трамваю не суждено было осуществиться и даже не по умыслу Пармена. Не успели закончить планировку и привязку места под пути, как кайзер затеял войну на Балканах руками своих приказчиков-австрияков. Царь-батюшка вступился за православных сербиян. Грянула Отечественная война, позже названная большевиками империалистической. О трамвае забыли надолго, вплоть до сталинских пятилеток, когда к власти пришли люди государственного мышления, разогнав бывших аптекарей и адвокатов.

Сам Пармен, к счастью, не увидел пришествия Антихриста, помер естественно от какой-то непонятной нутряной хвори, что сломала могучий организм. Хуже пришлось его орлам-приказчикам. Многих, ох, многих, отправил в Могилевскую губернию за участие в «Союзе русского народа» провизор Шайкевич, ставший (благодаря местечковому еще родству с провизором же Якиром, впоследствии командармом) начальником губернской ВЧК. Старший приказчик откупился от Косой, заплатил за жизнь мешочком золотых десяток — супруге Шайкевича и добротным, в трех уровнях, домом на Гоголевской — комиссару Финкельштейну, бывшему издателю либеральных «Вестей». Тут-то и пригодился бедолаге домик на берегу пруда. Потомки его тихо-тихо жили вплоть до времен, пока не пополучали квартиры в новых домах на Максима Горького и Пузакова в период торжества социализма. Домик же как-то сам рассыпался.

И сейчас редко гуляющие, а чаще выпивающие на берегу заросшего тиной, залитого бензином с соседней нефтебазы пруда порой недоумевают: отчего это в одном месте берег подковой выступает? Молчит история. Так или примерно так начинался городской трамвай.

682000

Татьяна Кутикина (г. Узловая)

Кутикина Татьяна Викторовна родилась в г. Узловая Тульской обл. Участвовала в четырех областных литературных семинарах, в 2005 г. — в проходившем в Москве Пушкинском молодежном фестивале искусств «С веком наравне», в 2007 г. — в Седьмом Всероссийском Форуме молодых писателей в подмосковных Липках. Автор двух собственных книг: романа в трех сказках «Тучи и радуги над Солнечным царством» и поэтического сборника «Белизна и многоцветие». В настоящее время работает над новым романом.

Татьяна Кутикина окончила Тульский областной колледж культуры по специальности «библиотечное дело», а затем Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет в Москве по специальности «религиоведение». Специализировалась на кафедре философии. Теперь работает преподавателем воскресной школы г. Новомосковска и преподавателем философии в институте повышения квалификации г. Тулы.

МЕСТЬ

Эта женщина всегда ходила в черном. А он ходил за нею по пятам, не решаясь приблизиться. Лишь однажды мельком ему довелось увидеть ее лицо. Он сразу понял, что это лицо неземного существа. С тех пор он стал бояться встретиться с ней взглядом. Казалось, ее царственный взгляд уничтожит его, испепелит. Он довольствовался созерцанием ее королевской осанки и рассыпавшихся по плечам волос, похожих на листву осенних кленов. Под черной, отороченной множеством кружев, блузой и длинной, с пышными складками черной юбкой угадывалось стройное, гибкое тело, которого, должно быть, никогда не касались солнечные лучи. Или его рисовало лишь пылкое воображение? Тонкие, белые пальцы сжимали концы черной паутинкишали; широкие кружевные манжеты ниспадали, обнажая гибкие, унизанные браслетами, белоснежные запястья; от ветра шаль развевалась за плечами, подобно крыльям. Огненные волосы и широкие черные одеяния, взметнувшиеся в порывах ветра, навстречу которому она стремилась, делали эту женщину похожей на летящую птицу. Поистине она была либо ангелом, либо демоном.

Главное, она совершенно не походила на окружавших Егора девчонок. Конечно, он мог любоваться стройными ножками или смазливыми мордашками признанных красавиц их класса. Точно так же он мог любоваться хорошеньким пуделем или мчавшимся мимо дорогим автомобилем. Егору никогда бы не пришло в голову посвящать этим девчонкам стихи. Да они и не стали бы слушать. Их мир был ограничен дискотеками, дворовой тусовкой, пустыми приколами. Меж тем многие одноклассники уже с кем-то встречались. Кто-то хвалился модельной внешностью своей подружки, кто-то делился с приятелями пикантными подробностями своих похождений. Егор не вступал в такие разговоры. У него была своя тайна, которая, как ему казалось, могла оскверниться от соприкосновения с обыденностью. Эта женщина принадлежала другому миру, и он мечтал когда-нибудь вступить в этот мир, как полноправный его житель. Прежде это был только мир его грез, детских фантазий, наивной

отроческой поэзии, романтических образов, рождавшихся в бессонной ночи. Теперь появилось живое воплощение этого мира.

...Незнакомка шла по берегу моря, неся в руке босоножки. Ее тонкие стопы утопали в песке. Егор ускорил шаг. Кажется, она ощутила его присутствие. Сейчас она обернется и посмотрит на него. Что тогда будет? Сердце бешено колотилось. Но он не отступал. Она действительно обернулась и посмотрела на него. В ее огромных зеленых глазах были проникающая в самую душу мудрость и дерзкое безумие, игривая веселость и глубокая печаль, а главное — власть. Вопреки ожиданиям, этот взгляд не уничтожал, а, напротив, дарил жизнь. Это был взгляд королевы на своего подданного, являвшегося ее безраздельной собственностью. В нем читалось: «Следуй за мной». Вскоре они так же молча шли по берегу, взявшись за руки. Неужели это не сон? Ведь такого не могло произойти наяву. Его заоблачная мечта, «небожительница» держит его сейчас за руку. Как же пьянит излучаемый ею сладковато-пряный аромат, напоминающий о восточных сказках! А море искрится в лучах восходящего солнца. Только бы эта греза не рассеялась в предутреннем тумане...

Тамара знала, что в таких, как она, влюбляются с первого взгляда. Она привыкла спиной чувствовать на себе страстные взгляды. Она знала также, что черный цвет очень сексуален, что созданный ею образ романтичен, загадочен, что тайна способна «завести» мужчину похлеще любых мини-юбок и голых пупков. Ей вовсе не были нужны похотливые взгляды примитивных самцов, скользящие по женским прелестям. Она была нацелена на мужчин другого сорта — поэтов, художников, мистиков. Впрочем, по большому счету, ей давно никто не был нужен. Просто она привыкла очаровывать. В последние несколько лет Тамара делала это как-то по инерции. Она заметила, что всякий раз разыгрывается один и тот же сценарий. И он уже не пробуждал в ее остывшем сердце ни малейшего трепета.

Вот они взялись за руки. Сейчас юноша крепче сожмет ее кисть. Потом проведет пальцами по ладони. Затем ей в глаза будет устремлен долгий завороженный взгляд. Последует поток восторженных слов. Здесь уж каждый изощрялся в меру своего вкуса, интеллекта, поэтичности мировосприятия. Тамара оказывалась похожей то на лесную колдунью, то на недосягаемую Афродиту, то на королеву неведомых стран, то на инопланетянку, то на фею. Интересно, какими эпитетами наделит ее этот юный поэт? Пока что он молчит. Для него словно бы остановилось мгновение абсолютного блаженства. На его красивом лице застыла глупая, счастливая улыбка. Идет он быстрым, широким шагом, но при этом как бы находится в оцепенении, совсем не машет руками. Плечи застыли в каком-то одном неуклюжем положении. Однако сквозь подростковую угловатость улавливается особая грация. Широкая черная футболка и черные джинсы подчеркивают аскетическую стройность юношеского тела. (С недавнего времени парень решил, что и ему идет этот цвет). Тамара переводит взгляд на лицо своего спутника. Волосы откинуты с высокого бледного лба. Густые черные брови, сходящиеся на переносице, длинные ресницы, тонкий, с горбинкой, нос, выпирающие скулы. Что все это ей напоминает? Что неуловимое в улыбке этого юноши так встревожило ее душу? В сердце пробуждался образ, давным-давно загнанный вглубь подсознания, образ, которому она никогда не позволяла всплывать в памяти и тревожить сознание. «Да он же похож... — шевельнулось в голове. — Нет, не может быть!»

Но предательница память уже воскресила сцену восемнадцатилетней давности, когда Тамара, наивная, влюбленная девчонка, шла по этому же самому берегу с таким же чернобровым красавцем и сама при этом глупо и счастливо улыбалась. Тогда она была живой. Чувства, желания, открывающийся перед нею неизведанный мир, ее первая любовь, улыбающееся им двоим солнце — все было настоящим...

Ее нежданную грезу о прошлом прервал Егор. Он осторожно коснулся рукой шрама на ее шее и вопросительно посмотрел ей в глаза. Она скривила губы в злобной усмешке...

Обычно Тамара разрывала отношения после первого же, совместно проведенного, вечера. Просто не являлась на назначенное свидание. Но в этом случае она решила изменить своим обычаям, проявив себя интересной собеседницей. Егор обнаружил, что с Тамарой можно говорить о современной музыке и о древних цивилизациях, о строении вселенной и о самых сокровенных движениях собственной души. Он все еще видел в ней существо другого мира. Но вместе с тем надеялся, что и сам начинает принадлежать этому миру. А, вернее, что тайный мир его грез и ее мир могут оказаться единым пространством. Тамара стала первым человеком, которого Егор впустил в свою душу. Он даже собирался доверить ей самое сокровенное — свой дневник.

Спустя несколько дней после знакомства он пригласил свою даму в гости...

Уже более семнадцати лет Тамара не переступала порога этой квартиры. Прихожая, как будто, изменилась: стены оклеены новыми цветастыми обоями, на двери красуется календарь с забавной кошачьей мордой. Только по-прежнему пахнет жареным луком.

— Мам, пап, у меня гость, — с порога крикнул Егор.

Послышались тяжелые шаги. Из комнаты вышел сонный дядечка в полосатой пижаме. Хотя в течение всех этих лет Тамара время от времени видела Игоря на улице, но всякий раз это происходило лишь издали, мельком. Теперь бывший возлюбленный предстал перед нею нос к носу. Тамара тщетно силилась отыскать в этом облысевшем, обзаведшемся пивным животиком и двойным подбородком сорокалетнем субъекте те черты, которые когда-то так трогали ее сердце. Даже в глазах, являющихся, как известно, отражением самой личности, не было уже той зажигательной, дьявольской искры, которая когда-то повергала Тамару в сладостный трепет. Теперь это были выцветшие, пустые глаза. Лишь в уголках губ улавливалось что-то, напоминающее прежнюю обольстительную улыбку. Только с годами она превратилась в отвратительную ухмылку бывалого развратника.

Игорь не узнал Тамары. Ее черты лишь на мгновение пробудили в его сонном мозгу какие-то смутные, далекие образы, которые он не успел осознать. На поверхности сознания лишь мелькнула мысль: «Егоркина девчонка постарше его будет. Ну, да это ничего. У меня самого были бабы и моложе, и старше, и блондинки, и брюнетки, и стройненькие, и пухленькие. В жизни надо все испытать». И он самодовольно хмыкнул.

Вслед за Игорем в прихожую вышла его жена Наталья в бигуди и бесформенном коротком халате, делавшем ее фигуру квадратной. Из-за неприкрытой двери послышался нудный диалог героев сериала. Наталья вылупила на Тамару свои круглые глаза и часто захлопала наклеенными ресницами. Узнав в девушке сына бывшую подругу, она была явно в шоке. Но как человек рациональный, решила ничего не предпринимать и даже не высказывать своего открытия, пока не выработает плана действий. В ответ на приветствие гостьи она сквозь зубы выдавила «Здрасьте».

Тамаре вдруг сделалось смешно. «А ведь я в свои тридцать пять лет могла превратиться в такую же квочку, как Наташка, моя бывшая одноклассница. Быть сейчас женой этого скучного жирного дядьки, стирать его носки, с утра накладывать себе на лицо три слоя пудры (как бы не разлюбил!), а вечерами сидеть с ним у телевизора и радоваться своему «женскому счастью». Разве не об этом я когда-то мечтала?»

Оказавшись в маленькой Егоровой комнатке, Тамара чуть не забыла, что находится во «вражеском лагере». Даже запах здесь стоял другой — свежий, весенний. Сквозь дымку лилового тюля в окно проникали солнечные лучи. Они скользили по полкам с книгами и дисками, по заваленному бумагами письменному столу. Егор взял в руки гитару, затем снова поставил. Он волновался, не решаясь начать разговор.

- Знаешь, Тамара,— заговорил он сбивчиво,— *им* ты, кажется, не понравилась. Но мы решим эту проблему.
 - Каким же образом? спросила она.

— Я взрослый человек,— Егор нахмурил брови.— Мне уже шестнадцать лет. Я сумею отстоять свои права. Я свободный взрослый человек,— повторил он еще раз, стараясь придать голосу максимальную твердость.

Тамара иронически улыбнулась, и Егор смутился, почувствовав, что снова сказал что-то детское. На мгновение женщина ощутила прилив нежности к этому мальчику. Но вспомнила, что не должна позволять себе расслабляться.

- Егорушка,— проговорила она снисходительно,— человек в принципе не может быть свободен. Над ним всегда довлеют обстоятельства, условности, даже собственные желания.
- Но сильный человек преодолеет обстоятельства и наплюет на условности, решительно сказал Егор.
- Тебе ли рассуждать о свободе, когда ты весь во власти своих чувств? Ты ведь не можешь победить свою страсть,— значит, не свободен от нее.

Егор на секунду задумался.

- Но я не хочу побеждать свою любовь. Я хочу любить.
- В эту минуту Тамара глядела поверх его головы. Вдруг глаза ее загорелись каким-то злобным, демоническим блеском, а губы принялись кривиться, поминутно меняя выражение от смешливого до скорбного, от воинственного до отчаянного.
- Что ж, наслаждайся своими чувствами, если сам не хочешь стать сильнее их. Но меня ты больше не увидишь.
 - Почему?!
- Потому что в этом мире,— мертвенным голосом проговорила Тамара,— происходит не только то, чего хочешь ты. Мы можем властвовать над собой, но не над окружающим миром. Человек не свободен уже в том, что его производят на свет и помещают в этот чужой мир, не спрашивая его согласия. А по-настоящему свободный человек способен сам распорядиться жизнью, как своей собственностью, и уйти, когда пожелает сам...

В тот вечер в квартире Тамары раздался резкий звонок в дверь, сопровождавшийся стуками и бранью. Не успела она отворить, как прямо в комнату ворвалась разъяренная Наталья. Теперь бывшая подружка не утруждалась скрывать своих эмоций и прямо с порога завопила:

- Оставь в покое моего ребенка, гадина!
- В покое? усмехнулась Тамара. Скоро он обретет вечный покой.

Страшные догадки мелькнули в голове Натальи. На ее лице отразился ужас. Несколько долгих мгновений она стояла в оцепенении. Затем еле слышно прохрипела:

- Если с Егором что-то случится, я убью тебя!
- Убьешь? Тамара рассмеялась дьявольским смехом.— О, меня нельзя убить, проговорила она медленно, и глаза ее загорелись безумием.— Нельзя, потому что я уже мертва. Я убила себя семнадцать лет назад. Считай, что перед тобою призрак. Ты говоришь о своем ребенке. Но разве не ты убила моего? Вспомни, Наташа, той осенью, когда Игорь уехал в Москву, в свой институт, я только тебе одной, своей лучшей подруге, призналась, что жду от него ребенка. Сперва меня убило твое предательство, когда ты написала ему то мерзкое письмо, обливая меня невесть какой грязью. Это ж надо было такое выдумать? Тамара, стало быть, шляется со всеми парнями нашего района. А потом... Потом меня добило его предательство, когда он поверил тебе, а не мне. Как же? Наташа такая честная, правильная. Ты расчитывала войти к нему в доверие и не прогадала. Утешения он пошел искать в твоих объятьях. А через месяц повел тебя в ЗАГС. Тебя даже не смутило, что он делает это лишь назло мне. Как я могла жить дальше, зная, что нельзя верить ни в любовь, ни в дружбу?! Два самых близких человека, любимый парень и лучшая подруга, умертвили меня! Пусть меня нашли тогда с ножом в груди, истекающую кровью и увезли в

реанимацию, спасти удалось только мое тело. Моя душа погибла вместе с моим ребенком, который умер, не успев родиться. Теперь умрет твой сын! — последнюю фразу она прокричала с бешеной ненавистью.

Потерявшую чувство реальности Наталью ноги сами привели домой. Они с Игорем обзвонили всех Егоровых знакомых и целую ночь не отходили от телефона. Сын ночевать не пришел.

Тамара тоже не спала в эту ночь. Ее месть свершилась! Она ликовала, предчувствуя страдания своих врагов. Страдания, выжигающие сердца. Такие адские муки когда-то выжгли дотла ее собственное сердце.

Лишь под утро тонкий сон смежил ее веки.

Меж тем комната начала медленно преображаться, озаряясь светом. Сквозь розовые шторы пробивались золотые солнечные лучи. Радостное утреннее солнце словно утверждало жизнь и любовь ко всему живому. Вдруг вместе с косыми лучами в комнату сквозь шторы проскользнуло лучистое, полупрозрачное существо. Это оказалась маленькая девочка с золотыми кудряшками и большими голубыми глазами. Облачена она была в воздушное белое одеяние, похожее на античное. За спиной ее виднелись прозрачные крылья. Легкая, невесомая, девочка напоминала ни то эльфа, ни то ангела.

- Кто ты, дитя? спросила Тамара, почему-то нисколько не смутившись появлением крылатой гостьи.
 - Я твоя дочь, серебристым голоском ответила девочка.

Тамара вгляделась в детские черты, показавшиеся ей знакомыми.

- Дочка... проговорила она задумчиво.— Тебе сейчас было бы семнадцать. Интересно, как бы я тебя назвала?
- К сожалению, у меня нет имени. И возраста я не имею. Но и для таких, как я, не все потеряно. Я пришла сказать, что простила тебя, мама. Теперь я иду к Свету. Моя судьба не так уж страшна. Страшнее всего прийти *туда* самоубийцей. Поэтому ты должна остановить Егора. Не убивай снова! Беги к нему, пока не поздно!
 - Но я не знаю, где он.
 - В старом гараже.

Радужные лучи заполнили собою все вокруг. Это солнце коснулось полуприкрытых Тамариных ресниц. Женщина подняла веки. В комнате было совсем светло. У окна уже никто не стоял. Лишь слегка колыхалась розовая штора.

Тамаре был отлично известен старый гараж, бывший когда-то местом их тайных свиданий с Игорем.

- ...Она окликнула Егора, когда он вскрывал вену на второй руке. Он поднял голову и в следующий миг потерял сознание. Она достала мобильник и набрала 03...
- Бедная Тамара! еле слышно проговорил Егор, придя в сознание в карете скорой помощи.— Разве можно так ненавидеть людей?! Как же ты живешь с этой ненавистью?!

Медленно он поднял отяжелевшие веки. И почему она прежде не замечала его глаз? Это были не страстные, чарующие глаза Игоря, и не быстрые, хитрые глаза Натальи. Янтарно-карие, глубокие, печальные — это были его собственные глаза. Сейчас в них сквозила мудрость человека, познавшего тайны жизни и смерти. Они заглядывали в самую душу. У Тамары не было сил смотреть в эти глаза. Она отвела взгляд и принялась суетливо теребить свой рыжий локон.

- И почему мне тогда встретился не ты? проговорила она, нервно кусая губы.— Может быть, я именно тебя ждала, а не его.
- Поначалу ты казалась мне феей, а твой мир сказкой,— вновь тихо заговорил Егор.— Потом мне открылось, что твой мир одна лишь пустота, и под маской феи тоже пустота. А теперь я вижу: что-то в тебе все-таки было. Наверно, трагедия.

Иван Беляев (г. Узловая)

А ГДЕ ЖЕ ШАШЛЫК?!

Иногда чиновникам работа надоедает так, что им хочется бросить все, выехать куда-нибудь на природу и отвлечься от всего на свете. А когда они работают уже давно в одном городе, то таких «мучеников» много может набраться одновременно,

Кто был инициатором их сбора в один из летних дней — я не помню. Но компания из восьми высокопоставленных чиновников собралась. И все решили выехать подальше от города, в лес. Что было необходимо, припасли и поехали на двух легковых автомобилях. Облюбовав на горизонте вырисовывающийся небольшой лесок, свернули с автомагистрали и поехали к нему по грунтовой дороге. Не доехав до него несколько десятков метров, увидели, как из леса выбежала лиса, а за ней тут же вышел старик-охотник с двухствольным ружьем. Остановились и у него спросили:

- Ты, дед, хочешь догнать лису?!
- Я ж подранил ее далеко не убежит.
- Как ты определил, что она ранена?
- А вы посмотрите: вот капли крови видны,— ответил охотник. Пока проговорили несколько минут, лиса скрылась в невдалеке росшем кустарнике. Один из компании спросил у охотника?
 - А разве летом охота на лис разрешена?
- Да взбесились лисы-то и даже на людей нападают,— ответил дед.— Пришло указание: «Отстреливать лис». Ну я пойду: а то она уйдет куда-нибудь.
- Ты посмотри, как лиса побежала резво тебе не догнать, наверно, ее, сказал чиновник, возглавляющий компанию. — Оставайся с нами, в лесу: у нас нет оружия, а здесь, возможно, еще есть бешенные лисицы...
 - Я что ж обязан вас охранять? спроси дед.
- А мы уплатим тебе. Да и у нас есть что выпить и закусить. Испечем шашлык. Отдохнешь с нами и заодно поохраняешь нас,— сказал чиновник.

Дед почесал затылок и с хитрой улыбкой на лице промолвил:

- Шашлык-то, небось, долго ждать прийдеться?
- Да мы тебе нальем под холодные закуски,— ответил чиновник.
- Ну что уж там остаюсь,

На небольшой полянке, под шатром раскидистых, плакучих берез, был расстеленный чистый, светло-серого цвета брезент. На нем размещены разнообразные, холодные закуски: огурцы, грибы, помидоры, рыба, консервы, колбасы, окорок и даже икра кетовая. Все это своими красками (вместе с брезентом) гармонировало с яркозеленой травой поляны. Глядя на эту красоту, у любого человека мог обнаружиться аппетит. Ну а если уж у сытого, то — желание отведать всего понемногу.

А дед-охотник, побегавший за бешенной лисой с самого утра (время шло к по-

лудню), порядком проголодался и, увидев всю эту еду, о которой мог лишь мечтать, при своей мизерной пенсии, да еще прочитав название водки которую не пил сроду, он в нетерпении схватил стаканчик и брезгливо посмотрел на него.

Разливающий водку чиновник спросил?

- Ты чем недовольный, дедуля?
- Да разве я распробую вашу водку таким стаканчиком,— ответил дед.— И не пью я такими стаканами.

Разливающий передал стаканчик чиновнику, сидящему рядом с дедом, а ему налил чуть неполный «малинковский» стакан.

Дед пытливым взглядом посмотрел на всех присутствующих, про себя посчитал их и, крякнув, одним махом, осушил стакан, и стал с неохотой, вяло, закусывать самыми простыми закусками.

- Ты почему так плохо ешь, дедушка? спросил чиновник,— Или недоволен закусками?
- Закуски у вас отменные, но я без картошки не сажусь за стол,— сказал старый охотник и дополнил: — Да и не привык позволять себе такую роскошь, как ваша еда.
- Ну уж извини: картофеля не будет, но шашлыком непременно закусим,— сказал чиновник.— А сейчас выпей-ка еще для аппетита и ешь все подряд, устрой себе праздник!

И деду вновь был налит чуть неполный стакан. Его он опорожнил, после чего закусывал более активно. А когда налили третий стакан — он подумал: «Живут же люди, не то что мы...» И вновь пересчитал сидящих в застолье. Ему пришло на ум: «Почему их семь человек? При встрече было восемь. Я что уже пьяный? Или со мной было восемь?..» Но стакан он выпил: уж очень ему понравилась чиновничья водка. А чуть закусив, дед-охотник встал, взял в руки ружье (все подумали, что он будет их охранять), взвел курки, направил стволы на сидящих и громко скомандовал:

— Всем руки вверх! И не вставать! При попытке встать, буду стрелять! Ружье заряжено крупной картечью.

Все были ошарашены таким «выкидоном» деда, но руки подняли дружно. Каждый из них, наверно, подумал: «двух может уловить — а вдруг меня...»

А дед со спартанским спокойствием переводил стволы ружья с одного на другого чиновника — при этом, с выражением превосходства на лице, приговаривал:

- Вот там вас, б....й! А то понаехали сюда жировать.
- Ты, дед, с ума сошел что ли?! спросил один чиновник.— Прекрати сумасшествовать!
- Я те... покажу какой я сумасшедший! крикнул дед, направив ружье на чиновника.

И тот, поперхнувшись от желания скоротечно сгладить свое высказывание, скороговоркой зачастил:

— Ну и умник! Ну и умник! Ну и умник, дед!

А он, направив ружье на очередного чиновника, спросил:

— Ты кем работаешь, жирная тварь?!

И чиновник, всего лишь средней упитанности, от такого оскорбления раскрыл рот, но вымолвить ничего не смог, потому: что кроме выше сказанного, он увидел, что сзади к деду ползком крадется тот, кто был оставлен для подготовки жара в костре, чтобы испечь шашлык. Когда он дополз близко к деду, то мгновенно встал, схватил деда за плечи и опрокинул назад.

Старый охотник успел нажать на один спусковой крючок, но выстрел произошел в воздух, поверх голов сидящих чиновников. Они, испуганные и обозленные, бросились к деду, ружье отняли, слегка наломали бока, по все же пожалели старика, хотя для острастки еще и связали. А сами после такого происшествия, могущего обер-

нуться катастрофой, решили уехать домой — погасили костер, все собрали, у деда изъяли все патроны, но ружье оставили, развязали его, убедились, что может идти и спросили:

- Ты домой-то дойдешь?
- Дойду, дойду! ответил дед и обиженным тоном спросил:
- А где же шашлык?!.

БЕСПРИЗОРНИК

Редкий, молодой, сосняк. Лет шестнадцать назад это было плодородное поле: у рытвин виден жирный чернозем. Но, увы, издержки нашего времени не дали возможности крестьянам возделывать здесь сельхозкультуры. Но грибов, при своевременных дождях, хоть коси. И в этот грибной год я своевременно приехал сюда: маслята молоденькие, пока без червей, так и прут из-под травы вокруг сосенок. Кто ездил, ходил по грибы, тот знает, что такое войти в азарт по грибной охоте. И чаще всего, когда уже тебе пора уходить, грибы чуть ли не сами лезут в лукошко. И ты увлекаешься, и забываешь посмотреть на часы, чтобы оторваться, и вовремя прийти к остановке. Так в этот день было и со мной: когда я пересилил этот дурман, до поезда оставалось сорок минут. За это время сюда порожняком не доходим — пришлось, скрепя сердце опорожнить ведро на видном месте, у начала дороги к остановке. И с одним лишь загруженным рюкзаком, с мелкими перебежками, весь в мыле, я всетаки успел к поезду, когда он остановился на остановке. Он ходит здесь один раз в сутки. А то, что я не ел с раннего утра,— вспомнил только в вагоне.

Из рюкзака устроил стол и выложил на него свои припасы. И здесь я почувствовал на себе пронзительный взгляд. Оглянувшись, увидел мальчишку, выглядывавшего на меня из-за спинки соседней скамьи. На вид ему не больше десяти лет. Взгляд голодного, уставшего, обозленного и вместе с тем застенчивого ребенка подсказал мне, что его необходимо накормить. И, к нашему с ним счастью, жена собирает мне тормозок из расчета на завтрак и обед. Я, не раздумывая, пригласил парнишку к себе:

— Парень, иди-ка сюда!

А он, глянув на меня недоуменным взглядом, не тронулся с места, только оглянулся назад, предполагая, что я обращаюсь к кому-то другому.

— Тебя, тебя, паренек, зову! — я повторил приглашение.

Мальчишка, пожав плечами, встал, подошел и спросил:

— Что надо?!

Меня ошарашил такой грубый вопрос, но я спросил:

- Как тебя зовут?
- Иваном, с пренебрежением отстал мальчик.
- Да ты ж мой тезка. Сядь, поешь со мной, Ваня!

Мое приглашение еще больше смутило паренька — он смотрел на меня пытливым взглядом, на его глазах показались слезы... И, чего я не ожидал — вдруг, заикаясь, отказался:

- Не на-д-до, н-не хо-чу!
- Я, удивленный, взял его за плечо и посадил рядом с собой.
- Не обманывай, Ваня! Я вижу: ты голодный. А у меня еды за глаза нам с тобой хватит. Садись! Садись!

И как он ел... с какой жадностью... Я убедился, что он голодный — все вопросы отложил до тех пор, пока он не насытится. А когда из термоса налил ему кружку чаю — спросил:

— Далеко тебе еще ехать, Ваня?

- Не знаю. Мне добраться бы до Тулы,— ответил он.— А как далеко я не могу себе представить.
- Это не очень далеко: часа четыре езды. Но пересадка в Узловой, а там, помоему, в вечернее время поездов на Тулу и нет только если ехать «Газелью»,— сказал я.
 - А какая стоимость проезда? спросил он. У меня денег мало.
 - «Газелью» пятьдесят рублей, ответил я. Пей чай! А то остынет.
 - У Вани вид грустный. Он прихлебнул из кружки чай и с раздражением сказал:
- Опять ночевка на вокзале или где-нибудь у забора и, возможно, объясняться с ментами...
 - А кто у тебя в Туле? спросил я.
- Тетя и отчим,— ответил Ваня и уточнил: Тетя спилась алкашка, а отчим женился на другой тетке, после смерти мамы.
- Да!.. Печальная у тебя история,— заключил я и спросил: A к кому ты поедешь?
 - Поеду к тете: все-таки родной человек, ответил Ваня.
 - А откуда ты едешь? опросил я.
 - Из детдома, а с какого не скажу!
 - Тебя отпустили или ты сбежал?!
- Сбежал. Невмоготу стало: кормят плохо, воспитатели бранятся и чуть что лупят насилу перешел в четвертый класс.
 - Это почему ж так? спросил я.
 - Сидишь за уроками, а все думаешь об обеде...

Я додумал: «Дожили: не могут в детдомах детей накормить досыта...» Посмотрев на меня, задумавшегося, Ваня спросил:

- А вы с кем живете?
- Вдвоем с женой, ответил я.
- Взяли бы меня к себе! со слезами на глазах выпалил Ваня.
- Мы ведь уже пожилые нам не разрешат тебя усыновить,— ответил я.— А дети у меня есть и внуки тоже.
- Но теперь вы живете одни я был бы вам постоянным помощником до конца своих дней,— всхлипнув, сказал Ваня.
- Ты, Ваня, прекрасный ребенок найдутся еще хорошие помоложе люди и усыновят тебя,— успокаивая парнишку, сказал я.

Хотел на ночь взять его к себе домой — он, как ножом обрезал, отказался. Мы простились, оба сожалея, что, наверно, не увидимся в этой тяжелой и единственной жизни.

Где он теперь? — Не знаю. Дай, Бог, ему счастья и покоя!..

68806880

Алина Филатова (г. Тула)

КОГДА-НИБУДЬ — ЭТО СЛИШКОМ ДОЛГО...

Утро. Солнечное, зимнее утро. Он встал, потянулся и подошел к окну. Последний день уходящего года, а столько много нужно сделать. Успеть все, что не сделал за год. Оброс, нужно побриться, даже дважды. «Утром и вечером, перед тем, как увижу Бонни. Она любит, когда я гладко выбрит. Вечером пойду к Боне, надо зайти и купить ей подарок. Что же ей подарить? Не помню, что она хотела». Он умылся, посмотрел в зеркало, на кухне часы пробили десять. Пора. Еще нужно зайти в бар, поздравить бармена. Ему будет приятно, хороший парень. Существуют же люди, которым просто хочется делать приятное, жаль, что я не принадлежу к их числу. Эта мысль его развеселила, и он улыбнулся своему отражению в зеркале. По пути из бара зайду к маме, куплю ей цветы. Мама любит цветы, особенно маргаритки. «Где же мне найти маргаритки в конце декабря? Ладно, что-нибудь придумаю». Он застегнул пальто, положил ключи в карман и вышел из подъезда. Утро было по-настоящему зимним. Легкий морозец щекотал его щеки, солнце слепило глаза. Ветра не было. Снег хрустел под его ботинками. У него не было зимних ботинок, он ходил в осенних, поддевая шерстяные носки, но это не всегда спасало от холода. С недавних времен зимы стали не такие холодные, как раньше, и ему это нравилось. Только было неприятно, когда в Новый год, вместо белых сугробов, из окна виднелись массы грязного, серого снега. Такая погода совсем не располагала к празднику, к главной ночи всего года. Это был хороший год, подумал он, приподнимая воротник. Спокойный. Нужно не забыть зайти в булочную и поздравить старушку. «Она милая, к тому же у нее никого нет, ей будет особенно приятно мое внимание»,— размышлял он. К остановке подъехал автобус, нет, пожалуй, пройдусь пешком, это полезнее. Пешком до площади всего пятнадцать минут ходьбы, и по дороге много сувенирных лавочек и магазинов, там и что-нибудь подберу Бонни. Бонни нравятся собаки. «Имя у меня, впрочем, как и жизнь, собачье. Люблю собак, они милые, добрые. В отличие от кошек, те слишком независимые, а в наше время это скорее недостаток. Мне вот, например, хочется от кого-то, или хотя бы от чего-то зависеть» — говорила ему как-то Бонни, потягивая свой мартини. Она еще любит мартини. Куплю сегодня бутылочку мартини, вместо шампанского, она обрадуется. Ей не нравится шампанское.

Зайду еще в кофейню, поздравлю патрона. Он не раз угощал меня капучино. У него самый вкусный капучино в городе, и еще шоколад. Кофе и шоколад. Нет сочетания правильнее и лучше. Они дополняют друг друга, во всем. Цвет, терпкость вкуса, иногда даже и аромат,— схожи. В детстве я ненавидел шоколад. Он был слишком горьким для меня. Сейчас... Сейчас он кажется таким сладким по сравнению с моей жизнью. Даже если в нем 90 % какао. Все познается в сравнении. Такова жизнь.

Он купил Бонне собаку. Маленькую, керамическую собаку. По-моему это спани-

ель,— сказала ему продавщица. Она говорила с акцентом. Наверное, немка, подумал он. Молоденькая, симпатичная. Может позвать ее со мной? Нет, наверняка откажется!

Он шел по замощенной плиткой аллее. Бар находится за углом. Еще пару метров, и он на месте. Может, что-нибудь заказать выпить? Нет, ведь еще только утро. Нельзя пить утром. Да, и Бонни это не понравится. Ведь он не остановится на одной рюмке. За первой последует вторая, потом третья и так далее. Нет, он не будет пить. Сегодня такой замечательный день, такое красивое, снежное утро. Солнце еще не потеряло красновато-бурый оттенок. Это приятно. Ему вообще нравились все оттенки красного. Они удивительно поднимали ему настроение. «Когда у меня будет своя квартира, я сделаю все комнаты красными. Гостиная, кухня, спальня — будут красными, или бордовыми», — мечтал он.

В баре было немноголюдно. За столиком около окна сидел джентльмен, уже изрядно подвыпивший. Вряд ли он трезвел со вчерашнего вечера. Еще несколько ранних посетителей: два молодых человека и девушка, расположились в мягком уголочке, недалеко от барной стойки. За стойкой, на своем месте, стоял бармен и протирал стаканы. Делал он это машинально, не придавая своему занятию ни какого значения. Сжатое в кисти руки полотенце скользило по стеклянным, хрустальным, керамическим поверхностям. Бармен курил. Он курил самые дешевые сигареты, которые можно было найти. Даже их дым пах дешево, не натурально. Купил бы он сигареты всего на пару центов дороже, то ощущения были бы гораздо приятнее. Что такое пара центов, по сравнению с удовольствием, полученным от вкуса хороших сигарет?! А еще лучше сигары. Настоящие кубинские сигары. Ароматные, терпкие на вкус, в них важен сам процесс. Густые клубни приятного дыма, щекочут ноздри.

- Когда же ты переедешь на сигары? спросил он, присаживаясь за барную стойку.
- Может быть, когда женюсь. Тогда я буду сидеть в тяжелом махровом халате на кресле-качалке, и курить сигару. Моя жена принесет мне чашку крепкого черного кофе, без молока, и сядет рядом со мной, чтобы рассказать, как провела день.
 - Ты хочешь жениться? удивился он.
- Хочу. Это же так приятно, возвращаться в уютный дом, где тебя кто-то ждет. Вот тебя кто-нибудь ждет?
 - Нет.
 - И меня нет! огорченно ответил на свой же вопрос бармен.
 - Закажешь что-нибудь?
- Нет, мне уже пора. С Новым годом тебя. Надеюсь, что в Новом году, ты женишься, раз уж ты так этого хочешь.

Бармен улыбнулся. «Ему приятно!» — подумал он и тоже улыбнулся в ответ.

По дороге в кофейню, он задумался. «А ведь бармен прав! Дома меня никто не ждет... Хочу ли я, чтобы меня кто-нибудь ждал? Наверное, когда-нибудь мне будет это нужно».

Кофейня находилась всего в пару кварталах. Хочется кофе с шоколадом. Куплю плитку горького шоколада и чашку сладкого кофе. Это будет мой завтрак. Он никогда не ест рано утром, не раньше полудня. Он вообще мало ест. Любит овощи и мясо, иногда ест рыбу, не часто, но больше всего любит сыр.

Аромат кофе покинул пределы кофейни и распространился по всей улице, так, что его терпкий аромат можно почувствовать еще за углом. Входя в кофейню, он полной грудью вдохнул запах смешанных ароматов.

- Здравствуйте, приятно, что в этот праздничный день вы все-таки не забыли про нас,— сказал патрон, добродушно улыбаясь.
- Как же я могу в такой-то день нарушить столь приятную традицию, и не выпить чашечку капучино с шоколадом.

- Традиции, даже самые малые, незначительные на первый взгляд, нужно соблюдать. Знаешь, когда я был молод, мне казалось, что все эти традиции сплошная чушь! Родители заставляли меня каждое Рождество ехать в пригород, в дом семьи, и встречать праздники с многочисленными родственниками, средний возраст которых составлял лет пятьдесят! Страшнее наказания для меня, на тот момент, не было. Хотелось чего-то нового, другого, разного. С таким убеждением я и прожил много лет, но однажды, когда скончались мои родители, я понял, как сильно мне не хватает обычных, привычных моментов в жизни. Может, я просто устал?! Не знаю... Теперь, когда дети и внуки приезжают в мой дом на рождественские праздники, я понимаю, что в постоянном, даже в чем-то банальном, и заключается человеческое счастье.
- Я уже давно не встречал Рождество с семьей,— сказал он, отломив кусочек шоколада.
- Это плохо, мой мальчик, нужно что-то менять,— сказал патрон укоризненно Завтрак кончился. Он вышел из кафе, и направился в центральный парк. Там продавались лучшие цветы в городе. Сотни свежих, разноцветных букетов покоились в напольных металлических вазах, под магазинными навесами.
- Может, действительно нужно что-то менять? размышлял он. Его жизнь не была такой яркой и разнообразной, как ему хотелось. Практически каждый день имел свое отражение в следующем. Те же дела, те же люди, те же обстоятельства. Иногда ему хотелось перемен, хотелось даже риска. Но он боялся. Не каждый способен рискнуть, не каждый сможет принять получившийся результат. Если все сложится не так, как вы этого хотели, найдете ли тогда правильный выход из запутанной ситуации? Он не знал ответа на этот вопрос. Следовательно, он не мог позволить себе рискнуть.

Цветочный базар разместился по всему периметру, вдоль парковой ограды. Зрелище было действительно завораживающее, от количества цветов рябило в глазах: синие, красные, желтые, алые, бардовые. Яркие пятна чрезвычайно выделялись на фоне белого снега. Было красиво. Он обошел каждую торговую палатку, но маргариток нигде не продавали. Мама расстроится, она так любит маргаритки! — отчаянно сказал он вслух.

- Я не...нечаянно подслушала вас... Вам нужны маргаритки? слегка заикаясь, спросила у него пухленькая невысокая женщина лет пятидесяти.
 - Да, а Вы знаете, где их можно достать?
- Я их вы...выращиваю, для себя, но если в...вам так они нужны, д...думаю я смогу найти парочку лишних букетиков,— улыбаясь, ответила женщина. Милая. Надеюсь, что у нее действительно есть маргаритки, подумал он про себя.

Женщина привела его в небольшой домик, расположенный в спальном районе города. Дом был выкрашен в светло бежевый цвет, как и все типичные близлежащие дома 60-х годов двадцатого столетия. Почему-то мало кто решался перекрашивать свои дома в другие цвета. Может, во всем виновата присущая людям типичность? Боязнь через, чур, сильно выделяться из общей массы? Я бы выкрасил дом в синий цвет. Ближе к небу,— подумал он. К дому прилегал маленький садик, с декоративным фонтаном. Существование фонтана заметно выделяло его из серой соседской массы, и придавало столь милую индивидуальность.

— Пройдите, п...пожалуйста, в дом, пока я б...буду набирать вам б...букет,—предложила женщина. Он не хотел задерживаться здесь надолго, еще слишком многое нужно успеть, но отказывать столь милой даме, было как-то неловко. Представляю, как мама обрадуется маргариткам. Эта мысль согревала его, ему искренне хотелось верить, что столь маленькие цветы, заставят его мать лишний раз улыбнуться.

Гостиная также ничем не отличалась, от обычных гостиных того времени. Лишь многочисленные настенные фотографии придавали ей особый колорит. Он с интересом разглядывал черно-белые снимки. Большое количество самолетов, мужчин в военной форме, фигурировали на портретах.

— Это мой отец,— сказала женщина, протягивая букет маргариток.— Он был в...военным летчиком в первой м...мировой войне. Там он и погиб. По этим ф...фотографиям мать мне и рас...рассказывала о нем. Я родилась через полгода после его смерти.

Он взял маргаритки.

- А кем был ваш от...отец? спросила женщина.
- К сожалению, я не знаю, но очень хочется верить, что он был не таким, как описала мне его мать. Сколько я вам должен за маргаритки.
 - Вы что! Какие д...деньги. Это вам к пр...празднику.
 - Но, ведь я вам совершенно незнакомый человек и у меня нет подарка для вас!
 - Это не столь в...важно. Мне приятно.

Он вышел. Посмотрев на почтовый ящик, списал адрес. Пошлю открытку. Булочная была закрыта. На двери висела табличка: закрыто на 10 минут. Подожду. Он сел на лавку, напротив детской площадки. Семейные пары проводили праздничный день, играя в снежки со своими отпрысками. Он наблюдал за ними с откровенным любопытством. Когда у меня будет своя квартира и деньги, у меня обязательно будет семья. Может, я тоже хочу жениться?! Мне давно пора бы сделать предложение Бонни, обзавестись детьми. Но куда я приведу семью? В свою малюсенькую съемную квартиру на окраине города?! Нет, сначала я накоплю на квартиру, а потом, пожалуй, и стану счастливым отцом семейства.

Булочная открылась. За кассой стояла старушка. В ее сильно постаревшем лице еще виднелись отблески прежней красоты: идеальный овал лица, большие зеленые глаза и пухлые губы. Старушка была француженкой и он, узнав об этом, частенько к ней захаживал, практиковать свой французский.

- Bonjour, Madame! Comment allez-vous?
- Je suis enchantee de vous voir! Merci, je vais bien.
- Bonne annee!
- Merci, a vous auissi!*

После недолгой беседы он покинул магазин. Скоро вечер, а мне еще столько нужно успеть. И почему в сутках лишь 24 часа, кто придумал эту коварную несправедливость. До дома его матери было около получаса ходьбы. Он пошел пешком, он не хотел спешить. По дороге он задумался о Франции. Когда-нибудь я обязательно туда поеду, с женой. Мы будем гулять по Елисейским полям за руку, завтракать горячими круасанами и петь «Марсельезу». Он мечтал. Он часто мечтал. И всегда ему что-то мешало воплотить его мечты в жизнь. Любые, даже самые незначительные. Он всегда откладывал их осуществление на неопределенный срок, и шел к их воплощению, далеко не семимильными шагами.

Дом престарелых располагался в здании бывшего посольства. Комнаты были просторными и достаточно светлыми. К зданию прилегал сад и небольшая площадка для игры в крокет. Он позвонил в дверь. Приветливая медсестра проводила его в комнату отдыха, к матери.

— Мама, я принес тебе маргаритки, твои любимые.

Пожилая женщина, сидевшая в кресло качалке, подняла опущенную голову и посмотрела на сына.

- А они пахнут?
- Наверное.
- Понюхай. Я люблю, когда цветы сильно пахнут!

^{* —} Здравствуйте, мадам. Как поживаете?

[—] Я рада Вас видеть. Спасибо, хорошо.

[—] С Новым годом!

[—] Спасибо, и Вам того же.

Он понюхал, но из-за насморка, продолжающегося в течение нескольких недель, ничего не почувствовал.

- Я ничего не чувствую. Понюхай сама, и Он протянул матери цветы.
- Па-а-ахнут, плавно, как бы нараспев, произнесла женщина.

После посещения матери его всегда мучил приступ вины. «Когда-нибудь я обязательно заберу ее к себе. У нее будет самая лучшая комната в квартире, обещаю»,— в который раз сказал он самому себе. Нужно еще зайти и купить Бонне мартини. Она меня уже ждет. Она там совсем одна, в своей квартире!

Он запустил руку в карман, проверить, не потерял ли он случаем подарок Бонне. Керамическая собачка спокойно лежала во внутреннем кармане его пальто. На улице стемнело. Закрывались магазины, бистро. Люди спешили домой.

Он застегнул пальто на все пуговицы и засунул руки в карманы. Холодно. Дом Бонни находился недалеко от центра. Он думал о ней. Должно быть, она уже оделась, собрала волосы в пучок, надушилась и ждет его. Она не обладала типичной красотой, но в ней было что-то милое. Он, наверное, любил ее, но никогда не говорил об этом.

Бонни встретила его, одетой в черно-белое вечернее платье. От нее пахло мятой смешанной с мускатным орехом. Приятный запах. Увидев ее, он улыбнулся. Она поцеловала его в щеку. Не ответив на ее поцелуй, он вытащил бутылку Мартини из-за пазухи.

— Я купила оливки, — улыбаясь, сказала Бонни и забрала из его рук бутылку.

Наступила полночь. За окном слышались взрывы фейерверков. Он подошел к окну. «Хочется сказать, что я ее люблю... наверное». Он думал. Ему казалось, что если сейчас он не скажет нечто похожее на признание, то другого шанса у него почему-то может и не быть. Он не отводил взгляда от окна. Бонни сидела на кушетке, поджав ноги. Она молчала.

- Я уезжаю, сказала Бонни.
- Куда?
- В Лондон. Мне предложили работу в театре. Ты рад за меня?

Он промолчал. Пауза затянулась. Тик-так-тик-так, пели часы на стене, нарушая

— Я думал, что *когда-нибудь* мы поженимся,— сказал он. Ему хотелось курить. Пошарив по карманам, он достал трубку и коробочку с вишневым табаком.

Бонни улыбалась. Она видела, что он нервничал. Тик-так-тик-так повторяли свою песенку часы. Он посмотрел на нее. Все-таки она красивая! — промелькнуло в его голове.

— Я думал, что когда-нибудь у нас будут дети, — сказал он.

Бонни ничего не отвечала, она продолжала улыбаться. Некоторое время они молчали. Бонни допила мартини и поставила бокал на стеклянный столик, возле кушетки. Она подошла к нему и обняла его за талию, положив голову, ему на плечо.

- *Когда-нибудь*, это слишком долго! Жизнь проходит, мой милый Клод! Я не знаю, когда наступит твое «*когда-нибудь*», я устала ждать.
- Ты же знаешь, что у меня ничего нет, я не могу взваливать сейчас на себя такую ношу, как семья. Я не в силах отвечать за себя, а за тебя и за детей тем более.

Бонни ухмыльнулась.

- Я никогда не просила тебя отвечать за меня. Мы смогли бы это делать вместе. Смогли бы вместе отвечать за наших детей, дорогой Клод! Ты никогда не думал об этом? Тик-так-тик-так-тик-так, повторяли часы.
- Проводи меня, мне пора,— с этим словами она вытащила из шкафа чемодан и дорожную сумку.
- Мой лондонский адрес на журнальном столике, запиши его, вдруг захочешь позвонить или приехать.

На улице рассвело. Клод сидел в кресле и пил кофе с шоколадом. Часы на кухне пробили десять. Он поднял телефонную трубку и наизусть набрал комбинацию из семи цифр.

- Доброе утро, Сильвия! Это Клод Ранье. Я хотел бы сегодня забрать свою мать, миссис Ранье домой. Подготовьте, пожалуйста, ее к выписке.
 - Хорошо. К скольким ее собрать? спросила медсестра.
 - К полудню, если можно.
 - Конечно, будем вас ждать.

Он повесил трубку. Бонни права, жизнь проносится мимо нас с неуловимой скоростью. Сколько же времени я потратил на все возможные «когда-нибудь», — думал он. Жизнь — есть то, что происходит с нами каждую секунду и бессмысленно откладывать это драгоценное время на потом. Если учесть, что это «потом», может и вовсе не настать! — думал он. Немного погодя он набрал еще один телефонный номер. Международный.

- Добрый день, соедините меня, пожалуйста, с мисс Бонни Смит.
- К сожалению, ее нет, ответил услужливый женский голос.
- Хорошо, тогда передайте, что звонил Клод Ранье и спрашивал размер ее безымянного пальца,— сказал он и повесил трубку.
 - Пора бы, наконец, начать жить, подумал он, раздвигая оконные портьеры.
- Первый день года, еще, столько нужно успеть,— сказал он, подмигивая своему отражению в зеркале.

Надежда Лысенко (г. Новомосковск)

НОЕВ КОВЧЕГ

B XPAME

Галина Николаевна прогуливалась недалеко от своего дома. Неожиданно услышала рядом женский голос:

— Галя, здравствуй!

Галина Николаевна не сразу поняла, что это относится к ней. Давно ее так никто не называл. Она подняла голову и посмотрела на стоящую рядом улыбающуюся женщину.

— Не помнишь? Забыла? Аня я, вместе с тобой работали на строительстве кинотеатра!

Галина Николаевна вглядывалась в лицо женщины, и что-то очень знакомое было в этом лице. И вспомнила — хохотушку и толстушку Аню. Но как же время меняет люлей!

— И ты очень состарилась! — сказала Аня и вздохнула. — Стареем!

Постояли, помолчали, глядя друг на друга, а потом каждый поведал о своем. Галина Николаевна поведала о своих соседях: «Обижают!»

— А ты сходи в храм,— сказала Аня, — посоветуйся с батюшкой! — Поговорив еще немного, расстались.

Всю ночь Галина Николаевна не спала, засели в голове слова Ани. Под утро забылась в коротком, беспокойном сне. Проснувшись, увидела желтые лучи солнца в оконной раме и решила: «Пойду!»

* * *

Еще издали Галина Николаевна увидела сверкающий на солнце высокий купол храма. До нее долетели звуки колокольного звона. И вдруг на нее пахнуло таким далеким и невозвратным детством, что она на какое-то мгновение остановилась, взволнованная, и как кадры кинохроники промелькнули перед ее глазами картины ее детства: деревня в несколько домиков, маленькая церковь, и молодая мама ведет ее туда за руку. А потом судьба распорядилась так, что они оставили свою деревню и переехали в город, а потом и вовсе уехали далеко от родных мест. Воспоминания эти были настолько пронзительными и ясными, что Галине Николаевне пришлось постоять неподвижно несколько минут, чтобы справиться с охватившим ее волнением. Потом, перекрестившись, она вошла внутрь храма.

Прихожан в храме было немного. В основном это были старушки. Кто ставил свечку перед образом, а кто стоял перед зажженной свечой и усердно молился. Галина Николаевна купила свечки и спросила свешницу:

— А с батюшкой можно поговорить?

— Конечно,— ответила та доброжелательно.— Сейчас батюшка выйдет, и поговорите.

Галина Николаевна поставила свечку святому Пантелеймону, Николаю-угоднику и скромно встала около стены, дожидаясь, когда выйдет батюшка.

- А как зовут батюшку? спросила Галина Николаевна пожилую женщину, стоящую перед образом святого Пантелеймона.
 - Отец Никон! шепнула та и снова перекрестилась.

Отец Никон был немолод: высокий, плотный, с небольшой темной бородой, с внимательными добрыми глазами из-под густых бровей. Он вышел как-то неожиданно, и две старушки бросились к нему навстречу. Они что-то сказали ему, отец Никон очень тепло им что-то ответил, поочередно кладя свою широкую ладонь им на голову и затем перекрестив. Галина Николаевна, глядя на это, еще больше укреплялась в желании поговорить с батюшкой, и когда он уже отходил от старушек, она заспешила к нему навстречу:

— Батюшка, отец Никон, можно с Вами поговорить?

Он остановился, готовый выслушать. Галина Николаевна рассказала о своей жизни, о своем одиночестве, о соседях. Отец Никон слушал, не перебивая, на его лице Галина Николаевна замечала следы сострадания. Когда она замолчала и с тревогой ждала ответа, он сказал слова, которые глубоко запали в ее душу:

— Измените свое отношение к соседям,— сказал отец Никон,— выставите все плохие чувства за дверь (зависть, злость, раздражение), и пусть они побудут за дверью. И потом, спустя какое-то время, вы не заметите, как они уйдут от дверей, и вы будете идти домой, как в маленькую церковь!..

И по дороге домой, и дома Галина Николаевна все раздумывала над необычной простотой и в то же время мудростью этих слов.

MAMA

Теплым августовским вечером не стало моей мамы. Пять лет мамы нет со мной, а я как сейчас вижу ее милое лицо с мелкими морщинками на щеках, внимательные темные глаза, слышу ее спокойный, неторопливый голос. Мама часто вспоминала о своем детстве. Рассказывала, как отец запрягал в сани лошадь по кличке Рысак, усаживал в сани маленькую Сашу и ее двух маленьких братьев Колю и Ваню, и они проезжали несколько раз по деревне.

— Бывало, голову поднимет,— рассказывала мама,— весь в яблоках, бежит легко. Отец привел его откуда-то издалека.

Мама вспоминала своего отца, высокого, с голубыми глазами и пшеничными волосами, веселого.

— Любил он нас, детей, — говорила мама. — Жалел!

Мамино детство закончилось неожиданно, с началом коллективизации. Отец в колхоз идти отказался. Не мог он отдать то, что заработал своим трудом за долгие годы. Но то, что не отдал добровольно, брали силой. Корову взяли со второго раза. А лошадь взять не смогли.

— Несколько раз пытались набросить на Рысака хомут, рассказывала мама,— но он каждый раз уклонялся и пытался лягнуть копытом обидчика. Отец отвел его кудато далеко и продал. А перед тем, как отвести Рысака, плакал,— говорила мама. Из дома их, выгнали, ютились в маленькой баньке во дворе.

А в доме расположился комитет бедноты. Отца ловили. Однажды, когда он пробрался потихоньку в баньку навестить семью, его поймали, жестоко били, чудом ему удалось вырваться и убежать. Мытарства их продолжались пять лет. Потом отец написал, видимо, в Москву. Дом вернули, но жили в нем недолго, кто-то ночью поджег. Им удалось спастись. Уехали всей семьей в город.

- Я уже подросла,— рассказывала мама.— Да и братья выросли. Отец устроился на кирпичный завод, дали нам комнатку в бараке, а я тоже пошла работать в институт, мыла лабораторную посуду.
- Вскоре брата Колю взяли в армию и объявили войну,— вспоминала мама. Поезд, в котором ехал брат Коля, попадает под бомбежку. Колю контузило, и он оказывается в госпитале. Из госпиталя он пишет письмо домой. Отцу стало плохо с сердцем,— говорила мама.— Все, бывало, смотрит на Колины веши. А через три дня отца не стало. Отец умер молодым, ему не было и пятидесяти.

Мама не любила рассказывать о войне, но когда я очень просила, мама рассказывала о 18-часовой работе за станком, о пустой похлебке, в которой иногда плавали листики капусты, о маленьком кусочке хлеба, и о постоянном чувстве голода.

Много тяжелых испытаний выпало на долю моей мамы в годы войны, и она имела медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Иногда она вспоминала, как познакомилась с моим отцом. Было это незадолго до начала войны, мама тогда работала помощником мастера на заводе.

- Вижу, стоит парень, высокий, темноволосый,— вспоминала мама. Стоит и смотрит на меня. Однажды я ему говорю: «Зачем ходишь?» А он серьезно отвечает: «Мне бы только на тебя посмотреть!»
- Я его гоню, а он улыбается! рассказывала мама.— А потом пригласил меня в заводской клуб в кино, я согласилась. Так стали встречаться, а спустя некоторое время расписались.

...Шла война. В напряженном ритме работали в тылу фабрики и заводы. На одном из таких заводов за станком работала Саша — моя мама. Почти сутками не выходила она из цеха. Голод, недоедание, тяжелая физическая работа, страшные болезни косили людей. Малярия! Сколько человеческих жизней унесла эта болезнь. Не миновала она и Сашу. Ее положили в больницу. В больнице давали желтые таблетки, от которых лицо и тело становилось желтого цвета. Помогали они плохо. Изредка, с трудом, держась за кровать, она подходила к окну. Как — то, стоя у окна, она увидела такую картину: в больничный двор быстро въехала грузовая машина и остановилась у сарая, двое рабочих вынесли оттуда человеческие трупы и побросали в кузов машины, и машина так же стремительно выехала со двора. Эта картина настолько потрясла Сашу, что ночью она не смогла уснуть, мысли о смерти пугали ее. Утром пришла в палату нянечка и сообщила: «Саша, к тебе муж пришел!» В больницу родственников не пускали, и Саша знала, что Ефим будет стоять на улице, под окном палаты. Поднявшись с трудом и держась за спинку кровати, Саша подошла к окну. Ефим был уже там.

— Как ты? — спросил он. Саша хотела сказать, что она, наверно, больше не придет домой и чтобы он берег себя, но когда она стала говорить, язык ей не повиновался и, она замолчала, и только махнула рукой. Этот жест означал «Не спрашивай!» Саша смотрела на мужа долгим, нежным взглядом и вдруг увидела на его щеках слезы. Он смотрел на нее, и слезы текли по его худым, небритым щекам. И Саша тоже заплакала. И потом, лежа в постели, она долго еще плакала. Из этого состояния ее вывел голос нянечки: «Саша, к тебе муж пришел, домой тебя берет!» Дорогой Ефим нес Сашу на руках, так она ослабла и не могла идти сама. Дома Ефим усадил Сашу на стул, поставил на стол перед ней тарелку с жареной яичницей. Недавно он получил по месячному талону яичный порошок. «Не хочу!» — слабо сказала Саша. «Поешь, хоть немного!» — уговаривал Ефим. Пришла соседка по бараку, чувашка тетя Маша. Посмотрела на Сашу, на Ефима, ни о чем не спросила, только горестно по-

вздыхала и ушла. На другой день пришла с литровой бутылкой, наполненной зеленой жидкостью. Тетя Маша налила полстакана и подала Саше. Не хочу! — «Пей!» — строго, но доброжелательно сказала тетя Маша. — «Это глухая крапива, она тебе поможет!» Саша сделала несколько глотков и поморщилась: «Горько!» «Пей сразу, не останавливайся!» — посоветовала тетя Маша. Прикрыв глаза и сдерживая дыхание, Саша выпила зеленую жидкость. «А теперь поешь!» — сказала тетя Маша и придвинула к ней тарелку с кусочками рыбы и несколькими ломтиками хлеба. Саша несколько раз поковыряла вилкой в тарелке и отодвинула ее.

Так продолжалось несколько дней. Через неделю Саша попросила еды. «Ну, Слава Богу!» — радостно и с облегчением вздохнула тетя Маша. С этого дня Саша пошла на поправку. И вскоре снова пришла в цех за станок, на котором работала всю войну. Так Любовь и Доброта с Божьей помощью спасли жизнь моей мамы.

* * *

Когда не стало моего отца, мама всю жизнь посвятила мне. Оберегала мое детство, старалась дать мне образование.

Став взрослой, я часто спешила по своим делам, а мама оставалась одна в тишине квартиры. О чем она думала, оставаясь одна?

Об этом я уже не узнаю. А надо бы почаще маму радовать, говорить ей теплые, ласковые слова. А я все спешила, спешила...

യായ

Геннадий Маркин (г. Щекино)

УБОГАЯ

В каком именно году эта женщина поселилась в деревне Никольские Выселки, сейчас не скажет никто. Старики умерли, люди среднего возраста еще при Советской власти переселились из деревни в благоустроенный поселок, а молодежь, после ликвидации совхоза, разъехалась по разным городам и весям.

Сойдя с поезда на небольшой железнодорожной станции, что в семи километрах от деревни, и уточнив у местных жителей, где находится сельский совет, она направилась туда лично к председателю, и после длительной и нудной беседы с ним, получила предписание на постоянное место жительства именно в Никольские Выселки.

Не старая еще, но уже совершенно седая женщина, с худым изможденным лицом, она всю семикилометровую дорогу до деревни шла пешком, неся в руке единственную ношу — небольшой чемодан из коричневого кожзаменителя. Встречавшиеся у нее на пути люди останавливались, и с состраданием, а кое-кто и с любопытством долго смотрели ей вслед, из-за того, что она при ходьбе прихрамывала на одну ногу и сильно сгибала вперед спину, отчего одна ее рука казалась длиннее другой. «Убогая»,— сразу «окрестили» ее деревенские жители, как только она пришла в Никольские Выселки.

Такое название деревня получила давно, еще во времена отмены на Руси крепостного права. В ту пору, в окрестных деревнях, многие крестьяне, почувствовав первые запахи свободы, стали бражничать, перестали обрабатывать барские земли, и без надобности дубасить друг друга до полусмерти. Когда такое явление началось повсеместно, помещик Яков Сергеевич Никольский вызвал конвойную команду солдат, и выселил таких крестьян вместе с семьями из их деревень, определив им место для поселения на краю оврага, недалеко от стоявшего темной стеной леса. Отсюда пошло и название деревни — «Никольские Выселки», а лес с того времени стали называть Рубленным, потому, что переселенцы на постройку своих изб деревья валили топорами.

Крайний от леса дом — небольшой пятистенок, в котором теперь предстояло жить Убогой, был построен значительно позже, уже при Советской власти. В тридцатых годах в нем размещалось правление колхоза «Красный Пахарь», а в конце сороковых, когда произошло объединение нескольких колхозов в одно большое совхозное хозяйство, правление распустили, а дом за ненадобностью заколотили досками. С тех пор дом находился в запустении. Изгородь отсутствовала, бревенчатые стены местами сгнили, шиферное покрытие крыши от времени почернело и раскрошилось, дверь и окна заколочены, вокруг дома и до самого леса разросся бурьян.

Увидев, в каком плачевном состоянии находится ее новое жилище, Убогая не впала в уныние, а с завидной энергией начала обустраиваться. Оторвала заколоченные на окнах и двери доски, выгребла из дома мусор, вымыла окна, пол, вырвала около дома бурьян, и, как смогла, сделала изгородь. Со временем вскопала землю под огород, посадила фруктовые деревья. Устроившись на работу в совхоз дояркой, скопила денег и выстроила сарай, в котором у нее поселились куры, несколько овец и коза.

По характеру Убогая была человеком замкнутым, малообщительным, и ее прошлое для деревенских жителей долгое время было окутано тайной. Знали, что зовут ее Серафимой Аркадьевной, фамилия — Краснова. Еще знали, что раньше она жила в Москве, и работала на одном из заводов разнорабочей. Там же на заводе, она получила серьезную травму спины, после чего ее, калеку, бросил муж, и она, став совершенно одинокой, уехала «куда глаза глядят», подальше от мужа, который в их квартире стал проживать с другой женщиной. Простодушные деревенские люди сочувствовали ей, а женщины возненавидели предавшего ее мужа, и не раз предлагали ей сжечь его фотографию, которую, к их удивлению, Серафима Аркадьевна хранила в рамочке и держала на самом видном месте. «Любит все-таки!» — сочувственно говорили одни,— «Сердцу не прикажешь!» — вздыхали другие. Однако у некоторых ее рассказы о себе вызывали сомнения. «Уж больно она интеллигентна!» — говорил водитель грузовика Костя Беликов.— «Я, когда в Москве служил и возил на легковушке генерала, то насмотрелся там на всяких интеллигентш. Все они, такие как наша Убогая, и разговаривают так же, как учительницы», — уточнял он. Возможно, Серафимино прошлое так и осталось бы для деревенских жителей тайной, если бы жившая с ней по соседству деревенская сплетница Анна Смирнова не заметила, что к ней частенько заходит участковый уполномоченный. На Анну нахлынуло чувство ревности, да такое, что за ее еще не увядшей грудью с негодованием заклокотало сердце. «Это как же такое получается? Я этого кобеля форменного кормлю, пою, в кровати ублажаю, а он мне с этой уродиной изменяет? Ну, подожди же, ты у меня дождешься! Вы у меня все дождетесь!» — возмущалась Анна до той поры, пока не узнала, что уполномоченный к ее новой соседке заходит исключительно по служебной необходимости, и как к женщине к ней никакого интереса не проявляет. Зайдет, походит по дому, осмотрит все внимательно, поговорит с Серафимой о чем-то, запишет и уходит. От него-то и узнала Анна о Серафимином прошлом.

- Да сидела она, сидела! В лагере отбывала срок! проговорился участковый после очередного стакана самогона, который ему от щедрот своих наливала Анна.
- Гриш, да ты толком расскажи, за что сидела-то? выпытывала любопытная Анна, подливая уполномоченному в стакан самогон.
- Вражина она, сучка немецкая! Я на фронте фрицев бил, и Митька твой погибший бил, а она с ними... трале-вали, устраивала! возмущался опьяневший уполномоченный,— за измену Родине она сидела!
- Вот тебе и Серафима Убогая! Тихоня! Интеллигентша городская!» со злорадством в голосе проговорила Анна.
- Да никакая она не убогая! Лес она в лагере валила, вот ее, курву, там деревом по спине и шарахнуло! Тырам... тыравими... тыравимированная она,— с трудом выговорил слово вконец опьяневший участковый, держа в руке очередной стакан с самогоном. А на следующее утро он примчался к Анне, и, опохмелившись, заговорил полушепотом: «Ты, Нюрка, забудь, о чем я тебе вчерась говорил. Тайна это служебная, поняла? А то несдобровать мне, поняла?» И хотя Анна ответила, что все поняла, и о Гришкиной служебной тайне никто и никогда не узнает, было уже поздно. Вся деревня об этом уже знала еще накануне вечером, после того, как Григорий, уйдя от Анны, с трудом забрался в повозку, и, отхлестав спьяну вожжами служебную лошадь, стремглав умчался из деревни.

После этого случая жизнь Серафимы Аркадьевны стала невыносимой. Ей били оконные стекла, при встречах обзывали убогой немецкой шлюхой, ругали поматерному, или молча, но со злостью плевали вслед. Все обиды и оскорбления Серафима переносила молча, никогда и ни с кем не ругалась, и никогда ни перед кем не

оправдывалась. Но однажды, после произошедшего случая, люди перестали вступать с ней в конфликт, старались избегать с ней встречи, а то и вовсе стали ее побаиваться. А произошло следующее событие.

Как-то под утро, Серафима услышала истошные крики животных, раздававшиеся из ее сарая. Войдя туда, она увидела забравшегося в овчарню молодого волка, который уже успел задрать одну овцу. Увидев вошедшего в сарай человека, волк бросился к выходу, как раз туда, где стояла окаменевшая от страха Серафима, и перепуганная женщина, решив, что волк хочет броситься на нее, успела схватить волка, и, свалившись вместе с ним, подмяла серого разбойника под себя, сдавив и прижав к полу волчью шею. Так она держала его, крича от страха и зовя на помощь, пока волк не обмяк и не перестал бить Серафиму задними лапами по животу. Не дождавшись ни от кого помощи, Серафима отпрянула от волка, и, поднявшись, как обезумевшая, стала на него смотреть. Вдруг, ей показалось, что волк зашевелился, и она в ужасе убежала прочь. Вскоре, двое мужиков, поткав предварительно волка нанизанными на длинную ручку вилами, и убедившись, что он мертв, пугая ощетинившихся деревенских собак, сволокли волка в овраг, где его и закопали.

Прошли годы. Деревенские люди, живя своими ежедневными проблемами и заботами, все больше и больше стали забывать Серафимино прошлое, и со временем неприязнь к ней уже не испытывали. Совхоз «Вперед к Коммунизму» с каждым годом хорошел и набирал силу. На его землях вырос благоустроенный поселок, в который переехали жить многие семьи колхозников, оставив в деревнях доживать свой век стариков.

Радужным, лучезарным и многообещающим всходило солнце над Рубленым лесом, освещая все его дремучие и застойные места, пробуждая и призывая все живое к новой жизни. По оврагу, вдоль речки, вместе с запахом луговых цветов и многообещающими словами молодого и энергичного Генерального секретаря в Никольские Выселки ворвалась перестройка. Многие колхозники, поверив в новую жизнь, отказались от совхозного хозяйства и приняли доселе неизвестное фермерское движение. Но время шло, а улучшений в их жизни не наступало. Вскоре, побросав в полях ржаветь приватизированную сельскохозяйственную технику, распродав совхозные постройки и пустив под нож на мясо оставшееся поголовье скота, сбежали куда-то и сами фермеры. Оставшись без средств, колхозники в поисках лучшей жизни, стали покидать родные места, и вскоре в деревнях осталось несколько одиноких стариков и старух. А еще спустя несколько лет, когда Никольские Выселки за долги отключили от системы центрального электроснабжения, в обесточенной деревне жила только одна убогая Серафима. Приносившая ей пенсию почтальонша в опустевшие и заросшие бурьяном Выселки, одна без провожатых, ходить боялась, из-за чего Серафима часто оставалась без денег. На какие средства она жила и чем питалась, никого не интересовало, всем было не до нее, все были заняты своим собственным выживанием в наступившие трудные времена. Однако перестройка в жизнь людей внесла не только отрицательные моменты, появились и положительные стороны, одной из которых стала проводимая повсеместно работа по реабилитации незаконно осужденных людей в годы правления Сталина. Не обошла стороной реабилитационная волна и Серафиму.

Как-то в один из солнечных дней, с трудом продираясь сквозь густо разросшийся бурьян, в ее дом вошли двое мужчин и женщина. Осмотрев покосившиеся двери, полусгнившие оконные рамы и провисший потолок, пришедшие покачали головами и аккуратно, чтобы не испачкаться о вековую пыль и нависшую повсюду паутину, подошли к сидевшей на кровати Серафиме. Объяснив, кто они такие, пришедшие вручили ей документ о ее реабилитации, и еще долго не могли понять слышит ли их полуглухая почти ослепшая Серафима, пока она вдруг не заговорила с ними совсем не старческим хорошо поставленным голосом.

- Скажите, а Отто Карлович тоже оправдан?
- Да, Отто Карлович Брехт тоже реабилитирован,— ответили ей, а затем, немного помолчав, добавили,— мы будем ходатайствовать о назначении вам персональной пенсии, как человеку очень много сделавшему героического для Родины. А пока, предлагаем вам переехать жить в благоустроенный дом для инвалидов и престарелых, где за вами будет осуществляться уход и медицинское наблюдение. Подумайте, пожалуйста.

Серафима сидела молча, лишь изредка кивая головой. «Она согласна»,— решили гости, и, пообещав скоро вернуться за ответом, ушли. После их ухода, Серафима с каким-то безразличием отложила в сторону свой реабилитационный документ и взяла в руки старую пожелтевшую фотографию, на которой был сфотографирован улыбающийся молодой человек в модно повязанном галстуке, ту самую, которую деревенские женщины ей предлагали сжечь в печи. Вытерев юбкой пыль с деревянной рамки, она с грустью в глазах посмотрела в почти забытые, но все еще родные глаза.

Серафиме вспомнилась предвоенная гитлеровская Германия, где он — немец антифашист, профессиональный советский разведчик Отто Карлович Брехт, и она, Серафима Аркадьевна Краснова, а по легенде его жена Марта Фридриховна Брехт, выполняли секретное задание Родины по созданию в тихом немецком городке агентурной сети. Проведя вместе с Отто Карловичем не один год, Серафима Аркадьевна не по легенде, а по-настоящему полюбила этого смелого и мужественного человека, который не щадил себя в деле борьбы с фашизмом, и, как это ни глупо, всегда ревновала его к несуществующей Марте. Как-то она призналась ему в этом, после чего Отто улыбнулся и, проведя ладонью ей по щеке, сказал: «Оставим время для любовных утех, когда победим врага и вернемся на Родину». На Родину они вернулись после того, как была провалена их агентурная сеть, и они, чудом избежав гестаповского ареста, перебрались в нейтральную Швейцарию, где и получили шифровку о возвращении. Серафима обрадовалась возвращению, решив, что в Москве наступит время их настоящей, а не спрятанной под агентурную легенду, супружеской жизни. Но по приезде в Москву они были арестованы органами НКВД. Отто Карлович, как немецкий шпион был расстрелян, а Серафима Аркадьевна, за пособничество и измену Родине была приговорена к двадцати пяти годам лагерей, и вышла на свободу, только благодаря хрущевской оттепели.

— Вот и оправдали нас с тобой, милый мой Отто,— проговорила Серафима Аркадьевна, смотря на фотографию, и ее глаза впервые за несколько лет повлажнели.

Уже начавшую разлагаться Серафиму в ее заросшем бурьяном доме обнаружила почтальонша, когда в очередной раз принесла ей пенсию. Умершая лежала на кровати и прижимала к груди самое дорогое, что у нее оставалось в этой земной жизни — старую пожелтевшую фотографию.

Хоронили Серафиму Аркадьевну на старом деревенском погосте, и когда гроб с ее телом опускали в могилу, где-то в районе Никольских Выселок громко заплакала иволга, а ночью в лесу долго и протяжно выли. Поговаривают, что в Рубленом лесу вновь появились волки.

യ്യാരുയ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Павел Юрьев (г. Щекино)

УЧЕНИК ВОЛШЕБНИКА

Родился в Туле. Окончил Тульский электромеханический техникум, Тульский политехнический институт.

Пишет стихи, музыку и песни бардовского и эстрадного направления, автор книг стихов «Просветление», «Одна дорога на двоих», «Если уловить неуловимое», печатался в альманахах: «Приупские просторы», «Солова», в периодической печати. Дипломант Международного фестиваля современной поэзии в Туле (2007 г.) Член литературного клуба «Поэтическое братство».

В поисках истин изучал религии мира и философии. Основной принцип информационного творчества — «не навреди».

Лишь после постижения реальностей этого Мира, ты вправе считать себя взрослым

Начало пути

Сейчас, перелистывая в обратном порядке страницы нескольких лет своей жизни, видя ту пропасть, которая теперь отделяет меня сегодняшнего от того обычного, даже немного бестолкового подростка, каким я когда-то был, я испытываю глубочайшее уважительное полупреклонение, полувосхищение перед этим... Язык не поворачивается сказать — человеком. Назову тем, кем он просил сам себя называть — Учителем, хотя слово это не отражает и десятой части тех качеств, которыми он обладает. Встреча с ним сравнима с броском в стремительный поток горной реки, когда уже невозможно никакими усилиями вернуться назад к себе прежнему, да, по правде сказать, такого желания просто не возникает. И этот поток несет тебя в совершенно другой Мир потому, что ты сам становишься стремительно совершенно другим, не таким как все. И, если всех обозначить словом люди, то снова становится неясно, как называть того, в кого ты превращаешься. Впрочем, оставим определение на потом. Рано или поздно я сам себе отвечу, кем же я становлюсь. Лучше начать свою историю по порядку с ее удивительного начала.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, мы жили в областном городе немного

на окраине, но со многими транспортными линиями вокруг, что уравнивало данное местоположение с центром города. Мы — это мои мать, отец, сестра и я — ученик восьмого класса средней школы. Сестра была старше меня на два года и заканчивала школу. Отец работал на заводе. Иногда приходил поздно с ощутимым запахом пива и водки после общения со своими тоже уставшими коллегами. Мать же работала в какой-то конторе, название которой длинное и слабо откладывающееся в памяти, ни с чем знакомым не ассоциировалось в сознании поэтому, когда меня спрашивали: «Чем занимается твоя мать?», я отвечал — «работает». Впрочем, все эти подробности к делу не относятся. Весной, неожиданно, мать чем-то отравилась и попала в больницу, где через три дня скончалась. Для нас всех это был неописуемый шок. Мы почему-то наивно верили во всесилие нашей медицины, в квалификацию врачей, в то, что у смерти появляется шанс догнать нас и пообщаться с нами лишь после восьмидесяти, да и то — это еще надо посмотреть... В жизни каждого человека такие события вызывают глубокое потрясение, когда он на время как бы теряет почву под ногами. Рушится привычный, беззаботный мир, появляется неуверенность в том, что ты его правильно воспринимаешь и понимаешь, что опасности, которые ты почему-то не видишь, поджидают тебя, возможно, за каждым поворотом, повсюду, неожиданно и непредсказуемо, как и эта нелепая смерть очень близкого человека, ставшего таким необходимым именно сейчас, когда в сознании не укладываются (оно отказывается их принимать) такие понятия как — «никогда больше» и «навсегда». Обряд похорон, наверное, для того и придуман, что бы в этой вынужденной суете хоть как-то забыться. Да и постоянные рюмки водки то с одним, то с другим делают свое, в данном случае полезное, дело. Тогда впервые я начал задумываться о том, что такое жизнь и что такое смерть, есть ли что-нибудь после смерти, откуда пришли понятия об Аде и Рае, зачем, в конце концов, мы появляемся на этот Свет и, что мы должны выполнить здесь, раз уж мы здесь находимся.

Как-то само собой стало получаться, что я стал больше проводить времени вне дома с друзьями. Наверное, так было легче забыться. Временами мое душевное состояние было неотличимо от прежней беззаботности, когда, привычно общаясь, привычно соскальзываешь в уже хорошо накатанную колею мыслей, забот и понятий. Потом, через много лет эти минуты и часы, этот период яркого детства будет восприниматься как безоблачное счастье, ощущение которого так трудно объяснимо изза последующей возрастной трансформации мировоззрения человека.

Наши взгляды на друзей и приятелей, как правило, существенно расходятся с родительскими. Мы ценим друзей за способность на поступок, за готовность выступить на нашей стороне, независимо от нашей правоты, за эмоциональное созвучие с нами, способность слушать, сопереживание и просто совместное времяпровождение. При этом мы глубоко повязаны собственными обязанностями по отношению к нашим друзьям и находимся в сильной зависимости от возможных оценок нашего поведения ими, временами жертвуя всем, лишь бы соблюсти достойный вид в глазах наших друзей и приятелей. Зачастую, мы помогаем другу в каком-нибудь неправедном деле, а иногда и в явном преступлении, на деле переходя из стана друзей в стан его злейших врагов, тем, что не удержали его на краю пропасти, а взяв за руку, прыгнули в нее вместе. Впрочем, взгляды, излагаемые мною сейчас, весьма сильно отличаются от тех, что были во мне тогла. События моей жизни непроизвольно я рассматриваю через призму мировоззрения, сформировавшегося под влиянием волшебника. Двух моих возвращений домой за полночь весьма шаткой походкой и курение травки одним из моих дружков, случайно замеченное моим отцом, оказалось достаточно, чтобы меня на все лето отправили жить на дачу под присмотр тетки по линии отца. Раньше на дачу мы семьей ездили эпизодически на день — на два. Тетка Валя же, будучи пенсионеркой со стажем, жила там почти безвылазно, кроме выходных, с мая

по октябрь, пополняя ресурсы своего и так неплохого здоровья. Мог ли я тогда знать, что это лето вырвет меня из миллиардов обычных людей и откроет дорогу в увлекательное, неизвестное, прекрасное будущее, предназначенное всему человечеству, которое об этом, похоже, не ведает.

Таинственный сосед

Дачу и ее окрестности с прудами и перелесками я просто обожал, поэтому воспринял наказание как возможную скрытую награду. Полтора часа дороги и, — здравствуй дача! Странности начались почти сразу. Приезжая раньше только на выходные, нам не казалось чем-то необычным то, что соседний участок прекрасно ухожен, грядки с овощами четко определяются по различным растениям, их составляющим, стволы деревьев побелены внизу, кусты крыжовника огорожены, цветы рассажены определенным орнаментом и сменяют друг друга в своем цветении. Чувствовался постоянный уход, возможно даже каждодневный. Меж тем никого и никогда мы на участке и в красивом домике не видели ни днем, ни ночью. Но было еще много дней недели, в которые дача могла посещаться в наше отсутствие. Прожив первые неделю-две на даче, я стал замечать странные вещи. Как-то я сидел на скамейке около кустов смородины, разделяющих наш участок с соседним, и читал книгу. Через два часа я отвлекся от книги и взглянул поверх куста на соседний участок. Почти сразу бросилось в глаза большое пятно свежескошенной травы под яблонями площадью примерно в одну сотку, хотя могу поклясться, что все это время никого передо мной не было, а ведь я сидел лицом в сторону этой площадки. Не мог же я так быть погружен в книгу, что бы ничего вокруг не замечать. Книга-то была ерундовая. Читал я ее от скуки, за неимением лучшего. В другой раз я видел садовую тележку с удобрением то в одном месте соседнего участка, то в другом, то в третьем, при этом так же, совершенно не видя того, кто ее перевозил с места на место и, не видя самого процесса перемещения, хотя заинтересованный этими загадками, специально следил за тележкой, напрягая зрение и стараясь не отвлекаться. К этим чудесам следует добавить появление света в окнах соседней дачи по вечерам в разное время и полное отсутствие кого-либо в комнатах, которые при включенном свете неплохо просматривались сквозь тюлевые занавески. Хотя насчет света, подумав, я допустил наличие какого-нибудь автоматического устройства, включающего свет, что бы создавать видимость присутствия жильцов. Оставалось, правда, загадкой, почему свет появлялся в разное время и, главное, зачем. Когда я спросил у тетки Вали, кому принадлежит соседняя дача, кто является хозяином, и почему никого не видно, она ответила, что владельцем дачи является — мужчина средних лет, с бородкой, очень приятной внешности, такой культурный и обходительный, располагающий к себе. Но видела она его всего два раза, да и то года полтора назад. В первый раз — он сам заходил знакомиться, а во второй раз — узнавал у нее что-то насчет изменения расписания электричек. Зовут его, кажется, Павел Петрович. Он — не то ученый, не то философ. С тех пор так получается, что они не встречаются. Видно, графики посещений дач не совпадают. И, вообще, ей как-то не приходило в голову задумываться по поводу соседней дачи, как будто ее вовсе и не существовало. Даже странно теперь самой. Хорошо, что я об этом спросил. Она как будто очнулась и вспомнила, что есть соседняя дача.

Незадолго до моего переселения на дачу, тетка Валя увлеклась религией. Заразила ее этим какая-то давняя знакомая — то ли баптистка, то ли адвентистка, и тетка Валя стала уезжать дополнительно два раза в неделю на собрания общины и отсутствовала часов по шесть в связи с неудобным расписанием электричек. На даче у нас появилось много книг христианской литературы на русском языке, хотя и иностранных авторов, в том числе и Библия. О Библии я много слышал: на нее часто ссылались всякие деятели

по радио и телевидению, а что в ней собственно написано, я не имел представления. Какая-то необъяснимая тяга привлекала меня к ней. Возможно имеющая те же корни, что и тяга ко всему загадочному, таинственному, еще не познанному. Что-то необходимое и важное, интуитивно ощущаемое, звало к ее прочтению и, недолго думая, я взялся знакомиться с ее очень непривычно изложенным содержанием. Сидел я как-то ближе к вечеру на своей любимой скамейке около соседнего участка, листая последние страницы Ветхого завета. Тетка Валя пропалывала неподалеку грядку с редисом. Вдруг справа, вблизи от меня раздался негромкий голос:

— Похвально, молодой человек, что Вы сделали первый шаг.

Хотя голос был действительно негромкий, но от неожиданности я вздрогнул. Справа от меня стоял неизвестно откуда взявшийся человек с бородкой. Его немного прищуренные глаза и осторожная полуулыбка светились прозрачной доброжелательностью. Это, наверное, сосед — подумал я.

- Это очень неплохая книга для первого шага и, главное, что бы шаг этот не был единственным,— продолжал сосед.
- Здравствуйте, сказал я в ответ, лихорадочно припоминая его имя и отчество. У Вас что шапка-невидимка? Я совершенно не видел, как вы подошли.
- Кстати, если у Вас, тезка, возникли или возникнут какие-нибудь вопросы при прочтении этой весьма неоднозначной, во многом иносказательной, книги, я с огромным удовольствием вам их разъясню,— не отвечая на мой вопрос и удивляя меня знанием моего имени, продолжал Павел Петрович. (Я моментально вспомнил его имя и отчество)
 - А откуда Вы узнали, как меня зовут? спросил я, все еще приходя в себя.
 - Я не раз слышал, как тебя зовет твоя тетя.

«Но сегодня она меня не звала, а в другие дни его не было»,— недоуменно подумал я, промолчав. Не знаю почему, но мне очень хотелось продолжить беседу с этим загадочным и каким-то притягательным человеком. Я спросил его о некоторых, казавшихся мне странными, моментах Библии:

- Неужели съесть яблоко такой уж непростительный грех, что бы изгонять из Рая и лишать бессмертия?
- Прежде всего, запомни, Павлик, что в священных писаниях иногда Истины зашифрованы или находятся между строк. Многих из них до сих пор никто так и не разглядел потому, что истолковывали тексты буквально. Ну, например, что значит — «вкусить от дерева добра и зла». Да это значит — обрести сознание и речь, как самое доступное средство обмена информацией сложного характера, в отличие от животных. При этом происходит осознание своей смертности. Животные же, в принципе, себе, похоже, совсем не представляют, что они рано или поздно должны состариться и умереть, даже если умирает кто-то из его сородичей на его глазах. Насильственная же смерть, которую им доводилось видеть, заставляет их быть более осторожными и напрячь силы для выживания и ухода от травм и боли. Она не представляется неизбежной. Незнание о своей смертности это и есть так называемое «бессмертие», утраченное человеком. Иисус потому спаситель, что спасает человека от страха неизбежной смерти, открывая ему возможность бессмертия души при определенных условиях ее состояния. Так называемый «первородный грех» человека не в том, что он съел какое-то там яблоко, а в наличии у него, как впрочем, и у любого живого существа, интересов тела или потребностей тела и, возникающим в связи с этим его Эго. Эго животных, их желания практически не выходят за рамки минимально необходимых потребностей тела и продолжения рода. Желания же человека могут рождаться в огромном, нескончаемом количестве. Количество имеющихся желаний, побуждающих человека к сложным действиям и переживаниям, с не всегда очевидными для окружающих целями, соответствует величине его Эго. Огромное Эго приводит к су-

щественным искажениям в мировосприятии, к отрыву от реалий, к ошибочным выборам и действиям, приводящим к большому количеству проблем, конфликтов и, зачастую, к болезням, травмам, гибели. Хотя правильнее было бы сказать, что именно отсутствие истин или, иначе сказать, реальностей в основе мировоззрения человека и приводит к развитию и росту до громадных размеров его Эго со всеми описанными последствиями. Библия и другие священные писания потому тысячелетиями не утрачивают ценности для людей, что содержат нестареющие вечные истины. Эти истины, иногда, подобны алмазам в массе породы. Их еще надо разглядеть и постигнуть. И тогда твое сознание засияет мудростью. И тогда ты обретешь некое могущество, приходящее свыше. Сталкиваясь с истиной, человек испытывает некоторое удивление потому, что, зачастую, постигнутая реальность была, практически, на виду, но при этом как-то не осознавалась. Истина ощущается как светлая спокойная радость, возникающая в человеке в момент нахождения чего-то давно искомого. Наше сознание изначально запрограммировано на отыскание закономерностей и реального положения вещей потому, что эти истины ложатся в основу нашего мировоззрения и являются главными критериями при осознанном, да и неосознанном выборе. Выбор же в каждой точке жизненной траектории определяет нашу конечную судьбу. Таким образом, истины — это важнейший фактор выживания, как животных, так и человека. Просто у человека, вследствие трудности прослеживания этих точек выбора и дальних результатов каждого выбора, данная зависимость для подавляющего большинства неуловима.

— А что такое истина? Как я узнаю ее в стольких грудах текста? Книга ведь такая толстая. Правда и истина — это одно и тоже или разные понятия? И если разные, то в чем отличия?

— Вообще-то истина — это существующая реальность или закономерность, как правило, неочевидная. Но будучи сформулирована и озвучена, она может быть постигнута, при условии, что ее ищут и хотят постигнуть. Правда же для каждого из обычных людей — это такое объяснение событий и фактов, которое им выгодно или в их интересах. Поэтому, правда — у всех своя. Постижение этого факта — есть постижение истины. Закономерность эта, если спокойно вдуматься, неочевидна, но реальна.

Я стал замечать, что эта и все последующие беседы, кроме того, что они очень интересны, но еще и действительно наполняют меня какой-то светлой энергией, спокойной безмятежной радостью и даже уверенностью. Нечто подобное я испытывал, когда научился плавать и когда научился кататься на двухколесном велосипеде. Только тогда эта радость длилась как-то недолго. Очевидно, я постигаю важные истины и при том в большом количестве,— решил я,— оказывается, постигнуть их совсем нетрудно, когда тебе преподает их такой Учитель. Хотя, при всей кажущейся простоте этих истин, я все же не замечал их, не видел в упор еще совсем недавно, буквально вчера.

Наши встречи и философские беседы стали происходить почти каждый день, а иногда и несколько раз в день. Частенько беседы наши происходили во время прогулок в лес или на пруд, во время посещений станционного поселка, где нам довольно часто приходилось бывать для пополнения запасов продуктов. Мы стали очень хорошими друзьями, не смотря на большую разницу в возрасте. Мне стало интересно, кем работает Павел Петрович: как-то не представлялось, что бы он был представителем обычной профессии вроде инженера, директора, продавца или электромонтера. Скорее он мог быть каким-нибудь ученым или писателем. Неожиданно он сам, видимо, почувствовав этот мой непроизнесенный вопрос, а надо сказать, меня потом часто удивляла его способность как бы читать мысли, сообщил мне, что работает он в Центре решения семейных и психологических проблем. В народе подобные заведения уже приличное время воспринимаются как нечто стоящее в одном ряду с прием-

ными колдунов, экстрасенсов, врачевателей и гадалок. Признаться, в то время и мое мнение о характере такой работы не сильно отличалось от общепринятого. Несколько неожиданная информация, полученная от Учителя, привела меня в некоторое замешательство. В городе у Учителя был где-то офис и, там он вел приемы клиентов. Вновь угадав мой интерес, он спросил, не хотелось ли бы мне побывать у него на работе. Он сказал, что мне это могло бы принести большую пользу, как практика к постигаемым истинам. Тогда способность видеть естественный, само собой вытекающий ход событий, мне казалась едва ли не чудом. А ведь нет ничего проще, зная уровень развития человека и направление его развития, предугадать его реакцию при получении той или иной информации. Тем более, что угадать не реакцию, а только желание, еще проще — все равно, что угадать желания голодного человека при запахе горячих пирожков с луком.

Первое чудо

Через два дня, отпросив меня у тети Вали, Павел Петрович повел меня на железнодорожную станцию. До электрички оставалось минут двадцать, и мы походили немного по перрону, наслаждаясь вкусным в жаркую погоду мороженым, купленным в ларьке около станции. Железная дорога в юные годы всем навевает ощущения чегото романтичного, неосознанно влекущего в иные прекрасные и еще непознанные миры, являясь той волшебной нитью, которая почему-то кажется наиболее естественной и вероятной из известных к тому времени, способной связать с этими мирами. Подошла электричка. Мы заспешили и, только уже входя в вагон, я с ужасом вспомнил, что мы забыли купить билеты на проезд. Из опыта поездок на дачу, я знал, что контролеры до города проверяли наличие билетов практически всегда. Я даже затрудняюсь назвать последний случай, когда бы я ехал, а билеты не проверяли. Когда же я, замедляя шаг у дверей вагона, сказал об этом Павлу Петровичу, он, загадочно улыбнувшись, взял меня за руку и решительно ввел в вагон, всем своим видом показывая, что все — в порядке. Это оказало на меня какое-то магическое действие: волнения куда-то испарились, мне вдруг стало хорошо и спокойно, и я в том же прежнем безмятежном настроении ускорил шаг. Мы сели в середине вагона у окна напротив друг друга и занялись ставшим любимым делом — беседой на различные темы философии, задерживая взгляды на заинтересовавших объектах, проплывающих за окном. А мимо проносились перелески, пашни, поселки, гаражи, поля с пасущимися буренками, дороги с машинами и столбы. Все это — под перестук колес и неразборчивые голоса некоторых общающихся пассажиров. Наша собственная беседа была как всегда необыкновенно интересна. Я, вспоминая какой-то телефильм, спросил Павла Петровича, почему Дьявола, подчас, представляют сильнее Бога поистине всемогущим. Учитель абсолютно уверенно заявил, что, вообще-то говоря, никакого Дьявола, Сатаны, Демона, Черта, Шайтана и прочей подобной сверхъестественной личности не существует и не существовало. Никто, никогда, находясь в здравом уме и в трезвом состоянии, не видел и не встречал эту личность. Все зло в человеческом обществе, да зачастую, и в природе Земли, если и творится, то творится самим человеком, чьими мыслями и действиями руководит выросший до умопомрачения эгоизм. Нет другого Дьявола на Земле кроме эгоизма. Все отвратительные пороки человечества имеют один и тот же корень — эгоизм. Жадность, зависть, злоба, жестокость, грубость, высокомерие, тщеславие, презрение, лживость и все-все остальные отрицательные людские качества, во всем их многообразии, это листья одного и того же дерева — эгоизма. Животные, в своем эгоизме, весьма прямолинейны. Они не играют роли, не прячут свои личины под масками, не скрывают свои желания и намерения, ведь они не зажаты в узкие рамки общепринятой морали и законов. Человек же, следуя своему эгоистическому побуждению что-то заиметь не свое, подчас, закручивает такие многоходовые комбинации, что догадываются о связи между происходящими событиями и тайной выгодой определенных лиц лишь очень и очень немногие, можно сказать, мудрецы с сильным аналитическим умом и огромным жизненным опытом. Ярким примером скрытого налаженного механизма обогащения ни на чем является спорт. Все видят или слышат, как тот или иной, скажем, футбольный клуб покупает или продает хорошо зарекомендовавшего себя игрока за огромные деньги — иногла до десятков миллионов долларов, что означает, что клуб этот расчитывает получить доходов намного больше, и ему эта дорогая покупка все равно выгодна. А что бы получать эти доходы, ему нужно, что бы существовал громадный интерес к футболу, к футбольным матчам, к командам, игрокам и всему, что связано с футболом, хотя изначально это было чье-то личное развлечение и тренировка. Сам по себе интерес этот не возникнет. Вряд ли было бы возможно возбудить его хотя бы сто лет назад без электронных средств массовой информации — без радио и, особенно, без телевидения, которых тогда еще не было. Не было и таких доходов от него. Сейчас же каждый день помногу раз сообщаются спортивные новости, транслируются матчи, как будто это очень важные события, необходимые всем, без которых невозможно жить, тем самым, навязывая подсознательно интерес к совершенно неважному для нас, где-то далеко происходящему и никак не влияющему на нашу жизнь. А для кого-то это становится предметом вообще-то нездоровых переживаний. Людей неравнодушных к футбольным делам, неспроста называют болельщиками. Они следят за всеми матчами и счетом в них, смотрят допоздна их трансляции по телевизору, ездят на стадионы в другие города и даже страны, платя огромные деньги за билеты на матчи и дорогу. Их разговоры между собой, часто неутомимые и эмоциональные, приводящие, иногда, к пустым спорам, со стороны, для людей, равнодушных к этому виду азартной зависимости, выглядят просто смешными и нелепыми. Правда, эта их зависимость или, как принято говорить, болезнь, этот фанатизм преподносится средствами информации как некая доблесть и патриотизм, но реально это, по видимому, на самом деле — больные люди, пойманные на крючок, не понимающие, что их сделали объектом доения денег. Спорт из средства укрепления здоровья и силы превратился в выкачивающее деньги щоу, по своему механизму действия напоминающее наркобизнес. Сделать людей более гармоничными физически это одна цель и достигаемый результат, получить максимальную прибыль — это другая цель и другой результат, противоположный первому.

Внезапно, отведя глаза от окна, я увидел за спиной Павла Петровича контролера, который проверял билеты у пассажиров в соседнем отсеке. Второй контролер шел, проверяя билеты, по противоположному ряду отсеков. Видно, я очень изменился в лице, и Павел Петрович догадался о происходящем за его спиной потому, что он подмигнул мне с веселой искоркой в глазах и приложил незаметно палец к губам, как бы предупреждая меня, что бы я не дергался. Контролер перешел в наш отсек и стал проверять билеты у пассажиров с краю. Я весь сжался как-то внутри и посмотрел на Учителя. Он спокойно сидел, слегка опустив глаза. Я тоже опустил глаза и замер, ожидая обращенного ко мне, такого же, как и к другим, вопроса — «ваш билетик?». Но случилось невероятное: контролер, сравнительно совсем еще молодой, атлетического телосложения человек, скорее всего — бывший военный, проверил билеты у сидящих рядом с нами пассажиров, обойдя нас невидящим взглядом, как будто нас не существовало, и пошел в следующий отсек. Учитель снова мне подмигнул. Выждав, когда контролеры уйдут подальше, я не удержался и, немного понизив голос, прямо спросил Учителя:

- Они, что ваши знакомые?
- Нет. Я совершенно не знаю никого из них.

- Но как объяснить, что они не спросили у нас билетов.
- Очень просто. Нас для них не существовало. Они нас не видели. Наши места для них были пустые.
 - Но, как это может быть!?

В глазах Учителя мелькнул веселый огонек, он как-то оживился и начал издалека:

— Многие простые вещи кажутся удивительными, невероятными, даже — чудом, если не знать истинные, реальные особенности и свойства сознания человека, его психики. Бог, я не буду раскрывать расширенный смысл этого понятия, вель можно назвать это и разумным началом Природы, как сказано в Библии, создал человека по образу и подобию своему. Это не означает, что, посмотрев на человека, можно судить о том, как внешне выглядит Бог. Это означает, что человек, как и Бог, обладает разумом или сознанием. Общепринятое определение разума или сознания, я думаю, тебе в общих чертах известно. А вот о том, что сознание обладает свойством творить или, другими словами, воздействовать на процессы и события материального Мира непосредственно силой мысли, знают далеко немногие — единицы из миллионов. А из этих единиц, большинство пользуется этими чудесными свойствами неосознанно, следуя неким ритуалам и практическим инструкциям, иногда интуиции. Пользуется исключительно в корыстных целях с непредсказуемыми последствиями для себя и других в дальнем будущем. Все их действия подпадают под определения магии, колдовства, ворожбы, знахарства, шаманства, экстрасенсорики. Существует даже целая наука — Парапсихология, институты ее изучающие, учебные книги, всевозможные курсы и школы, выдающие оканчивающим их соответствующие дипломы, удостоверения и свидетельства. Причем, поскольку обучение платное, то на учебу принимаются все подряд, лишь бы были уплачены деньги. Преподавателями часто выступают практики, имеющие соответствующий опыт в делах магии, а, иногда и просто шарлатаны, читающие лекции по книгам, и чьи способности и опыт не превышают способностей и опыта их учеников. Практически никто из них не знает, что творящая и управляющая событиями сила мысли человека в большой степени зависит от того, насколько близко к существующим реальностям нашего Мира мировоззрение человека. Если сказать по-другому, насколько глубоко и в каком количестве человек постиг существующие Истины, в том числе и чудесные свойства сознания и этого Мира. Такие преподаватели напоминают инструкторов вождения автомобилей, которые учат нажимать на педали и крутить руль, но сами не знают ни устройства автомобиля, ни правил дорожного движения. При этом они сажают за руль всех подряд, невзирая на отсутствие зрения или слуха, безруких и даже сумасшедших. Люди, сознание которых основано на истинах, в Индии называются просветленными. В европейских христианских странах, где распространены католицизм и православие, их бы называли святыми. Люди эти, обладая истинами в мировоззрении, знают правильные ответы на множество вопросов и проблем, возникающих у простых людей, чье восприятие искажено ложными истинами. Степень воздействия их сознания на процессы окружающего Мира огромна, но в силу ощущения своей ответственности и реального положения вещей, реальных взаимосвязей и закономерностей, они вмешиваются в ход событий в той степени, в которой реально могут положительно повлиять. Если бы народами управляли люди, обладающие просветленным сознанием, то на Земле давно бы существовал Рай или, как называл Иисус. Царство небесное. Царство небесное, под которым подразумевается царство духовное — царство любви, справедливости и счастья. Ибо просветленным чужды корысть, честолюбие и жажда власти. Уровень справедливости в государстве, а не технический прогресс с целью личного обогащения, является самым главным показателем развитости общества и то, насколько люди чувствуют себя в этом обществе свободно и счастливо. Просветленное сознание, с одной стороны, и негативная деятельность, эгоистичное поведение в отношении окружающего, с другой, --- невозможное сочетание, взаимоисключающие понятия. И это легко объяснимо, ибо просветленное сознание приходит только после постижения и безусловного глубинного принятия Божественных истин — истин, отыскание которых людьми практически невозможно по причине их нечеловеческой, абсолютно чуждой эгоизму логике. Поступки человека становятся соответствующими этому сознанию и не могут быть иными. Этому сознанию присущ минимально возможный, обусловленный природой, эгоизм. То есть потребности поддержания функций тела есть, а никаких лишних желаний нет. Просветленные без особой надобности стараются не афишировать свои удивительные способности, стараются вообще быть незаметными, ибо они не вписываются в существующие порядки общества. Информация, которая от них исходит, противоречит интересам всех существующих правителей всех существующих государств. Терпимо к просветленным правители относятся, пожалуй, только в Индии. Если же их информационное влияние выходит далеко за пределы страны, на миллионы поклонников в других странах, то с ними могут произойти всякие трагические, так называемые, случайности. И тому были примеры.

- Павел Петрович, а вам доводилось видеть просветленных? Вы читали о них, или вам доводилось общаться с кем-нибудь из тех, кто их видел? Я слышал про некоторых святых, почитаемых православной церковью, но, кажется они и просветленные не одно и то же.
- Что касается православных святых, то сказать о степени приближения их сознания к просветленному состоянию, я ничего определенного не могу потому, что канонизация их, или другими словами причисление к святым, происходило на основании иных признаков. Хотя не исключено, что некоторые из них могли обладать таким сознанием. Характерной же и главной чертой сознания просветленных является видение всех явлений окружающего Мира и его устройства в истинном свете, отношение ко всему существующему как к закономерному и совершенному, без какого-то ни было осуждения, и даже с любовью. Существует весьма обоснованная версия, что Иисус Христос постигал Божественные Истины на территории, которая сейчас именуется Индией и Тибетом, у просветленных Учителей, глубину духовных знаний которых невозможно оценить даже в наше время. Мне же не только приходилось лично видеть просветленных, но и приходилось длительное время с ними общаться. Я счастлив иметь среди них хороших друзей. Между нами существовала и существует постоянная связь, и мы продолжаем общаться. Иногда, при наступлении важных моментов, мы собираемся вместе.

Профессия Учителя

Да, тут было чему удивляться, но подвергнуть сомнениям слова Учителя мое сознание просто отказывалось. Так за разговорами и глазением в окно мы, как мне показалось, очень быстро доехали до вокзала нашего города. В глаза бросилась уже изрядно подзабытая суета машин и озабоченность на лицах спешащих куда-то по своим, кажущимся им важными делам прохожих. Сев на троллейбус, мы доехали до улицы Октябрьской, и вышли на ближайшей к офису остановке. Помещения арендовали сразу несколько организаций так, что входная дверь была уже открыта. Внутри, в просторном коридоре на мягких скамейках около кабинета Учителя уже сидело несколько посетителей, если быть более точным — посетительниц. Пока приема ждало несколько женщин, несмотря на еще не наступившее время часов приема. Было еще без двадцати минут девять. Мы с Учителем прошли в кабинет.

Учитель попросил меня скрыться за шкафом, который вместе со стеллажом образовывал нечто подобное второй небольшой комнатки. Вместо двери висела занавеска

из плотного темно-зеленого бархата. Пройдя за занавеску, я сел на одно из двух стоящих друг напротив друга кресел. Между ними стоял журнальный столик с чайными принадлежностями и электрочайник. Сквозь книги стеллажа мне хорошо был виден кабинет. Меня же практически не было видно так, как свет в настольной лампе около меня не был включен. Учитель начал прием посетителей не дожидаясь девяти часов, указанных на табличке двери его кабинета. Первой вошла молодая женщина с осунувшимся усталым лицом, с небольшим лихорадочным блеском в глазах. Движения ее выдавали внутреннее возбуждение и нервозность. Она резко села на стул перед столом Учителя, крутя в руках дамскую сумочку, не зная с чего начать. Пауза затянулась. Напряженность и волнение посетительницы еще больше усилилось. Лицо пошло красными пятнами. Я стал опасаться, что вот-вот она вскочит со стула и убежит, хлопнув дверью. Внезапно заговорил Павел Петрович, и гнетущая атмосфера мгновенно разрядилась. Как бы продолжая разговор, он спросил:

— Но если он такой негодяй, как вам кажется, то зачем он вам?

Женщина, не смутившись странным началом разговора, как будто боясь, что не успеет все рассказать, заговорила постепенно приобретающим уверенность голосом:

— Я так хочу, что бы все стало по-прежнему, а он... он сделался просто невыносимым. Мы ругаемся каждый день. Иногда — по нескольку раз. Ему ничего невозможно доказать. Он меня не слушает, делает все равно все по-своему. Часто, я уверена, что делает это мне назло. А это меня просто бесит. Я начинаю кричать, швырять вещи, а он, мерзавец, спокойно уходит из дома на прогулку. Приходит же через несколько часов, с довольным, сияющим лицом и, иногда, под хмельком. Наверное,—завел любовницу. Словом, вся семейная жизнь рушится...

Женщина, еще недавно не имеющая сил начать говорить, теперь явно не могла никак остановиться.

- Так вы полагаете, что с той, предполагаемой, женщиной ему лучше прервал словесную волну Учитель, воспользовавшись первой же секундной паузой для глубокого вдоха. Женщина резко задумалась, а он продолжал:
- Что в ней может быть такого особенного? Может быть, она не предъявляет к нему никаких претензий и относится к нему крайне доброжелательно? Наверное, поэтому ему с ней во много раз комфортнее. И для нее он уж точно никакой не мерзавец? Все дело в том, что вы изначально и до сего времени рассматриваете мужа как свою собственность, как вещь, как некий бытовой механизм, обязанный действовать исключительно в ваших интересах и вам на благо. Иначе, зачем вам муж, если он не приносит пользы, если он не выгоден? Вы, наверняка, считаете, что любили его, а, может быть, что и сейчас любите. Но любите вы его как вещь, как, скажем, свой автомобиль или сотовый телефон, не имея духовного единства. Вещь любят, пока она не начнет отказывать в работе или просто не оправдывать возлагаемых надежд, подчас чрезмерных, невыполнимых, не входящих в планы объекта любви. И если быть философски точным, это — вовсе не любовь. Любовь и претензии — несовместимые вещи. Любовь и желание отомстить, заставить, настоять на своем — так же взаимоисключающие вещи. Любовь ни к чему не обязывает, не ограничивает свободу другого и сама никому не обязана. Ваш муж ничего вам не должен и не обязан. Любовь — это не отношения между людьми, это особое внутреннее состояние сознания. Если вы любите, по настоящему любите, то вы — счастливы, у вас в душе — постоянная радость и восторг всем Миром вокруг вас. Все, о чем надо заботиться — это сохранять любовь в себе, сохранять независимо от внешних факторов, и тогда вокруг вас произойдут удивительные перемены.

Учитель замолчал, а женщина заворожено смотрела на него и, в ее облике появилась какая-то светящаяся одухотворенность. Она негромко и немного задумчиво произнесла:

- Кажется, я поняла... У меня еще полная неразбериха в голове, но я поняла чтото главное. Думаю, что скоро в голове наступит порядок. Я поняла, что дело во мне. И еще очень многое я чувствую, но не могу даже для себя сформулировать. Пока не могу. Спасибо Вам, Павел Петрович. Я предполагала какие угодно варианты развития событий при посещении вашего кабинета, но такой мне даже не приходил в голову.
- Елена Петровна, мне крайне интересно с научно-философской точки зрения, как будет меняться ваша жизнь, поэтому я буду вам весьма признателен, если вы повторно меня посетите. Кстати, второе и следующие посещения вне очереди и бесплатно. Кроме того, наверняка, я смогу еще чем-нибудь вам помочь. До свидания. Буду рад новой встрече!

Вот так дела! А я-то полагал, что Учитель ее видит не первый раз, и уже раньше слышал о ее проблемах, судя по началу их разговора. Удивительно! Он что — ясновидящий что ли?

Следующая посетительница была среднего возраста, на вид — лет тридцатисорока. Женщина сказала: — «Здравствуйте, Павел Петрович»,— каким-то неуверенным, сомневающимся голосом и, выслушав ответное приветствие, продолжила:

- Уж не знаю, по адресу ли я пришла, и сможете ли вы мне помочь, но не к гадалкам же идти, в самом деле. Суть проблемы в том, что мне последнее время как-то явно перестало везти. Просто черная полоса какая-то началась и никак не кончается. Наверное, не стоило мне начинать бизнесом заниматься, да подруга уговорила. У нее самой, уже несколько лет все ладится. На шикарной машине разъезжает, одевается хоть помещай в журнал мод. Ее послушать, так все просто получается. Так, что я даже удивлялась, почему это наш народ такой дремучий все у телевизоров сидит и пиво попивает, когда деньги мимо потоком текут, надо только не полениться руки подставить. Да вот только оказалось, чтобы дело начать, надо кучу денег сначала вложить. У подруги-то мать раньше в магазине работала, поэтому дело знакомое. Откуда что брать и куда потом с прибылью сбывать известно. А я застряла как в болоте: чем больше пытаюсь выбраться, тем больше увязаю. Какая уж тут прибыль!
- Скажите, а чем вы занимались до того, как занялись торговлей? И кем была ваша подруга до своего бизнеса, в профессиональном плане, конечно.
- Я была учительницей географии и, как говорят,— неплохой, а подруга работала на складе готовой продукции ремонтного завода кладовщицей.
- Видите ли, Природа, в высшем понимании этого слова, Высший разум, Бог, Судьба — название на ваше усмотрение, не приветствуют поступков и действий людей, приводящих к снижению их личной духовности и, особенно, если действия эти снижают духовность или препятствуют ее повышению у группы лиц — тех же ваших школьников. Под духовностью я понимаю мировоззрение, основанное на истинах. Очевидно, вы — не просто преподавали свой предмет, а оказывали сильное влияние на формирование мировоззрения детей вашей школы, причем мировоззрения правильного. Если человек делает добро, то есть, совершает действия, приводящие к повышению духовности других, то это значит, что он выполняет свое предназначение. Ведь признайтесь, что работая учителем, несмотря на низкую зарплату и другие трудности, вы ощущали себя — Человеком, ощущали свою значимость. Это ведь нытье других, оценки других заставляли вас временами чувствовать себя обделенной и униженной. Для вашей же подруги, возможно, что переход в другую сферу деятельности не повлиял на уровень ее духовности, а возможно даже ее повысил. Мой совет в Вашем случае — плюнуть на возможные убытки, закрыть дело, которое явно Вам не на пользу, и вернуться к прежней вашей профессии. А если поискать, можно найти место и с приличной зарплатой. Если у вас в душе после всего, что я сказал наступил покой, то это верный признак правильного пути.

- Павел Петрович, покой я действительно почувствовала, но когда я подумала о возможных потерях, мне снова стало не по себе.
- У Вас же еще есть время подумать, как свести свои потери к минимуму, попросите помощи у своей опытной подруги. Главное не идите по ложному для вас пути. О развитии ваших дел я тоже хотел бы знать, так что не стесняйтесь, приходите, буду рад вас видеть. До свидания.

Посетительница вышла. По походке, по всем движениям и облику ее ощущалось, что это идет уже несколько другая женщина, какая-то более живая, знающая, что делать и как. А может быть, это я зарядился дополнительным оптимизмом, рождаемым приобретенным полезным опытом на несобственных ошибках, и изменился всего лишь мой взгляд на Мир?

Невольный свидетель

Дверь снова открылась... То, что произошло дальше, вызвало у меня сначала изумление, а потом целый фонтан противоречивых чувств и сильнейшее волнение: — вошла моя одноклассница — девчонка, к которой я уже второй год, если мягко сказать, не равнодушен, а если сказать по существу, — в которую я втрескался по уши. Я не видел ее в коридоре среди ожидающих. Наверное, она приходит не первый раз, если входит вне очереди. Девчонка эта появилась у нас в классе всего два года назад. Зовут ее Юля. Приехала из южных краев — с Кубани. Говорит с небольшим забавным акцентом, с непривычными интонациями, и это вносит какую-то свежую струю в общение, в разговор. Новенькие всегда притягивают некоторой загадочностью, временной непознанностью своей истории, своего характера и привычек. Неудивительно, что сразу несколько ребят из нашего класса на нее «положили глаз» и стали оказывать знаки внимания. Не избежал этой участи и я. Другие девчонки нашего класса воспринимались нами, по крайней мере, мной, как существа, хотя и другого пола, но скорее как приятели, которые требовали некоторых ограничений в действиях и словах. Но в отношении их в голове каких-то планов на будущее, приводящих в волнение, как-то не возникало.

Юлька поздоровалась с Павлом Петровичем и уверенно села напротив него. Она начала без всякого предисловия:

— Павел Петрович, я пытаюсь выбросить его из головы, но это мне все еще не удается. Он по-прежнему не обращает на меня внимания, как на девушку, по-прежнему отпускает в мой адрес колкие шуточки при друзьях, по-прежнему за глаза зовет меня хохлушкой. Я пытаюсь следовать вашим советам и любить его внутри, но похоже, что ему нравится какая-то особа из его класса. А я для него кажусь малолеткой, ему со мной — не очень-то интересно. Я пробовала приносить ему интересные книги, которых полно у моих родителей. Интересные — по названиям. Я даже пыталась сама их читать, что бы потом обсуждать их содержание, хотя они мне малопонятны. Но, в конце концов,— я дама и не обязана разбираться во всяких там научных премудростях. А главное, за что вам спасибо: настроение у меня поправилось. Травиться и прочие такие мысли напрочь из моей головы вылетели.

Я сидел весь сжавшись, временами голос Юльки куда-то уплывал, лицо у меня горело. Мысли разбежались в разные стороны, и на месте осталась только одна: — она любит кого-то другого! Может Витьку, проживающего с ней в одном доме. Он на два года старше ее и меня и перешел в одиннадцатый класс. Он почти на голову выше меня и на пол головы выше Сереги Крыгина — самого высокого парня из нашего класса. Витька этот — я даже не знаю его фамилии — держится немного франтом, с претензией на некую интеллигентность и загадочность, рождаемую постоянными недосказанностями в разговоре. Хотя вся его ученость в сравнении с нами объясняется, возможно

тем, что он проучился на два года больше нас, и еще неизвестно, сколько будем знать мы в его возрасте. С одной стороны то, что я узнал было шоком, рухнувшим карточным домиком иллюзий, а с другой стороны, любовь ее была безответной и, значит, могла иссякнуть от унижений и безразличия — дело времени, а это дает надежду на сближение и, не исключено, что на взаимность. Между тем, Павел Петрович уже чтото ей говорил, а я так был потрясен, что, возможно, даже не слышал начала его ответа. С трудом сосредоточившись, я услышал, как Учитель продолжал:

— Юля, как я вижу, ты что-то помнишь из моих советов, но главную суть их ты поняла не совсем правильно. Я вовсе не говорил тебе выбросить твоего парня из головы. Я говорил, что бы ты постаралась отделить свое состояние любви от конкретного внешнего объекта — твоего парня и попыталась ощутить любовь ко всему вообще, как, например, человек ощущает тепло отовсюду, войдя в хорошо прогретое помещение. Если тебе это удастся, то вместо страданий ты ощутишь чистую радость от самого состояния любви. И тогда твой парень перестанет быть в твоей голове навязчивой идеей, образно говоря — «вылетит у тебя из головы», где он был скорее саднящей занозой, а станет только приятной, пусть и намного меньшей частью твоей жизни. Тебе вовсе не надо прилагать усилий, скорее бесполезных и вредных: ведь выбросить его из головы равнозначно подавлению любви в себе. Любовь может умереть и навсегда, а это большое несчастье для любого человека. Наоборот, постарайся очистить и усилить это свое состояние любви. Попробуй наслаждаться ею, попробуй распространить ее на весь Мир. Пусть любовь растет в тебе. Не бойся, любви много не бывает. Перемены, которые произойдут в тебе, приведут к изменениям всех ситуаций и событий вокруг тебя, ибо сказано: хочешь изменить к лучшему свою Судьбу, меняй к лучшему себя. А что касается желания покончить с собой и самоубийств вообще, то подавляющее большинство их происходит не от любви, а вовсе наоборот, — от страстного желания отомстить, нанести удар, достать даже ценой своей жизни, заставить фактически ненавидимого тобой человека почувствовать себя чудовищно виноватым. Любви же соответствует самопожертвование, как правило, вынужденное, когда нет другого выхода для спасения любимого человека. И происходит это почти не задумываясь, и без страха. Вернее есть страх за любимого человека, и он сильнее страха за собственную жизнь. Тех же, кто все же преследует цель кого-то достать своим самоубийством, уверяю, что оставшись в живых, у них будет гораздо больше шансов и случаев осуществить свои планы мщения, хотя подобные мысли и действия мне лично абсолютно чужды и недопустимы. Твои желания привлечь к себе его внимание книгами и, возможно, другими ухищрениями наводят на подозрения, что ты для получения желаемого результата перед ним играешь роль, выдавая себя за кого-то другого. Это, впрочем, общепринятая практика. Абсолютно никто не видит в этом ничего плохого или предосудительного. Никто не видит в этом главную причину будущих своих разочарований друг в друге, будущих конфликтов, раздоров и разводов. Лишь очень и очень немногие пары не имеют в дальнейшем взаимных претензий друг к другу.

— Кроме этого подумай, — продолжал говорить Учитель, — что конкретно, в сравнении с другими, делает твоего парня единственно желанным для тебя. Понаблюдай за ним со стороны, незаметно. Такой ли он, за какого себя выдает. Не играет ли и он роль. Какой он без маски в действительности. Поразмысли над двумя изречениями мудреца. Первое — если ты знаешь, за что ты любишь человека, то это — не любовь. И второе — настоящая любовь приходит, когда тебе никто не нужен. Я дал тебе много очень важной информации для размышлений. Если ты уяснишь и примешь истины, заключенные в ней, то твои проблемы превратятся в достижения. До свидания, Юля. Желаю успехов.

Следующей посетительницей была еще одна женщина, за ней — почти старуха.

Были ли среди посетителей мужчины, я сказать не могу: во время приема старухи я заснул. Сказалось это ненормальное возбуждение при виде любимой девушки, которое через некоторое время сменилось каким-то усталым забытьем, плавно и незаметно перешедшим в глубочайший сон. Из разговоров Учителя с посетителями помню только, что на несхожие, на первый взгляд, проблемы он давал советы, сводящиеся, в общих чертах, к уменьшению собственного эгоизма посетителей, к изменению себя через изменение некоторых личных понятий — общепринятых, но, очевидно, ложных. Наверное, он поступал правильно потому, что на приеме у него была только одна сторона проблемных отношений или ситуаций, так что исправляя в чем-то их мировоззрение, Павел Петрович воздействовал на ситуацию в целом, включая и отсутствующую сторону.

- Павел Петрович, а вот эта Юлька, которая, кажется, приходила к вам второй раз, в решении своих проблем продвигается или не очень? спросил я, когда посетители иссякли, стараясь не выдать волнения в голосе.
- Девочка эта у меня на приеме четвертый раз. В голове у нее стандартный набор ложных истин, которые системно связаны одна с другой, вытекают одна из другой, и потому очень трудно заменимы на истины реальные. Замена ложной истины, лежащей в основе мировоззрения, приводит, как правило, либо к психическому шоку и временной потере ориентации во всех понятиях, казавшихся ранее правильными и незыблемыми. Чем более важной была лежащая в основании мировоззрения ложная истина, тем сильнее шок при ее разрушении. В некоторых случаях это может привести к сумасшествию. Наше сознание упорно сопротивляется и отказывается принять такую истину, что бы не попасть в такое беспомощное состояние. У Юли я стараюсь скорее посеять сомнение в правильности некоторых моментов ее мировоззрения, расшатать их, заставить ее поразмыслить над некоторыми, кажущимися ей сейчас абсурдными, высказываниями, содержащими на самом деле чистые истины. Но она может просто перестать приходить, разуверившись в перспективах таких посещений или внезапно влюбившись в кого-то другого — более эффектного парня. С ней все трудно прогнозируемо, а для нее самой скорее проблематично. Она и сама будет не один раз страдать и другим нервы помотает. Впрочем, некоторые по неведению могут принять это за страстную любовь. Пока не познают настоящей.

Чудеса продолжаются

Выпив по две чашки крепкого чая с ароматом смородины, мы вышли на залитые солнцем улицы города. Пройтись по оживленным улицам после малоподвижного сидения было просто счастьем. Нам надо было сделать кое-какие покупки, выполняя заказ моей тети, да и Павел Петрович собирался чем-то обзавестись, раз уж мы оказались в городе. Я давно уже не был в городе и немного отвык от биения его жизни. Казалось, что это большой муравейник, в котором ни за что не понять, кто и куда, а, главное, зачем движется. Собственное недоумение переносилось на объекты, создающие эффект всеобщей суеты, и возникало ощущение, что никто, из этого потока людей сам не знает, куда и зачем движется, как молекулы при броуновском движении. Мы с Учителем посетили несколько магазинов и сделали необходимые покупки. У меня с собой было немного своих денег, которые я скопил из тех, что давал мне отец на карманные расходы, и, когда мне попался на глаза пистолет-зажигалка, который смотрелся как настоящий «вальтер», я, не задумываясь, его купил. «Вот здорово пацанов знакомых можно прикольно пугать!» — подумал я, и мое воображение нарисовало потешные, на мой взгляд, картины. Я не курил, так что использовать зажигалку по прямому назначению мне даже в голову не приходило. Разжечь же костер такой зажигалкой, думаю, было бы чрезвычайно неудобно. Покрутив пистолет в руках, и получив от этого ощутимое удовольствие, я краем глаза заметил, что Учитель явно не разделяет мой восторг, хотя и не высказывает каких-либо замечаний по поводу данной покупки. Подумав, что я еще наиграюсь позднее своей новой игрушкой, я убрал зажигалку в пакет с другими покупками и проследовал дальше вслед за Павлом Петровичем.

Во время выхода из последнего магазина, произошло событие, которое вновь заставило меня с изумлением и даже с некоторым оттенком испуга взглянуть на моего спутника, на его еще так мало мне известные способности. Дело в том, что разговаривая со мной и повернув голову в мою сторону, у дверей он столкнулся с каким-то бугаем с короткой стрижкой и грубой как у бульдога физиономией, который тоже глядел куда-то в сторону. Этот тип не удержался и сказал какую-то грубость в адрес Учителя, хотя сам был виноват в случившемся не меньше. Учитель, нисколько не изменившись в лице, как будто у него просто спросили который час, с полуулыбкой на губах, повернулся и в течение пары секунд посмотрел в разъяренные глаза бугая. И вдруг по лицу грубияна прошла волна разительных перемен. Ярость в глазах и в выражении лица погасла, как гаснет раскаленная нить накала лампочки из толстой спирали. Плавно лицо приобрело сначала выражение легкого испуга, затем страха, затем ужаса. Бугай, мгновенно покрывшись испариной, начал молить о прощении, ругать себя всякими словами за неуклюжесть. Его спина безвольно согнулась, казалось, что он вот-вот упадет на колени. Учитель примирительно махнул рукой и пробормотал что-то вроде: — «Да ладно, чего уж там. Мы оба хороши...» И только после этого у бывшего грубияна появилась робкая искорка жизни на лице. Он удалился, производя впечатление побитой собаки с поджатым хвостом, еще не уверенной, что все позади. Признаюсь, что мне почему-то тоже стало жутковато. Почему-то я был уверен, что в тот момент жизнь или смерть этого человека зависела от воли Учителя. Нас всех пугает все пока необъяснимое, и от этого кажущееся мистическим. Прогулка по улицам вернула прежнее безмятежное настроение. Я бодро шагал рядом с Павлом Петровичем и напевал мысленно понравившуюся песенку, услышанную в магазине. Бывает, что привяжется вот такая вот песенка с утра и крутится в голове, хоть ты тресни. До того надоест, что слушать ее потом тошно. Что бы отогнать песню от головы, я спросил Учителя, что это произошло с тем грубоватым мужчиной. Может он — пациент психушки? Учитель же начал корить себя за то, что частично потерял над собой контроль, что допустил осуждающие мысли в отношении этого, пусть даже и несдержанного человека. А ему это делать совершенно недопустимо. По его словам выходило, что от его негативной оценки судьба этого человека могла измениться в худшую сторону вплоть до смертельного исхода. И хорошо, что человек этот интуитивно это ощутил и стал вовремя извиняться. Это дало толчок, который помог Учителю опомниться и взять себя в руки. Учитель с болью в голосе поведал, что в прошлом неоднократно люди находили смерть, чем-то заслужив его искреннее осуждение. Он же не сразу увидел эту трагическую зависимость и понял, как предотвращать эти серьезные последствия. А вообще-то, человек он уже давно добродушный. Ну, под этим фактом, я готов подписаться обеими руками. Мы не стали использовать городской транспорт, и дошли до вокзала пешком, благо время остававшееся до электрички это позволяло. Павел Петрович настоял, что бы мы купили билеты. Когда же я напомнил ему, что мы вроде бы неплохо обходились и без них, то он объяснил, что двумя днями раньше он купил билет до города и обратно, но не смог им своевременно воспользоваться так, как поездка не состоялась по внезапно возникшим очень важным причинам. Так что с железной дорогой он вполне в расчете. А использовать свои способности в неблаговидных целях у него нет ни малейшего желания. А вот я бы, пожалуй, такой возможности проехать бесплатно тогда не упустил.

Купив по мороженному, и сидя на скамейке, мы дожидались электрички. При ее

приближении мы стали готовиться к посадке, и тут, как назло, порвался мой полиэтиленовый пакет с вещами. Некоторые свертки вывалились на скамейку. Мы поспешно рассовали вещи по другим сумкам и еле успели сесть в электричку. Свободных мест уже не оказалось, и мы, положив свои сумки на верхние полки, пристроились стоять в проходе между сиденьями. Проехав пару остановок, двое парней прошли мимо нас в тамбур, по-видимому, курить. Первый спросил у второго, захватил ли он зажигалку. Тут я вспомнил о моем пистолете-зажигалке, и у меня руки зачесались вытащить его. Я перерыл свою сумку, и не найдя ее, попросил поискать зажигалку Учителя в его пакетах. Он их перерыл, просмотрел повторно на всякий случай, но зажигалки не нашел. Я перетряхнул свою сумку еще раз, прощупал в отчаянии все свои карманы и понял, что пистолет-зажигалка, по всей видимости, выпал и провалился под скамейку, когда порвался пакет. Другого объяснения просто не находилось. К моему удивлению Павел Петрович стал извиняться, утверждая, что, возможно, есть и его вина в том, что зажигалка исчезла. И вина, по его словам, заключалась в том, что когда он увидел мою покупку, у него возникло очень сильное ощущение, что эта вещь мне совсем не нужна, может даже — опасна и что зря я ее купил. Исчезновение вещи, то, что пропала именно она, Учитель объяснял именно этим. И хотя лично меня устраивает более простое объяснение, никто не запрещает Павлу Петровичу иметь свое особое мнение. Ему, в конце концов, виднее. Он свои способности знает лучше кого бы то ни было. Как бы ни объяснялась эта потеря, простыми причинами или мистическими, но мне от этого было не легче. Настроение понизилось, хотя я и старался не подавать вида при Учителе. Павел Петрович, чувствуя мое эмоциональное состояние, начал разговор немного издалека:

- Как ты думаешь, Павлик, что есть добро и что есть зло?
- Добро это, когда тебе делают что-то хорошее, а зло, когда тебе делают что-то плохое.
- Ну, а теперь не мешало бы раскрыть в этом твоем определении понятия: «хорошее» и «плохое». Что ты под этим понимаешь?
- «Хорошо» это, когда делают что-то приятное, дарят тебе что-то интересное, вкусное, а если наоборот, то это, конечно «плохо».
- Один человек должен был ехать на экскурсию, но из-за поломки дверного замка и его ремонта, задержался и опоздал. Он конечно страшно расстроился. Как ты думаешь, поломка замка это добро или зло?
 - Конечно зло: человеку же было так обидно!
- A, если я тебе скажу, что автобус, на который он опоздал, сорвался в пропасть, и все пассажиры погибли?
 - Ну, в таком случае, человеку этому просто несказанно повезло.
 - Но ведь он же был ужасно расстроен, а это по твоему определению зло?
- Но, наверняка, это огорчение потом было компенсировано огромной радостью, что он спасся, когда он узнал о катастрофе! А это, по-моему добро.
- Тогда расскажу тебе про другой случай. Один подросток выменял у младших пацанов ржавую гранату, найденную ими где-то на склоне оврага, и решил положить ее в костер, что бы проверить, испортилась она или еще нет. Он стал собирать хворост для костра, много наклонялся, цеплялся за сучья и не заметил, как потерял эту гранату. Хватился он, когда уже разжег костер, и стало темнеть. Он тоже досадовал по поводу потери и пытался найти гранату, пока не стемнело. Как по-твоему, потеря гранаты это зло?
- Я думаю, что для такого бестолкового дурня это скорее большое везение и, следовательно, — добро.
- Видишь, как неоднозначны результаты оценки рассматриваемых нами понятий, если применять названные тобой критерии. Я хочу предложить тебе критерий

добра общего уровня — идет ли это событие, намерение или действие на пользу человеку. Если же — не идет, то это — зло. Ты согласен с этим?

- Да, лучше, пожалуй, и не сформулируешь.
- Но настоящая польза почти никогда не бывает видна сразу. Ты сам видел это на приведенных мною примерах. И в жизни это обычное правило, за редким исключением. Учитывая это, я предложу тебе критерий добра высшего уровня: добро это события или действия, которые повышают духовный уровень человека или многих людей, и наоборот, то, что снижает духовный уровень, есть зло. Причем, снижение духовного уровня сразу многих людей есть зло, называемое во всех священных писаниях грехом. Я под уровнем духовности имею в виду наполненность мировоззрения человека Божественными Истинами или реальностями. Божественные Истины это высшая этика отношений человека со всем окружающим Миром, с другими людьми, его минимальный личный эгоизм в этих отношениях. Не знаю, понятно ли я выражаюсь для твоего возраста?
 - В принципе понятно, хотя моя голова что-то немного закружилась.
- Да я хотел собственно сказать, что бы ты не расстраивался из-за потери этого пистолета-зажигалки. Лично я уверен, что это обязательно на пользу, то есть это, наверняка,— добро. Я интуитивно чувствую, что эта вещица должна была сыграть роковую роль в твоем недалеком будущем. Я уже не припомню, когда моя интуиция меня подводила.
- Павел Петрович, да я уже, честное слово, испытываю уже почти радость от того, что потерял эту зажигалку. Я, пожалуй, теперь ко всем событиям буду подозрительно относиться. А вдруг, это в будущем принесет мне пользу. Попробуй при таком подходе расстроиться.

Павлу Петровичу это, видно, сильно понравилось. Он широко заулыбался.

Учитель учит вежливости

Между тем, на одной из остановок в наш вагон вошли две старушки-дачницы. Одна из них держала за руку внука лет четырех. Они остановились в проходе почти рядом с нами и ехали, как и мы, стоя. В отсеке напротив них сидела очень пожилая женщина с сумкой на коленях и компания из пяти подростков, которые о чем-то оживленно разговаривали, временами разражаясь безудержным смехом. Они скользили глазами по фигурам престарелых женщин, не делая при этом для себя никаких выводов. Женщина, сидящая с ними, пытаясь подвигнуть их на благородный поступок, намекнула им, что рядом стоят почтенные дамы, на что услышала немного затертую шутку: «Кто не успел — тот опоздал». После, встреченной хихиканьем шутки, разговор продолжился с не меньшим оживлением. Когда электричка подъезжала к следующей остановке, Учитель, слегка наклонившись ко мне, вполголоса сказал:

— Ну что, посадим старушек?

Электричка остановилась. Двери открылись. В динамиках послышался голос, объявляющий название остановки и название следующей. Учитель как-то замер и сосредоточился. Подростки внезапно замолчали и тоже замерли, прислушиваясь. Затем они вскочили, лихорадочно похватали свои вещи и кинулись к выходу из вагона, едва успев выскочить перед закрытием дверей. Я удивленно взглянул на Учителя. Он стоял, довольно улыбаясь, и рукой приглашая меня садиться на освободившиеся после компании места. Старушки на противоположной скамейке уже сидели, удивив меня своей проворностью. Компания же за окном сначала растерянно озиралась вокруг, размахивая руками, что-то друг другу кричала и затем бросилась назад к уже набирающей скорость электричке. Само собой двери были уже закрыты.

— Жаль, что они не сообразят, почему это с ними приключилось, — произнес Учи-

тель и продолжил,— хотя, как знать, может кто-то из них и вспомнит шутку: «Кто не успел, тот — опоздал» так точно подходящую теперь и к приключившемуся с ними.

Я понял, что все произошедшее — дело рук Павла Петровича. Хотя слово «рук» здесь явно не подходит. Уж скорее — головы, но и в этом я не совсем уверен. Да, Учитель стал меня явно удивлять. Было даже немного жутковато. Хотя если подумать, свои способности он использовал определенно не во зло, а жутковато мне скорее всего от неизвестности. Кто ведь его знает, какие еще чудеса во власти этого волшебника — Павла Петровича. Впрочем, я пока абсолютно не сомневаюсь, что, если он и волшебник, то волшебник — добрый. Это меня успокаивает.

Электричка, слегка дергаясь из стороны в сторону, то мчалась вперед, то неспешно ползла. За окном то бежали назад красивые пейзажи, то шли почти пешком. Мы с Учителем продолжали свои философские беседы и, хотя мы разговаривали совсем негромко, некоторые пассажиры время от времени удивленно таращили на нас глаза, когда до них долетали обрывки наших фраз. Очередная беседа началась с философского вопроса Учителя:

- Павлик, как ты полагаешь, все многообразие видов и форм жизни на нашей планете это эволюция на основе естественного отбора или божественное создание?
- Думаю, что эволюция на основе естественного отбора. Нам так в школе преподавали. И, по-моему, естественный отбор все логично объясняет. Версия же создания как-то бездоказательна, больше на сказку похожа.
- Ну, такая позиция является общепринятой. Скажу только, что никаким естественным отбором никому не удастся объяснить, например, сложнейшее устройство глаза животных или человека, раскраску крыльев павлина или бабочки, ядовитость змей, крылья стрекоз. Я тебе сейчас дам прочитать одно свое небольшое полу шуточное произведение, а ты скажешь свое мнение об его содержании.

Учитель покопался в своей сумке, извлек из каких-то бумаг сложенный пополам листок и протянул его мне. На листке было небольшое стихотворение:

ЗАКОН ЖЕЛАНИЙ

Давным-давно испуганный червяк, Не помня направленья и дороги, От недруга сбежать не мог никак И стал мечтать: «Вот заиметь бы ноги!» Он все же спасся — просто повезло: За ним птенец неопытный погнался, Отвлекся он на что-то, что росло, К тому же сыт он был, и есть не собирался. Не в силах позабыть свою мечту, Что в сон червя прокралась жгучей тенью, Он незаметно пересек черту, Ведущую к душевному смятенью. Дни проходили в грезах и трудах, А удирать частенько приходилось, И о ногах насущная мечта В «письмо на хромосомах» превратилась. Червяк на животе доползал век, Но породил детей — прекрасных крошек, А вот они бежали по земле Ногами, став отрядом многоножек. Вот так и птицы в воздух поднялись, И вырос рог на морде носорога, Взметнулась у жирафа шея ввысь, Так действует Закон желаний Бога.

Стихотворение мне понравилось. Я сказал Павлу Петровичу:

— Я усматриваю здесь упрощенно изложенную новую теорию эволюции на основе неизвестных свойств пространства и сознания. Причем, какое-то свое сознание присуще всему живому.

Выдав такую складную научно звучащую фразу, я удивился сам не меньше Павла Петровича. Что-то с моей головой явно происходило. Учитель между тем смотрел на меня широко раскрытыми глазами, и мне это было чертовски приятно. Вот бы на меня так бы посмотрела Юлька.

— Ну, Павлик, у меня просто нет слов. А что ты скажешь о самой этой пока гипотезе, хотя я лично в том, что это — Закон, нисколько не сомневаюсь.

Я было раскрыл рот, чтобы сказать про то, как мне нравится эта идея, дающая возможность становиться хоть рыбой, хоть птицей, но в этот момент заметил стоящего рядом моего одноклассника Сашку Крюкова, с улыбкой и любопытством смотрящего на меня. Кровь бросилась мне в голову, и я почувствовал, как раскаляются докрасна мои щеки и уши, ведь неизвестно, сколько времени Сашка нас слушал. Выглядеть умником перед Сашкой мне почему-то не хотелось. Он ведь не Юлька. Я сказал Учителю, что отойду на минутку, встал и, оставив на лавке вместо себя сумку, увлек Сашку в тамбур поболтать. Вообще-то, я Сашку был очень рад видеть. Его дача была совсем недалеко от моей. Я раз двадцать уже заходил к нему на дачу, но, как и я сам в прошлые годы, Сашку трудно было затащить на дачу. Он не появлялся уже несколько выходных подряд.

— Привет, Пашка,— начал он по дороге в тамбур,— куда же ты пропал, я заходил в ваш двор много раз, но ваши ребята сказали, что ты куда-то уехал, к каким-то родственникам что ли. А у меня через три дня — день рождения, и мы с нашими друзьями хотим собраться у нас на даче. Уже договорились, кто возьмет музыку, кассеты. Девчонки обещали приготовить что-нибудь вкусненькое. На вино и все там прочее скинулись. Если ты идешь, с тебя немного причитается.

Сумма оказалась совсем небольшой. У меня как раз в карманах столько было, даже немного осталось.

- Сашка, а кто из наших у тебя будет?
- Оба Сережки, Витька Сычев, Володька Котов, Юлька, Танька Сомова, Наташка и Галька-зануда, еще, само собой ты и я. Остальные, кого мне удалось поймать, пока думают.

Затем завязалась оживленная беседа приятелей, которые не виделись, наверное, сто лет. Пятнадцать минут, которые шла электричка до нашей остановки, показались нам как раз той минутой, на которую я отходил от Павла Петровича. Но Учитель, похоже, понимал все и всех.

— Павлик, держи свою сумку, и ступайте вперед. Я вас догоню. Мне надо ненадолго кое к кому заскочить здесь на поселке, буквально на пару минут.

Учитель нагнал нас где-то на середине дороги, по которой мы с Сашкой шли совершенно не спеша, растягивая удовольствие от общения. Он был как-то радостно возбужден и, воспользовавшись паузой в нашей беседе, сказал, обращаясь ко мне:

— Павлик, я наконец-то получил сообщение, которого долго ждал. Буквально на днях я уеду на пару недель, но не исключено, что и на больший срок

Загадок не становится меньше

Этой же ночью была сильная гроза, и мы с теткой, как всегда в таких случаях, сами отключили все электроприборы, чтобы они не сгорели от удара молнии. Поскольку с тех пор, как мы стали друзьями, Учитель для меня был видим всегда, то его явное отсутствие следующим днем на своей даче означало, что его действительно

там нет. Я воспользовался свалившимся на меня свободным временем и провел почти весь день с Сашкой, пока он еще не уехал. Мы прекрасно провели время: ходили в лес, нашли немного подберезовиков и два великолепных белых гриба, из которых тетка Валя быстренько сварила вкуснейший суп, поллитровую банку которого я приберег для Павла Петровича, если он вечером появится. Еще мы ходили на большой пруд, где купались и загорали, играли в волейбол с выбиванием, при этом, познакомились с тремя веселыми девчонками, тоже живущими на дачах. Сашка пригласил их всех на день рождения, но сказала, что может быть придет только одна Аня. Две другие — Лена и Люся, вечером должны были уехать в город. Мое сердце по-прежнему было занято Юлькой, но пообщаться с противоположным полом всегда интересно тому, у кого не хватает опыта такого общения. Словом, день пролетел как скорый поезд мимо полустанка. Вечером я спросил у тетки, не заходил ли Павел Петрович. Оказывается, не заходил.

Стеля постель, случайно глянул в окно и увидел, что в даче Павла Петровича горит свет. Я долго наблюдал через тюлевые занавески, не появится ли в комнате Учитель, но так и не дождался. У меня мелькнула догадка, что вчера ночью в грозу по всему поселку, как обычно в таких случаях, отключали свет, а включили его только утром часов в десять. Павел Петрович мог не выключить выключатель, ведь света все равно не было, а утром, наверное, уехал. Если он уехал надолго, как собирался, то свет, а может быть и другие какие-нибудь электрические приборы могут оказаться включенными, а это — небезопасно. Ладно,— подумал я,— если он завтра не появится, я схожу днем к нему на дачу и проверю.

На следующий день я убедился в том, что свет в даче Павла Петровича попрежнему горит, и направился к даче Учителя. До сегодняшнего дня я уже много раз бывал на участке Павла Петровича, а в домик его я заходил раза два или три в неделю. Само собой, что в его отсутствие я находился на своей даче. Все это я рассказал, что бы стало понятно, что бывать у Павла Петровича на даче для меня ничего необычного не составляло.

Но в этот раз, чем ближе я приближался к домику, тем сильнее во мне рос какойто необъяснимый ужас, достигший в трех шагах от двери такой силы, что я не выдержал и бросился назад за территорию участка, где остановился с бешено колотящимся сердцем, судорожно дыша, пытаясь понять, что со мной происходит? Кажется, я заболел. Я слышал, что человек испытывает беспокойство и страх, когда у него начинаются проблемы с сердцем, но он об этом еще не подозревает. А может быть, это какое-то психическое заболевание? Хотя вот сейчас я же вполне нормально себя чувствую, когда немного успокоился? Наверное, это все же что-то с сердцем, попробую еще раз. Но и второй раз случилось то же самое. Значит, дело не во мне. Отбежав на этот раз не так далеко, и успокоившись, я предположил, что Учитель, наверное, уезжая, для охраны домика включил какое-нибудь устройство, которое и воздействует на пытающихся проникнуть в дом. Эти соображения меня еще больше успокоили, ведь сильнее всего пугает непонятное. Я попытался вспомнить что-нибудь подобное из ранее прочитанного или слышанного по радио, телевидению или гделибо еще. Наконец, как вспышка света возникла в сознании: я вспомнил сразу все касающиеся данного вопроса эпизоды. В школе нам, например, говорили, что инфразвук с частотой шесть — семь Герц вызывает как раз такую панику и ужас. Кто-то где-то даже проводил эксперимент со зрительным залом, который сразу разбежался. Третью попытку я сделал, хорошенько заткнув уши, но история повторилась. Да, что он заколдовал, что ли свою дачу! — уже в отчаянии подумал я. Ведь я же хочу сделать хорошее дело: выключить электроприборы, которые могут натворить беду в его отсутствие! И, странное дело, после этой сильной и искренней мысли, я каким-то подсознанием почувствовал, что заклятье на меня уже больше не действует, на душе

стало как-то светло. Иду к даче четвертый раз — не действует! Ну, прямо самые, что ни на есть настоящие чудеса! Кому рассказать — не поверят! Сам ни за что не поверил бы еще час назад, если бы кто-то из моих друзей попытался убедить меня в реальности такого. Дверь, к удивлению, оказалась не заперта, и мне даже не пришлось доставать ключ из-под тротуарной плитки около ступенек, куда его прятал Учитель. Видно, он здорово был уверен в действии заклятия. Заклятие отпиралось добрыми намерениями. Тот, у кого добрые цели ведь не сделает тебе вреда — все логично. Войдя, наконец, в домик, я сразу же почувствовал небольшой запах гари, который обычно исходит от раскаленных нагревательных приборов, и поспешил осмотреть все вокруг. Так и есть! На столе кухни стояла включенная электроплитка, на которой был сильно облупившийся эмалированный чайник без воды, она давно выкипела. Чайник был раскален и, возможно, ночью его дно даже краснело в темноте, но запах гари исходил от деревянного стола потому, что раскалился и металлический корпус плитки. Похоже, что я не опоздал. Я выдернул вилку из розетки. При этом я немного обжег пальцы так, как вилка тоже была очень горячая, затем выключил свет и стал осматривать комнату в поисках еще чего-нибудь, подключенного к электричеству. Для верности я даже взошел по винтовой лестнице на второй этаж-мансарду, который использовался Павлом Петровичем скорее как большая кладовка, нежели как жилое помещение. Там тоже было электричество, были лампы освещения и электророзетки, могли остаться и включенные электроприборы. Но больше ничего невыключенного я не обнаружил. Зато я увидел в комнате несколько заинтересовавших меня предметов. На столе, в некотором беспорядке лежали карандаши, авторучки со стержнями и без, зеркальце, новые, еще скрепленные попарно, три или четыре пары носков, расползшаяся по столу стопка старых, судя по переплетам, книг на английском языке, несколько пожелтевших старинных фотографий, такая же пожелтевшая от времени толстая газета, напечатанная с применением букв еще дореволюционного алфавита, и прочая всячина, которой всегда полно в ящиках наших шкафов. Из всего этого мое внимание привлекли фотографии. На них, в белых одеждах, которые носят, если не ошибаюсь в Индии, были запечатлены несколько человек. Трое из них были явно смуглой, индийской внешности, а двое других — европейской, хотя и они были загорелые, с отрашенными бородами, но более короткими, чем у индусов. Все пятеро широко и приветливо улыбались. Один из европейцев был просто удивительно похож на Павла Петровича. Если бы не дата, стоящая на обратной стороне фотографии: Бахрампур, 1892 г., я бы поклялся, что это именно он и есть. Может быть, это его дед или прадед? Вот откуда, наверное, он знает о просветленных. Его предок тесно общался с ними, а может даже, был одним из них. Разглядывая другие фотографии, я обнаружил среди них одну вполне современную. На ней стоял немного постаревший все тот же, похожий на Учителя человек, с его бородкой, в обычной одежде, которую носили лет сорок назад, на фоне нескольких шикарных пальм, в обществе, положившего ему руку на плечо, бородатого индуса в индийских одеждах. На обороте фотографии было написано: «Я и Бхагаван. 1967 г.» На одной из двух остальных старинных желтых фотографий был тот второй европеец, сидящий на слоне, на фоне какихто джунглей, а на другой — сидящий со скрещенными ногами в позе лотоса, индус, глаза которого были отрешенно закрыты. Никаких надписей на обороте фотографий не было. Одно и то же лицо на фотографиях разных, далеко отстоящих друг от друга, времен меня сильно озадачило. Я стал разглядывать остальные предметы. Газета оказалась за 1911 г.— Екатеринодарские вести. Просмотрев ее, я снова обнаружил знакомое лицо на фотографии автора, помещенного ниже стихотворения. Об авторе было сказано, что стихотворение написал Павел Петрович Анин, недавно возвратившийся из Индии, где он прожил более тридцати лет. Поэтому, читателей может удивить несколько необычное содержание публикуемого произведения, возможно, привычное для уроженцев Индии. Стихотворение это, я думаю, показалось бы странным и современным читателям:

ЗАБУДЬ СЕБЯ

Постигнуть трудно очевидную систему, В которой действует древнейшая из схем, Решающая все твои проблемы: Раз нет тебя, то нет твоих проблем! Забудь себя — тем вырвись на свободу От мелких, нудных, будничных хлопот. Других любя, свои продлишь ты годы, Замкнув в них счастья миг в круговорот. Забудь себя — и пропадут обиды, Не вспомнишь их как утром смутный сон. Тоска и злость твоя билет до Антарктиды Приобретет на лайнер без окон. Ты будешь не один на белом Свете Пить запах трав, встречать рассвет, Купаться в Осени, Зимой мечтать о Лете, На радость Жизни не ища ответ.

Стиль стихотворения и тематика, несомненно, похожи на вышедшее из под руки Учителя. Но дата написания произведения не укладывалась ни в какие разумные рамки. Тут было что-то непонятное и загадочное. Повертев в руках книги, на одной из них с названием — «Тайны сознания», я увидел инициалы автора — П. П. и фамилию — Анин. Все это было написано, конечно же, латинскими буквами, а название с английского я перевел, возможно, что и не совсем точно, в меру своих школьных познаний. Книга была напечатана в Лондоне в 1903 г. Разрешению загадок она, понятное дело, не помогла. Закончив на этом свои исследования, я не увидел больше оснований для нахождения в домике, пусть даже в домике моего хорошего старшего друга.

Предвидение сбывается

Стоило мне вернуться на свою дачу, как тетка Валя нагрузила заданиями по полной программе. Она дала мне список того, что нужно купить и отправила на железнодорожную станцию, где в поселке были: продуктовый и промтоварный магазины, и еще несколько торговых палаток и киосков. У меня, в связи с предстоящим завтра днем рождения Сашки, тоже были дела в поселке: я должен был выбрать и купить подарок. Придя в поселок, я сначала купил то, что мне поручила тетка. Что купить в подарок Саше я еще не придумал. На глаза попадалась всякая ерунда, а хотелось подарить какую-нибудь недорогую, но полезную вещь, которая бы часто бралась в руки и напоминала о друге. Я уже совсем собрался было купить фотоальбом, как мне на глаза среди прочих сувениров попался точно такой же пистолет-зажигалка, который я покупал себе, но потерял. Денег на него хватало, если не покупать альбома. Вспомнив высказывания Учителя по поводу моего владения этим предметом, мне пришла в голову мысль, что купить и подарить этот сувенир другому я вполне могу: вещица-то хорошая. Саша тоже, вроде бы, ни при чем так, что получается, что — все в порядке. Я с легким сердцем купил эту газовую зажигалку, так похожую на настоящий пистолет. Огонек загорался в отверстии для выброса гильз, когда пальцем нажимаешь на курок. Я был очень доволен своим подарком, шел по улице поселка, переходящей в дорогу, по которой мне предстояло возвращаться на дачу, и сжимал в свободной руке пистолет. Изредка, я прицеливался то в одну, то в другую цель и нажимал на курок. Слышался щелчок и выскакивал огонек, который при дневном свете практически не было видно. Почувствовав небольшой голод и пожалев о проигнорированных за завтраком сырниках, я спросил, который час, у попавшегося мне навстречу какого-то пенсионера, который повел себя несколько странно. Он почему-то застыл как вкопанный и сказал, что не знает, хотя у него на руке были часы. Когда я указал ему на этот факт, он, почему-то побледнев, стал сбивчиво объяснять, что часы у него сломаны, а носит он их по привычке. Я пошел себе дальше, подумав, что не так уж важно. сколько сейчас времени: все равно, раньше, чем вернешься на дачу, не пообедаешь. Аргумент был железный, и я ускорил шаг. По дороге прошел я не более пяти минут, когда сзади услышал какие-то неразборчивые крики. Оглянувшись, я увидел метрах в ста позади бегущих по дороге двух взрослых, по моим меркам, парней грубоватой внешности. Они бежали явно за мной. У одного в руках была, кажется, двустволка, и он временами угрожающе поднимал ее над головой и что-то кричал. Издалека можно было разобрать только первое слово: «Стой», остальные слова из-за того, что кричались на бегу и прерывались криками второго преследователя, понять было практически невозможно. У второго бегущего в руках была не то палка, не то кол, что тоже как-то не действовало обнадеживающе. Замешательство, которое охватило меня в первый момент, и желание узнать, в чем дело, плавно переросло в полное отсутствие любопытства по этому вопросу. Короче говоря, я сменил свой ускоренный шаг на самый ускоренный бег, что позволило мне быстро увеличить, начавший было сокращаться, разрыв. Видя такое дело, явно не столь способные в легкой атлетике преследователи, произвели выстрел в воздух и направили ружье в мою сторону, пытаясь меня остановить. Я, наконец, видимо потому, что они остановились, расслышал слова: «Отдай пистолет по-хорошему, или я стреляю!». Не знаю, может быть, правильнее было бы остановиться и разобраться по поводу их заблуждений, только почемуто мои ноги, которые и так бежали, как могли быстро, побежали с невероятной, просто рекордной скоростью. Слава Богу, стрелять они почему-то не решились, и я, запыхавшись, как гончая собака, но в три или четыре раза быстрее обычного прилетел на дачу. Обед был еще не готов, и я пил воду, как верблюд, вернувшийся из трехнедельного перехода по пустыне. Злополучную зажигалку я, завернул в полиэтиленовый пакет и спрятал под тротуарную плитку, лежащую на краю центральной дорожки в нашем саду. Ничего, завтра я с нею распрощаюсь, подарив Сашке. Я опасался, что мои преследователи придут на дачный поселок и будут меня искать, поэтому, пообедав, отправился в ближайший лесок за грибами, а затем на пруд. Вернулся я под вечер и, немного перекусив, лег спать, почитав перед сном книгу в кровати. Утром позавтракав, я не знал, как убить время до часа, когда можно будет идти к Саше на дачу. Сбор был назначен на час дня.

Мои эксперименты

От безделья зашевелились необычные мысли. Интересно, где находится сознание человека, где конкретно расположено мое «Я»? Я решил поискать ответ на эти вопросы непосредственно, экспериментальным путем. Учитель утверждал, что придет время, и научные открытия будут делать не в лабораториях, а путем непосредственного ощущения или видения сути процесса или явления просветленным сознанием и описанием, сделанного таким образом, открытия словами. А вот проверять эти открытия экспериментально можно будет как в лабораториях, так и в природе. Сделать открытие — все равно, что постичь никем не замеченную истину, ибо и истина, и физический закон есть сформулированная реальность. Каким же образом я проводил эксперимент по отысканию места расположения сознания? Да очень просто: лежа на

кровати, я закрыл глаза и постарался отключиться от всех мыслей, благо было тихо. Затем я попробовал определить, с каким местом во мне идентифицируется мое сознание, мое «Я». Явно не с ногой или рукой, не со спиной, не с шеей, пожалуй, совершенно определенно, что с головой. Но с каким местом головы? Где-то над глазами, посередине, но не в глубине, выше лба, но ниже темени. Пожалуй, что это район так называемого третьего глаза. А что, ведь истинное назначение этого образования пока медициной не установлено. Когда-то мы телесно возникаем из одной единственной клетки, образованной из слияния двух взаимно-согласованных носителей информации — мужского и женского. Первичная клетка начинает стремительно делиться в геометрической прогрессии. Из нее образуются различные органы, глаза, мозг, кожа, волосы, ногти, кости, зубы — огромное количество совершенно различных по выполняемым функциям и устройству сложнейших биологических конструкций, которые к тому же обязаны тонко и согласованно взаимодействовать на благо всего организма. А что, если — на благо все того же носителя сознания, той же, осознающей себя личностью частицы жизни, возможно заключенной все в той же изначальной всего одной клетке, которая в процессе возникновения тела вокруг нее, оказывается в центре «третьего глаза». А все остальное тело — есть лишь органы получения и передачи информации, органы обеспечения необходимыми веществами и энергией, органы физического воздействия на факторы и обстоятельства внешней среды. А почему бы и нет! Может, вот сейчас я постиг, не замечаемую всем человечеством, истину. Ведь по утверждениям Учителя, осознание простых истин помогает постигнуть более сложные — скрытые, неочевидные истины. Может, со мной произошло именно это? Но я еще не докопался до ответа на вопрос, как возникает это наше «Я», как мы себя осознаем личностью? Я опять закрыл глаза, расслабившись на кровати, и попытался вспомнить, с какого минимального возраста я себя могу вспомнить? Сказать по правде, я помню себя где-то лет с двух, да и то в связи с какими-то яркими, иногда неприятными событиями. Например, я помню, как шлепнулся спиной с дивана на пол, задохнулся от боли в печенках и громко заплакал, говорить я толком тогда еще не умел. Событие запомнилось именно сильной болью. Как личность я себя осознаю, пожалуй, лет с трех-четырех. Помню многие эпизоды этого периода, связанные с моим пребыванием в детском саду, и конечно, более поздние яркие события вплоть до сегодняшнего дня. Но вот что я хорошо помню из самых юных лет, так это то, что Мир вокруг был удивительно ярок. Вся окружающая природа излучала просто какие-то лучи радости. Если бы не какие-то ситуации и конфликты, возникающие даже у совсем маленьких детей, то смело можно было бы сказать, что все мое детство — это сплошное беззаботное счастье. Очевидно в период раннего детства поток информации, поступающей в нас извне, еще не фильтруется подсознанием, вследствие почти полного отсутствия точки отсчета — мировоззрения. Полное же отсутствие мировоззрения означает отсутствие сознания. Но полное отсутствие мировоззрения бывает, наверное, только у грудных младенцев. У них сознание еще не сформировано так, как у них отсутствуют смысловые критерии предметов окружающего Мира. Максимум понятий младенца связан с матерью. Она для ребенка центр Вселенной. А вот наше Эго, или ощущение всяческих желаний, нужд и потребностей, возникает, вероятно, еще в зародыше. Возможно, что наше Эго — это некая система контроля состояния и жизнеобеспечения организма. А Эго плюс Сознание образует Личность, то, что мы ощущаем как свое «Я». Приведенные рассуждения наполнили меня какой-то энергией и радостью, какая бывает, например, когда в траве около дороги случайно найдешь кем-то потерянный радиоприемник, да еще лучше того, о котором давно мечтал. Я знаю, о чем говорю, потому, что такое со мной случалось.

День рождения

Хотя было немного рановато, но я взял, спрятанный ранее пистолет-зажигалку, проверил, не отсырела ли она, нарвал небольшой букетик цветов — не для Саши: у него на даче их полно, а для девчонок, которые обещали прийти, и, переодевшись в приличный спортивный костюм, отправился к имениннику. Через пятнадцать минут после меня пришла и Аня, с которой мы недавно познакомились около нашего пруда. Праздничные угощения были приготовлены мамой Саши заранее, оставалось только вынести их в сад и разложить на летнем столике, расположенном в тени высокой груши и яблонь. Над столиком был сделан навес так, что дождь нам был не страшен. Хотя дождя, по всем прогнозам и не ожидалось. Праздновать в даче, я думаю, было бы гораздо теснее и неудобнее, не говоря уж о том, что всем бы было еще и душно. Пистолет-зажигалка привел именинника в неописуемый восторг. Если все прочие подарки-безделушки были сложены в кучу на веранде, а большую красивую книгу о животных, подаренную Аней, Саша даже полистал и похвалил, то пистолетзажигалку он целый день просто не выпускал из рук, либо носил при себе в кармане. Пока я ходил за цветами на веранду, все уже заняли места за столом. Около Юльки с утра увивалось, по очереди сменяя друг друга, несколько вздыхателей сразу и когда начали рассаживаться, то от приглашений сесть рядом, со стороны неравнодушных к ней ребят, не было отбоя. Юлька конечно же не могла разорваться на части и потому села между именинником Сашей и Володькой Котовым. Володька, вероятно, сообразил, что Юлька, из уважения, обязательно сядет рядом с именинником, и занял соответствующее место. Словом, когда подошла моя очередь садиться за стол, свободным оставалось только одно место с краю лавки, рядом с Аней. Как и любому из нас, Ане было немного не по себе в новой компании. Я решил взять на себя роль ее гида в незнакомой для нее обстановке. Ведь это мы с Сашей ее приглашали, кому ж теперь отдуваться, как не мне, раз Сашка был сейчас занят проведением нашего культурного мероприятия. Наша компания мало чем отличалась от других таких же компаний подростков, которые сбиваются в стайки, где они чувствуют себя комфортно, на равных друг с другом, где их обязательно поймут и даже будут восхищаться их какойнибуль экстравагантной выходкой. Общение в таких компаниях сводится к отдельным репликам, коротким рассказам о своих похождениях, всяческим насмешкам друг над другом и каким-то совместным действиям. Все это дополнительно пронизывается отдельными взаимными симпатиями и антипатиями, более тесными дружескими отношениями одних членов сообщества с другими, ревностью и небольшими обидами, что и вносит ту эмоциональную струю пульсирующей жизни в такие компании. Все это и некий коллективный разум, компенсирующий индивидуальный недостаток опыта, удерживают подростков в рамках таких сообществ. Завязавшийся за столом разговор носил именно такой, описанный ранее, характер. Привычным выглядело желание некоторых из собравшихся моих одноклассников произвести впечатление, и особенно на предмет своего воздыхания, рассказами об уже совершенных летних похождениях. Про приключения с пистолетом-зажигалкой рассказал и я, конечно в сильно сгущенных комических красках. История, к моему полному удовлетворению, вызвала соответствующую порцию смеха и некое подобие восхищения. Похождения подростков как раз и совершаются с целью попадания в приключения, о которых потом можно будет рассказать друзьям в своей компании.

Достойный ученик Волшебника

Поскольку мама Саши уехала на работу, то на столе открыто стояли и уже пошли в ход три бутылки портвейна. Мне до этого: с ребятами во дворе, в школе и раза два

дома за праздничным столом доводилось выпивать немного вина. Признаться честно, каждый раз это представляло некое событие, можно сказать, приключение, о котором почти все подростки с удовольствием и гордостью, как о чем-то героическом, друг другу рассказывают. Раньше бы я выпить портвейн, да еще в хорошей компании, вряд ли бы отказался, но в этот раз со мной что-то случилось. Перспектива глотнуть обычный портвейн, даже в небольшом количестве, почему-то наводила на меня глубочайшую тоску и уныние. Я ни за что не хотел его пить. К моей радости Аня была настроена аналогично. Ребята же. несмотря на наши попытки отшутиться, сосредоточили все свое внимание именно на том, что бы заставить нас присоединиться ко всем. Видя, что Аня, в уязвимом положении новенькой, того и гляди поддастся всеобщему давлению, я уже было решил не бросать ее одну и разделить с ней эту участь. Но тут произошло настоящее Чудо: Витька Сычев, который сидел в центре стола, после наших слов: — «Ну, ладно, давай наливай!», встал и под общий одобрительный гул, у всех на глазах, взял со стола бутылку лимонада и налил его нам в бокалы вместо портвейна! А бутылки эти перепутать очень и очень трудно. Они совершенно не похожи одна на другую: одна — стеклянная, вторая — пластиковая и гораздо большего размера. Но самое главное и удивительное заключается в том, что в тот момент, когда Витька вставал, я горячо пожелал и мысленно представил, как он берет именно эту бутылку лимонада и наливает нам с Аней в бокалы и то, что для всех — этот лимонад является портвейном! Мы с Аней тайком переглянулись: она скорее удивленно, я — с нескрываемым восторгом, еще не до конца веря, что это не розыгрыш со стороны Витьки или всей компании. Но все вели себя так, как будто нам и в самом деле налит портвейн. Танька Сомова произнесла тост, в котором было больше восторгов по поводу прекрасного лета и того, что мы так удачно собрались, чем слов, касающихся именинника. Правда в конце, без всякой связи со всем предыдущим, она провозгласила: — «За здоровье виновника торжества!». И все дружно, видно, устав держать наполненные бокалы, опрокинули их до дна. Вино подействовало довольно быстро, и через несколько минут голоса стали гораздо оживленнее и громче, как если бы кто-то подошел и прибавил ручку громкости телевизора.

Аня жила в нашем городе, но не очень близко от меня: минут двадцать, если идти пешком. Училась в другой школе, с биологическим уклоном. Биологию любит еще с детского сада. Не пьет, не курит, занимается оздоровительным бегом, любит плавать, играть в волейбол, бадминтон и другие спортивные игры, учится средне-хорошо так, как не желает тратить силы и время на бесполезные, с ее точки зрения, предметы. Любит музыку того же стиля и репертуара, что и я. Эти факты, выявленные в нашей беседе, вызвали у меня невольное уважение и симпатию. Сведения обо мне, похоже, вызвали в ней аналогичные чувства. Кажется, мне очень здорово повезло, что свободное место за столом оказалось именно около Ани. После второго наполнения бокалов, при котором чудо мне удалось повторить во всех подробностях, кто-то включил, наконец, музыку и за столом стало гораздо тише: почти все занялись танцами, которые происходили не около стола, а у дачи из-за короткой длины шнура магнитолы. Тема биологии в разговоре возникла после того, как я, на глазах у Ани, сказал прилетевшей на ароматный кусок дыни осе, чтобы она не объелась, назвав ее при этом по имени — Машкой. Ане это показалось настолько забавным, что она засмеялась, а я сказал:

— А, что здесь такого? Почему у нее не должно быть имени? Совершенно неизвестно, каким интеллектом и сознанием обладает оса. Какие у нее способности к обмену информации с собратьями и к получению информации от окружающего Мира. Она — оса имеет дело исключительно с реальностями, живя в природе, следовательно, основывает свои действия на касающихся ее жизни истинах и может даже оказаться совершеннее нас — людей. Во всяком случае, осы умеют летать, сами решают,

куда лететь, зачем и когда им возвращаться. Кроме того, живут они организованными сообществами, и действия их направлены на благо всех членов их большой семьи, им не присущ эгоизм. Они по этим критериям — духовнее нас.

На меня обратили внимание

Еще произнося все это, я случайно бросил взгляд на другой край стола и обратил внимание, что Юлька, которой что-то оживленно рассказывал Володька Котов, на самом деле его совсем не слушала. Напряженно-сосредоточенное выражение ее лица выдавало то, что она с трудом улавливает отдельные фразы нашего с Аней достаточно негромкого диалога. Временами ее лицо принимало слегка изумленное выражение, видно происходила переоценка взглядов на мою ранее игнорируемую личность. Мне это было чем-то приятно, тем более что я почувствовал какую-то свободу и независимость от чар Юльки после некоторого смятения души, вызванного услышанными ее признаниями на приеме у Павла Петровича. Смешанное чувство ревности, беспокойства, досады и чего-то там еще, ранее временами всплывавшее во мне, постепенно и волнообразно, трансформировалось в некое чувство симпатии с оттенком сочувствия, которое возникает, наверное, у всех, кто испытывал унижения со стороны объекта своей любви. Ане мои утверждения насчет ос очень понравились, и она продолжила тему:

- Знаешь, Павлик, я считаю, что глупо искать следы давно угасшей жизни на далеких планетах, тратя чудовищные средства, когда у нас на планете, совсем рядом, иногда даже под окном в огороде, живут удивительные существа, совсем не похожие на нас людей, не менее загадочные, чем любые там формы инопланетной жизни. Я думаю, что если бы кто-то со стороны, попав на Землю, стал изучать поведение пюдей, например, индейцев времен освоения Америки, то он не заметил бы существенной разницы между интеллектом людей и, скажем, тех же ос или муравьев. Муравьи, пожалуй, будут выглядеть совершеннее потому, что между членами одного муравейника не бывает конфликтов и всегда царит порядок.
- Аня, если исходить из того, что сознание это, заложенные в основу мировоззрения, истины, не обязательно в словесной форме, а эго это диктуемые мотивы поведения, обусловленные потребностями тела, испытываемым телом дискомфортом и болью, то обе эти категории, составляющие понятие личности, вполне присущи и осам и муравьям и, вообще всем живым существам, вплоть до бактерий. Просто характер жизненно важных истин для каждого вида живого существа явно различен. Можно сказать, что каждое живое существо это личность, осознающая себя как «Я».

Я снова очень был удивлен собственными высказываниями. Видно, точно, что-то в голове у меня здорово сдвинулось. Верно говорил Учитель, что истины подобны семенам, брошенным в землю, они когда-нибудь могут прорасти в виде раскрытого сознания, и принести плоды в виде других истин и открытий. Аня тем временем спросила:

- Слушай, Павлик, дай мне, если можешь, на некоторое время книгу, где ты все это прочитал.
- Аня, честное слово, я не читал этого в книге. Возможно, что такие книги есть, но как они конкретно называются, я не знаю. Но если хочешь, мы могли бы обсуждать интересующие нас темы хоть каждый день. А если хочешь, я познакомлю тебя с одним очень интересным человеком. Он знает обо всем на свете. Он может ответить на любой вопрос, который возникает в нашей обычной жизни.
- Я очень даже не против дальнейшего общения, но по адресу мою дачу найти трудно. Знакомые нашей семьи ищут ее, иной раз по пол-дня.
 - Намек понял. Я бы хотел тебя проводить, когда все закончится.

Не возражаю.

Тем временем, вся наша компания, устав танцевать, вернулась за стол. Наливали по третьему бокалу уже только желающим. Все девочки, кроме Юльки, отказались, да и трое парней, включая меня, тоже. Это избавило нас с Аней от необходимости снова выкручиваться. После очередного тоста и опрокидывания бокалов, галдеж за столом возобновился. Какое-то время звучали шутки-подковырки и в наш с Аней адрес, но так, как мы смеялись вместе со всеми, компании это стало неинтересно, и она занялась обсуждением других тем. В какой-то момент мой слух вдруг обострился, когда в общем гуле голосов мое сознание уловило что-то знакомое. Это Юлька рассказывала, хотя и в сильно искаженном виде, о своем общении с Учителем, когда она была у него на приеме. Хотя она не называла его имени, называя профессором, и утверждала, что ее саму пригласили в какой-то центр изучения семейных и социальных проблем, но по некоторым эпизодам ее рассказа мне стало абсолютно ясно, о чем и о ком идет речь. Мне очень и очень не понравилось то, что Учителя она представила одноклассникам как некоего заумного чудака, у которого от чрезмерного изучения наук, возможно, уже «крыша едет». В качестве примера она привела два цитировавшихся им утверждения: «Если ты знаешь, за что любишь человека, то это не любовь» и «Настоящая любовь приходит, когда тебе никто не нужен». Все сначала как-то неуверенно засмеялись, потом шум комментариев довольно быстро угас, сменившись размышлениями, потом стали раздаваться голоса, что в этом что-то есть, но не для среднего ума. Видя, что желаемый эффект от ее юмористического рассказа не достигается, Юлька хотела было привести еще несколько смешных на ее взгляд казусов профессора, но тут в дело, не выдержав неуважительного освещения образа моего Учителя, вступил я. Прервав Юльку на полуслове, я громко ей посоветовал:

— Послушай, Юля, самой собою будь и не стремись казаться!

За столом никто ничего не понял, но Юлька, широко раскрыв на меня изумленные, с оттенком испуга глаза, сразу осеклась и замолчала, и, как я полагаю, была бесконечно благодарна Гальке-зануде, которая тут же взялась громко рассказывать чтото свое, воспользовавшись возникшей паузой.

Вдоволь наобщавшись с одноклассниками, мы с Аней, сославшись на необходимость ее возвращения к определенному времени домой, покинули веселую компанию. Нас легко и без особых протестов отпустили потому, что я сказал о своем возможном возвращении к Саше на дачу, после того, как провожу Аню. По дороге мы продолжали болтать на биологические темы, обсуждая вопросы эволюции и теорию Дарвина о естественном отборе. Аня в частности сказала:

 Я не согласна с теорией Дарвина. С тем, что он одним только естественным отбором пытается объяснить фактически чудо превращения, скажем, простого бескрылого муравья в летающего. Ведь крылья сами по себе — абсолютно выверенное инженерное устройство. Они состоят из хитина и не имеют в своем составе живых клеток. Крылья должны формироваться заранее, еще до появления на свет муравья в личинке. Допустим, произошла мутация, то есть фактически уродство простого муравья, и он родился с лишними чешуйками — неким подобием крыльев на спине. Я что-то очень сомневаюсь, что у него будут какие-нибудь преимущества перед собратьями в смысле выживания. Для этого он должен родиться с уже готовыми совершенными крыльями и мышцами, способными их двигать, он должен не только уметь ими пользоваться в необходимых случаях, но и хотеть летать. Иначе он будет просто таскать их как лишний неудобный груз и, скорее всего, погибнет даже раньше других. Хотя пример я привела, может быть, не совсем удачный с точки зрения современных знаний о муравьях. Ведь личинки у них откладывает самка, и от того останется жить рабочий муравей или нет, изменения в потомстве почти не зависят. Я привела этот пример для упрощения. На месте муравья может быть любое бескрылое существо, которое потом стало крылатым. Естественный отбор в природе, несомненно, имеет место, но его влияние на возникновение новых видов живых существ ограничено достаточно узкими рамками. Огромное количество фактов изменения живых организмов в естественных условиях нашей планеты Дарвиновской теорией совершенно невозможно объяснить, как бесполезно объяснять возникновение грозы тем, что кто-то выключателем зажег у себя в квартире люстру, хотя в том и другом случае имеет место электрический ток.

— Правильно, Аня. Каким естественным отбором можно объяснить, скажем, появление электрического угря или ската, появление эхолакации у дельфинов и летучих мышей, появление ядовитого жала у скорпиона, каракурта, осы. Каким образом совершенствуется и эволюционирует характер рисунка на крыльях бабочек, цвета узоров, на которых образованы даже не красками, а интерференцией световых волн, отраженных от ворсинок хитина крыльев, имеющих микроскопическую структуру и образующих дифракционные решетки. Естественный отбор в качестве объяснения всего этого — это абсурд. Скорее наоборот, наличие тех или иных имеющихся особенностей различных видов живых существ объясняет их преимущества в выживании. Учитель... Тот замечательный человек, о котором я тебе говорил, дал мне одно свое стихотворение, в котором очень просто и доходчиво изложена идея, объясняющая эволюцию живых существ. Я обязательно дам тебе его почитать, и потом мы его обсудим. Это очень интересно.

Вот так за разговорами мы подошли к Аниной даче. Дача действительно располагалась в каком-то закоулке дачных проездов, и найти ее, не зная особенностей расположения, было бы чрезвычайно трудно. Мы простились с таким чувством, будто знаем друг друга тысячу лет, и так привыкли друг к другу, что вряд ли проживем хотя бы сутки, не встретившись снова. Мы стали встречаться почти каждый день и проводить совместно время. Вся моя жизнь поделилась на три значимых периода: жизнь до встречи с Учителем, жизнь рядом с Учителем и жизнь рядом с Учителем и Аней.

Неожиданное появление

Мы были с девушкой у меня на даче. Тетка Валя уехала на очередное собрание своей религиозной общины. Под негромкую приятную музыку Аня листала интересную книгу о загадочных животных. Я сидел рядом, положив ей руку на плечо и внимая тому, что щебетал ее мягкий проникновенный голосок. Вдруг перед нами, буквально в метре, возник Учитель в полный рост с сияющей улыбкой на губах. Это было до того неожиданно, что мы вздрогнули и невольно попытались вскочить с дивана. Учитель веселым голосом произнес:

- Спокойно, спокойно, молодые люди! Извините, если немного напугал вас, леди Аня, и тебя, Павлик. Я просто не ожидал такой реакции на то, что для меня уже давно привычно. Я вижу, Павлик, что ты не терял времени даром. Я в восторге от этой юной леди и ожидаю быть ей представленным. Сочту за честь.
- Аня, это Павел Петрович, о котором я тебе говорил, мой хороший друг и Учитель. Я думаю, что этот человек еще не раз удивит тебя. Меня же он удивляет постоянно.— И, обращаясь к Павлу Петровичу, спросил:
- Павел Петрович, честно говоря, я в данном случае не понял: вы подошли в невидимом состоянии, а потом стали видимыми или возникли перед нами неведомо откуда? Задавая этот вопрос, я заметил, что Аня смотрит то на меня, то на Учителя какими-то ошарашенными глазами, в которых удивление сменяется недоверием и снова удивлением. Ответ Павла Петровича оставил Аню в том же состоянии:
 - Молодые люди, честное слово, я только что возник, правда, абсолютно точно

ведомо откуда — со своей дачи. Так, что не опасайтесь, что я мог подслушать ваши разговоры, находясь около вас.

Аня не выдержала и спросила:

- А откуда вам известно, как меня зовут? И как вообще такое возможно? Это же противоречит современным научным знаниям о материи.
- Когда-то в свои ранние годы мы с соседскими ребятами нашли бродящую по помойкам собаку благородной породы, — начал не то рассказ, не то ответ Учитель, с хорошим ошейником на шее. Нам удалось завоевать ее доверие куском недоеденной курицы и, привязав к ошейнику веревку, увести с собой к нам во двор. У остальных ребят собаки были, а мне уже давно очень хотелось иметь четвероногого друга. Мои родители, я думаю, были бы не против этого, но сами завести собаку не решались. Они еще не могли забыть нашего Алана, сдохшего от чумки. Найденная собака была овчаркой женского пола, и всем в доме пришлась по душе. Только существовала одна проблема: никто не знал, как ее зовут. Как ее только ни звали и все мы в нашей семье, и мои приятели, и наши знакомые. Собака из вежливости хотя и отзывалась, но всем было сразу видно, что это явно не ее имя. Так продолжалось до тех пор, пока однажды я интуитивно не уловил ее настоящее имя. Я сидел за столом, подперев руками подбородок, смотрел на нашу лежащую собаку и совершенно ни о чем не думал, кроме того, какое имя ей бы подошло. При этом я никакие имена мысленно не перебирал, а просто смотрел на собаку. И вдруг, где-то в сознании всплыло имя Дина. Никакое другое имя в качестве вариантов даже не возникало и с данной собакой никак не ассоциировалось. Не долго думая, я негромко позвал собаку: «Дина, ко мне!», и каково же было мое изумление, когда собака вздрогнула, насторожив уши, вскочила и, подбежав, положила голову мне на колени, виляя хвостом. В ее глазах светилась нескрываемая радость.

Способностью интуитивного считывания информации, в принципе, обладают все люди и, возможно, большинство животных. Причем животным это делать даже проще, потому, что в сознании у них больше тишины и нет помех от словесного пережевывания постоянно роящихся в головах у людей мыслей. Одни люди от рождения обладают более развитыми способностями интуитивного восприятия информации, другие имеют больший или меньший процент ошибок. Но существуют определенные отработанные методики совершенствования интуиции. Кстати, вспомните поговорку: «Первая мысль — от Бога». Она означает, что процент правильного интуитивного восприятия информации гораздо выше, если вы не включаете мыслительный процесс с перебором вариантов, с навязыванием определенной логики. Применение индийских техник выключения мыслей может поднять правильность угадывания практически до ста процентов. Надеюсь, что на первую часть вашего вопроса, Аня, я дал, по возможности доступные разъяснения.

- В общих чертах, да,— сказала Аня,— хотя, по большому счету, все это скорее напоминает цирковые трюки с претензией на чудеса.
- Что же касается телепортации, а именно так называется мгновенное перемещение в пространстве по научному, то здесь объяснить явление понятно мне будет почти невозможно. Я попытаюсь, но не все поддается описанию словами. Возьмем, к примеру, дистиллятор установку по испарению воды, переносу пара в конденсатор, где пар превращается снова в воду, только уже очищенную от солей и загрязнений. На нагрев воды и ее испарение затрачивается значительная энергия, но при ее конденсации вся эта энергия снова выделяется, за ничтожным исключением той ее части, которая израсходовалась на само перемещение воды из одного сосуда в другой. Теперь предположим, что нам удалось, всю выделенную при конденсации энергию направить назад на испарение, получится, что перевод массы материи в другое, газообразное состояние, его транспортировка и появление снова в виде воды в дру-

гом месте будет происходить при мизерных затратах энергии. Это приблизительный и грубый аналог энергетических процессов при телепортации. На самом деле точный механизм происходящего процесса мне даже не известен. Для меня он и не важен потому, что все происходит само собой, стоит мне только особым образом напрячь свое сознание, пожелать своего перемещения в ярко представляемое, нужное мне место, образно, в подробностях, представить свое исчезновение здесь и появление там. Мне самому до сих пор это кажется чудом. Хотя перемещаться на большие расстояния я не могу: не хватает начального импульса энергии. Все же человек — не атомная электростанция. Телепортация — это свойство сознания и неизвестные науке свойства пространства окружающего нас Мира. Более понятно объяснить я пока не могу. Очень и очень многие процессы, связанные с живыми существами, происходящие в живых существах, гораздо понятнее, если видеть лишь внешние проявления этих процессов. Но они становятся практически непостижимыми, если начать докапываться до детальных подробностей механизмов их реализации. Предположения, теории и гипотезы плодятся в геометрической прогрессии, и нет никакой уверенности, что какая-то из них окончательная и отражает истину в последней инстанции.

— Павел Петрович,— оживленно заговорила Аня,— мне тут на днях Павлик давал читать ваше стихотворение — «Закон желаний», где, по-моему, как раз ярко обозначена эта тенденция. Сам по себе закон очень прост: появилось очень сильное жизненно важное желание или потребность изменений в возможностях живого существа и рано или поздно это реализуется. Сами эти изменения в деталях неимоверно сложны и, будь они реализованы человеком технически обычным инженерным способом, потребовали бы много лет теоретических научных разработок, проектирования, изготовления пробных образцов, их испытаний, доработок, налаживания серийного производства. В природе же они как-то происходят сами собой. То, чему не находит объяснения наука, часто называют чудом, проявлением замысла Бога. В свете того что вы ранее сказали, Павел Петрович, я думаю, человеку было бы правильнее направить свои усилия по самосовершенствованию не только в сферу традиционных физических возможностей, что мы наблюдаем, например, в большом спорте. Было бы прекрасно, если бы мы все приобрели массу других полезных, но пока невероятных способностей, которые со временем стали бы врожденными. Я была бы счастлива, если б могла парить как птица над землей и лететь куда захочу или, если б могла плавать под водой, сколько вздумается, да мало ли чего еще... Павел Петрович, почему в отношении людей «Закон желаний» почти не действует? Да и в отношении большинства млекопитающих и других, так называемых, высших животных тоже. Волкам, например, не помешали бы когти как у кошек, тогда они смогли бы преследовать добычу на деревьях и сидеть на них в засаде, как рыси и леопарды. Почему у стадных животных не развивается речь, как средство информационного обмена, почему они не растут интеллектуально?

Тайны жизни

— Прежде, чем ответить на эти вопросы,— начал осторожно Учитель,— я хочу загадать вам обоим задачу: как, по-вашему, почему живая природа от бесполого размножения делением и почкованием перешла к двуполому размножению, хотя оно и намного сложнее в реализации и гораздо уязвимее от внешних факторов?

Видя по лицу Ани, что ее мысли, как вспугнутая стая птиц, находятся все еще в суматошном полете и на что-то определенное приземлиться пока никак не готовы, я взялся отвечать первым. Какого-то определенного ответа не было и у меня, поэтому мой ответ скорее напоминал хождение по болоту, когда перед каждым шагом приходится нашупывать твердое место впереди:

— Я думаю, что переход к двуполому размножению связан с появлением все более сложных многоклеточных живых существ,— начал я неуверенно, растягивая фразу, подбирая каждое слово.

Павел Петрович одобрительно кивнул и вопросительно поднял брови, приглашая дальше развивать мысль.

- Сложным существам приходится передавать своим потомкам по наследству больше информации для своего копирования,— пришла мне на помощь Аня.
- Браво, Аня,— сказал Учитель,— вы друг друга стоите. Ну, продолжайте. Вы на правильном пути.

Но продвинуться дальше нам с Аней, как мы ни напрягали свои извилины, не удавалось, хотя интуитивно мы чувствовали, что ответ где-то рядом. Павел Петрович решив, что и этот результат неплохой, начал объяснять сам:

— Многие задаются вопросом: что такое Жизнь? Чем живая клетка отличается от точно такой же, но мертвой. Для ответов на эти вопросы поищем более простые известные нам аналогии. Рассмотрим для примера компьютеры. Чем только что собранный ПК (персональный компьютер) отличается от уже работающего? Вопервых — узлы, которые составляют в совокупности ПК, нужно сначала собрать, соединив все узлы определенным образом кабелями; во-вторых — подключением к электропитанию; в-третьих — загрузкой операционной системы информацией, включающей в себя необходимую базу данных и требуемые программы управления различными органами и информационными потоками. После выполнения этих условий ПК оживает и начинает выполнять поставленные задачи. Следует только обязательно добавить, что для изготовления компьютера, кроме оборудования завода, требуется огромный объем информации о технологиях производства и программах управления всеми процессами. Так вот, жизнь — это не только соединенные определенным образом молекулы различных веществ, образующих тело клетки, но еще и огромный объем информации, включающий программы копирования тела клетки (размножения), программы роста, функционирования тела, программы взаимодействия с окружающей средой, самозащиты и самообеспечения всем необходимым. Жизнь на нашей планете появилась исключительно благодаря наличию на ней огромного количества материала, способного выполнять роль носителя информации, ее хранения и передачи. Этим уникальным носителем является обыкновенная вода. Механизм размножения путем деления простейших живых существ вполне устраивал, да и сейчас устраивает. При таком размножении, происходящем в геометрической прогрессии, количество размножившихся особей ограничено лишь неблагоприятными факторами внешней среды и информационными ошибками при передаче информации, создающими как более жизнеспособных мутантов, так и менее жизнеспособных. Огромная скорость размножения компенсирует брак и создает условия для появления новых более совершенных видов. С появлением более сложных существ, до некоторых пределов прямое деление еще сохраняется, например размножение почкованием у гидр, но с некоторой степени сложности строения тел живых существ, начинают проявляться губительные факторы, возникающие из-за сбоев и ошибок при передаче информации копирования. Необходимо отметить, что из-за гораздо большего времени, требующегося для роста сложных многоклеточных существ до взрослого состояния, процесс размножения тем медленнее, чем сложнее живое существо. Ошибки, мелкие информационные сбои, которые накапливаются с каждым копированием, приводят, в конце концов, к нежизнеспособности вида и к его вырождению. Поэтому при размножении сложных высокоорганизованных живых существ, на первый план выходит задача защиты и точного копирования информации с отбраковкой и недопущением к использованию при этом явных информационных ошибок и сбоев. Решением этой задачи явилось двуполая форма размножения, при которой зачатие зародыша происходит лишь в случае совпадения сложных кодов ДНК хромосом, что позволяет сохранить главные признаки данного вида живых существ. При этом оставлена возможность изменений отдельных, несущественных для выживания вида, подробностей строения тела в небольших пределах. Например, это могут быть: цвет кожи, глаз, волос, рост и т. д., применительно, ну скажем, к человеку. Таким образом, именно защита от разрушения уже созданных совершенных форм жизни явилась причиной перехода к двуполому размножению.

— Получается, что следующим шагом, при совершенствовании форм жизни, должно стать трехполое размножение? — чуть ли не в один голос спросили мы с Аней, веселясь от кажущейся с непривычки нелепости предположения. Но Учитель совершенно спокойно произнес:

— Не исключено. На каких-нибудь далеких планетах с очень тяжелыми внешними факторами, возможно, существует такой тип размножения у сложных форм жизни. А что касается стадных и стайных животных, то основным фактором, препятствующим их совершенствованию и появлению языка информационного обмена, является критерий отбора вожака стада или стаи, а так же критерий отбора продолжателя рода. И в первом и во втором случае побеждает более сильный, более агрессивный, жестокий и эгоистичный, а не более умный, чуткий, совершенный, добрый. Если те же принципы царят в человеческом обществе, то наблюдается регресс в его развитии вплоть до одичания. Мне было весьма приятно пообщаться с вами, но у меня есть еще кое-какие дела. Поэтому я должен вас на некоторое время покинуть. Да, Павлик, в связи с некоторыми обстоятельствами, мне может понадобиться твоя, а еще лучше ваша помощь. Будьте внимательны и осторожны: около моей дачи могут появляться опасные типы. Не давайте им никакой информации обо мне.

Незваный гость

Мы с Аней было вызвались проводить Павла Петровича, но он сказал, что покинет нас тем же способом, как и появился, по причине соблюдения конспирации. Затем он исчез, как будто выключили телевизор. Мы лишь почувствовали небольшое шевеление воздуха, заполнявшего освободившееся пространство. Слова Учителя нас обеспокоили.

В тот же день, когда я, проводив Аню домой, возвращался к себе на дачу, сбылось предупреждение Учителя. Я подходил к своей даче и шел довольно не спеша. Вдруг из-за угла участка Павла Петровича, образованного кустами черноплодной рябины, послышался приглушенный голос. Голос был мужской. Человек по рации или телефону докладывал кому-то:

— Дачу я вычислил правильно и уже нашел. Это — его, сто процентов. С утра никто не входил и не выходил. Я пока обосновался рядом, на пустой даче. С нее мне все хорошо видно. Ночью я пытался к нему проникнуть, но там творится какая-то чертовщина: у меня чуть сердце не остановилось, и вся одежда промокла от пота, думал, что не выживу. На дачу так и не попал. Наверное, это его штучки. Когда приду в себя, может быть, попробую влезть еще раз, но не уверен. Пока буду его пасти. В случае чего будьте готовы помочь, если мне удастся его нейтрализовать. Конец связи.

Сердце мое учащенно забилось, но я решил все же потихоньку заглянуть за угол, рассчитывая быть незамеченным. Противника нужно знать в лицо. Медленно и очень осторожно ступая, напряженно всматриваясь сквозь листву, я заглянул за угол. В проезде в тени дерева стоял, одетый в джинсовый костюм, мужчина, плотного телосложения, с настороженным выражением лица, сильно потемневшего от загара. У ног его стояла средних размеров спортивная сумка, из полуоткрытого отсека которой выглядывала кипа каких-то бумаг. В руке у него был предмет, по которому видимо

он только что связывался с сообщниками. Спрятав его в карман куртки, он зачем-то прошел немного вперед по проезду, и, протиснувшись между двух разросшихся слив, скрылся на территории пустующей дачи напротив участка Учителя. Сумку он почему-то оставил. Не раздумывая ни секунды, я кинулся к сумке, рассчитывая незаметно выяснить какую-либо информацию о подозрительных личностях, ведущих слежку за Учителем. Сообразив, что быстро с сумкой не разобраться, я задом погрузился в кусты смородины, под которыми стояла сумка и, уже почти не рискуя быть застигнутым врасплох, стал копаться в бумагах. Бумаги состояли из каких-то журналов, газет на иностранных языках и листков с напечатанными текстами. Из всей этой кипы я взял верхний, привлекший мое внимание листок — сообщение, текст которого я прочитать не успел, но где-то среди строчек мелькнула знакомая фамилия Учителя — Анин. Услышав шелест листьев слив, через которые продирался назад неизвестно чей агент, я отпрянул от сумки глубоко в кусты и затаился. Мне показалось, что вся моя операция уложилась в минуту, а то и меньше. Не знаю, забыл ли агент сумку по рассеянности или ходил проверить, не появились ли случайно хозяева пустующей дачи, но думаю, что другой такой счастливой возможности порыться в его сумке мне бы не представилось. На мое счастье, агент забрал свою сумку и ушел туда же, откуда только что появился. В противном случае мне пришлось бы стоять, затаившись, на четвереньках, все время, пока он находился бы рядом. Довольный, я помчался к себе на дачу. Взбежав по ступенькам, стараясь не шуметь и, почему-то закрыв на засов дверь, я, подойдя к занавешенному окну, стал лихорадочно читать похищенный листок. Это оказалось сообщение по факсу: «Группам Центра с 5 по 10 августа взять под контроль аэропорты, принимающие самолеты из Индии. Обеспечить обнаружение среди прибывающих Анина Павла Петровича, сведения о внешности которого получите дополнительно в виде фотографии из газеты. Заранее до его прибытия выяснить место проживания с целью устройства засады. В случае затруднений с информацией о месте проживания, организовать скрытое сопровождение от аэропорта. При первой же возможности нейтрализовать при помощи шприца и захватить. В контакт не вступать. Действовать сзади, неожиданно. Работа по слежению за объектом и захвату без подстраховки в одиночку запрещена. Объект чрезвычайно опасен: обладает паранормальными способностями, в том числе гипнозом и ясновидением. В случае захвата. до передачи нам, держать в спящем состоянии. Нанесение вреда здоровью объекта недопустимо. О захвате сообщить немедленно. Исключить полностью возможность огласки операции». В конце стояла то ли кличка, то ли фамилия — Кучер. По спине у меня пробежал холодок, а голова словно раскалилась от волнения. Павлу Петровичу угрожает опасность! А может быть и нам тоже. Что значит «исключить возможность огласки?» Может быть убрать всех возможных свидетелей? Учителя надо срочно предупредить. Заодно посоветоваться, что предпринять. Внезапно, но удивительно вовремя посредине комнаты возник Учитель. Я даже вздрогнул и попытался инстинктивно спрятать листок.

— Ты хотел меня срочно видеть, Павлик? — спросил Павел Петрович.

Операция «Сбить со следа»

Я сбивчиво, в тайне гордясь собой, рассказал Учителю о том, что я видел, что делал и что мне удалось добыть. Внимательно прочитав листок, Павел Петрович сказал, что его опасения подтвердились, что теперь ничего не остается, как только сбить всю агентурную цепочку со следа. Для этого ему понадобится наша с Аней помощь, поэтому завтра мне надо будет сходить за Аней и предварительно проинструктировать ее кое о чем. Сегодня же ночью Павел Петрович выполнит первую важную часть операции: выведет из строя рацию агента, погрузив его в крепкий сон. Для него

это пустяк, так что моя помощь не требуется, поэтому я могу спокойно спать. Дав мне кое-какие указания на следующий день, Павел Петрович исчез, как и появился. Вскоре вернулась тетка Валя. Мы поужинали. Я пытался заняться какими-нибудь делами, читать книги, слушать радиоприемник, почему-то ожидая, что в последних известиях прозвучит сообщение о происходящих у нас на дачах событиях, но известия были о чем-то другом. Покидать дачу Учитель не рекомендовал из-за возможности случайных событий, которые могут нарушить запланированную нами операцию. Наконец, пришло время ложиться спать. Легко сказать: «Спи спокойно», а как тут заснешь, если на твою голову столько всего свалилось беспокоящего и необычного, даже опасного. Словом, я ворочался всю ночь, лишь временами проваливаясь в какие-то виртуальные эпизоды — бледное подобие сна. Утром кое-как позавтракав, я отправился к Ане, выбрав на всякий случай дорогу так, чтобы не проходить ни мимо пустующей дачи, ни мимо дачи Учителя. Так было задумано по нашему плану. Встреча с Аней была для меня в этот день особенно радостной. Аня сразу заметила, что я чем-то взволнован, хотя я и старался выглядеть обычным. Когда же я, захлебываясь словами, изложил ей последние события и план предстоящей операции, глаза ее засветились, думаю, тем же огнем, что и мои. Выждав часа полтора, мы отправились ко мне, только в обход, как если бы мы шли со стороны станции. Не доходя сотни метров, мы с Аней разделились. Она пошла другой дорогой, чтобы попасть на мою дачу незаметно, а я пошел к себе на дачу прямо — специально мимо дачи Учителя. Около участка Учителя мне попался вчерашний агент в джинсовом костюме. Щетина, ставшая хорошо заметной на его лице, выдавала то, что он несколько дней не ночевал дома. Увидев, что я подхожу к калитке своей соседней дачи, он окликнул меня и спросил, где Павел Петрович, давно ли я его видел, объяснив, что он его друг, и Павел Петрович когда-то его приглашал, но он смог приехать только сейчас, да кажется, что хозяин куда-то отлучился. Удивительно, но пока все шло по сценарию, описанному Павлом Петровичем. Я ответил, что соседа давно не было видно, но вот сегодня, буквально полчаса назад, я видел его на станции и даже разговаривал с ним. Он собрался продавать свою дачу и спрашивал, нет ли у нас знакомых, которые бы ее купили. Он сегодня приезжал на станцию, так как у него была назначена встреча с потенциальным покупателем, но тот почему-то не приехал. Поскольку у Павла Петровича осталось много неотложных дел в городе, он сел на первую же подходящую электричку и вернулся, даже не заходя на дачу. На случай, если найдется покупатель, он оставил мне свой городской адрес. Агенту я так же сказал, что сначала я принял его за того покупателя, о котором говорил наш сосед, но потом подумал, что этого не может быть, поскольку покупатель, конечно же, не знал адреса дачи. Агент, судя потому, как он весь оживился, очень обрадовался изложенным мною фактам. Он быстро сориентировался и сказал:

— А что, неплохая дачка. Я сам подумаю, не купить ли ее. Дай-ка я спишу у тебя адрес, вдруг Павел Петрович сейчас находится не там, где он жил раньше.

Агент взял у меня заранее приготовленный листок и быстро переписал указанный на нем адрес. Затем он сказал, что раз его друг сегодня, скорее всего, на даче не появится, то он, пожалуй, заедет повидать Павла Петровича в городе. Довольный, он пошел, не торопясь, в сторону станции, а я быстро проскочил к себе на дачу, где меня ждала Аня. Сообщив ей все, что нужно и, показав силуэт удаляющегося агента, я остался на месте, а Аня последовала за ним на небольшом расстоянии. Задачей Ани было установить местонахождение сообщника этого агента. Связи по рации, выведенной из строя Учителем, у них теперь не было, так что передать полученную только что информацию известный нам агент мог только при личном контакте. Павел Петрович ждал сообщения Ани в условном месте на станционном поселке. По нашему плану мне предстояло, выждав час — полтора, пойти на станцию и, если Павла

Петровича и Ани на платформе не окажется, ехать в город, где на вокзале мы должны были встретиться. Предупредив тетку Валю о том, что могу не прийти к обеду, а может даже и к ужину, выждав всего лишь минут пятьдесят, а не положенных полтора часа, я отправился на станцию, приведя себе в оправдание то, что еще двадцать минут уйдут на дорогу. Павла Петровича и Ани я не нашел, значит все пока идет нормально. Я купил билет и сел в первую же электричку до города. На вокзале в условленном месте меня ждала Аня. Учитель отошел купить пирожки. Аня просто вся сияла от радости. Операция прошла исключительно успешно. Аня рассказала, что она преспокойно довела агента до одного дома в середине поселка. Запомнив дом и его месторасположение, она быстро нашла Павла Петровича, и они уже вместе осторожно направились к этому дому. Подождав немного за углом забора, вскоре они увидели обоих выходящих из калитки агентов. Второй выглядел более интеллигентно и, судя по тому, как он держался, был главным. Аня пошла вслед за ними к станции, а Павел Петрович, сделавшись невидимым для возможных оставшихся обитателей дома, пошел проверить, не имеем ли мы дело с целой группой агентов. Проверял он на всякий случай, потому, что второй агент вышел тоже с приличной сумкой, свидетельствующей об отсутствии намерения возвращаться обратно. Догнав Аню, доведшую объектов слежения до станции, и поняв намерения агентов, Павел Петрович, так же как и они, купил два билета. Когда подошла электричка, вслед за агентами, мои друзья тоже в нее сели, но только в соседний вагон.

Аня действует

По прибытии в город Павел Петрович с Аней некоторое время сопровождали агентов, поджидая удачного момента, что бы не рисковать. Наконец этот момент представился: агенты зашли в буфет, взяли по бутылке пива, по паре беляшей и, поставив у стены свои сумки, встали напротив друг друга за свободный столик. Павел Петрович сказал Ане, после того, как он встанет рядом с агентами, смело брать их сумки, выносить в зал и спокойно, не привлекая внимания окружающих, доставать из них газеты, документы (кроме личных), рации и оружие, если таковые найдутся. Затем поставить сумки на прежнее место. Главное, что бы не оставить ничего, что могло бы им потом напомнить о выполняемом ими сейчас задании. Аня, действуя на каком-то автопилоте, почему-то ни капельки не волнуясь, дождалась, когда Учитель встал рядом с агентами за соседним столиком, взяла обе сумки сразу и, несмотря на их приличную тяжесть, вынесла их из буфета. С момента, когда Павел Петрович замер, стоя за соседним с агентами столиком, они вдруг перестали разговаривать друг с другом и, хотя и продолжали пить пиво и жевать беляши, но как-то очень вяло, скорее механически. Другие посетители и буфетчица находились тоже в явно заторможенном режиме. Аня была уверенна, что для всех присутствующих все время нахождения в таком состоянии будет бесследно вычеркнуто из сознания и не оставит в памяти никакого следа. Аня быстро и добросовестно изъяла из сумок газеты, документы, две рации, несколько ампул для инъекций в коробочке без надписей и три шприца. Оружия, кроме складных ножей, не оказалось. Возможно, что они держали его при себе. Переложив все изъятое к себе в сумочку, Аня отнесла обе сумки на место. Павел Петрович направился к выходу, увлекая, взяв крепко за руку, с собой и Аню. Выйдя из буфета, он, однако, не покинул место событий, а присел на скамейку и усалил рялом Аню.

Наконец агенты вышли из буфета, держа в руках свои сумки. Павел Петрович видимо ждал именно этого. Сказав Ане немного подождать, он подошел к ним почти вплотную сзади. Они приостановились, а через несколько секунд снова двинулись дальше, но только в разные стороны. Было полное ощущение, что они совершенно не

знают друг друга. Удивленное, немного глупое выражение их лиц, временами выражающее мучительное напряжение памяти, свидетельствовало о том, что они не понимают, как и зачем они попали на этот вокзал. Сначала один, а несколькими минутами позже и другой, все-таки прибегли к помощи случайных прохожих, что бы прояснить обстановку. Пробыв в замешательстве по нескольку минут, каждый из них, приняв какое-то свое решение, покинул зал вокзала. Аня в душе выразила надежду, что мы их больше не увидим. Надежда эта оправдывалась несколько лет, а к тому моменту, когда эти агенты вновь появились на горизонте нашей жизни, мы были уже почти равны по способностям нашему Учителю и были для них практически недосягаемы. Аня уже заканчивала рассказ, а Учителя все не было. Но почему-то это нас нисколько не тревожило, наверное, у него были еще какие-то неотложные дела. Аня, желая привести доказательства некоторых подробностей рассказа, открыла свою сумку и начала показывать отобранные у агентов вещи. Я осмотрел рации. На одной из них я разглядел едва заметный след от иголки или чего-то наподобие этого в защитной сеточке микрофона. По всей видимости, это дело рук Учителя, испортившего микрофон рации. Затем наше внимание привлекли газеты на английском языке. Возможно, что некоторые из них я уже видел в сумке того агента, что дежурил около дачи Учителя, но разглядывать их тогда, у меня совершенно не было времени. Сейчас же мы листали их не спеша, внимательно просматривали и без труда обнаружили во всех одни и те же фотографии и приблизительно одинаковые тексты статей. Аня гораздо лучше меня знала английский язык, поэтому основной смысл статей мы общими усилиями смогли понять. Очевидно, что во всех газетах, судя по фотографиям, был представлен сенсационный материал. Когда мы хорошенько пригляделись, то на фотографиях, которые были не очень четкими, мы с трудом, но все-таки узнали Павла Петровича, который, в индийской одежде, в позе «лотоса», завис в воздухе на высоте около метра над лужайкой. Перед ним в аналогичных позах сидело несколько десятков так же одетых людей лицом в его сторону, поэтому видны они были со спины. Из текста явствовало, что на этой фотографии, сделанной скрытой камерой, представлен русский просветленный мастер Анин, которому, по неподтвержденным сведениям, уже исполнилось сто шестьдесят семь лет. Свидетели, видевшие его много лет назад, утверждают, что с годами этот уникальный человек не стареет, а скорее наоборот, становится моложе. Объяснить этот факт официальная наука пока не в силах. На добытых нелегальным путем фото он запечатлен в момент групповой медитации членов малоизвестной религиозной секты, международный съезд которой состоялся в эти минувшие две недели близ города Бахрампур у океанского побережья Индии. Факт явной левитации, представленный на фотографии, как утверждают информированные источники, это лишь немногое из того, на что способны представители данной секты. Съезд проходил нелегально, без уведомления властей штата, поэтому какой-либо официальной информации об этом съезде получить не удалось.

Раскрытие тайн

Не успели мы с Аней поделиться друг с другом своими впечатлениями, как заметили, что рядом с нами и, может быть не первую минуту, стоит улыбающийся Павел Петрович, с пакетом пирожков и апельсиновым соком в руках. Протягивая нам, принесенные пакет и сок, он пояснил:

— Кое-что, из написанного здесь, соответствует действительности, например, мой возраст, факт левитации и факт проведения съезда. Но поскольку сама съемка велась шпионскими способами и исключительно благодаря утечке информации, про-изошедшей вследствие определенного легкомыслия со стороны одного из членов братства, с еще не полностью сформированным сознанием, многое из происходящего

для посторонних так и осталось тайной, либо искажено нелепыми предположениями. На снимке запечатлен мой телепатический доклад собравшимся членам всемирного братства просветленных о критическом состоянии уровня духовности в Мире. В связи с тотальным насаждением принципов Эгоизма, путем навязывания ложных истин и замалчивания истин реальных, человечество поставлено на грань катастрофы. Охват населения электронными средствами информации вырос почти на порядок. Печатные средства информации и книги отошли на далекий задний план, а для кого-то вышли из обихода вообще. При наличии всего этого океана информации, вы не услышите в нем ни слова истины. А человек как существо, имеющее в своей основе информацию, нуждается в истинах не меньше, чем в пище, в чистой воде или в воздухе. Без истин народы просто вымирают, а государства погружаются в развал и разруху, у них отсутствует духовный стержень, отсутствуют принципы справедливости и, как следствие, отсутствует движение в сторону развития. Нарастающее совершенствование техники не означает улучшения жизни людей. От настоящего счастья подавляющее большинство людей далеки как никогда. В страшной суете и погоне за материальными благами, они ищут счастье где-то снаружи, ставят его отыскание в зависимость от чего-то или кого-то. И никто не говорит им истину, что счастье уже давно есть и находится внутри каждого. Его не надо искать. Мир без истин, Мир, зараженный людским эгоизмом, сползает к катастрофе. Пока это проявляется в экстремальных проявлениях погоды, природных катаклизмах и проявлениях терроризма, жестокости, бездушия, падения нравственности среди людских сообществ. В сложившихся обстоятельствах наше братство приняло программу информационной коррекции развития человечества под условным названием — «Вирус Истины». Отныне целью каждого члена братства является активное распространение истин путем умножения ее носителей — будущих членов братства. Увеличение числа носителей истин будет происходить в геометрической прогрессии, и через некоторое время они начнут оказывать все более существенное влияние на ход событий, происходящих на Земле. Любой человек, постигший истины, принявший их в основу своего мировоззрения, становится невосприимчивым ко лжи. Его невозможно сбить с толку. Более того, небольшое количество первоначальных истин помогает разглядеть и постигнуть множество других. Таким образом, продолжается уже самостоятельное совершенствование и развитие будущих членов братства. Вспомните, какое глобальное изменение хода развития Мира произвели истины, принесенные людям Иисусом, Буддой и другими посланниками. И уж наверняка мы жили бы совершенно подругому, если бы удалось сохранить их учения от превращения в религии и обряды, используемые всевозможными правителями в своих эгоистичных интересах.

Нам как видно по пути!

- Павел Петрович, а мы с Аней могли бы стать членами братства просветленных? не удержался я от вопроса, при этом, скашивая глаза в сторону Ани и видя, что я лишь на секунду опередил тот же вопрос, готовый слететь с ее губ.
- У меня не возникает по этому поводу никаких сомнений. Более того, ваш пример помог мне постигнуть еще одну приятную истину. Оказывается, что люди, овладевшие кое-какими начальными истинами, сами находят друг друга и стремятся быть вместе. И это легко объяснимо. Разные мировоззрения разъединяют людей, а одинаковые сближают. По любому аспекту реальности существует лишь одна истина, поэтому люди с правильным, основанным на истинах, мировоззрением автоматически невольно симпатизируют друг другу и прекрасно понимают друг друга.

Тем временем пирожки были съедены, а сок выпит. Мы все, как и запланировали, поехали ко мне домой, чтобы встретиться с моим отцом. Отец пришел часа через

полтора после того, как мы обосновались в нашей квартире, так что у гостей было время осмотреться и познакомиться с моим обычным местом обитания. Войдя в дом, отец застал нас за чаепитием, к которому после знакомства с моими друзьями и присоединился. Учитель, включив свое обаяние, быстро и без проблем договорился с отцом об оформлении договора купли-продажи своей дачи для того, чтобы в дальнейшем сбить со следа желающих найти его с недобрыми намерениями по адресу недвижимости, записанной на его имя. Формальное изменение собственника позволит Павлу Петровичу проживать по-прежнему на даче, но, уже не опасаясь, что его снова найдут. Учитель остался в городе, чтобы в ближайшие дни оформить продажу, а мы с Аней вернулись на свои дачи.

Мы доживали на даче последние деньки летних каникул. Кончался август. Нами владело смешанное чувство: сожаление о том, что эта, уже привычная, безмятежность вот-вот закончится, и желание снова встретить школьных друзей и окунуться в школьную жизнь, в которой каждый день ярок и неповторим. Через три дня мы снова увидели Учителя. Он спокойно подошел к нам, когда мы загорали на пруду после купания. Видя нашу радость, он сообщил:

— У меня для вас есть две, думаю что хорошие, новости: первая — сделка по купле-продаже прошла успешно, а вторая заключается в том, что в вашей школе, Аня, с сентября появится новый учитель истории. У Павлика в школе появится тоже новый руководитель исторического кружка. Наверное, будет лучше, если вы сделаете вид, что видите меня в первый раз.

Тут уж мы с Аней просто засветились от счастья. Правда, через минуту, опомнившись, я предупредил Павла Петровича о том, что в нашем классе есть девчонка Юля, которая бывала у него на приемах в кабинете офиса, знает о нем и мой друг Сашка. Он сказал, что проблема эта легко решаема. Хорошо, что я ему это сообщил заранее. Он вот только сомневается, возьмут ли его на работу в его сто шестьдесят семь лет. Но по его, прорвавшейся наружу, хитрой улыбке мы догадались, что это — шутка.

- Конечно, возьмут,— хором поддержали мы игру Учителя,— никто и не догадается, что вам больше сорока пяти.
- А мы, так уж и быть, никому не скажем,— улыбнулась Аня.— Правда, Павлик?

Меня об этом можно было и не спрашивать.

Что было дальше? — спросит читатель. Всего и не расскажешь. Но наша действительность изменилась настолько, что мы просто об этом и мечтать не могли. Но это уже другие приключения и совершенно другая история.

поэзия

Геннадий Иванов (г. Москва)

PERSONALIA

Опять в России в храмах многолюдно. Гонений нет и дикости былой... А все равно воцерковиться трудно. И тут не виноват ни Сталин злой, И ни Хрущев, взорвавший сотни храмов... А не пускают, видимо, грехи. И в этом наша слабость, наша драма.

Без храма христиане мы плохие. Пора кончать крутиться и болтать... Преодолеть лукавые стихии – На якорь в храме православном встать!

Живем в стихиях разной чепухи.

БАЛЬМОНТ

1. Ранний

Любитель солнечных девизов, Он в мир бросал рулады слов. И что ни слово — миру вызов И сотрясание основ.

О, Бальмонт — весь кинжально-броский, Такой космический, матросский, Такой возвышенно беспечный, Надземный и надчеловечный...

Любитель солнечных девизов, Он прыгал, кажется, с карнизов... Поэта влек далекий гул — И шар земной он обогнул.

Он *Бальмонт* был — все в этом звуке: И блеск, и вызов, и игра, И артистические руки, И пламенные вечера...

2. Поздний

Он Бальмонт был, но Иванова Я нахожу в нем, и Петрова, И Сидорова нахожу — И очень этим дорожу.

За всем разгулом декаданса В нем был отеческий простор, Печаль уездного романса, Живой, сердечный разговор.

Был декаданс как испытанье — Чтоб оторвался от корней. Но он преодолел метанья И всей душой запел о ней,

О ней, о родине, России, О ней, о русской стороне! Поэт он подлинно всесильный! И таковым он близок мне.

В ГОСТЯХ У БАЛЬМОНТА

Светлане Сырневой

В Гумнищах нет уже гумнища. И Бальмонта усадьбы нет. А есть ее лишь пепелище И тот же самый Божий свет.

А это главное — деревья, Ручьи, поля да озерки. Да те же бедные деревни, Где доживают старики...

Здесь вырос Бальмонт, очень странный Для русских пажитей поэт. Романтик был он неустанный, Везде он видел Солнца свет.

Из будней он творил легенду, И о себе творил он миф. И соответствовал он *бренду* — Велеречив, многолюбив...

А в общем, при спокойном взгляде,— Он добрый русский был поэт. И с Пушкиным в одном отряде Он воевал за Божий свет.

ТРЕХСТИШИЯ ЯПОНСКОГО МОНАХА

Не образуется облако без дыхания ветра. Не приходит и грусть ни от чего — Только от моих грехов.

* * *

Сижу в келие и читаю. Сегодня я не пошел в гости, Ибо это вредно — часто покидать келию.

* * *

Провожу ночь в молитвах — И душа обретает утешение... Сколько лет я спал в неведении.

* * *

Ленивый монах много претерпит вреда. А если будет упорствовать в нраве своем, То сбросит и одежду монашескую.

* * *

Снова в горах зима. Ласточки все улетели. Только ангелы кружат и сыплют снег.

* * *

Сколько появилось богатых кругом. Но как они невежественны. Хорошо богатеть кротостью и любовью.

* * *

Беги от искушения терпением и молитвой. Вся остальная борьба только распаляет его, И оно сильнее нападает.

* * *

В чашечке цветка дремлет шмель. Его уже обессмертил великий Басе. А до него его уже обессмертил Господь.

ДЕРЕВЬЯ

Люблю когда в деревне среднерусской, Где ветлы, клены, липы, тополя, Увижу вдруг сосну. Она деревне Такую *романтичность* придает...

Люблю, когда в деревне среднерусской, Где ветлы, клены, липы, тополя, Увижу дуб, да если еще старый,— Деревне он *былинность* придает.

В одном селе я кипарис увидел. Он выглядел у нас вполне пришельцем. Селу он придавал, так скажем, южность И некий фантастический сюжет...

А впрочем, все деревья навевают В деревне что-то. Мы не замечаем, Привыкли к ним. Но все они прекрасны. Все липы, клены, ветлы, тополя...

Но я заметил, что они прекрасны, Когда тут жизнь, когда живут здесь люди... Тогда деревья — это словно песни Над крышами родимых деревень.

* * *

Больше в армию некого брать в этом тихом краю. Молодежи не видно вокруг. Все погибли в жестоком, неравном бою... Потому зарастают кустами и пашня и луг.

Этот бой длился долго — десятки мучительных лет. Власть боролась с народом, она победила народ. Вот поэтому здесь никого, никого больше нет. И не факт, что тут снова родимый затеплится род.

* * *

Архиепископ Мир Ликийских, Святой угодник Николай, Спасай людей в полях российских И в городах спасай! Ты видишь сам все обстоянье Упадка, гибели, тоски... К России прояви вниманье, Ведь были мы тебе близки

Во все века, твои иконы
Ты видел сам в любой избе...
Сегодня слышишь наши стоны? —
Кому помочь как не тебе.

Молись о нас, святой заступник, Прости за отступленье нас... Народ — отчаявшийся путник, Нет сил идти на этот раз.

Он весь забит и измордован, Не знает он куда идти... Он словно бы навеки скован. Спаси нас и открой пути.

Архиепископ Мир Ликийских, Святой угодник Николай, Спасай людей в полях российских И в городах спасай!

* * *

По жизни, как из окружения,— Порой, побитые, бредем... Идем в свое расположение. А где оно, мы не найдем...

Порой тошнит, как в шторм от качки, И трудно жить, и трудно жить... Ни водка с пивом, ни шпикачки Тоску не могут отменить.

Все это, видно, испытанья. Души проверка. Надо ждать. Переживающим страданья Господь дарует благодать.

* * *

Плескучий дождь по крыше льет в ночи. По желобам вода стекает в бочки. А по душе — тоски текут ручьи, И лишь тоскливые приходят строчки.

В окошке темень поля и реки, Свет фонаря и призрачный и зыбкий. Я не хочу тоски — хочу строки, Ведущей к свету, к радости, к улыбке. Хочу строки — спасительной такой ... Но не приходят строки по заказу. Вот и кручусь, и маюсь я тоской. И где я подхватил ее заразу?

СРОСТКИ

Сростки. Солнце. Гора Пикет. Свет от берез желтейший. И от писателя — тоже свет, Ласковый и мудрейший.

Осень стоит как итог, венец... Что же у нас в итоге? Василий Макарович, вы молодец! Кланяюсь в ноги.

Вы богатырь, и совесть, и свет, И утешенье России. В итоге — снова у нас много бед, Но с нами Шукшин Василий.

В итоге — снова ложь и позор, И бедность опять в итоге. Опять на Руси процветает вор, А люди тщедушны, убоги.

Василий Макарович, как без вас? Без вашего слова? Вот прочитаю я ваш рассказ — И хочется жить мне снова.

Хотя кругом ничто не бодрит, В народе тоска все круче... Шукшин горой за нас постоит, Пикетом своим могучим.

НА ВЕЧЕРЕ «АЛТАЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ» В МОСКВЕ

Приехали алтайские писатели. Но не приехал нынче Башунов. И не найдут его нигде искатели Среди земных дорог и берегов...

Тут нет нигде его прищура строгого, Усмешечки сибирской с хитрецой. Не выйдет он ни из какого логова И не тряхнет отросшей бородой. Стихи остались? Да, стихи остались. Но сам-то он не хуже был стихов... Мы на небесном встретимся Алтае: «Ау, Володя! — крикну — Башунов!»

В ИРКУТСКЕ

Что мне Колчак? Пожалуй, ничего. Вот памятник ему, вот крест на месте, Где труп его под лед спустили дружно. Вот монастырь, где молятся о нем.

Сюда приходят, приезжают люди... К легенде, может быть: мол, адмирал Мог повернуть историю России... Не повернул. И мог ли повернуть?

Все дело в жертвенности. На Руси у нас Всего превыше жертва за святое. Борис и Глеб — начало всех начал. Сама Россия — жертва за святое.

Что мне Колчак... Но вот стою, стою Не берегу реки быстротекущей И думаю об этом человеке: Как смерть он принял здесь, на Ангаре.

Все дело в жертвенности. На Руси у нас Всего превыше жертва за святое...

А жертвы за святое — мужики, Колчаковцы которых убивали? И вырезали звезды на груди... Пожалуй, жертвы. Жертвы за святое.

Как много было жертв тогда, в те годы, На многих русских реках и везде... Они, быть может, были не напрасны. По крайней мере, думается так.

на рождество

Все не так идет, как в мыслях.

Наяву
Уклоняюсь я от света во тьму.
Снова, снова я на помощь зову:
Спригвозди всего меня страху Твоему!

Сохрани меня от слова и от дела душетленного, Вразуми и просвети!
Снег летит на купол храма древнего.
Снег — лети!

Нынче в храм людей приходит множество. Тоже — торопись. Снег — лети! Пой хор! В России Божеской Еще можно грешному спастись!

возражение

В моей стране так мало света, Царят в ней деньги и чины. В моей стране мечта Поэта— Наесться вдоволь ветчины. Николай Зиновьев

Как много света — выйди в поле! Какая дивная страна! Не унижай поэтов, Коля. Зачем поэту ветчина?

Ему Катулл, ему Конфуций, Ему божественные сны. Поэту *мало конституций!*.. Ну что ему до ветчины.

Поэты ходят по фуршетам И по банкетам, но всегда На них не по себе поэтам — Еда она и есть еда.

восхищение

Я прощаю вас, люди!.. Простите меня. Если путь у вас труден, Отдам вам коня.

Магомед Ахмедов

Прослышал я, что друг мой Магомед Людей спасает от забот и бед. И если у кого-то путь тяжел, Отдаст коня, чтобы пешком не шел.

Какой ты добрый, щедрый, Магомед! Я б так не смог. Коня к тому же нет. А у тебя ведь тоже нет коня... Но ты щедрее все-таки меня.

О МИРЕ

Я устал от тоски. Я не сплю. Я стою у окна. Замерзаю. Боже мой! Как я мир не люблю, Как устройство его презираю! Михаил Анищенко

Этого мира осталось, быть может, на годы, Не на столетья осталось лесов и полей, Птиц распевающих, в сердце поэта свободы... Не проклинай этот мир, а его пожалей.

Что, Михаил, мы о мире воистину знаем? Мы в этом мире пичужки, песок и трава... Мы о нем знаем немного, хоть много страдаем. Выстрадай душу, а все остальное — слова.

В ПЮХТИЦАХ

Монашки сами пашут-сеют, И скотный двор у них большой, Дрова сложить шатром умеют... И все-то с радостной душой.

В монастыре и за калиткой Они возвышенно живут: Везде с Иисусовой молитвой, Стихиры чудные поют...

Кругом леса, кругом озера, И тишина со всех сторон. Плывет из храма голос хора На православный небосклон.

Юрий Лукаш (г. Богородицк)

ПУСТЬ ПОДОЖДУТ МЕНЯ ИЗДАЛЕКА

* * *

Пусть подождут меня издалека Косые ливни и раскаты грома, И отчий дом, и тихая река, И две березы стройные у дома,

Родные дали скошенных полей, Где воют ветры темными ночами, Где в сентябре с высоких тополей Мое село обругано грачами.

А на горе колдуют ветряки, По небу тучи гонят лопастями, Хотя ночные звезды высоки, Нагнись и в луже собирай горстями.

Вернусь ли я? Наверное, вернусь, Туда, где ливни и раскаты грома, Где по былому затаилась грусть В пустых глазницах брошенного дома.

Сниму фуражку, встану на крыльцо. Душа замрет, страдая от волнений, И злобный ветер бросит мне в лицо Немой упрек — опавший лист осенний.

* * *

...А в темноту телеги простучат И увезут потом нас электрички. С обжитых мест мы двинемся опять В далекий край, аж к черту на кулички.

В пути, глазея в темное окно, Мы будем долго изучать планету. За что же так судьбою решено — Всю жизнь скитаться и бродить по свету? В каком краю начало всех начал, А неудачи ходят стороною? А может, здесь последний наш причал, Под этой тусклой русскою звездою?

И мы спешим от дальних рубежей, Нас гонят голод, нищета и смута. Подвинься, Русь, и принимай бомжей, И дай нам всем покоя и приюта.

* * *

В моем ты сердце, Родина моя, Твои поля, восходы и закаты, Крик петухов и трели соловья, Больная мать с клюкою возле хаты,

Просторный выгон и деревьев ряд, Заросший двор и ветхая ограда, Да постаревший одичавший сад И у крылечка грозди винограда.

Вернулся я, а прошлое ушло. Лишь те же звезды светят надо мною, И все вокруг объято тишиною, Да спит в садах любимое село.

Пройдусь, уставший, по родным местам. Кому нужны непрошенные гости? И от тоски по прожитым годам Я обожгусь слезою на погосте...

* * *

Прошедших дней забытые черты Заходят в сны непрошено, нежданно, И круговерть житейской суеты Не успокоит мне былую рану.

Она болит, она во мне живет, Тревожит душу длинными ночами. Она порою в прошлое завет, Не уходя, стоит перед очами.

Все в этой жизни мудро и хитро. Нас все волнует: встречи, расставанья. А иногда, как финкой под ребро, Вдруг саданет опять воспоминанье...

С далеким прошлым не порвется связь. Хоть в памяти всплывает временами, Оно в покое не оставит нас, Оно навечно остается с нами... * * *

Опять в селе. Здесь много проще, Ушли заботы стороной. Здесь иногда вовсю полощет Веселый дождик проливной.

Вокруг спокойно и безлюдно. Хожу по ягоды, грибы И больше в жизни ниоткуда Не жду подарков от судьбы.

Вот рядом птица прокричала, И я спешу, спешу за ней, И растерял свои печали В лесной дремоте теплых дней.

Заросшей старою тропою Бреду несмело наугад. Закружит скоро надо мною Хмельные вальсы листопад.

И на душе легко и просто, И добрых чувств не удержать. Вот так всегда; приедешь в гости И... неохота уезжать...

* * *

Воскресный день. Звонят колокола. Над куполами желтый лист кружится. И ты идешь, оставив все дела, В святую церковь Богу помолиться.

За все, что в этой жизни совершил, За все, что было и что будет тоже. Жил без законов, много нагрешил — Помолишься: «Прости меня, о Боже!»

А вот когда замолишь все грехи, Оттаешь сердцем и душой оттаешь, Ты «Отче наш», как легкие стихи, Моля пощады, лживо прочитаешь.

Я не грешил и в церковь не спешу, Хоть медный звон и слышу за стеною, И ничего у Бога не прошу, Ведь мой Всевышний был всегда со мною.

Грачиный грай и звон колоколов. И ветер гонит, гонит листья эти. И я всегда прийти сюда готов Благодарить, что жив на белом свете.

Константин Струков (г. Тула)

ночью дождь шел яро, зло

. . .

Ночью дождь шел яро, зло. А сейчас — погода! Солнце из-за туч взошло, Ощутив свободу! Солнце в глянце луж, в окне. В утреннем паренье, Как в нахлынувшей волне — Нашем настроении. И, как будто накренясь Над небесным сводом, Дуга-радуга зажглась От луча свободы.

Старичок мне подмигнул — Незнакомый вовсе. Школьник ранец подтянул И затопал возле. Громко зазвенел трамвай, Стеклами сверкая. Изумрудная листва Весело кивает. Дворник мне рукой махнул, Что-то замурлыкал. Постовой мне козырнул С нежною улыбкой. Пестрый выводок спешит — Шумный детский садик. Окружили малыши — Я прошу пощады. Стану няней, хоть на миг, И смешно краснеет Воспитательница их — Солнечная фея. Жмурюсь в ярких красках стен, Безупречно стройных.

Нахожусь в жилой черте Наших новостроек. Я в небесной высоте. Вот он, покоритель Вылитых из солнца стен, Свет мой друг, строитель! Пыль стирает, руку жмет Весело и браво. И беседу заведет О новейших кранах... И услышу в прозе слов Колорит творенья, И поэзию стихов В вихре вдохновения. Полон света я и горд, Что нигде не лишний. Этот день, как целый год Быстротечной жизни. Радуюсь, что в город мой День вошел всецело. Мне под радугой-дугой До всего есть дело.

* * *

Кому-то ведь

достанется она, Такая юная, наивная такая... И ею насладится он сполна, Ее капризам детским потакая.

Добычей для него очередной Она в тот вечер неизбежно станет. Уж лучше оставаться ей одной, Ведь с ним, лукавым, жизнь свою сломает.

Смотрю в такие ясные глаза Я им, пугливым, почему-то верю. Ну неужели ей уйти нельзя, Взять и покинуть, громко хлопнув дверью?

Нет, видно предначертано судьбой Отведать ей и дикую влюбленность, И отношений грязь, и страх, и боль, Паденье и немую отрешенность.

Она ему достанется. И пусть... Во все века невинность совершала Паденье в пропасть. А в глазах лишь грусть, Смиренное предчувствие финала. * * *

Поверь, незнакомка, тебе не идет Твой вид, независимый, бесцеремонный. И черных бровей вопросительный взлет, И ветреной женщины взгляд отрешенный.

Совсем не идет жест наигранный твой, Когда сигаретку сосешь ты манерно, И пепел стрясаешь небрежной рукой, Как будто все мысли в тебе эфемерны.

И пиво беспечно цедишь из горла́, Развязно хохочешь с изысканным матом... Наверное, ты по-детски горда, Что рядом такие крутые ребята.

А я с сожаленьем смотрю на тебя — Ты, в сущности, глупый ребенок.
И знаешь...
Ты хочешь свободы... Но душу губя, Себя самое в суматохе теряешь.

* * *

Я вас люблю — всего три слова И я их повторяю вновь. А вы не верите и снова Твердите: хватит про любовь! Ах, сколько слов! Ну, право, хватит. Мы это слышали сто раз! Ведь любит тот, кто много платит, А что там, в кошельке, у вас?.. А я в ответ:

причем тут деньги? Пожар любви горит во мне. Когда я с вами — с упоеньем Внимаю вашей болтовне... Ловлю я с замираньем сердца Ваш каждый взгляд и каждый жест. Без вас все как-то тускло, серо — Совсем не радостный сюжет. А вы мне снова: хватит, право! Наверно, затащить в постель Меня хотите...

Все отрава, И жизнь – сплошная карусель!

...И вы ушли, легко как пава. А я, униженный и злой, Вдруг понял — вы и есть отрава, Ведь столько желчи в вас самой! **Раиса Носова** (г. Тула)

письмо в детство

Пишу я письмо на Дальний Восток — С подругою детства не виделась долго. Пришли мне багульника лепесток И желтого кедра седые иголки!

Пришли мне привет от родной стороны: Приглашенье от звонких сугробов, Сияние буйной таежной весны И память о верности, дружбе до «гроба»

Пришли мне неба ночного синь, И звезд ворожбу до головокруженья. Летние ночи и зимнюю стынь... Весенней молодости броженье!

Напомни речки живой говорок. Ты пишешь: совсем река обмелела, На берег другой через бывший порог Идешь без боязни по камням белым?!

Плесни в меня озера холодком, Где в детстве раков с тобой ловили; А осенью — под тонким ледком — Мы за игрою мальков следили.

Ты пишешь, что раков в помине нет, А сельским девочкам и мальчишкам О дикой прелести милых мест Приходится узнавать по книжкам.

Мне жаль, что поляна, где прыгал мяч, Застроена клубом и сельсоветом; А дом, где звенели и смех, и плач, Тоже снесен под строительство это.

Живу я давно на чужой стороне. Этот край стал мне тоже близким. Но тот... любимый, живет во мне Независимо от прописки.

ОМУТОК

Из далекого далека, Из глубокой старины Посмотрел дремучим оком Омуток из-за сосны.

Потянуло томной жутью Из зеленой глубины. Может быть, над этой мутью Колдовали колдуны?

Или, может, местный леший Здесь с русалкой воду пил, И, любовью душу теша, Взгляд свой жадный утопил.

В городском чаду сгорая, Эту сладостную жуть, Как слезу земного рая, Вспомню я когда-нибудь.

БАСНЯ

Нитка с иголкой дружили давно, Не мыслили жизнь друг без друга, Искусно сшивали вдвоем полотно, И было им до поры все равно, Кто — господин, кто — прислуга.

Наперсток усердно иголку толкал И втайне завидовал дружбе. Ехидно однажды иголке сказал: Ты рвешься у нитки на службе.

Поскольку иголка тупой не была, Задумалась сильно иголка: Наверное, я неразумной слыла, Коль нитку таскала без толка.

Пойду-ка пошью я без нитки, одна, Скорее могу повернуться. Такая помощница мне не нужна, Доколе за мной ей тянуться. Вертелась иголка и эдак, и так, Не шила, а просто плясала, Наперсток наш тоже старался, чудак, Старались, а толку-то мало!

Устала игла от пустого труда, Была хоть и ловкой, и прыткой. Ведь мудрость глаголет: иголка Нужна всегда обязательно с ниткой.

* * *

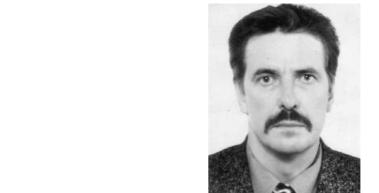
О, сколько слов исповедальных Услышал я. О тех годах, ушедших, дальних, Мои друзья! Все, что осталось за порогом Вчерашних дней, Мы отдаем на милость Бога И суд людей. Полны мы суетных желаний, Полны тревог, Надежд и разочарований, Но с нами БОГ! Когда исполнен упований Ты на него, Избегнешь страхов и страданий Из ничего. Он утешитель и надежда В людской судьбе. К нему приходишь неизбежно. Он — путь к себе.

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Поэту дорого сочувствие людей И слову отозвавшееся сердце. И радостью и мукою своей Оно дает ему согреться Теплом, что он кого-то одарил, Отдав, быть может, слишком дорогое. А, может быть, кого-то укорил Печалью одинокого изгоя.

* * *

Где вы, ушедшие кумиры?..
Перед любовью никните от страха.
У ног моих лежит полмира,
А вы остались горсткой праха!

Игорь Боронин (г. Тула)

КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЕ

Сколько раз себе я клялся, Что стихов писать не буду! Но за рифмой вновь гонялся И искал ее повсюду.

Рифмы! Словно наважденье! Столько лет кружат во мне. И, наверно, преступленье — Жечь их в пламенном огне.

За окном стена из снега, И опять в душе томление... РИФМЫ, словно хлопья с неба, Вводят в КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЕ.

ЗОЛОТЫЕ ПЯТАКИ НА АСФАЛЬТЕ

Золотые пятаки на асфальте — Поздней осени подаяние, Словно щедрый купец на паперти, Разбросал в знак покаяния.

Но деньгами не откупишься, Дождь и ветер все злато сметет. Срок придет, и опять очутишься Там, где злая метель поет.

Где мороз до костей пробирает, За грехи ниспослав наказания, Снегом белым всю грязь закрывает, В знак принятия покаяния.

Череда, нам природой данная: Мысль, поступок, потом раскаяние, Как весна, потом лето желанное, Слезы осени, пурги завывание.

Удержать сладкий миг как? Скажи мне! Бесполезно пропить: «Подайте!» Свой черед у природы и жизни... Золотые пятаки на асфальте.

BECHA

Опять весна ворвалась чрез ненастье И вместе с солнцем и теплом Вновь подарила ощущенье счастья, Которое уж ходит за окном.

Дел нерешенных остается ворох, Проблемы жизни, просто суета. Но в воздухе звучит чуть слышный шорох — То легкой поступью вернулась Красота.

И краски грязные меняются неспешно, На смену им приходит разноцветье дней. Да и в душе, застуженной и грешной, Растаять лед торопится скорей.

И шубы-рясы на женщинах пропали, Коротким юбкам место уступив, А ножки каблучками по асфальту застучали, И музыкой весны в ушах звучит мотив.

Хочу, чтобы с зимой ушли невзгоды И снова ярко захотелось жить, В душе исчезла непогода, Чтоб все могли смеяться и любить!

ЭТО КОМУ-ТО НАДО?

«Если на небе зажигаются звезды, Это значит кому-то надо», Просто необходимо, чтобы Свет лился звездного взгляда.

Вечной загадкой к себе манят, Сквозь пустоты безбрежность. Светят, зовут, счастье сулят, В душу вселяя надежду.

Но ведь горели они и пылали, Многие сотни веков. Раньше живущим надежду вселяли, Часто лишая их снов.

Мы, как они, обращаемся к небу: «Где ты, моя звезда?» Но отдаем предпочтение хлебу, Нужен ведь он всегда.

А звезды мерцают холодным светом, Через парсеки свет льется, Нищим, богатым, влюбленным, поэтам, Поровну всем достается.

Даже по звездам люди гадают, Смысл находя в звезд соцветии... Но человек срок прожив, умирает... Звезды другим уже светят.

Звезды холодные, звезды бескрайние, Души наши влечете И маячками своими сигнальными Сквозь пустоту зовете.

Так для чего зажигаются звезды? Кому это все-таки надо? Пустые, холодные, глупые грезы — Этот свет звездного взгляда!

ТУЛА

Башни кремлевские, стены точеные — В них моей Родины слезы соленые. Крепко стоишь ты, хоть долюшка гнула, Не про Москву это, в сердце лишь Тула.

Орды Мамая на плесах Непрядвы, Все ж не сумев поломать русской правды, Воинов павших своих оставляли, Копья сложив, на восток убегали.

С запада ветер фашисткой чумою. И снова Тула закрыла собою Сердце России, которой нет краше, Все то, что дорого — Родину нашу.

Земли под Тулой пропитаны кровью, Речки, озера наполнены болью. Чтобы Россия свободно жила, Тула всегда в ополчении была.

Тула сражалась, Тула ковала, Боеготовность страны создавала, Пряники сладкие Тула лепила, Чай с самовара пузатого пила.

Видел красоты на Сахалине, Много проехал, бывал и в Берлине. Только обратно к себе все тянула Золотоглавая старая Тула.

Владимир Родионов

(г. Узловая)

РОДНЫЕ ДАЛИ

1

Необъятна из окошка Хлябь Российская и твердь, Вот прогнулся дикой кошкой Перелесок, чтоб лететь

Нам навстречу, с косогора. А за ним, внизу, смотри: Из тумана выплыл город И его монастыри.

Тормозим и вылезаем, А в сознанье пронеслось: «Что давно ты не хозяин, А сегодня и не гость

Этим дедовым просторам И отцовским берегам». И не ясно: хорошо нам Или плохо стало нам.

Что нас выгнало из дома: Холод, голод, не уют? Край знакомо — незнакомый Малой Родиной зовут.

2

Побреду тропой заросшею, Встречу во поле ручей, Где нашупывал подошвою В перекатах пескарей.

И нанизывал на нитку — Мимо жабер спичку в рот,

Как серебряные слитки Чешуи коловорот.

А с полей необозримых, Как хозяин, а не вор, Суслик свистом торопливым Слал нам, видимо, укор.

Просквозило безвозвратно Временное полотно, И другие пацанята Крутят старое кино.

Ну, а нас: седых и лысых, Бородатых, без бород Память девочкой капризной Снова в прошлое ведет.

* * *

Повалил с березы лист — Золотые пятна, Просыпайся, шевелись — Ждут в лесу опята!

В дизель-поезде пустом В чудаки запишут: «Иней белым языком Давно травы лижет».

Грибники ж такой народ, Движимый азартом, Чуют: водят хоровод Поздние опята.

Просквозив холодный бор, Обогнув болотце, Выбегают на бугор — Там солнышко пасется.

Елки – палки: лес пустой, Ну, а тут — бугрище Весь от шляпок золотой, Поехали! Поищем!

* * *

Химия, химия! Ты ж нахимичила, Что обезрыбел ручей. Нас, ребятишек, здесь мучил обычно Клев сорванцов — пескарей. Мы ж, начитавшись, прикормки заранее В несколько дней провели, Но помахав нам хвостом «до свидания», Мчались, как тень, голавли.

Пахло с полей и навозом, и хлебом, (Запахи эти и ныне люблю). В чистой воде отраженное небо Нам обещало по журавлю.

Любовка, Любовка-речка-ручей, С ряской, с приколотой лилией, Съели твоих голавлей, пескарей Канализация с химией.

Мимо проходим — воротим носы, Прячем глаза от вонючей утробины. Некому больше спугнуть стрекозы В малой речонке моей малой Родины. Тульщина. Любовка, речка-ручей...

* * *

Третий день второй недели февраля, Почернели руки-ноги у враля.

Он метели с завирухою сулил. Не хватило у бедняги, видно, сил.

От испарины промок он и продрог. Маловато на дороге пары ног.

Месим крошева скрипучего слюду. Расползаемся коровою на льду,

И ругаем бестолкового враля — Третий день второй недели февраля.

ТВОИ УСТАЛЫЕ ГЛАЗА

И боль уже ушла, и гнев уже иссяк, Обида умерла — не дуйте губы. И мирит нас пустяк, и ссорит нас пустяк, И скалит нам вослед гнилые губы.

А мы-то, чудаки, не ведаем о том, Пока с тобой твой ангел и хранитель, Что ты всего лишь шут в домашнем шапито, Ну а она — единственный твой зритель.

Что молодость прошла – заметим невзначай, Когда уже процесс необратимый Влил ясный холодок и терпкую печаль В усталые глаза твоей любимой.

Анатолий Миронов (г. Щекино)

ОЙ, СТОРОНКА ТЫ РОДНАЯ

* * *

Ой, сторонка ты родная, Утро юности моей! Для меня на свете края Нет дороже и милей. Светло-синий бор сосновый, Мой привет тебе, привет!

Мы идем вдвоем... и снова Мне как будто двадцать лет. Всюду птичьи перезвоны: И вблизи и вдалеке. Пой, Люби, Дыши озоном И барахтайся в Оке. Только солнце заискрится Утром в росах на лугу, А туристам уж не спится: Все — на окском берегу. Погляди: и солнце радо, Что вокруг любовь и май, Что оно лучистым взглядом Озаряет этот край. Мой любимый край сосновый Счастья моего рассвет,

и снова Мне как будто двадцать лет.

я поеду

Я опять с тобой...

Я поеду скоро, скоро В дорогой мой край родной Подышать сосновым бором Над красавицей Окой. Поклониться одинокой Старой липе у плетня. Край мой юности далекой Вечно — в сердце у меня. Навещу друзей хороших, Пообщаюсь без затей. Что на свете есть дороже С детства преданных друзей?! Разных всех своей судьбою, Но сплоченных, как семья. И, как будто степь весною, Расцветет душа моя. Сядем на траве у дома. На кого я ни взгляну — В каждой голове знакомой Я увижу седину. Но ведь седина — не старость И не жизненный закат. Сердце б молодым осталось, Не погас бы только взгляд. Счастьем были бы согреты И родные, и друзья. В этом — мудрость жизни. В этом. В этом — радость бытия.

У МОГИЛЫ ТОЛСТОГО

В «Заказе» старом, у оврага — Ни памятника, ни креста. В большом раздумье,

тихим шагом

Я в эти прихожу места. Секреты счастья здесь когда-то Мальчишкою искал Толстой. Теперь деревья в два обхвата Хранят земной его покой. С родной природою своею Остался он наедине. Молчит тенистая аллея, Застывши в тихом полусне. Но лишь начнется день рабочий — И вот он вновь людской поток. Любому хочется воочью Увидеть этот уголок. Министру, слесарю, портному,— Известен всем сюда маршрут. С утра до вечера к Толстому И все идут, и все идут.., Чтоб поклониться мудрой силе,

Титану слова всех времен. Сюда не только вся Россия— Весь мир приходит на поклон.

ЗДРАВСТВУЙ!

Вот и снова, снова лето. Я приветствую зарю. «Здравствуй!» — говорю рассвету. «Здравствуй!» — солнцу говорю. Я стою на перекрестке У бегущего ручья: «Здравствуйте, мои березки, Мои добрые друзья!» «Погляди-ка, погляди-ка,— Мое сердце мне твердит,— Как пунцовая гвоздика Пятнами в траве горит!» Лучшие свои подарки Дарит мне зеленый луг: Тысячи ромашек ярких, Тысячи своих подруг. Мне дороже год от года Речки, рощи и поля. Здравствуй, жизнь моя — природа. Здравствуй, Небо и Земля!

* * *

Когда влюблен, то по-иному Ты ощущаешь все вокруг: И тропку к берегу крутому, И весь в цветах зеленый луг-И все готов ты взять в объятья, Во всем достигнуть высоты. И свет любви и благодати Так остро ощущаешь ты. Сирень, душистая и свежая, Нам посылает свой привет. А ты, мой друг, такая ж нежная, Как и сиреневый букет. Твой облик и простой и милый. Улыбка на твоих устах. Откуда же такая сила В твоих лазоревых глазах? Она меня пьянит и манит, Пьянит и манит разум мой. И я, как будто бы в тумане, Иду повсюду за тобой.

Геннадий Ошурков (г. Новомосковск)

начало войны

Ночью небо кололось на части, А к утру прохудилось дождем — Видно, знало, что мы, словно счастья, Животворного дождика ждем.

А в деревне в такую погоду, Когда в поле ногой не ступить, Носят в кадки студеную воду И торопятся бани топить...

Я вязанку сосновых дровишек Вынес в сетку грибного дождя. Из конторы отец — вижу — вышел И маячит, чтоб я подождал.

Будто тонну, согнувшись, тащил он, И смятенье плескало из глаз.
— Из района, сынок, сообщили: Ночью немцы напали на нас.

Ты ступай-ка, согрей мне водицы Да скорее пришли сюда мать. Через пару часов нам явиться Всем приказано в военкомат...

Женским плачем уже голосила Деревушка. Не знала она, Велика ль посягнувшая сила, Но жестока любая война.

Свежих веток на мокрой березе Я на веник отцу наломал, А что день этот очень серьезен, Я, по малости, не понимал.

«...Мы развеем вражеские тучи, Разметем преграды на пути, И врагу от смерти неминучей, От своей могилы не уйти...»

Я горланил эту песню, глядя Как ползет из бани сизый дым. Я не знал, что немцы топчут «пяди», Те, которых мы «не отдадим».

СТАРЫЙ ДОМ

Мой старый дом, куда успел ты деться? Кто память о тебе похоронил? А я-то думал, что картины детства Ты для меня навеки сохранил.

Вот здесь глядело узкое окошко, За ним была железная кровать, С работы тяжкой тесною дорожкой Я приходил исправно ночевать.

Мы каждый вечер здесь трудились рьяно До мига угасания зари — Казнили злые полчища бурьяна И превращали в клумбы пустыри;

Мы мастерили во дворе скворешни, Мы пели под гармошку за столом. Тогда казалось: дом наш будет вечным И в старости расскажет о былом.

Но я пришел уже к другому дому, Громаден он — столичному под стать, Его-то крышу пацану любому Уж никакою палкой не достать.

И нет стола, и нету той дорожки, Что мы мостили битым кирпичом; И нету Петьки с Тульскою гармошкой, Висящей неизменно за плечом.

Я шляпу снял, стою как на погосте, И по щеке торопится слеза. А новый дом, не приглашая в гости, Надменно пялит на меня глаза.

* * *

Он черным был, тот ломтик хлеба, Лепился глиной на зубах, Но запах от него — до неба! Весь мир, казалось, им пропах.

Буханку сам директор резал, Ломти укладывал в лоток. Нам даже вид того железа Выдавливал слюны глоток.

Издалека, от поворота Он долго двигался до нас. Завороженно, полорото Глядел на хлеб притихший класс.

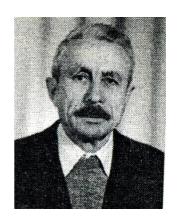
Дежурный шел между рядами, Как строгий ротный старшина, И хлебным запахом над нами Висела в классе тишина.

Назад пустой, без хлебной горки Лоток дежурный уносил. И даже всем желанной корки Никто ни разу не спросил.

А если кто-то по болезни В постель домашнюю залег, По школьным правилам железным Ему домой несли паек...

Испили мы полыни горькой. Уж близок вечности причал, Но ломтика из этой горки Я слаще в жизни не встречал.

Иван Прасолов (г. Щекино)

У МОГИЛЫ ОТЦА

Это место давно Я искал *без* конца, А теперь вот стою У могилы отца.

Чувство скорби излить Мне никто не мешал, Только ветер листвой Потихоньку шуршал.

Смертью храбрых он пал В рукопашном бою И лежит с той поры В сталинградском краю.

Много раз говорю Я спасибо тому, Кто цветы приносил На могилу к нему.

Кто приходит сюда Память павших почтить, Кто труда не жалел Деревца посадить...

Легче каменный свод На плечах удержать, Чем сыновью слезу В это время сдержать.

С горькой думой своей Я к могиле припал И что думал сказать — Все отцу я сказал.

* * *

Ведь вот как в жизни водится, Ведь вот что значит жизнь: Гора с горой не сходится, А мы с тобой сошлись.

Запомнилось событие, Когда я совершил Счастливое открытие Бесхитростной души.

Во мне, Твое сиятельство, Разгорячило кровь, И в этом обстоятельстве Прихлынула любовь...

Ах, красота душевная! Для всех она нужна, Как музыка напевная, Как солнце, как весна.

Ведь вот как в жизни водится, Ведь вот что значит жизнь: Гора с горой не сходится, А мы с тобой сошлись.

* * *

Пережито в прошлом, ох как много! Трудно знать, Что дальше жизнь сулит. Но не потерял я веру в Бога, Верую, как сердце мне велит.

Вера эта С детства в наши души С материнским молоком влилась, И ее в нас не могла нарушить Даже сверхкарающая власть!

* * *

Мы все надеемся на Бога. Наверно, так должно и быть. Но Бог один, а нас ведь много Легко ль ему всех ублажить?

Бог создал душу, создал тело — На свете, радуясь, живи. Как жить? — Твое уж это дело!.. Душою только не криви.

* * *

Все кажется мне — жив родитель мой, О смерти его мысль я не приемлю. Я думаю: отброшен он волной На ту необитаемую землю,

Где ни луна, ни солнце не встают, Где хороводы девушки не водят... Домой оттуда письма не идут И поезда оттуда не приходят.

Отцом и восхищаясь, и гордясь, Всю жизнь фашистов проклиная гневно, Держу с ним через сердце свое связь С сорок второго года неизменно.

* * *

Я из детства ушел втихомолку, Не отбыв в нем положенный срок: Пас буренок, плел чуни, кошелки Зарабатывал хлеба кусок.

Мастерил и другие я штуки, И рыбачил, и плотничал, и, Взяв снабженье едой в свои руки, Заменял я кормильца семьи.

Надо выжить во что бы ни стало, Все увидеть, что ждет впереди... И мы выжили мало-помалу, И себя все сумели найти!

дитя природы

Возле речки, Возле брода Дни и ночи напролет Родничок, дитя природы, Колокольчиками бьет.

Перед ним, придя с покоса, На коленях я стою: Отдышусь и снова пью, А душа все просит, просит.

Пью взахлеб я, с наслажденьем И в созвучиях ключей Слышу, чувствую биенье Сердца Родины моей!

Владимир Завещевский (г. Алексин)

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

1

Поэзии нетленная строка,— как исповедь, бывает, не легка: то выглядит тяжелою подчас и правдой метит — да не в бровь, а в глаз!

То вдруг бежит весенним ручейком по камням-буквам, что стоят рядком, и копит силы для пера поэта, играя словом, как потоком света,

что льется к нам с заоблачных вершин. Прекрасна осень в пламени рябин! Поэзия, как эхо издалека,— нас радует, звуча строкою Блока.

К столу поманит музой вдохновенной, спасая нас от муки повседневной!

2

Спасая нас от муки повседневной, любви большой не требуя взамен, перо одарит темой злободневной поэзия в эпоху перемен.

Эпоха перемен одних лишь губит, бросая на пожарище страстей. Иных она и балует, и любит, их имена в колонках новостей.

Что жизнь? Игра! Как это нам знакомо! Об этом счастье в картах говорит. Все сказанное выше так весомо! Кто жаждет совершенства,— тот творит!

С восхода солнца до заката дня, чтоб быть всегда хранителем огня!

Чтоб быть всегда хранителем огня, и слушать песни в зыбкой колыбели, работать будет время на меня, закручивая в жгут тугой недели.

Мы, как всегда, у времени в долгу и нам его порою не хватает. Звук метронома — время наше тает. Свои часы догнать я не могу.

Когда нальются зрелостью года, приблизив к цели финишную ленту,— откроются небесные врата, и хор озвучит естество момента!

От колыбели будущим годам я жизнь свою по капельке отдам!

4

Я жизнь свою по капельке отдам любви, надежде, творчеству, познанью. Друзья приходят в дом по вечерам, а вдохновенье — самой синей ранью!

Очнусь от сна — « Зачем в такую рань, спрошу, тревожишь вольного поэта?», ответит, кротко улыбнувшись,— «Встань! С утра за дело – верная примета

того, что день начнется хорошо: в согласье с музой, в творческом горенье, и не гонись, как те, за барышом, кто, как блины, печет стихотворения».

Я помню, бегал в детстве голышом, раскрыв глаза на мир от удивленья.

5

Раскрыв глаза на мир от удивленья, хочу и не могу я отделить любовь и страсть, измены, увлеченья от жгучего желания творить.

Для нас незримо времени теченье. Загадок много в таинстве миров. Открыта дверь в иное измеренье. Что он скрывал — мистический покров?

Прохладою пустующего зала мне не согреть запястья ваших рук. Перебираю клавиши устало, а вместо звука — только сердца стук.

Святые лики в пламени свечей,— таятся слезы в глубине очей.

6

Таятся слезы в глубине очей. Подлунный мир — все тоже поле брани. Кровавый серп на лезвии мечей. Мишенью — сердце у последней грани.

Зарока путь ведет издалека, я пилигрим и, как фата-моргана, далекий факел — свет от маяка, поющий ветер — как труба органа.

Объяты сном неблизкие холмы, бунтарь ступил на берег океана. Далекий свет от утренней звезды из века в век слывет душой романа.

Безумец гордый, взбалмошный юнец — путеводитель в глубину сердец,

7

Путеводитель в глубину сердец — что ты за книга, кто тебя листает? Супружник статный, — бывший молодец, камелия, что о любви мечтает?

Прослыть повесой в мире мудрено, коль ты рядишься в белые одежды. Не уставая, вьет веретено из тонкой пряжи чью-то нить надежды.

Пою осанну свету и любви. Быть птицей вольной юноша мечтает. Огонь в глазах, адреналин в крови к любви готовность миру предвещает.

В земных пределах множатся нови,— Прибежище соткал я из любви.

8

Прибежище соткал я из любви, из радости, надежды и печали...

Призывно в небе журавли кричали и мы венчались в «Храме-на-крови».

И ночь венчалась белая с зарей, и млечный путь дробился на осколки, и не тянуло нас идти домой, где по углам таились недомолвки.

Напропалую жить хотелось нам, летать и петь, легко, по вдохновенью, как легким и пушистым облакам над нами плыть по ветра повеленью.

Моей любви к тебе предела нет. Вот и восьмой закончился сонет.

9

Вот и восьмой закончился сонет. Пора не в шутку браться за девятый. Строка к строке, закончу — спору нет, а там, глядишь, возьмусь и за десятый!

За дело принимаюсь сгоряча, надежда есть на творческие силы. Пока горит во мне Его свеча, не сохнут вечного пера чернила.

Писать сонеты — дерзкая мечта: нет искушенья больше для поэта! Но чтоб не докучала маята, у нас в запасе винная диета.

Рука невольно тянется к винцу, благое дело близится к концу!

10

Благое дело близится к концу. Уже асфальт весь изрисован мелом, и тень улыбки школьницам к лицу, когда весна в своем убранстве белом

в наш город входит, как невеста в дом, сметая на пути своем преграды. Ее встречает гулом канонады тот самый первый долгожданный гром.

Его раскаты падают на крыши, предвестниками быстрых майских гроз. Вся молодь парка первым ливнем дышит, сгустились краски в зелени берез.

Где первый гром, где первая сирень? За дальней далью тот весенний день.

11

За дальней далью тот весенний день, где мы сошлись, забывшись до рассвета. Опять на солнце набегает тень, опять раскаты грома слышу где-то.

Наш город по утрам невинно чист, пронизанный балтийским ветрами. Вот юноша — примерный гимназист, наполненный премудрости дарами,

спешит из класса выскочить на двор где завсегда бывают перекуры, где пацанам, затеяв разговор, обронит кто-то про девчат — «Вот дуры!»

По юности беспутные года, никто вас не забудет никогда!

12

Никто вас не забудет никогда, не воскресит за давностью былого. Неудержимые летят года,— для каждого свой жребий уготован.

Который год большой раздор в стране. Россия, не увязни на распутье! Я письма шлю, звоню своей родне: народ шумит, не далеко до смуты!

Униженный, подвыпивший с утра, не скоморох (ему не до оваций), но в нем еще пока дрожит струна, не приведи Господь, ей оборваться.

А в книге судеб, все уж решено, к нам новый день врывается в окно.

13

К нам новый день врывается в окно с извечной для себя неразберихой. За кадром кадр — рождается кино, Простой сюжет закручивая лихо!

Оркестра медь слышна издалека. Людской поток плывет по Миллионной.

У режиссеров твердая рука,— кумач цветет призывно над колонной.

С трибун навстречу речи без конца. Один герой спешит сменить другого. Победы жаждут! Царского венца! За кадром голос: — «Снято стопудово!»

Я завершить сонет хочу словами: Порою жизнь,— не мы, играет с нами.

14

Порою жизнь, не мы, играет с нами, подталкивая к финишной прямой. Но, не приемля сущности иной, мы на могилах оставляем камни.

Своим друзьям, оплаканным давно, кладем цветы на братские могилы. Под ветром и дождем не суждено им вновь поверить в собственные силы.

Замерзло эхо моих строк. Молчите! Нет истины и там,— на дне бокала. Я знаю, ты ее во мне искала. О, женщина, богиня, Нефертити!

Бег красного коня — огонь пожара, как солнце, раскаленное в зените!

15

Как солнце, раскаленное в зените, сгорает сердце в пламени любви. Надеюсь, что меня вы извините,— я не принес вам клятвы на крови.

Спустилась ночь и зеркало луны повисло над кровавым горизонтом. Глаза ночными страхами полны, стреножен конь души под звездным зонтом.

Так в чем мы обманулись? Где и как? Я память ворошу на склоне лета. Намек ищу? Подсказку? Тайный знак из пятой книги Ветхого завета?

В свидетели нам полночь позови, Но только душу больше не трави.

Лариса Истомина (г. Тула)

ДОРОГА — АБСТРАКТНОЕ СЛОВО

Лариса Борисовна Истомина родилась 10 сентября 1940 г. в г. Тула, по образованию — врач и юрист. Из 45 лет трудовой деятельности 30 лет посвятила себя педагогике и науке, доктор медицинских наук, профессор, автор более 200 научных трудов, Заслуженный работник высшей школы. Стихи начала писать в 33 года. Выпустила два сборника стихов: «Зеленая книга или Непричесанные стихи» (2000 г.) и «Лебединое озеро» (2005 г.). Оба сборника иллюстрированы собственными рисунками. Готовит к выпуску новый сборник.

Дорога — абстрактное слово, В дороге все думы смелей. Березовый край или кленовый, Иль стайка подросших елей.

Кусты, разноцветные травы По краю дороги стоят, И дальние виды дубравы Тропинкой лесною манят.

В простор окунуться душою, Подумать о бренности лет, Небесные дали раскроют, Где алый занялся рассвет.

И если нам снова в дорогу Дорогою жизни идти, С собой забери понемногу Тепла, доброты и любви.

И память о людях хороших, О друге, что рядом идет, О дождике или пороше, О птице, что песню поет.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Как люблю я бессонные ночи, Шорох листьев за милым окном.

В эти ночи мечтается очень О грядущем и счастье былом.

А мечты, словно юности птицы, Надо мною поют и летят, Ведь такого во сне не приснится — Целый ряд лебедей, лебедят.

Кто так строго детей опекает? Кто сошьет оперенья наряд? Только старшие лебеди знают. Лебедятам не надобен сад.

Им — просторы речные, озера, Камыши, ну и водная даль, Да уйти от беды и позора, И чтоб не было жизни им жаль.

Пусть гортанная чудная песня Над волною послышится вдруг, А в груди станет сладко и тесно, И счастливый очертится круг.

Меня многое тянет порою К белым птицам любви — лебедям. Я на озере домик построю, И служить буду долго я вам.

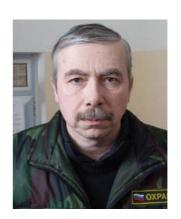
Ведь, наверно, недаром в народе Лебединым зовут верхний пруд. Лебедей черной, белой породы Собралось их немерено тут.

Нас волна вместе с вами качает, Наступает любви моей день. Ночь в своей тишине отступает, И уходит ненужная тень.

Как люблю я бессонные ночи — Время лучших раздумий и грез. И смеяться душа моя хочет, Жить счастливо без страха и слез.

യ്യാരുയ

Владимир Резцов (г. Тула)

УЧИТЕЛЬСКАЯ ДОЛЯ

Памяти деда — Василия Ивановича Резцова

Дед учителем служил В пору давнюю. Сытно жил и не тужил (Ну-ка, сравнивай!).

И ходил в мундире он, Всем одаренный: Не был лаской обделен Государевой.

...Пронеслось немало лет (Что ж, случается!). Государя больше нет. Все меняется.

Дед для внука — лучший друг. В дружбе с логикой Обручился юный внук С педагогикой.

А потом — всю жизнь отдал Малым детушкам, Верным рыцарем их стал, Как и дедушка.

...Стала бурою трава. Власть сменилася. И у внука голова Убелилася.

Он теперь, как дед, такой: Он портрет его. И пора бы на покой, Только нет его. Где — «Учителю почет!»?! Полно вздор молоть! Погляди, как он живет: Трудно, впроголодь.

Рассудил инако Бог: Вместо пряника — Дослужился педагог До охранника.

Обустроилось *жулье* Нынче здорово. Охраняет внук жилье Жирных боровов.

Похваляются они: «Где вам, глупым-то?..» Это внуки той свиньи, Что под дубом-то!

Горе с Русскою Землей: Как ни тужиться, Не медведем, а свиньей Дуб обрушится...

Как бы это возвернуть Время оное, Чтоб листвою мог тряхнуть Дуб зеленою,

Чтобы снова, как могли В годы прежние, Побежали-потекли Воды вешние?..

Будет стол, пожатье рук И беседушка. Скажет внуку новый внук: «Милый дедушка!..»

લ્લા

Владимир Сапожников (г. Тула)

РАЗВЕРНУВ ПРОСТОРЫ ВСЕЛЕННОЙ

Памяти первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина

Разверзнув просторы Вселенной, Взорвав, надломив высоту, Он вырвался в космос мгновенно, Он первым узрел красоту Планеты родной и далекой... Не дрогнул, когда отказал Металл от нагрузки высокой — Вручную корабль приземлял! Родился в смоленской деревне, В войну знал фашистов живьем... Он был из того поколенья, Которого уж не вернем... И ахнул весь мир в изумленьи, Увидев в улыбке азарт! Гагарин — космический гений, Позвавший Россию на старт! Промчатся года и столетья... Другие уносятся в даль... Но помним триумфа мгновенья, И скорой потери печаль...

* * *

Хлынуло бабье лето Сполохом жухлой травы, Очарованьем света, Шелестом желтой листвы, Этой твоей улыбкой С пеплом костра в глазах, Радостью и печалью В ласковых тех словах, Что прозвучали тихо, С нежных скользнули губ... Над золотой березкой Грустно склонился дуб... * * *

Поезд, получается, ушел... Одинокий стыну на перроне... Ты умчалась в грохоте колес В том далеком от меня вагоне...

Догоню!!! Машину завожу, Мчусь вослед по трассе, нарушая... Жму на газ — любого обгоню, Вдруг, успею... Милая, родная...

* * *

Соединилось семя с яйцеклеткой — И получился новый человек... Каким он будет? Да никто не знает — И даже те, кто мыслит лучше всех...

Что вырастет из этого союза? Ученый или полный примитив? Не угадаешь... Просто, как на счастье На берег жемчуг вынесет прилив.

А может — это будущий убийца?! Или художник, близкий к божеству... Как ляжет карта... И мелькают лица Что звезды небосвода к Рождеству...

ГРЕЗЫ ДЕТСТВА

Серебрится синь заснеженного леса, И дорога тайной вглубь заманит нас... Сумерки нежданно не имеют веса, И одна минута тянется, как час...

И храпит лошадка под дугой устало, Сбить с копыт пытаясь затвердевший снег... И скрипят полозья санок неустанно, Мы куда-то едим, далеко от всех!

И лежим в соломе, где тепло и сонно, Всласть вдыхаем воздух чистый, как мороз, Растворясь в пространстве русском и огромном, В дивной зимней сказке наших детских грез...

* * *

Рецептов жизни не бывает... Судьба – как отблеск на стекле Того светила, что встречает Нас каждым утром на Земле... И мы не знаем, что случится С любым из нас... И каждый миг В стекла осколки разлетится Или сорвется в чей-то крик!

Или застынет, как проклятье, На сотни или больше лет... Давайте вспомним — все мы братья! И... сестры — и на много лет!

ઉજ્ઞાભ્યજ્ઞ

Александр Хадарцев (г. Тула)

HE TO!

Я многого не досказал о том, что невзначай увидел. Не с тем дружил. Не то искал. Не так шутил. Не тех обидел.

И сам я, вроде бы не тот, каким меня узреть хотели. Блуждал в предчувствии высот, но не достиг неясной цели.

Притягивала цель-магнит, но тут — случайность, там — случайность... Дорога-вектор вкривь пылит, и, вместо цели, обычайность...

Все, как всегда! Ну, не совсем, а где-то в новом измеренье, в котором стало ясно всем, что это — просто отраженье.

Как будто в зеркале кривом искажена структура цели! Я, как система, не при чем! Но будущее — на прицеле!

пить иль не пить?

Любить хмельное? Ерунда! Но почему, скажи на милость, вдруг наступает иногда души прекрасная «текилость»? То колдовской «коньячит» свет? То, вдруг, в висках «вискокруженье»? То водки ледяной совет?

То пива пенного броженье? То, вдруг, нежданностью полно, сухое терпкое вино? Пускай меня за тыщи лье французский слышит сомелье! Скажу ему: «Пардон, старик! Я нюхать пробки не привык! Ведь в выпивке друзей участье простое нам приносит счастье!» Пусть говорят: «Хмельное — вред! Циррозит печень и мышленье...» От стрессов средства лучше — нет! Оно нам дарит вдохновенье! И то, что я сейчас не пью уступка хилому здоровью. Потом — стакан ему налью, хоть без закуски, но с любовью! Ведь даже, если воду пить, то меру — соблюдать пристало! И без хмельного можно жить! Но как-то вдруг скучнее стало!

неуч

Я себя ученым не считаю! Даже проникая в суть вещей спотыкаюсь, мучаюсь, страдаю, и «тащусь» от щавелевых щей! А решать: «Науки — не науки...» оставляю тем, кто в них погряз! Авторучки, автоматоруки пусть напишут правильно про нас! Что, мол, были! Значит, ели, пили: воду, водку, соки, кислый квас. Хвастались, прощали и любили, не сгибаясь в самый трудный час! Многое чего мы написали, мир фрактальный думая понять! Правда, ненадежные скрижали память нам сумела завещать! Но и все же — жили вдохновенно: ошибаясь, веря и трудясь! Вытащив из хаоса мгновенья — Чистоту не втаптывали в грязь! А само понятие — ученость — Есть ученье сути бытия. Познавая жизненнокрученность, Неучем считаю я себя!

COH

В небе, луной закопченном, звездный колышется рой... Строгая женщина в черном ночью приходит за мной.

Двери она открывает в сон, не придуманный мой... С плеч покрывало срывает, в темень уйдя с головой...

Каркнула где-то ворона... Филин, рыдая, вздохнул... Струны надежды затронул города дальнего гул...

В пламени свеч закипела времени злая струя... Вот уже — женщина в белом, словно удача моя!

Ветер взвевает прохладу, солнечный лечит ожог... Милая! Что тебе надо в этом пространстве тревог?

Мысли — то в черном, то в белом, то — наяву, то — во сне... Мысли — не словом, а делом — ночью приходят ко мне...

Овеществляя былое, завтрашний строю рассвет! В том, что не будет покоя, даже сомнения — нет!

В небе, луной закопченном, дрогнула звездность струны. Женщина в белом... и черном — символ грядущей весны!

68806880

Олег Пантюхин (г. Щекино)

ВЕТЕРАНЫ ВОЙНЫ

Век сменился, и уже года Заставляют чаще и упорней Принимать лекарства иногда, По ночам не спать в тиши безмолвной.

Много минуло с военной той поры Мирных непростых десятилетий. Вот уже и внуки подросли, Незаметно постарели дети.

Все же, сколько лет бы ни прошло, Память их хранит, как кинолента Кадр за кадром жизни на войне С самого начала в сорок первом, летом.

Как совсем безусые юнцы Против танков шли открытой грудью, Как простые русские бойцы За победу отдавали свои судьбы.

И победа все-таки пришла. Не было в тот день известия прекраснее на свете. И весной сирень для них цвела, Радовались жены их и дети.

Как безжалостны песочные часы, Время мчит вперед неумолимо. Как сверкают капли утренней росы На рассвете вами заработанного мира.

Но на встречу Праздника Победы С каждым годом меньше вас приходит. Наши дорогие и прославленные деды, Подождите, с вами ведь от нас история уходит. А сегодня вновь они шагают по стране, На мундирах ярко светят звезды. Расспросите, люди, ветеранов о войне, Расспросите, ведь еще не поздно...

ВСПОМИНАЙТЕ ЛЮБИМЫХ

Не теряйте любимых,
В вашем сердце пускай остаются они.
Не прощайтесь с любимыми,
Говорите им только: «До встречи!»
Вспоминайте любимых, когда вы в разлуке одни,
Летним утром и в зимний неласковый вечер.
Отдавайте себя им, взамен не беря ничего,
Подарите им счастье и нежность свою подарите.
Все прощайте, ведь любовь ваша выше всего,
А о том, что вы любите — вслух говорите.
Вспоминайте любимых!
Они рядом всегда — в ваших мыслях, душе,
В вашем любящем сердце.
И тогда лишь, поверьте, километры, года
Вмиг не станут преградой, чтоб нам с ними встретиться.

* * *

Глоток весны...Так хочется его! Он где-то задержался по дороге. И с холодом покончено давно, Ведь у зимы закончились все сроки.

И дни длиннее стали, свет даря. И душам не дано бродить в потемках. Они не существуют, не любя, И разбиваются на мелкие осколки.

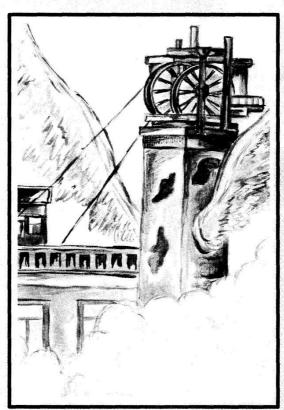
Всем нам немного света, хоть чуть-чуть, Так не хватает после зимней стужи. Планета снова к солнцу держит путь, Чтоб воскресить израненные души...

യതയെ

О, Русь, взмахни крылами!... Сергей Есенин

MOCFACC

Литературно-краеведческий народный журнал

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Русский поэт и художник Юрий Васильевич Карельский родился в 1958 году на севере России в Архангельской Области на станции Емца. Детство и юность его прошли в центре России, в поселке Гипсовый Тульской области, Новомосковского района. Сильную тягу к рисованию почувствовал очень, очень рано. С шести лет начал заниматься в кружках ИЗО, поражая преподавателей своими рисунками, этюдами пейзажей неброской, тихой красоты русской природы.

Пейзаж — не возможно создать равнодушной кистью. Даже в самом скромном этюде Юрия Васильевича, чувствуется искра творческого волнения, того живого изучения окружающей нас природы, которыми отмечены работы лучших живописцев.

Стихи Карельского, в жанре японской поэзии хокку— изумительно красивы. Свободны в изложении и необыкновенно просты.

Валерий Кручинин-Русич (г. Сокольники)

РУСАНОВКА

Ю. Карельскому посвящается...

Если кто талантлив по настоящему, то он талантлив во всем. «Кто первым сказал это, наверняка сам был человеком незаурядным. Как удачно подмечено»,— всегда думал я, когда кто-нибудь в разговоре произносил эту, уже ставшей цитатой фразу. Кем-то выведенное правило, так и осталось бы навсегда для меня крылатым выражением, если бы не случайная встреча с одним фантастически одаренным человеком.

Прошлым летом решил я объехать места, откуда пошел мой род по отцовской линии. В начале тридцатых годов прошлого века, в деревушке, с дорогим моему сердцу названием Русановка, что пятьсот лет стоит на границе Рязанской и Тульской губерний, жила большая, русская семья. У моего деда, Сергея Михайловича К.., родилось семь сыновей и четыре дочери. К тому времени трое старших были уже женаты и жили с семьями в своих домах, но хозяйство вели общее с отцом. Работников никогда не нанимали. Трудились сами от зари до зари. Считались в деревне хозяевами справными, зажиточными. Когда образовался колхоз, дед мой, с сыновьями, в него вступать не стал. Но и единоличниками пробыли не долго. В 1935 году власть

поставила им ультиматум. Или в колхоз со всем имуществом и инвентарем, или с семьями в Сибирь. Дед был человеком умным и решительным. Спорить не стал. Что смог продать, продал. Дал взятку председателю сельсовета, выправил справки и уехал со всей фамилией в Бобрики, на шахты. Отцу моему, самому младшему ребенку в семье, было тогда двенадцать лет. По его рассказам, ему очень не хотелось уезжать из деревни. Особенно жалко было расставаться с садом. Огромным. Тенистым. Он начинался прямо за задним двором. В самом конце его, в низине, били родники и брала начало небольшая речушка, с необыкновенно красивым названием — Теменка. Помнил отец и то, что вода в ней была холодная-холодная и чистая-чистая — до синевы. К своему стыду я ни разу не был у него на родине. В детстве он все собирался съездить со мной и показать те места, где родился. Но, что-то всегда обязательно мешало этому. В 197... году отец умер. Старые, фронтовые раны добили его.

Я выехал рано утром. Доставшаяся в наследство от родителя «копейка», шла ходко, листая километр за километром. Где находится родовое гнездо, представление имел смутное. Но ориентиры были. Епифань. Кремлево. Хитровщина. Делехово. «Где-то меж них затерялось, небогатое наше село»,— с оптимизмом давя на газ, думал я. В детстве мы с сестрой часто слышали эти названия от своих дядек, теток и двоюродных братьев, которые были на целую жизнь старше нас. За маленьким шахтерским городком Кимовск начиналась прекрасно асфальтированная дорога. Проехав по ней верст тридцать, я стал останавливаться в деревнях и расспрашивать старожилов о Русановке. Но никто из моих собеседников никогда даже и не слышали о ней. «Как же так,— про себя поражался я,— прожить в этих местах всю свою жизнь и ничего не слышать о деревушке с таким красивым названием». Но позже выяснил: многие, с кем я тогда разговаривал, вовсе не были здешними старожилами. Это были москвичи — дачники, скупившие дома во многих деревнях расположенных вдоль шоссе. Что им до моей Русановки, про которую и сам-то вспомнил, когда прожил уже большую половину своей жизни.

Расспрашивая стариков близ лежащих деревень, незаметно для себя заехал на рязанскую землю. В окружающей местности ничего не изменилось. Заметно изменился выговор у местных жителей. «Люськя! Ванькя!» — кричала кому-то пожилая женщина у крайнего дома. Вот точно так же, много-много лет назад, с такой вот до боли знакомой родной интонацией в голосе звала нас с сестренкой домой наша бабушка Екатерина Алексеевна. «Ну, эта бабулька точно не из Москвы» — вылезая из машины, думал я.

На мой вопрос о близлежащих деревнях она ответила не задумываясь. И перечислила добрых полтора десятка названий. Но то, чего с гулко бьющимся сердцем ждал я, она не назвала. «А про такую Русановку, не слышали?» «О-о! Мила-ай», нараспев сказала она.— Ее уж лет десять как нет» «Куда же она делась?» «А кто куда. Старики поумирали. Молодежь разбежалась. Неперспективная, тогда все говорили». Я поподробней расспросил ее, как туда проехать. Внимательно выслушал. Поблагодарил. И уже минуту спустя, выжимал из старенького «Жигуленка» все, на что он был способен. Доехав до указателя «Ломакино 7км», свернул вправо. Дорога оставляла желать лучшего. Трактора так разуделали ее, что до Ломакино пришлось добираться часа полтора. Село было огромное и унылое. Я посмотрел на часы. Стрелки показывали начало восьмого. Кругом будто вымерло все. Посередине села, на возвышении, разваленная церковь. И такой же, с вырванными рамами и обвалившейся крышею, клуб. Из села во все стороны выходило множество дорог. Три из них были асфальтированы. Их я сразу отмел. Как правило, такие дороги, приводили всегда к коровнику или свинарнику. Пока выбирал хату, где расспросить о Русановке, насчитал десятка два полуразобранных, кирпичных домов. Остановился на добротной с высоким крыльцом избе. Старинной. Срубленной в ласточкин хвост.

Рядом с ней стоял трактор «Беларусь». Долго никто не открывал. Последний раз громко постучав в окно, я уже собрался уходить, как услышал шаркающие шаги. Дверь открыл небритый и опухший от пьянства мужик. «Послушайте,— начал я.— Деревня Русановка, когда-то здесь была. Не подскажете где?». Хозяин смотрел на меня красными воспаленными глазами и молчал. «У тебя стакан есть?» — неожиданно для самого себя задал я следующий вопрос. «Проходи!» — мотнул он кудлатой головой. Я вернулся к машине. Взял бутылку водки, пакет с ветчинной нарезкой и вошел в избу. Дом был большой, пятистенный. С огромной горницей-залом, с просторной кухней и тремя комнатами поменьше. Николай Павлович, хозяин, когда-то работал механизатором. Но колхоз уже лет пять, как развалился. Работы здесь нет. Живут случайными заработками и огородом. Жена к детям в город поехала с внучатами сидеть. Всю прошлую неделю беженцам-переселенцам кирпич на своем тракторе возил. Они в селе половину каменных домов скупили. Разбирают. И у леса свой поселок строить начали. На одном дыхании выдал мне Палыч после первого стакана. «Что это за беженцы такие? Дома скупают?» — поинтересовался я. «А шут их знает. Откуда-то с Кавказа. По-русски — ни бельмеса. Все спиртом расплатиться норовят. Сволочи», — заскрипел зубами быстро охмелевший хозяин. «А деревушку Русановку, знаешь?»

«Была такая,— закуривая папиросу сказал Николай Павлович. Лет десять назад выселили всех оттуда. Кого к нам в Ломакино, кто вообще с родных мест уехал. Ну, это молодежь в основном. Кирпич чучмекам я с Русановского коровника возил. Они его уже месяц ломают. А места там красивые. Мы пацанами, у них в Теменке, раков всегда ловили. Родники кругом бьют. Вода в них сладкая. Сад рядом старинный, довоенный еще. Яблоки в нем — с мою бестолковку были». Николай Павлович тронул рукой, свою лохматую, давно нечесаную голову. «Нашел!!! Нашел!!!» — заликовала каждая клеточка моего тела.

«Ну что, дядь Коль, по сто грамм»,— предложил я и потянулся за бутылкой. «Да что там по сто. Хлящи по полному» — махнул он рукой.

Ночевал я в машине. Утром еще раз расспросил ничего не помнящего Палыча о Русановке. Он довольно толково объяснил, как туда лучше проехать. Опохмелившись с радушным хозяином пивом, мы распрощались. Километра за три от Ломакино, перевалив через бугор, я увидел отцовскую Русановку. Вернее то, что от нее осталось. Кучи мусора, груды битого кирпича на месте жилых домов и заросшие сиренью фруктовые сады. Недалеко от того места, где я остановился, два дочерна загорелых парня разбирали остов какого-то здания. Они аккуратно очищали кирпич от старого раствора и складывали его в тракторный прицеп. Я подошел к ним. Поздоровался. «Мужики, где здесь родники бьют!?» Мужики молчали и как-то пугливо и недружелюбно, косились на меня.

Я хотел было поговорить с ними, но вспомнил слова Николая Павловича: «Чучмеки. По-русски — ни бельмеса». Да и о чем мне было говорить с ними. Я завел машину и тихонечко тронул. Широкая утоптанная домашним скотом дорога, уходила куда-то за груды мусора. Объезжая свежие коричневые лепешки, я поехал по ней. В зеркале заднего обзора увидел огромного тощего пса. Он вылез из под тракторного прицепа и, опустив голову, понуро ковылял за моей машиной. Дорога привела к небольшому ручью, с топкими, заросшими густым ивняком берегами. «А ведь это Теменка!!!» — осенило меня. Заглушив мотор, я вылез из машины, и ноги сами понесли меня вверх по ручью. Навстречу, из-за поворота, вышло стадо молодых бычков. Его сопровождали двое мужчин среднего возраста. Очень возбужденные. Жестикулируя руками, они громко спорили или ругались меж собой, на незнакомом языке. Увидев меня, замолчали и, хлещя скотину гибкими ивовыми прутьями, быстро погнали стадо вниз по ручью.

Возле родников, красиво и аккуратно обложенных серыми, большими булыжниками, стоял парень лет тридцати. Чуть поодаль от него валялся опрокинутый мольберт с незаконченной картиной. Мужчина был явно не в настроении, если не сказать взбешен. Злое покрасневшее лицо, крепко сжатые зубы и кулаки, свидетельствовали об этом. Я сразу связал это с пастухами, минуту назад, прогнавших мимо меня стадо. «Что землячок, наехали? Может помочь разобраться?» — кивнул я в сторону скрывшихся за поворотом пастухов. Затвердевшее, прекрасное в своей решимости лицо парня смягчилось. «Если это могло решить что-нибудь, ни секунды не колебался бы», уже совсем по-доброму улыбнулся мне мужчина. «Юрий Карельский. Художник», — протянул он руку. «Валерий. Охран...» — выпалил я и прикусил язык. Мне стало почему-то стыдно за свою нынешнюю профессию. «А что у вас здесь случилось?» — поспешил задать вопрос я. «Понимаешь... Вот, уже года три я пишу здесь этюды. Место уж очень красивое. И три года бьюсь с этими беженцами. Они скот свой сюда поить водят. А старики говорят, родники наши воду дают до тех пор, пока глаза людей видят. Я и со старейшинами их говорил, и с пастухами, и с молодежью. Да все бестолку. А знаете, как эта деревушка называлась?» — улыбаясь, спросил он меня. И тут же сам ответил: «Русановка!! И сад этот»,— он указал рукой на заросшую сиренью, черемухой и молодыми яблонями-дичками, огромную посадку, — ломакинские «К-им» зовут»

«А вы, наверное, здешний!? Угадал?» — полуутвердительно, полувопросительно закончил он. «Да. Верней деды мои здесь жили. Батянька родился. Что-то вот потянуло на старости лет», — еле сдерживая закипавшие слезы выдавил из себя я. «Слушай! Да тебя мне сам Бог послал!! Я тут собирался родники почистить и валунов побольше кругом накидать. Да тяжело одному с этими глыбами справляться. Ну что! Сделаем!? Согласен!? Двое не один!» — тугим от радости голосом зачастил он. А на меня что-то так накатило, стоял, слушал и еле-еле сдерживал слезы. Пауза грозила затянуться. Крепко сжав веки, я, как «владимировский» тяжеловоз, быстро закивал головой.

До позднего вечера, пока уже совсем не стемнело, я выворачивал по берегу Теменки огромные валуны и таскал их к ключам. А мой новый знакомый, художник Юра, убрав свежие коровьи лепехи, аккуратно, не дыша, очищал родники от затягивающего их ила. Рядом с нами крутился увязавшийся за мной утром старый пес. Когда я, проводив Юрия, готовил у костра ужин, он подошел и доверчиво, ткнулся мне в колени. Я по братски разделил с ним все, что у меня было из съестного. Укладываясь спать, твердо решил: не уеду отсюда до тех пор, пока не вычищу и не огорожу валунами роднички с такой холодной и хрустально чистой водой. И Юрик пускай свои этюды спокойно пишет. Да и к «чучмекам» сходить надо. Поговорю с ними посвоему, по-шахтерски. Уже засыпая, А под утро, мне приснился странный сон. Со всех сторон на меня мчатся всадники. В пестрых халатах, в лохматых, с болтающими сзади лисьими хвостами шапках, размахивая сверкающими на солнце кривыми клинками, они стремительно приближались. «Хазаро-ордынская конница», — сочным баритональным басом пророкотал кто-то позади меня. Я обернулся. Умными, человеческими глазами на меня смотрел приблудившийся вчера пес. «Красиво идут. Элита», — подмигнул он мне правым глазом. Удивляться и болтать с говорящей собакой — уже не было времени. «Тащи патроны!» — приказал я ему. И стал устанавливать вдруг откуда-то появившийся пулемет «максим». На его щитке стояло клеймо — «Тульский Оружейный Завод».

യ്ക്കാരുയ

Юрий Карельский

(г. Сокольники)

КАРЕЛЬСКИЕ ХОККУ

Лето! Солнце пахнет травой. В поле один пою.

* * *

Улетели две птицы; На запад одна, на восток другая, Жду вестей посредине неба.

* * *

Ест апельсин Негр конопатый; — Звездное небо с луной.

* * *

Зеркало То, что не я, То мною быть должно. Должно не мною быть То что не я.

* * *

Там, где вода плотнее железа, Плывет мой корабль — Плыви мой корабль!

* * *

На дороге пустынной вдали, Где о камни стирается свет, Я увидел сквозь время себя.

* * *

В ночи молчании немом,—
(Так рыба подо льдом на звезды смотрит, Губами льда холодного касаясь),—
Он смотрит в бездну незнакомую доселе.

* * *

Зимою подо льдом На дне реки спит рыба, Все мысли наши прячущая в сон Песка.

* * *

В молитвенной тиши Журчит ручей холодный Меж устланных листвою золотой камней, В молитвенной тиши.

* * *

Как ночь длинна В ночи осенней! Как ночь!

* * *

Как светлы небеса Над золотом листвы! «Пора забыть о лете...» — крик уток в вышине.

* * *

Замри, не шевелись и стой; «На лезвии ножа» последний лист — Пустынны небеса, И ветер метет песок грачиных голосов.

* * *

Он был не тем, кем был, Я знаю; Его уж не найти мне никогда.

* * *

В тиши, в ночи... Я помню Взгляд мне не понятный — Неведомого взгляд, Как двери в лабиринты пирамид, Как прошлое, которое всегда, Глядит и думает о том, что будет.

* * *

Все то, что мы друг другу не сказали, Уж не понять В словах без слов, замкнувших время.

* * *

Как ощущение вины Приводят к убежденью в правоте Свидетелей живых забавы смерти?

Не укрыться ею, не напиться ею... Словно и не я — Кто-то жизнь прожил.

* * *

Ноги росой росил по утру весной, Сгорал под солнцем летнего полдня, Брел в осенних туманах Через жнивье вечерних полей К звездам в ночи у дома.

* * *

Нет меня, нет нигде... Ветки тень с запада на восток — Скоро весна. Как далеко — там, где вновь появлюсь? Нет меня, нет нигде...

* * *

Камни говорят? Камни говорят... О тебе.

* *

Мыслить и не быть: Только я на пути у себя И тень солнца.

* * *

Они не знают... И мы не уверены... Гуси на север, Клин в клин, дорогою звезд.

* * *

На дне реки Ленивые воды Смывают тень карася С камня, где спрятано Слово.

* * *

Весенние войны за звезды — Жажда нового мира Соловьев.

* * *

Небеса поют, Дышат звезды белым дымом черемух. Вот так (с того света я возвращаюсь будто), После тихих столетий зимы весна Сладкой водою дождя Наполняет ладони... Не знаю... Не помню, что там было; Только жизни приснится жизнь.

* * *

Сознание, убежавшее за свои пределы, Возвращается без самого себя; Так что и хозяину трудно признать В нем родное; и оно, возвращаясь к хозяину, Видит в нем скучного, Перепугано что-то ищущего глупца.

* * *

Допоздна в огороде работаю; — Длинные тени; — Моя коснулась луны.

* * *

Светло душе, легко В морозный день, Собаки на дворе Полаять вместе с ними?!

* * *

ПОЭТ. В ночной и звездной тишине. Рыбак Удит химер В пруду своей души.

* * *

Деревья в заброшенном монастыре — Сколько вы знаете !? — Столько молчать мне.

* * *

Старая сосна,— Муравьи ползут вверх-вниз,— На вершине был ли кто?

* * *

Весь день,— В ночные сети,— тянут два рыбака Мои глаза.

* * *

Дрова, Горящие так быстро,— Мы.

Весною к радости, Осенью к печали. Пахнет крапива.

* * *

Лишь время Считает волны И сердца удары.

* * *

Горькие пьяницы,— Кто же вас сделал такими одинокими?,— «Мысли о небесах».

* * *

Поселилась луна В темный пруд Одинокого сердца.

* * *

О том, кто построил небо, Еще не забыли Птицы.

* * *

На вершине Уже ничего, Только все.

* * *

Ладони: Словно за хлебом очередь,— Солнцу молитвы.

* * *

Недолгий век, Но к солнцу тянет руки Весенняя трава.

* * *

В развалинах былого Юность видит тайну Позор всем старикам!

Там на горе, Где небо открыто, Мы звезды трогаем руками.

* * *

Мысль тоньше иглы, Но и ею Неба не проколоть, И все же дождь...

* * *

Арийское море. От риши,— арийских певцов,— Мне досталось наследство— Пол-уха.

* * *

Луна на ветку села, Послушать соловья; Ведь год его ждала.

* * *

Тень мысли — слово. А ночь чья тень? А небо ночью — чья?

* * *

Снег сошел, Возвращаюсь весной домой. Словно не знали меня никогда Родные места — Тихи, молчаливы.

* * *

В утренний туман над лугом... — Опрокинул жеребенок молока ведро — Луну.

* * *

В доме, где нет меня, Кто хозяин? Сны о далеких странах.

* * *

Несется над полями Метель, как бритва острая,— Вот-вот отрежет небо. Февраль Ветер ледяной За холмы сдувает Солнца уголек.

* * *

* * *

Зеркало Справа я тот, кем хочу быть, Слева — тот, кем никогда не был: Будущее в какой стороне?

* * :

У старой церкви, на снегу Свечи огонь от ветра ель укрывает,— Чьей душе легко?

* * *

Дитя, не бойся, Все — Зима ушла.

* * *

Сколько огней В океан ночной звезды обронили! Сайры путина.

* * *

Черный бархат,— Снизу вверх огни— Сайры путина.

* * *

Волосы сорной травы Спутал в поле ветер; Буйный нынче народ; В белой ярости солнце, Яркое солнце над головой.

* * *

Снегом покрыт Кунашир, У костра руки — Мой несбывшийся сон.

* * *

Жизнь простоял, Тятя-ямой любуясь, Старый маяк на мысу.

Где бухта? Где сопки? «ЭЙ» — кто-то зовет в тумане «ЭЙ» — корабль отзывается.

* * *

Тяни скорей рыбак! — Луна с плотвою серебристой. Попала в сети.

* * *

Зимой никто-никто, Подумаешь об этом — Час длиннее жизни.

* * *

Где нет любви — Зима зиму сменяет, Где нет любви

* * *

Чья лодья с парусами облаков Беззаботно плывет в океане весенних трав? — Это сердце мое.

* * *

Платья облаков Штопает в ночи Молнии игла.

* * *

Весной и ночь самой себя боится; Ножами молнии секут ее одежды, К рассвету в клочья изрезая тьму.

* * *

В сны свои весна пусти — Буду на крыле у ветра Мотыльком порхать над лугом.

* * *

Чей след у края волн? — Крыло песка коснулось — Строка Басе-поэта.

Мечтал я о весне, Всю ночь зима мне снилась — Не буду просыпаться.

* * *

Словно мух кроватки, В мягкой паутине Сто чешуек почек.

* * *

Смотрим, — мы с луною, — Капля в паутине, Паучок спросонья выбежал попить.

* * *

Весною все поет! Нет места тишине! А рыбы как поют?

* * *

Детвора ликует: В небе змей бумажный Журавлей догнал.

* * *

Река в тумане; Кукушка близко,— далеко другая Года считают рыбакам.

* * *

Они где-то там — Кто знает еще — Дальние небеса.

* * *

Тайна — песни соловья; Кто прислал его? Не знаю.

* * *

В майскую ночь не сплю: Слушаю — говорят меж собою Соловьи и звезды.

Обод колеса Линию дороги всю измерил; Сам же все по кругу — Так и жизнь моя.

* * *

Вкус хлеба — Все, Что унесу с собой на небеса.

* * *

Так высоко!

Ночь вхождения в храм —

Летнее солнцестоянье:

Две тени — запада и востока

Коснулись середины — соединились.

* * *

Сегодня Никто не умрет! — Летнее солнцестоянье.

* * *

Шепчут молитвы Деревья и травы — Летнее солнцестоянье.

* * *

Горох в коробке — Сравненье этой книге,— Смеюсь...

* * *

Старик с детьми играет в прятки, Закрыл лицо руками, Вот-вот увидит детство.

* * *

В ночи без луны Лишь от фонаря В два шага дорога.

* * *

Если в теплой ночи Долго шарить рукой в траве; Может удастся схватить За хвост змею.

Лето. Жара. В домах разговор о ценах, дожде и КОНЦЕ СВЕТА. Пахнет клубничным вареньем.

* * *

Основное учение на земле, под землей, В воде и небесах — это учение О предчувствии.

* * *

Мои следы вперед,— Мои следы обратно, И больше никого за сотни тысяч лет.

* * *

Опутывает ноги веселая трава, Зовет: «Живи у нас, мы знаем Дорогу к солнцу».

* * *

Лето — день равен жизни,— Сладкие реки тепла, Солнце в руках у каждого.

* * *

ЛЕТО.

Я весь — это небо и эта земля, Меня почти,— нет..., Только шелест травы, Только оттенки древно

* * *

«Я выше!..», «Нет, я!», «Я до солнца достал!» Стрекочат кузнечики в травах, И прыгают, прыгают, «Чик!» — И летит над землей.

* * *

Словно поезд в пустыне без машиниста Несется куда-то, Без остановки и поворотов я живу. Жизнь не дальше, а в глубину О чем же последний сон?

* * *

Если б не вышел в дождь, Никогда не узнал бы; Жил бы да жил себе в стороне От мест, где пахнет гречиха в дождь.

* * *

Осеннее утро, Ворон на ветке греется — Уголь сырой.

* * *

Я уже никуда не спешу. Мне уже ничего не надо. Золотые пожары осени — Мне награда.

* * *

Не скопил, а уже растратил, Не любил, а сердце выжег. Мне бы хвост как у дворняги Рыжий.

* * *

Нет ничего... Лист осенний по небу, Словно отставший гусь... И не было ничего!

* * *

Там, где уже не нужен, Туда, где не нужен еще... Вижу не разбирая, лишь чувствуя... В дверь не входи весь, Стой на пороге!

* * *

Вечернее солнце. Бреду с огорода усталый Сквозь аромат сурепки.

* * *

о. КУНАШИР. Над проливом плывут облака, Смотрю на горы Хоккайдо, Вряд ли когда-нибудь встречусь с Басе.

* * *

Огромное поле! Муравей на ладони — Пахаря лошадь.

Зимняя ночь. Смотрит в окно освещенное робко снегурка. Словно сон про покойника, Выпавший снег весной. Под масками древних зима.

* * *

В ослепительном блеске Предо мной великан до самого неба — Весна!

* * *

Знал ли я о тебе? Скажи, что между нами, Дальнее эхо.

* * *

Весь мир в амулете — Одиночество после пятидесяти.

. . .

* * *

ОТЦУ

Долго живешь... И вспомнишь неясно из детства Чьи — то глаза

* * *

Короток век их. Любовью все не насытятся Осенние мухи.

* * *

Осень Тихо в саду. Невзначай... Яблоко упало.

* * *

Осень Белая хризантема К черной земле пригнулась. Может быть выпадет снег?

* * *

Игрушка шарманка детская: Крутят круги прощальные в небе Печально крича журавли.

ЖИЗНЬ

Сквозь запах ирисов В вуали серебристой Весенняя луна плывет над садом, Где в тени ветвей Жених с невестой в торжестве ночном Прекрасны, робки и взбудоражены — Собачья свадьба!

* * *

Замок на один оборот, Облако нежных духов... Пока я искал «ничто», Ко мне заходила Весна.

* * *

Тихий осенний вечер, Прелого запах чуть странный; На зиму солят капусту В воинской части солдаты.

* * *

Словно дракон на шестах, Парусом ветер вздувает Яблони ветви в цвету.

* * *

Копченая скумбрия — Кофе ячменного вкус, В сливовой розовой пудре луна, Сине-весенний вечер Свежей полыни запах, Грею над чашкой руки, Мне не понять бессвязность Мыслей, на ум приходящих.

* * *

Одиноко, Словно призрак блуждаю В снах о детстве далеком.

* * *

Когда умрет луна, И нет ее в ночи, Напрасно вы не верите в коварство; Она лицо руками закрыв, И незаметно идет по небу днем, Следя за нами.

Мухи осенние шевелятся, Падают на пол в бессилии Нового Папу римского Люди хотят набожить. Хочется до неизбежности Призванному доверить Выбор судьбы и меры И мира, в котором ВСЕ УЖЕ ПРОИЗОШЛО.

* * *

За полем в деревне Созрела тыква-луна, Лет десять там не был.

* * *

Ржавые ветл паруса Осень сдувает в реку — «Человек ниоткуда» ей имя

Паутину с остывшем солнцем Тянут, к югу спешащие, гуси, За собой тянут к югу гуси.

Все забыто — восток и север; Как слепой крошит хлеб на землю,

Человек ниоткуда — «осень»,— Сам с собой говорит, И ветер — жесты рук,— Его слов исполненье.

* * *

Быть, кем еще не был, И кем уже будешь; Путь мысли высоко, Путь сердца еще выше.

К 75-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

От редакции: В начале декабря прошедшего года исполнилось 75 лет славному детищу Алексея Максимовича Горького — Литературному институту: ныне, как принято «ГОУ ВПО», но писатели среднего и старшего поколений помнят его по принадлежности к Союзу писателей СССР. Знаменитый «Твербуль-25», или «Дом Герцена», alma mater и подлинная кузница (без всякой двусмысленности) писательских кадров не только СССР и современной России, но многих других стран. Об этом еще раз напомнил нынешний директор Литинститута Борис Николаевич Тарасов, кстати, только что ставший лауреатом Всероссийской литературной премии «Александр Невский» (за книгу «Николай Первый. Рыцарь самодержавия»), на посвященном Юбилею съезде выпускников, состоявшемся 3—4 декабря 2008 г. в Большом зале ЦДЛ. В частности, летом этого же года Литинститут посетил президент Монголии Намбарын Энхбаяр, сам выпускник этого вуза. Удивляться тут нечему, ибо Литинститут был и остается единственным в мире (кажется, нечто похожее существовало в ГДР) учебным заведением подобного рода.

Писать о Литинституте в кратком редакционном примечании дело неблагодарное, поэтому интересующиеся могут ознакомиться с двухтомником воспоминаний об институте*, выпущенном к Юбилею. Отметим только, что имеется договоренность с Б. Н. Тарасовым о введении постоянной рубрики «Тверской бульвар, 25» — в «Приокских зорях», а проректор Литинститута по Высшим литературным курсам, известный поэт Валентин Сорокин любезно согласился сотрудничать с нашим журналом и вошел в редколлегию «Приокских зорь».

Ниже мы публикуем воспоминания об учебе в Литинституте нашего главного редактора, помещенные во втором томе названного издания.

АМБИДЕКСТР (Из автобиографии)

ИНЖЕНЕР. ПОИСКИ СЕБЯ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

После окончания технического института некоторое время ощущалось что-то вроде пустоты.

«Красного» диплома, как когда-то школьной медали, я не получил, ибо имел по курсовой работе на третьем курсе тройку (этот преподаватель сейчас работает, мы с ним дружески здороваемся и ностальгически воспоминаем былое), которую исправлять из принципа не желал. Однако по баллам был первым из ста двадцати выпускников факультета. Почему-то выбрал распределение (это было на пятом курсе, еще не был женат) в Загорск, почему и попал туда на преддипломную практику. Однако тему диплома выбрал себе сам — чисто математическую, по конформным соображениям: есть такой раздел в теории функций комплексного переменного — с «притянутым» приложением к радиотехнике. Очень мне этот раздел математики понравился, потому изучил его самостоятельно и в чем-то доразвил. Во всяком случае, послал дипломную работу на рецензию (по своей инициативе) профессору Ковалеву в Мин-

 $^{^*}$ Воспоминания о Литературном институте. В 2-х тт. — М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2008. — Т. 1.— 639 с.; Т. 2. — 854 с.

ский радиотехнический институт; тот, известный авторитет (не в нынешнем понимании этого слова), не только одобрил, но и позвал к себе в Минск в аспирантуру. Конечно, не поехал. Впоследствии, слегка дополнив дипломную работу, защитил ее в Московском авиационном институте (МАИ) в качестве диссертации кандидата технических наук. Но это было позже. Пока же, женившись, перераспределился в Тулу, в только что образовавшееся Специальное конструкторское бюро точного (понятно какого) машиностроения (СКБТМ) при Тульском заводе точного машиностроения (ТЗТМ) инженером-конструктором.

Да, еще добавлю: за время учебы в институте и потом еще четыре года стихов, романов, новелл и пр. не сочинял, даже в голову не приходило, зато активно начал публиковаться в научных изданиях, в том числе и наиболее престижных в области радиотехники.

Итак, инженерная жизнь, но фактически научно-исследовательская работа, началась с пустоты, с поиска самого себя. Обычно этот период жизни у мыслящих людей (у немыслящих он проходит мимо) относится к 16—18-летнему возрасту, у меня — на 5—6 лет позже. Почему? Наверное, так и должно быть у русских людей (из староверов тем более), которые, по словам острослова Бисмарка, «долго запрягают». Вот южные люди — те наоборот, быстро запрягают, но в скачке уже к тридцати годам выдыхаются, правда, успев занять руководящие и иные, блага дарующие, посты... Это так, к слову.

Не то что сама работа не нравилась — не нравился дотошно-рутинный ее характер, душа требовала более творческого дела. А внешне жизнь не такая уж скверная: семья родительская и своя уже минисемья, поездки летом в колхоз-совхоз, почти второй отпуск, друзья-коллеги. Тогда молодые инженеры много читали, особенно из литературной периодики, ходили в недурной тульский драмтеатр, в концертном зале филармонии не пропускали ни одного концерта заезжих знаменитостей из столиц: от скрипичных и симфонических оркестров до вечно молодого (увы, недавно почившего) Олега Лундстрема с его диксилендом.

Для разнообразия жизни осенью 1973 года поехал в Ленинград и поступил в ЛГУ на заочное отделение математико-механического университета: систематизировать свои знания в математике, но оказалось, что почти все изучаемое там мне болееменее знакомо. А самое главное — для заочников общежития не имелось, приходилось останавливаться в «частном секторе общежития», то есть в Озерках,

Ехать от Финляндского вокзала на электричке, на трамвае недолго, но жить приходилось в старинных двух-, трехэтажных деревянных домах, дореволюционных летних дачах генералов и заводчиков, заселенных миллионами особо ядреных клопов. Перестал я на сессии ездить, хотя Ленинград с детства любил.

Через год с небольшим, ранней весной, читая свежий номер «Литературки», обратил внимание: Литературный институт им. А. М. Горького СП СССР объявляет творческий конкурс для отбора кандидатов на поступление на первый курс. Что такое Литинститут — в общих чертах раньше знал, но дальше этого любопытство не шло.

А тут что-то нашло, правда, в условиях конкурса значилось представление для прозаиков двух авторских листов этой самой прозы... а у меня ее (равно как и стихов) не было ни единой строчки. Но даже не этот факт меня беспокоил, а указанное: материалы представляются в машинописном виде. Где взять эту самую машинку? Однако ответ на главный вопрос нашелся через полчаса: после «Литературки» прочел местный «Коммунар» и нашел объявление горуправления службы проката: «Граждане могут взять на требуемый им срок телевизор, стиральную машину, ..., детскую коляску отечественного и импортного (ГДР) производства, портативную печатную машинку». В заначке имелось пять рублей, и в ближайшем пункте, проката я на месяц взял машинку.

И целый месяц по вечерам, после работы тюкал в клавиши сначала одним пальцем, потом двумя указательными, но через неделю творческой практики уже сносно печатал всеми, исключая большие и мизинцы. С писчей бумагой тогда был дефицит, поэтому 50 листов хорошей бумаги обменял на коробку «Птичьего молока» местной кондитерской фабрики у отдельской секретарши Ниночки.

Писал-печатал нечто мрачное (перед этим начитался дефицитного Кафки и трактатов любимого мною Метерлинка: «Разум пчел», «Разум цветов» и др.), что в голову приходило. Отпечатав ровно два авторских листа, запаковал в бандероль и отправил на Тверской бульвар, 25. Летом и вовсе забыл об авантюре, но в середине августа (если не ошибаюсь*) получил открытку о прохождении творческого конкурса (как потом выяснил, в том году был конкурс обычный для Литинститута — 1500:1**) и официальное письмо о допуске к экзаменам; на заочном отделении, учитывая малую грамотность некоторых будущих инженеров человеческих душ, планку искусственно доводили до соотношения 2:1; на очном — чуть повыше.

К экзаменам я, понятно, не готовился, ибо литературу и историю знал, русский язык — если его знаешь, то и напишешь сочинение грамотно, а немецкий язык, сколько я в «своих университетах» ни сдавал вступительных, переводных и государственных экзаменов по инязу, со школьных лет даже для приличия не повторял: Маргарита Григорьевна в школе хорошо вдолбила. Причем по-немецки (равно по-английски, по-китайски и пр.) не говорю и не читаю, но экзамен могу запросто сдать. В СССР иностранный язык был нужен только разведчикам, диссидентам и учителям иностранного.

Экзамены сдал, как всегда, отлично, при этом помог сдать немецкий еще двумтрем из будущих однокашников. Заодно с поступлением понял, что в столице надо держать себя осторожнее, нежели в простодушной, хотя и ближней, провинции. Когда в первый раз — прямо с тульской электрички и е пожитками — явился на Твербуль-25, сдал в приемную комиссию документы и получил направление в общежитие, то решил передохнуть, покурить и сел на бульварную скамейку. Ко мне подсел парень, который до этого на территории института задумчиво осматривал памятник Герцену. Парень как парень, но со странными темно-голубыми глазами. Познакомились. Я кратко рассказал о себе, а он со счастливой улыбкой сообщил: четыре раза поступал в Литинститут, а в этот раз не удастся: мать куда-то упрятала аттестат и не дает его. С той же счастливой улыбкой он стал комментировать проходящих по аллее бульвара людей, явно вышедших из нового здания МХАТа, что напротив Литинститута:

— ... А вот *наш* Марк куда-то торопится, и *наша* Алиса с Егорушкой заболталась...

Про Марка и Алису я еще сообразил, что имеются в виду Захаров и Фрейндлих, а вот кто такой Егорушка? — Стыдно мне, провинциалу, стало.

Далее собеседник предложил мне продолжить приятный разговор и проводить меня до общежития, благо он сегодня отпущен на целый день.

- Откуда отпущен?
- Да из психбольницы. Меня мама туда на профилактику по осени и весне клалет...

Я спешно поднялся со скамейки, подхватил свою сумку, при этом поперхнувшись табачным дымом.

Общежитие Союза писателей в Останкино не то что поразило своим основательным обликом, но по сравнению с архаичными строениями Твербуля-25 выглядело монументально.

^{*} На самом деле автор ошибается — это была середина июля. — Ped.

^{**} В некоторых воспоминаниях цифры творческого конкурса явно преувеличены. — Ped.

Войдя в определенную мне вахтершей комнату, застал там остальных трех поселенцев. Один из них сразу назвал меня земляком (двое других были из Сибири; оба не поступили), ибо сам был из Калуги — Толик Кузьмичевский, ныне известный в Москве поэт. Он только что, по его словам, «расплевался» с калужским обкомом комсомола, где трудился в отделе культуры, имел, как и я, высшее образование. Кстати, на второй год обучения он дополнительно поступил заочно еще и на «факультет Ясена Засурского», то есть факультет журналистики МГУ. Крайне деловой человек и хваткий, он все годы совместной учебы в Литинституте жил вне общежития, потом и вовсе женился. Учился он в семинаре Старшинова, не на плохом счету. После окончания института мы с ним как-то раз виделись в Туле, куда он приезжал в Приокское издательство за версткой своей поэтической книжки. Позже он, по моей просьбе, «сосватал» меня в издательство «Современник», но Баранова-Гонченко мой роман «В конце века» не пропустила. И еще как-то в «Литературной газете» (если не ошибаюсь) прочитал рецензию на его стихи; рецензента почему-то взволновала строка: «...И на ночь кладу под подушку топор»...

А так все годы учебы, то есть короткие осенние и весенние сессии я проводил в компании «хохлов», как прозвали нашу компанию однокашники, хотя таковым был только один — прапорщик из Ивано-Франковска. Виктор Гриваков из Змиева (только что переименованного в Готвальд), что под Харьковом, даже на восточного хохла не тянул; Саша Пытько — белорус из Молодечно, а Виталий Игитов и вовсе из Кировской области. С началом самостийности первые трое как в воду канули, а фамилию Витальки как-то встретил в предвыборной газетке Жириновского — он там значился кировским воеводой от ЛДПР.

...Прервусь в воспоминаниях. Только что узнал: умер на 82-м году жизни старейший тульский писатель Николай Константинович Дружинин, мой хороший знакомый, участник ВОВ, почетный гражданин Тулы и Могилева — за романы об обороне этих городов, а Могилев он и сам оборонял. Вечная ему память!

...На заочном отделении учились в основном уже имеющие высшее образование; были и кандидаты наук. Из последних самая яркая фигура — кандидат медицинских наук, заведующий отделением скорой психиатрической помощи больницы им. Склифосовского... вот за временем фамилию запамятовал, что-то навроде как Кирюшин, во всяком случае: никто его в институте трезвым не видел. Но в его лице я единственный раз в жизни видел человека с абсолютной памятью: в любой степени обычного его состояния. Видимо, это-то обычное состояние и свело его в могилу вскоре после окончания Литинститута. Еще он был знаменит тем, что имя его входило в первые строки списков персон нон грата всех западных стран, ибо он по должности (в компании майора КГБ и участкового милиционера) присутствовал при аресте московских диссидентов. От него мы узнали, что все они были с изрядной мозговой придурью, лишь единицы «косили».

Редко видел трезвым и своего земляка — из села Гремячево, что близ Новомосковска, — однокурсника Володю Суворова. Потом мы с ним встречались на собраниях Тульской писательской организации. Пожалуй (и это не только мое мнение), он был самой большой поэтической звездой тульской, да и не только тульской, поэзии. Несколько лет назад он умер: «помогла» сорокаградусная и нажитые от нее болезни.

Еще на курсе учился известный — и ныне, и тогда уже — поэт Олег Кочетков из Коломны. Серьезный в жизни человек, мы с ним сдружились. Кто еще из наших «вышел в люди?» — Татьяна Набатникова (уже давно живет в Москве), Курносенко из Новосибирска; Михаил Устинов из Ленинграда (сейчас, кажется, в Пскове), видел его фото в лауреатском списке «Молодой гвардии». Драматург Николай Мишин создал в 90-е годы в Москве издательство «Палея». Яков Андреев из Свердловска, которого Сапгир направлял на детскую поэзию, на третьем курсе

«сделал» мне первую в жизни литературную публикацию — рассказ «Сизиф» в «Уральском следопыте». Некоторые из имен однокашников встречаю на страницах Российского автобиобиблиографического ежегодника «На пороге XXI века», издаваемого Л. В. Ханбековым в последние голы.

В здании общежития размещалась и гостиница Союза писателей, поэтому иногда в комнатах нашего студенческого этажа вспыхивало веселье — приходил кто-то из именитых в гости к землякам; как-то в соседней комнате, где, кстати, проживал и Володя Суворов, до утра слышался голос Тряпкина. Бывали и другие.

Литературную братию хлебом не корми, но дай позлорадствовать над более удачливым. Так весь наш курс оказался свидетелем конфуза «живого классика». По тонкому сентябрьскому вре-

Поэт Олег Кочетков

мени в перерыве между лекциями студенческая братия расселась по скамейкам вокруг памятника Герцену, и видели все: въехала во двор со стороны Большой Бронной черная «Волга». Вышел из нее Евтушенко и направился в Дом Герцена. А через четверть часа вылетел пулей с пунцовым от злости лицом, сел в машину и был таков.

Уже на следующей перемене все хихикали. Оказывается, ЦК ВЛКСМ почти испросил у старшего брата — ЦК КПСС — разрешение на издание поэтического «толстого» журнала «Московское кольцо» (или что-то в этом роде) под редакторством певца сначала Сталина и станции Зима, потом ударных строек и так далее. О чем сейчас поет (забыв свои же клятвы: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати...») профессор американского университета? — То неведомо.

Оба ЦК стояли твердо на одном: главный редактор должен иметь высшее литературное образование. Вот наш Евгений, вспомнив, что в Литинституте он числился, приехал к ректору Пименову с просьбой выдать ему диплом. Но Владимир Федорович с улыбкой посмотрел на кумира тинейджеров от поэзии, посоветовал восстановиться на соответствующем курсе и, не торопясь, сдавать зачеты, контрольные работы, экзамены тож. Вот и вылетел наш Евгений из бывшей городской усадьбы Яковлева — дядюшки Герцена — с пунцовым лицом.

...В общежитии пожилая вахтерша в добрый вечерний час рассказывала нам, как хорошо играл на гармошке Коля Рубцов, а также другие истории о нем, в том числе и вошедшую в фольклор Литинститута: как некий эфиопский князь, тоже учившийся на поэта, нарочито разбил об угол общежития свой «форд» после слов Рубцова о качестве его (эфиопской) поэзии.

Из преподавателей особо запомнились литературоведы и критики Ю. Селезнев, М. Еремин и В. Гусев, непревзойденная знаток античной литературной традиции Аза Алибековна Тахо-Годи, ряд других.

В нашем прозаическом семинаре были представлены как национальности, так и профессии: татарка Галия Максина из Челябинска, уже упоминавшийся белорус Пытько, ассирийка (айсорка) из Кутаиси Джульетта Ивановна Бит-Каплан; врачи Курносенко и она же — Джульетта, рабочий Саша Пытько, были инженеры, учителя; Галия трудилась литсотрудником на областном радиотелевидении.

Эту разношерстную компанию наставлял на путь истинный благополезный Борис Михайлович Зубавин, патриарх советской литературы, в войну капитаном штурмовавший Берлин, некоторое время возглавлявший журнал «Наш современник». Скуп, но

меток был наш седовласый Учитель на слова: «Галия! Хватит писать об абортах. Курносенко — не мудрствуй лукаво. А Яшину пора в своих писаниях вылезать из тульских пивных... хотя, как помнится, тульское «жигулевское» одно из лучших». И так далее, главное — «пишите о людях хороших, плохие и без того на виду!»

А так все больше слушал, как молодые петухи умеренно критикуют друг друга — так называемый перекрестный разбор написанного. И еще наставлял: «Пишите без оглядки на какую-то там цензуру, без мата, конечно. Я вот что написал, то все и напечатано. Дурь эту кто-то выдумал: писать в ящик стола...» Скучновато ему с нами было, умудренному и отягченному годами и опытом жизни. Оживлялся только, когда кто-либо провокационно о любимом его внуке спрашивал:

- Борис Михайлович, а вы внуку с гонораров деньги даете на конфеты?
- А как же! И достаточно даю.

Еще он любил подолгу рассказывать о сыне — враче космической медицины, как он его рекомендовал.

Умер он к концу нашей учебы, а последний год наш семинар формально возглавлял Семенов (один из Семеновых, но не Юлиан...), я его ни разу не видел, так как одну сессию, последнюю, пропустил по семейным делам; досдавал позже, почему-то запомнил зачет по киноискусству — автору знаменитого «Максима»; чем-то я рассмешил его, перевернув цитату из «Юности Максима».

Дипломную работу я составил из повести и десятка рассказов, написанных за время учебы. Позднее она вышла в виде книги «На островах» в Приокском книжном издательстве (1987 г.). Это была моя первая опубликованная художественная книга, но не вообще первая книга, так как за два года до этого центральное издательство «Радио и связь» (Москва) напечатало мою первую научную книгу по микроэлектронике.

СЛУЖЕНИЕ ДВУМ МУЗАМ

Есть в биомедицине такое понятие — амбидекстр, то есть человек — неважно, слесарь Петр Потапович или министр Герман Исаакович, — у которого одинаково развиты, или, наоборот, неразвиты правое и левое полушария головного мозга. Вроде нормальным должен среди людей считаться именно амбидекстр; у него все в полной симметрии, а природа ее любит. Ан нет, любой недоучившийся студент биофака или мединститута, как два пальца об асфальт, докажет: правильный человек — это у которого больше развито левое или правое полушарие, а амбидекстр, как правило, переученный в школе левша, — досадное исключение. Левополушарный — это строгий логик, математик, физик, адвокат Плевако или те, кто сейчас олигархеров защищают, а также интендантский прапорщик и рядовой американский налогоплательщик. Правосторонние — люди с художественными наклонностями: писатели и певцы, художники и эстрадные смехачи-танцоры, наши выдающиеся экономисты и прочие фантазеры. Словом — понятно.

А я, хотя левшой никогда не был, амбидекстр. С двадцати лет исправно служу двум музам — науке и литературе.

В Союз писателей России (СССР) принят в 1988 году; рекомендовал меня известный писатель Иван Панькин, автор знаменитых «Легенд о мастере Тычке».

РЕЗЮМИРУЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мой художественный метод: критический реализм с учетом всего богатства классической русской и советской литературы. А что есть метод? При этом слове невольно вздрагиваю и вспоминаю своих аспирантов и докторантов (у меня их свыше двадцати защищенных). Если они блестяще отвечают на все вопросы, то встает

некий Иван Иванович и «глушит» их вопросом, от которого бедолаге хочется повеситься: «Скажите, милейший, в чем различие между методом, методикой и методологией?» Все это скучно в дидактике, но когда не задумываешься о правилах, то твоей рукой, то есть головой конечно, незримо управляют те же метод, методика и методология.

Досадно и жаль, что моя вторая книга, она же первый роман «В канцелярии» — еще многотиражная (15000 экз.) — вышла в 1991 году, на перепутье свернувшейся с разума страны. Уже не было литературной жизни, читательской аудитории и всего прочего, что радовало душу писателя после издания очередной книги.

Жаль потому, что, возможно, это самое удачное из написанного мною на сегодняшний день. Писался он на вдохновении почти за 10 лет до издания. Причем эти 400 страниц рукописи я просто записывал: ибо все его содержание... мне приснилось в едином сне, исключая, конечно, имена персонажей. Такое в искусстве и науке часто бывает: например, великий французский математик Анри Пуанкаре, один из создателей теории относительности, свои теоремы доказывал во сне. И биологически это хорошо объяснимо: работа подсознания, в котором до времени, то есть до выхода в активную память, упрятана вся информация, полученная человеком с момента его появления на свет.

Что побудило к созданию на уровне подсознания фабулы и сюжетных линий романа? — А вспомните первую половину 80-х годов? — Бесконечные трауры по последовательно похороненным генсекам, психоз СОИ (Стратегической оборонной инициативы) — великолепная американская фантазия, на которую клюнули наши престарелые (старое животное биологически осторожно и боязливо) партайгеноссе и позволили развалить Великую социалистическую империю, государство созидания и социальной ориентации. И еще одно нагнетание страха: размещение «першингов» и «томагавков» в Европе. Все в стране, в умах, душах людей стало терять ориентир и устойчивость, к которым уже попривыкли в «золотые» 60—70-е годы оптимизма, сытости и имперской мощи.

Отсюда подсознание и выдало роман-предвидение, в котором в аллегорической форме предугадано то, что произойдет со страной через десять лет: жизнь мирного коммунхозовского учреждения, где постепенно все приросли к столам и стульям, все сгнило и рухнуло в небытие.

Писатели (и читатели, конечно), привыкшие в советское время к сто-, двести-, тристатысячным тиражам издаваемых книг, никак не возьмут в толк: а для кого (и для чего) сейчас печатаются книги в количестве ста или двухсот экземпляров? Тираж в 1000-экз. уже считается «массовым»...

Не надо впадать в уныние тем и другим. Вспомним имевшее место в недавней истории литературы. В самом начале XX века случился феномен норвежской (датско-норвежской, ибо язык здесь один и тот же) литературы: Йенсен, Гамсун, Брандес, Кьеркегор и другие. В Норвегии, где люди только селедку и треску ловили (нефтяных платформ там тогда не было, а разработка железорудных копей на западе страны только начиналась), на триста жителей приходился свой писатель или поэт! Понятно, какие тиражи «имели место быть». И ничего, сейчас мы эту литературу читаем, не забываем.

Зачем далеко — в соседнюю Норвегию — ходить: вспомните бурную литературную жизнь России в первую треть XX века... Главное — не отчаиваться и творить, а время разберет. Когда начинающий писатель впервые сталкивается с критикой его работ, это является определяющим в становлении его как потенциального критика.

Не считая доброй критики Бориса Михайловича Зубавина на литинститутских семинарах, впервые я столкнулся с ней после выхода своей первой же книги «На островах». Рецензия на нее не замедлила появиться в областной газете. На «зубок» книга

попала (возможно, в порядке редакционной разнарядки) маститому местному журналисту, поэту и критику N.

Очерк назывался издевательски: «Острова на мели». Даже если автор в каких-то моментах пытался сказать что-либо позитивное, то природная или жизнью воспитанная злоба не позволяла. Кстати, несколько лет спустя, в середине 90-х годов, самых бесхлебных и безработных, этот самый N, который дотоле не узнавал меня при встрече на улицах и на писательских собраниях, вдруг как-то бросился ко мне с радостной улыбкой и рукопожатиями: узнав, что я замдиректора НИИ, попросил устроить на работу жену. Как человек, не помнящий зла, супругу я его к себе устроил. Но N, когда случилась обычная в те годы двухмесячная задержка с выплатой зарплаты, явился в НИИ, устроил скандал мне, а потом пошел к директору с воплями и угрозами. Кончилось тем, что директор вывернул все свои карманы и отдал разъяренному N (хотя его фамилия на букву «Ш») все личные деньги, лишь бы он дольше не приходил.

...И вот после прочтения этого отзыва-рецензии я четко осознал ранее интуитивно угадываемое: критики в литературе (а впрочем, и вообще в жизни) есть двух типов, причем противоположных: одни ругают все и вся, другие хвалят, но очень умно. И, покопавшись в памяти, вспомнив русскую литературу, оба эти типа критиков обнаружил. Несомненно, Белинский относился к умнейшему направлению, достаточно вспомнить его статьи о творчестве Пушкина. Но вот разночинцы, либеральное направление, мощно заявившее о себе в русской литературе второй половины XIX века... Не зря они все были из поповских семей. Не зря народная мудрость говорит: нет худших ненавистников (веры, пьянства, морали...), чем бывших (вероучителей, пьяниц и т.п.).

Урок тот я воспринял в полной мере. Часто пишу отзывы, рецензии (см. книгу «В час волка»), но пишу добро. Ибо только добром можно увлечь и подвигнуть творческого человека к развитию своих способностей.

(38)(38)

ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Марина Баланюк (г. Тула)

ТВОРЧЕСТВО НАТАЛИИ ПАРЫГИНОЙ

Наталья Диомидовна Парыгина приехала в Тулу в 1954 году. К этому времени она успела заочно окончить Томский политехнический институт, поработать несколько лет преподавателем математики в школе, конструктором на заводе, преподавателем технических дисциплин в горном техникуме в городе Томске, а затем — преподавателем и заместителем директора по учебной части горного техникума в г. Ленинск-Кузнецком. В Тулу она приехала с только что изданной в городе Кемерове первой книгой: «Записки педагога».

Вся дальнейшая жизнь писательницы связана с Тулой. И многие ее произведения уходят корнями в реальные события жизни Тулы и Тульской области.

Профессия педагога наложила свой отпечаток на выбор тематики ее книг. Подросткам посвящены ее книги: «Внук шахтера», «Неисправимые», «Неудачные каникулы», «Чужие дети», «Мы с братом».

Но и заводская жизнь и герои строительных профессий интересуют писательницу. «Я — поэт, тем и интересен»,— писал когда-то о себе В. Маяковский. Но и человек любой профессии интересен тем, что именно такое дело и мастерство (или: безделье и приспособление к обстоятельствам) становятся смыслом его жизни.

Жизнь рабочих и инженеров тульских предприятий, творчески осмысленная, художественно отображенная, вставала перед глазами читателей в таких книгах Парыгиной, как «Дни весенние», «Сегодня в десять», «Что сердцу дорого», «Гордость», «Один неверный шаг», «Пока не поздно»...

Событием не только тульской литературной жизни стал роман Наталии Парыгиной «Вдова», вышедший впервые в Туле в 1972 году и отмеченный премией Всесоюзного конкурса и переизданный в Москве в 1976 году. Судьбы тысяч русских женщин так схожи с судьбой Дарьи Костроминой – героиней романа — простой работницы, на плечах которых и держится мир. Жены, матери, вдовы, познавшей и непосильный труд, и радость любви, и боль утрат. Нелегкая жизнь, узнаваемый образ волновали читателей, вызывали их сопереживание.

Зоркий глаз, чуткое ухо художника всегда и везде улавливают то, что потом может лечь образной тканью на страницы новых книг. Не забывая столь дорогих для нее проблем воспитания, писательница снова и снова под разными углами зрения обращается к ним. Так, уже в 1993 году появляется книга «Свет души», темой которой стала жизнь школы-интерната.

Круг интересов писательницы широк. Вошла в него с некоторых пор сфера медицинская. Углубившись в нее, писательница нашла для себя немало благодатных тем. И появилась уже выдержавшая два издания документальная повесть «Судьба врача» — о чудесном докторе Августе Петровне Астаповой, через чьи руки вошли в жизнь едва ли не тысячи туляков. Книга была издана в издательстве «Советский писатель» и переиздана в Туле.

А героем следующей, на этот раз — документальной, основанной на фактах и только фактах, книги стал легендарный тульский хирург Петр Николаевич Пушкарев (роман «Подвиги хирурга»).

В последнее время издавать книги, не имея богатых меценатов, куда как сложно. Но Наталия Диомидовна не оставляет работы над новыми произведениями, веря что рано или поздно они придут к читателю. Больше всего ее по-прежнему волнуют проблемы семьи, особенно молодой, многотрудные проблемы воспитания детей и подростков. С рассказами о героях своих будущих книг на эти темы она выступает в газетах, журналах, по радио. А в 1999 году в Туле вышел ее роман «Любой ценой». В 2004 году — роман «Сын». В обеих книгах подняты острейшие проблемы современности.

Вот как о романе «Любой ценой» пишет критик Сергей Норильский.

«Разлом великого государства и смена строя неизбежно вызывали разломы и душах людей. У многих и многих изменились понятия о приоритетных ценностях человеческой жизни. В обществе и в основной его ячейке — семье произошли свои разпомы»

И далее. «Молодая преподавательница музыки в захолустном городке, красивая и гордая Галина Коршунова... решает: «Я должна уехать из этого жалкого городишки... Уеду! Пробыюсь».

История продвижения Галины к поставленной цели изображена автором ярко, динамично. Принцип: «любой ценой!» неизбежно ведет женщину к нравственному падению. Читаешь об этом с возрастающей тяжестью на душе, свет как бы меркнет вокруг...

Иной сюжет, иные герои в романе «Сын». И эта книга — о сегодняшней российской действительности. Власть денег, зараза стремления к обогащению, пренебрежение истинными ценностями жизни уродуют человека, убивают его душу. Но этот роман в отличие от предыдущего завершается сравнительно благополучными событиями в жизни главного героя и его светлым душевным возрождением.

Ценным творческим настроем Натальи Парыгиной я бы назвала ее стремление отзываться на острые проблемы жизни. Когда в стране появилось и распространилось такое зло как наркомания, писательница изучает это явление по многим научным и научно-популярным источникам, беседует с врачами-наркологами и пишет художественные очерки, которые были изданы в виде двух небольших книг «Жизнь и смерть наркомана» (для подростков) и «В семье подросток... наркоман?» — для родителей.

Недавно небольшим (к сожалению — небольшим!) тиражом вышла в свет еще одна книга писательницы «Семейные повести». Это по сути дела мемуары о жизни семьи писательницы, начиная с ее деда — ссыльного политического каторжанина — до ее дочери и внучки. Книга охватывает период жизни семьи (и — страны!) протяженностью более ста лет.

Эта тонкая, правдивая, умная и прочувствованная книга написана Наталией Диомидовной со всей глубиной ее неисчерпаемого таланта и богатейшим жизненным опытом. Книга «Семейные повести» о том, что в самых трудных, казалось бы совершенно безвыходных состояниях и условиях надо оставаться человеком. Жить, творить и думать о будущем. Заботиться о нравственной чистоте тех, кто идет за нами.

Не забывать о прошедшем. Оттуда искать и черпать всю чистоту, правду и полезность человеческого бытия. Не разрывать тонкую, чувственную связь поколений, уважать других и себя. Стараться не забывать, что мы не одни в этом мире.

Не считать зазорным продолжать свое образование и самообразование в любом возрасте. Ибо стремление к знаниям, доброте, сердечности не имеет ни границ, ни возрастов.

Темной непонятной стороне жизни можно найти объяснения, понять, простить и... жить дальше. Радуясь каждодневно тому, что можно еще погреться у огня, испить чистой воды, ступить на землю, полюбоваться свежей травой на лугу, густой дубравой леса, прочувствовать величие природы. И взглянуть на чистое безоблачное небо!

Творчество Наталии Диомидовны Парыгиной более всего известно тулякам. Но книги ее расходились по всей стране. Наталия Диомидовна рассказывает, что посещая «Ростсельмаш» (город Ростов-на-Дону) для встреч с читателями, она нашла в библиотеке этого завода — гиганта свои книги восьми названий!

Восемь книг писательницы вышли в свет в различных издательствах Москвы.

Наталья Деомидовна Парыгина —

Лауреат Всесоюзного конкурса ВЦПС и Союза Писателей СССР (1975 г.) за роман «Вдова».

Кавалер Золотого Знака «Общественное признание» (1999 г.).

Лауреат Тульской областной премии имени Л. Н. Толстого (2000 г.) за роман «Любой ценой».

Награждена орденом «Знак почета».

Награждена медалью «За трудовую доблесть».

Награждена памятной медалью имени А. С. Пушкина.

Награждена памятной медалью имени М. А. Шолохова.

Почетный гражданин города Тулы.

О творчестве и жизни Н. Д. Парыгиной:

- 1. Почетные граждане города Тулы.— Тула: Левша, 2003.— 164с.— С.107—109.
- 2. На пороге XXI века. Всероссийский автобиблиографический ежегодник. М., «Московский Парнас», 2002, 408 с.— С. 259—260.
- 3. Сергей Норильский. Не вечно зло, если добро множить. Проблемы воспитания нравственности в творчестве Натальи Парыгиной.— Тула: Шар, 2000.— 69с.

1 - Наталья Деомидовна Парыгина.

2 - Мама - Ольга Казимировна Конопко-Парыгина.

- 3 Казимир Станиславович Конопко с внучкой Наташей (1926 г.).
- 4 Папа Деомид Гаврилович Конопко-Парыгин. 5 Сестры Тамара и Наталья Парыгины.

- 6 Н.Д. Парыгина с дочерью Ириной и внучкой Кариной (1987 г.) 7 На встрече с читателями: А.Г. Лаврик, Н.Д. Парыгина, И.А. Минутко, В.Я. Лазарев, В.Ф. Булгаков (23 апреля 1965 г.)

8 - Все еще впереди - Наталья Деомидовна Парыгина.

ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ КНИГИ НАТАЛИИ ПАРЫГИНОЙ «СЕМЕЙНЫЕ ПОВЕСТИ»

Накануне своего Юбилея Наталия Диомидовна издала новую книгу «Семейные повести», отдельные страницы из которой мы вам предлагаем. «Семейные повести» однозначно относятся к автобиографическому жанру. Однако это не сухие, официозные мемуары, но во многом беллетризованное повествование о жизненном пути, изначальной тяге к творческому самовыражению, первых шагах в литературе — и далее вплоть до всесоюзного (в СССР) признания таланта писательницы. Полагаем, что вдумчивый читатель с большим интересом ознакомится с этой книгой, которая, несмотря на специфику жанра, читается как единый по фабуле и композиции роман, действие которого (с учетом воспоминаний о ссыльном в Сибирь деде-поляке) растягивается более чем на век, причем век наиболее значительных для России Нового времени событий: трагических, оптимистичных и судьбоносных.

Марина Баланюк

И в истории с ребенком, как и в выборе своего жанра в литературе, я поступила по-своему. Однажды, отправляясь в командировку в далекий сибирский город, я запаслась документами (требовались справка о жилплощади, о заработке, о здоровье и характеристика) и привезла из Сибири двухлетнюю дочку. Звали ее Ира, я сказала своим: Ирочка-сибирочка.

Телеграмму о своем приобретении я подала только с вокзала из Москвы. Встречала меня на перроне Томуся. Сосед по купе, матрос, помог мне сойти с поезда. Томуся схватила девочку, матрос не сразу отдал. Спросил меня:

— Это ваша?

Тома сама ответила радостным восклицанием:

— Наша, наша!

И мы поехали домой втроем.

Мама приняла «подарочек» с терпеливой обреченностью. «Ну что же делать,— с грустью говорила она знакомым.— Ребенок-то не виноват... Придется растить».

Ребенок наш оказался весьма неординарным и доставлял, немало радостных минут своим поведением и рассуждениями. Было Ириночке, когда мы ее удочеряли, два года и два месяца. Но в детском комбинате ее определили не в ясельную, а в младшую садиковую группу.

Она оказалась самая маленькая в группе, и воспитательницы ее полюбили. Когда я или чаще Томуся приходили за Ирой в садик, она обычно восседала на руках у прогуливающейся на детской площадке воспитательницы.

— И в кого же она у вас такая голосистая! — говорила, улыбаясь, милая воспитательница Валентина Ивановна.— Поет и поет...

Я в ответ только улыбалась. Не знала я, в кого она такая голосистая... Родная мать двухмесячной оставила ее в Доме малютки и исчезла навсегда.

Пожилая одинокая нянечка тоже любила Иру. За едой в детсадике моя дочь, съев несколько ложек каши, протягивала ложку нянечке и командовала:

— Комить!

Нянечка послушно принималась ее кормить.

Вскоре у Иры появился любимый друг — сын еще одной нянечки. Сойдясь утром в садике, эти малыши бежали навстречу друг другу, обнимались, прижавшись друг к другу, и так некоторое время стояли, напоминая взрослую парочку влюбленных.

Мама наша не захотела, чтобы Ира звала ее бабушкой (ну, какая же бабушка в шестьдесят пять лет!). Сказала внучке:

— Зови меня Лелей или Лелечкой.

Ира, возвратясь из садика, кричала своим звонким голосом:

— Лоля, дай хлеба с солем!

Иногда мы спрашивали ее:

- Ира, что тебе: конфету или кильку? Ответ был стандартным:
- Кильку!

Видимо, желудок ее после казенной еды в доме ребенка и в детском саду требовал Чего-то острого.

Была она худенькая, хлипкая. Один раз, когда я с чувством погладила ее по головке, дочка не устояла на ногах и упала. Конечно, этот эпизод надолго стал предметом семейных шуток. Личико у Ириночки было азиатского типа: курносое, скуластенькое с черными продолговатыми глазами. На лоб спускалась черная челка. Волосы Томуся сразу же стала ей отращивать и вскоре уже заплетала в косы с бантиками.

Надо признаться, что мамой для Ириночки стала скорее Томуся, чем я. В эту пору (впрочем, как всегда!) я много работала — и по вдохновению, и ради заработка, и часто уезжала в командировки. Писатели часто выступали перед читателями (иногда потенциальными) и не только в Туле, но и в районах области. В районах мы проводили недели литературы. К тому же у меня завязалось сотрудничество с журналом «Крестьянка», В течение нескольких лет я была членом редколлегии и раз в месяц ездила в Москву на заседание редколлегии. От журнала «Крестьянка» я ездила в командировки в Белоруссию, Азербайджан, Казахстан, в Иркутскую область, в Красноярский край... Однажды утром прихожу в комнату девочек, а Ира плачет на своем диванчике.

- Ирочка! Ты что плачешь, доча?
- Я думала: ты опять уехала...
- Нет, я не уехала, успокойся!

Летом в теплые солнечные дни мы ходили в парк к пруду. Пруд тогда был чистый с песчаным берегом и песчаным дном, с беседками и кабинками для раздевания. Ире мы говорили:

— Пойдем к морю купаться.

Так и воспринимала она наш живописный водоем: как море. Однажды дочка по-интересовалась:

- А почему вы, когда я иду купаться, говорите мне: снимай трусы, а сами не снимаете?
- Все малыши купаются голенькими вон, посмотри. А взрослые в купальниках. Став старше, Ира в соответствии с возрастом стала задавать много вопросов. За столом, когда садились есть, она, выставив пальчик над своей тарелкой, спрашивала:
 - Я эта ела?
 - Нет, не ела. Но это очень вкусное блюдо.
 - Не надо! решительно объявляла дочь и отодвигала тарелку.

И, как ни уговаривай, есть не станет. Что делать? Пришлось обманывать — по принципу: ложь во спасение. «Я эта ела?» «Ела, ела! Тебе очень понравилось!»

На четвертом году жизни нашей красавицы Томуся стала на кубиках с буквами учить ее грамоте.

- Это «б». Ба-ра-бан.
- Ба-ба-бан!
- Бабочка.
- Бабика!

Долго картавила. Выучила произношение звука «р», когда ей было уже почти четыре года. И как же она обрадовалась!

— Леля, слушай! Р-Рак. Рыба. Рука. Рама. Рома...

Многое можно было бы вспомнить. Я записывала интересные моменты жизни дочки и наших разговоров. Получилась небольшая книга (но — не изданная): «Диалоги с дочкой».

В ту пору в нашей округе было много детей. Ира, кода, подросла, в компании соседских? ровесников играла в прятки, в бабки-ежки, в казаков-разбойников... Ребячий гвалт стоял во дворе. Взрослые не сердились — им это нравилось. И в самом деле: ребячий гвалт — не есть ли это музыка жизни?

Ира, наигравшись и набегавшись, приходила с улицы веселая, возбужденная. Но однажды пришла какая-то подавленная. Дети еще галдели на улице, а она пришла.

- Ириночка, что случилось? спросила я дочку, почуяв неладное.
- Мама, все ведь видят, что ты ходишь, знают тебя, а говорят, что у меня лет мамы.
 - Кто это говорит?
 - Ребята...
 - Ладно... Ты умойся, покушай, а потом мы с тобой поговорим.

У меня принцип: не ври, так не попадешься. Нет, в крайнем случае я могу соврать, но стараюсь этих крайностей избегать. И дочке в этот вечер объяснила, что у нее была другая мама, которая ее родила и оставила в детском доме.

— Ей не нужна была дочка, а мне нужна. И я стала твоей мамой.

На этом проблема была решена. Почти. Однажды мама — любительница разных экспериментов, в том числе — психологических, спросила Иру:

- Ты хотела бы поехать в тот город, где родилась?
- Нет! заявила умная девочка.— Вдруг эта тетка, которая меня родила, увидит меня и скажет: «Пойдем со мной!» А ты,— взгляд ее черных мрачноватых глазенок уперся в мое лицо.— А ты мне уже понравилась.

Вот теперь тема материнства была закрыта навсегда.

Все было хорошо... было бы хорошо! но здоровье у нашей малышки было далеко не идеальное. Особенно докучал ей диатез, мучили носовые кровотечения, врач подозревала неполадки с печенью. Выглядела Ира бледной и нездоровой. Что делать?

- Может быть, свозить ее на курорт к Черному морю? спросила я детского врача.
 - Ни в коем случае! заявила доктор. Ирочке можно только в Прибалтику.

На семейном совете мы решили, что врачи не все знают (у нас для такого вывода были и другие основания) и сошлись во мнении, что надо ехать с Ирой к Черному морю.

Наталье ребенка доверять нельзя, — сказала мама.

Я обиделась.

- Почему нельзя?
- Ты слишком рассеянная! Тома другое дело...

Вообще-то мамин довод был убедительный: я действительно смолоду отличалась рассеянностью. Так что на курорт поехали две наши малышки — Томочка в эту пору была худенькая и роста небольшого. Поехали «дикарями» в Адлер. Я проводила их на поезд (поезд уходил ночью) и с утра вернулась к письменному столу.

В Адлер девочки приехали в дождливый день. Пока они добрались до гостини-

цы — вымокли под дождем так, словно во всей одежде искупались в море. В гостинице их пожалели и поселили в освободившийся номер.

А утром сияло солнце, и море было почти спокойное. Девочки отправились купаться

Томочка плавать не умела и забредала в воде не более чем по пояс. Так и в этот раз. Забрели, поплескались и вдруг... Вдруг — девятый вал! Накрыл моих купальщиц с головой. Тома, растопырив руки, нашаривала под водой племянницу. Поймала за бок. Волна схлынула.

Напуганные курортницы, дрожа от страха, выбрались на берег.

В номере под душем Тома заметила на боку племянницы синее пятно.

- Ирочка, что это? удивилось она.
- А это ты за меня так крепко ухватилась, чтобы не утонуть, объяснила Ира.
- Понятно...

Но в общем-то, они отлично загорели и вдоволь накупались. Вернулись поздоровевшие. Диатез у Иры напрочь исчез! А цвет лица стал такой приятный, что любая красавица могла бы ему позавидовать.

В школу Ира пошла шести с половиной лет. Она в это время уже, довольно хорошо читала и писала печатными буквами. Я надеялась, что она будет хорошо учиться. Но... Подвела математика! Точнее — очередной эксперимент...

В первом классе по этому мудрому эксперименту в математике надо было освоить уравнения с иксами и игреками, графики, функции... Официально предполагалось по атому эксперименту, что домашних заданий первоклассникам давать не будут. Но это благое намерение никак не согласовывалось с объемом школьной программы. И учительница не только задавала на дом задачи и примеры, но — собирала родителей и проводила для них нечто вроде семинара, объясняя, как помочь детям одолеть математические премудрости.

Невзлюбив математику с первых шагов, Ира тяжело шла по ее ступеням и в дальнейшем. И после восьмого класса объявила дома:

- Я в эту школу больше ни за что не пойду! Устраивайте меря в какое-нибудь училище
 - В педагогическое пойдешь?
 - Учить этих идиотов? Ни за что!
- Но... Может быть, в дошкольное педучилище? Учиться на воспитателя детского сада.
 - Ладно,— без особого энтузиазма согласилась дочь.

Педучилище № 2 было очень хорошее, с добрыми традициями, с опытными педагогами. Особенно нравились Ире предметы: рисование и музыка. Тут у нее раскрылись отличные способности. Мы купили пианино, и в квартире у нас теперь звучала «живая» музыка.

Как всегда, у нас в доме были животные: кошка и собака. Кошку звали Тимка. Она была гурманка: обожала консервы «зеленый горошек» и конфеты «Коровка». Когда открывали зеленый горошек, она принималась громким мяуканьем выпрашивать для себя этого лакомства. А ради «Коровки», сидя у кого-нибудь на коленях во время чаепития, осторожно тянулась лапой к вазочке с конфетами.

Маркиза нам подарила Вера Петровна Охохонина маленьким щеночком. Это была красивая болонка с длинной, прямой, густой и белейшей шерстью, среди которой выделялись на мордочке три точки: нос и два глаза.

По вечерам мы все собирались в большой комнате за телевизором. Маркизик любил устраиваться у Томочки (иногда и у меня) на коленях, а Тимке нравилось лежать на телевизоре. Но стоило Маркизику соскочить с Томиных или моих колен, как Тимка спрыгивала с телевизора и устраивалась на его место, считая его, видимо, приви-

легированным. Но если по телевизору показывали хоккей, Тимка не ограничивалась ролью зрителя, а подходила к телевизору и пыталась принять участие в игре: встав на задние лапы (телевизор стоял на ножках), передней ловила шайбу.

Тимке нравилась игра в хоккей, а Маркизику — Ирина игра на пианино. Однажды он попробовал подпеть под музыку. Ира одобрила его вокал:

— Еще, Маркизик, еще!

С этих пор они частенько устраивали концерты. Ира говорила:

— Маркизик, пойдем петь.

И он охотно бежал за ней к инструменту.

Концерты они устраивали и тогда, когда к ним приходили гости. Слушатели — и хозяева, и знакомые — награждали исполнителей аплодисментами, а музыкальная парочка охотно повторяла артистическое подвывание под звуки пианино на бис.

Но вернусь к творческим делам.

О Великой Отечественной войне написано много книг — и художественных, и документальных. О фронтовых подвигах. О партизанах и разведчиках. О страданиях и стойкости деревенских женщин, оставшихся без мужчин.

Но, казалось мне, была одна категория участников... участниц! войны, о которых наша литература не сказала веского слова. Это женщины-работницы. А ведь они держали на своих плечах крестьянками весь тыл! И на заводах работали, и в шахтах, и в госпиталях, и в эвакуацию уезжали вместе с заводами... Вот смутный облик такой почти безвестной в литературе героини зарождался в моей душе и тревожил воображение

Некоторые конкретные живые черты он обрел в тот период, когда писала я очерк «Волшебница-химия». Со многими женщинами-работницами разговорилась я тогда, многие судьбы, эпизоды, человеческие драмы записали в свои блокноты. И не помню уже, в какой момент: в бессонную ли ночь или сидя на заседании (много заседала по общественной линии), или в какой-то иной момент осенила меня мысль: «Вот там, на этом самом заводе синтетического каучука и будет работать моя героиня, которую назову коротким и горьким словом: «Вдова».

Сначала я намеревалась написать роман только о военной поре жизни моих героев. Но, глубже вникнув в замысел, как бы мысленно читая ненаписанную книгу, поняла, что и начинать надо с довоенных лет и окончить — послевоенными, показав судьбы героев на протяжении трех-четырех десятилетий.

Главная героиня романа Даша Родионова родилась и выросла в деревне. Отца бандиты убили. Жениха из, числа крепких середняков мать выбрала. А взаимная любовь у Даши с Василием. У Василия — ни кола, ни двора, живет на квартире у чужой старушки.

Не стану рассказывать дальше сюжет, ибо сюжет — всего лишь скелет произведения, и сам автор долго трудится и умом, и пером, чтобы сотворить на этой основе полноценный роман. У меня от замысла «Вдовы» до книги прошло десять лет... За эти годы я не один раз ездила в Ефремов — благо были у меня теперь там друзья — Вера Петровна Охохонина и ее родные. Выдали мне постоянный пропуск на завод. Ходила я по цехам, расспрашивала людей о важных событиях и о мелочах («деталях», как говорят в литературном общении), чтобы убедительно описать жизнь эпохи, в которой происходят события романа. Съездила в Москву, посидела в читальном зале Ленинской библиотеки, над подшивкой газет выходившей в тридцатых годах ефремовской районной газеты. Зато на читательских конференциях по «Вдове» спрашивали меня потом:

— Ведь вы в тридцатые годы по возрасту не могли наблюдать нашу жизнь. Откуда вы все знаете? Не только описала я женщин (преимущественно — женщин) той поры, но и полюбила их — отчасти списанных с натуры, а больше все-таки созданных моим воображением, А полюбить было за что... И Дарью, потерявшую не только мужа на войне, но и по пути в эвакуацию грудную девочку. И Марфу, не поехавшую в эвакуацию из-за того, что не на кого было оставить одинокого старика, у которого жила на квартире. И Дору, вырастившую двоих сыновей: своего родного и сына Марфы, оставшегося сиротой. И Любу, не утратившую за многие годы любовь к человеку, которого репрессировали по навету и ставшего в тяжкой лагерной жизни инвалидом.

Когда принесла я рукопись романа в Тульское книжное издательство, редактором художественной литературам, там был Валерий Георгиевич Ходулин. Рукопись по обычаям той поры около года пролежала в издательстве, прежде чем ее прочли и включили в план. Рукопись лежала в издательстве на полке, а я продолжала работать над вторым экземпляром: где главу переделаю, где детали уточню, где диалог сделаю острее... Я пишу, Томуся перепечатывает вставки, а то и целые главы. И обретает роман новый вариант.

Валерий Георгиевич, прочитав наконец роман, высказал свои замечания и спросил меня:

- Сколько вам надо времени на доработку рукописи? Я сказала:
- Две недели.

Он вроде бы обиделся.

- Я серьезно!
- Две недели, повторила я.
- Ну, смотрите.

Через две недели я принесла доработанный вариант. Редактор прочитал (у него на это ушло больше двух недель) и удивился: «Надо же, за две недели...» О том, что я весь год работала над новым вариантом, я ему не сказала. Претензий к рукописи у него Дольше не было.

Роман «Вдова» вышел первым изданием в 1971 году. Я послала его в Москву на конкурс Союза писателей и ВЦСПС на лучшее произведение о рабочем классе. И моей «Вдове» была присуждена поощрительная премия.

Вручали премии в Доме союзов. Я позвонила в комитет по премиям и попросила заказать мне номер в гостинице на двоих с сестрой. И на торжество мы поехали вдвоем с Томусей. После вручения премий для гостей был концерт, а для победителей конкурса в небольшом зальчике за сценой угощение (по-нонешнему: фуршет) с шампанским и всякими деликатесами.

Все премированные книги были переизданы, в московских издательствах. «Вдова» вышла в «Профиздате». Оба издания — и тульское, и московское быстро разошлись, и Тула еще раз переиздала книгу. Общий тираж составил 155 тысяч экземпляров.

В то время были распространены встречи писателей с читателями. Дважды выступала я среди лауреатов конкурсу в Москве: на заводе имени Лихачева и в Политехническом музее. В Туле и области прошло по книге много читательских конференций. Случалось, что кто-нибудь незнакомый спрашивал у меня за спиной.

- Парыгина? Кто это такая?
- Не знаешь? отвечали любопытному.— Это же «Вдова»! Думаю, что с романа «Вдова» начался новый, более высокий этап моего творчества.

(38)(38)

ТУЛА И МАЛЫЕ ГОРОДА ТУЛЬСКОГО КРАЯ: СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Наталия Кириленко (г. Тула)

НИКОЛОЧАСОВЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Этот храм стоял на улице Посольской (ныне Советская), напротив выхода на нее улицы Томилинской (позже — Суворовская, ныне — Красноармейский проспект). Теперь на его месте — пятиэтажный жилой дом, на первом этаже которого раньше находился «Дом обуви», а теперь — магазин бытовой техники.

Преданья старины глубокой...

Рядом с храмом на Посольскую со стороны кремля выходил Ломовский (ныне Денисовский) переулок. В XVI — первой половине XVIII вв. примерно по линии улицы Советской проходили земляной вал и стена острожной крепости. Примерно там, где сегодня переулок выходит на улицу, в стене острога были небольшие ворота — так называемый Абрамов пролаз.

По преданию, рядом с острожной стеной здесь стояла келья блаженного Абрама; при ней имелась маленькая деревянная часовня с иконой святого Николая; по ней-то и была названа построенная здесь позже церковь.

В 1740 году земляной вал срыли.

Деревянная часовня нередко страдала от пожаров, и в 1745 году ее заменили каменной.

А в 1804 году возвели каменный храм, вначале однопрестольный, который затем неоднократно перестраивался и расширялся. При храме была часовня над колодцем, известным с летописных времен. Колодец засыпали при разрушении храма в середине 1930-х гг.

Необычный облик

После нескольких перестроек Николочасовенская церковь стала четырехпрестольной. Первый, южный, освятили во имя святого Николая, второй — во имя равноапостольной Ольги и преподобного Серафима, третий — Казанской иконы Божьей Матери, четвертый — Тихвинской иконы Божией Матери.

Интересная история возникновения четвертого престола. У тульского купца Кос-

тина была Тихвинская икона Божией Матери. Рассказывают, что многие туляки видели во сне, будто их призывают посетить дом Костина и присутствовать на молебне перед этим образом. Люди стали это исполнять. Монаху, приглашенному из Николочасовенского храма для отправления служб, приходилось даже жить в доме у купца — настолько много было желающих помолиться перед иконой. Епископ Тульский и Белевский Дмитрий счел такое положение неудобным и предложил Костину пожертвовать образ храму. Купец не только преподнес в дар икону, но и выделил деньги, на которые и построили Тихвинский придел Николочасовенской церкви.

Храм имел два купола — один на круглом световом барабане, другой — на восьмерике с неравными гранями. В центре здания, выступая за красную линию улицы, находилась западная паперть, на нее вели с двух сторон лестницы, расположенные вдоль фасадов. Паперть была увенчана колокольней с 7-ю колоколами, самый большой из которых весил больше тонны.

По мнению архитектора Александра Шевчука, «несомненный интерес представляла Николочасовенская церковь в градостроительном плане. Как известно, современный Красноармейский проспект ранее замыкался почти семидесятиметровой колокольней Успенского собора кремля, которая доминировала над окружающей застройкой, визуально несколько подавляя ее. Один из куполов Николочасовенского храма (левый) тоже замыкал нынешний Красноармейский проспект и, накладываясь на главную городскую доминанту..., несколько нивелировал ее «разрушительный» масштаб. В итоге получалась классическая композиция пространства, характерная для русских городов: ось улицы — невысокая доминанта на переднем плане — основная доминанта исторического центра».

Иоанн Котельников

Говоря о Николочасовенской церкви, невозможно не вспомнить о блаженном Иоанне, чья судьба тесно связана с этим храмом.

Иоанн Котельников родился в семье знатного тульского купца, дом которого стоял на Посольской улице. Еще подростком он начал помогать отцу вести дела по купле-продаже леса, часто бывал в Серпухове, где закупал лес, который сплавляли по Оке. Недалеко от серпуховского Владычного монастыря жила блаженная старица Евфросиния, урожденная княжна Вяземская. Она, по преданию, и благословила Иоанна на путь юродивого Христа ради.

Иоанн стал проявлять аскетизм, воздерживаться в пище, отказываться от помощи слуг, а в 17 лет решился на подвиг юродства.

Умный и образованный богатый человек покинул родной дом и ушел скитаться по тульским улицам. Зимой и летом ходил босой, с непокрытой головой, питался подаянием. Во все времена года ночевал на паперти Николочасовенской церкви, правда, спал недолго, больше молился. В это время случайные прохожие видели его в светлом сиянии и приподнятым над землей. Родные много раз пытались забрать Иоанна домой, но он снова уходил.

Иоанн Котельников предвестил страшный пожар, случившийся в Туле 29 июня 1834 года. Незадолго до этого бедствия он ходил по улицам, которые потом были уничтожены огнем, и дул во все стороны, как бы раздувая тлеющие головешки. В некоторых домах просил воды, но не пил ее, а выйдя на улицу, поливал ею дом. Все строения, с которыми так поступил Иоанн, уцелели, хотя соседние с ними дома сгорели.

Придя на базар, юродивый как бы видел весь товар насквозь. Однажды прогневил торговца, опрокинув его бочку с квасом. На дне бочки оказалась дохлая крыса.

В разоренные пьянством дома Иоанн приносил подаренные ему вещи и деньги.

За исцелением обращались к нему выпивохи и их родные. После смерти юродивого исцеления от пьянства происходили на его могиле. Именно при Николочасовенском храме, где был похоронен Иоанн, в начале XX в. действовало общество трезвости.

Как-то раз Иоанн пришел к своим родственникам и сказал, что через два дня у них будет пир. Это было последнее предсказание блаженного — поминки по самому себе. Умер он в 1845 году.

В 1920-х годах верующие, не желая, чтобы могила Иоанна подвергалась осквернению, тайно перенесли его останки на Всехсвятское кладбище. К его могиле никогда не зарастала тропинка.

В 1988 году блаженный Иоанн был сопричислен к Собору святых, в земле Тульской просиявших. В 1990 г. раку с его мощами установили в соборе Всех Святых. В том же году во имя блаженного Иоанна Тульского освящен придел в Свято-Покровском (Феодосиевском) храме.

Печальная участь храма

В первые годы Советской власти Николочасовенская церковь разделила судьбу многих тульских храмов.

Первый раз ее попытались закрыть в 1921 г. Верующие, приходившие в Николочасовенский храм даже из отдаленных частей Тулы, обратились к местным властям с просьбой не закрывать его. В ноябре 1921 г. храм обследовала комиссия Главмузея (Москва) и предписала взять церковь под охрану «ввиду ее художественного значения и целостно-сохранившегося стиля». Предметы из храма также не подлежали реквизиции без разрешения Главмузея.

Однако эта «охранная грамота» действовала недолго. Весной 1922 года, во время кампании помощи голодающим Поволжья, церковную утварь из Николочасовенской церкви изъяли. Особо ценные предметы передали в Тульский художественно-краеведческий музей. Среди них была, например, серебряная золоченая звездица 1-й половины XVII в., напрестольный крест начала XVII в., напрестольное Евангелие 1681 года.

6 августа 1922 года храм был отдан обновленцам — священникам, сотрудничавшим с Советской властью; их резиденция и существовала здесь более 10 лет.

В 1935 году Николочасовенскую церковь закрыли, обосновав это необходимостью размещения в ее здании библиотеки. Потом были другие проекты — устроить в бывшем храме кинотеатр с концертным залом и кафе. Помешало отсутствие на это денег. Храм снесли, и на его месте свыше 20 лет был пустырь, поросший бурьяном и огороженный забором. В начале 1960-х гг. здесь построили пятиэтажный жилой дом с магазином «Дом обуви».

68806880

Мария Аблогина, Михаил Семенов

(г. Белев)

СЕМЬЯ АСТАХОВЫХ

От редакции: Мы получили письмо уроженца Белева Владимира Дмитриевича Никишова, приводим его текст:

Направляю Вам рассказ о Белевской семье знаменитых учителей Астаховых. Помимо моей статьи, было бы правильно опубликовать и статью учеников о семье Астаховых. Ведь именно эта статья побудила меня к рассказу о моем учителе. Моя краткая биография: Родился в 1939 году в дер. Зубково Белевского района Тульской обл. Учился в Ново-Долецкой начальной школе, Белевской семилетней школе № 8, Белевской средней школе № 1, Окончил Лесоинженерный факультет Московского песотехнического института. Область научной деятельности — неразрушающие методы контроля древесины и ее комплексное использование. Профессор кафедры Технологии и оборудования лесопромышленного производства. Директор издательства Московского государственного университета леса, зам. главного редактора журнала «Лесной вестник».

Редакция сочла возможным и необходимым поместить эти материалы в исторический выпуск журнала «Приокские зори».

В городе Белеве трудно найти человека, который не знал бы фамилии Астаховых, педагогический стаж этой семьи — 132 года.

Ученики муниципальной общеобразовательной средней школы № 1, в которой год действует музей истории школы, решили поближе познакомиться с этой удивительной семьей. Вот какой интересный рассказ мы услышали от Марины Ивановны Астаховой и ее бывших учеников.

Астахова Варвара Николаевна

Варвара Николаевна начала работать с 1908 года учительницей в деревне Железница Белевского уезда. В местной школе учились только мальчики, но молодая учительница так понравилась селянам, что они стали отдавать в школу и девочек. Долгими зимними вечерами в классе горела лампа, и ученики приходили, чтобы послушать произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, с которыми их знакомила учительница.

Уже через десять лет, в 1918 году, Варвара Николаевна организовала первый в Белеве детский дом им. Веры Величко, где проработала заведующей, а потом воспитательницей 9 лет. Всю себя она отдавала осиротевшим детям, стараясь любовью, добротой

и заботой отогреть их сердца. Варвара Николаевна интуитивно чувствовала, что только опираясь на актив, можно достичь желаемых результатов. Время было тяжелое. Обуть и одеть детей, чтобы они могли ходить в школу, было несбыточной мечтой, но она поставила задачу — растить настоящего человека.

Варвара Николаевна обратилась к учителям города с просьбой прийти обучать детей в стенах детского дома безвозмездно. Откликнулись лучшие учителя города: Мельников Николай Александрович, Кириков Михаил Степанович, Соболева Варвара Васильевна, Судитская Лидия Николаевна. Вот так любила и думала о будущем своих воспитанников их детдомовская мама.

Далее Варвара Николаевна работала в школе им. К. Д. Ушинского, заповеди которого свято выполняла. Когда же была открыта школа № 5 имени В. А. Жуковского, она обучала в ней детей начальных классов до дня эвакуации, т. е. 6 октября 1941 года.

В связи с ухудшением зрения в школу она больше не вернулась, но вела большую работу с молодыми учителями, передавая им свои знания по методике обучения организации учебного процесса в начальных классах, уделяя особое внимание воспитанию личности ученика.

За многолетнюю плодотворную работу по воспитанию детей, за безупречное отношение к педагогическому составу, имела многочисленные благодарности. Вот одно из воспоминаний о ней:

«Человек большой души — Астахова Варвара Николаевна.

Через всю свою жизнь я пронесла светлую память об этом человеке, о моей первой учительнице. Придя в первый класс робкими, а порой и голодными, т. к. это был 1933 год, мы увидели в этой женщине воплощение доброты, порядочности, мудрости. И самое главное, мы чувствовали теплоту и свет, исходящие от нее. Наша семья была бедной, и хлеба не всегда хватало, но Варвара Николаевна чувствовала сердцем, кому нужна помощь.

Однажды, придя в школу, Варвара Николаевна попросила меня зайти к себе домой. Я пришла, а она передала моей семье пакет с «французскими» булочками, которые я не видела никогда. Не передать никакими словами те чувства, что тогда испытывала. Не ведая того, она спасала нас от голода.

В классе всегда у нее было тихо, хотя она даже ни на кого не смотрела строго. А на перемене, когда многие бегали в буфет, я с братом стояла в стороне, потому что у нас не было денег, чтобы купить кусочек хлеба. И вновь на помощь приходила она. Брала нас нежно за руки и подводила к буфету. Покупала нам бутерброды. И опять в наших душах был праздник. А она, незаметно сделав доброе дело, оставалась в стороне. Лишь со временем, повзрослев, я поняла, что значила ее доброта: она помогала выжить в те нелегкие времена многим детям...

И за ее «золотое» сердце мы низко кланяемся ей. Прошли годы, но я каждый день вспоминаю ее, и хожу в церковь, молясь за то, что в моей жизни был такой человек.

Ее бывшая ученица, Степа Лидия Ивановна».

Астахов Иван Егорович

Иван Егорович начал свою педагогическую деятельность с 1906 года. Два года он работал учителем сельских ребятишек в деревне Кондратово Белевского района. А далее, когда увидели, что он талантливый учитель, и ему селяне дали хорошую характеристику, в 1908 году Ивана Егоровича взяли работать в Белевское реальное мужское училище имени В. А. Жуковского в городе Белеве. Он сам был его выпускником.

В 1920—23 годы, он трудился в Уездном отделе народного образования, а в 1923 году стал заведующим учебной частью Белевского детского дома, где и познакомился с будущей женой. Это были тяжелые годы для всей страны. Голод, разруха после

гражданской войны, целая «армия» беспризорников, детей оставшихся без родителей, обделенных их лаской и заботой. Детские дома должны были не только обогреть и накормить, но дать им образование и профессию. В этом деле требуется самоотдача, терпение, любовь к детям, нужны были такие люди, как Иван Егорович Астахов.

Одна из школ, в которой работал Иван Егорович, находилась на ул. Советской, где сейчас находится районный Комитет народного образования; долгие годы работал в школе № 1 директором, в школе им. Ушинского, которая находится на ул. Первомайской. Далее, когда открыли школу № 5 в здании бывшего народного мужского училища имени В.А. Жуковского, Иван Егорович Астахов попросился работать туда, где стал директором и преподавал математику. С 1930 по 1936 год семья Астаховых жила в доме В. А. Жуковского.

Когда началась война, и в октябре 1941 года фронт приблизился к территории района, семья Астаховых уезжает в эвакуацию. Живет в Бухарской области Узбекской ССР в райцентре Бустон. Когда освободили Белев, то Иван Егорович послал телеграмму в Тульский облоно и сообщил, где он с семьей находится. Пришла ответная телеграмма — его вызывали с семьей в Белев. Немцы были еще в Мишенском, около Белева шли бои. Семья Астаховых сначала остановилась в деревне Семеновское. Ивана Егоровича назначили заведующим отделом Народного образования. Это было 17 марта 1942 года. Часть Белевского района была занята немцами. Наше правительство поставило задачу: дети на освобожденных территориях должны получать образование. Перед Астаховым Иваном Егоровичем стала задача — открыть школы, и он успешно с ней справился.

Далее, по призыву Сталина, все мужчины, у которых возраст не подходил к обязательному участию в боевых действиях, добровольно могли идти на фронт, и Иван Егорович добровольцем ушел в армию. Пробыв в действующей армии с апреля по сентябрь 1942 года, вернулся назад и приступил к прежней работе. В это время открывались новые школы, но немцы еще находились недалеко от города. Освободили весь Белевский район только в июле 1943 года. На освобожденной территории нужно было тоже открывать школы. Во время боевых действий они находились даже в блиндажах.

В 1943 — начале 1944 гг. в Белевском районе открылось 92 школы. В Белеве только 15 % зданий было пригодно для их эксплуатации. Белевский отдел Народного образования, который возглавлял в военные годы Иван Егорович, находился в его собственном доме на ул. Пролетарской, 19. Далее, оставив эту должность, он до 1946 года был директором начальной школы № 4 им. Рылеева. Потом работал в отделе пропаганды и агитации райкома партии и одновременно преподавал математику, заведовал белевским радиовещанием. В то время газеты выпускались редко, бумаги не хватало, доставлять их было тяжело. Радио для белевцев служило зачастую единственным источником новостей, которые распространялись по всей нашей большой стране.

Далее, Иван Егорович уходит целиком и полностью на педагогическую работу. 4-я школа стала семилетней, и он преподавал в ней математику до конца 1952 года.

Иван Егорович вел очень большую методическую и воспитательную работу с молодыми учителями. Он в летние месяцы проводил курсы с учителями начальных классов по методической работе. Прекрасно знал литературу. Он необыкновенно читал отрывки из художественных произведений. Когда проходили учительские конференции, его просили прочитать монолог из какого-либо произведения, и когда он читал монолог городничего из «Ревизора», то восторгам и аплодисментам не было конца. Он отдал 54 года Белевскому народному театру, играл в нем различные роли.

Он первым в Белевском районе вырастил виноград, за что был награжден грамотой.

Иван Егорович Астахов умер в 1958 году, на его похоронах присутствовало очень много людей, и был венок с надписью на ленточке: «Учителю учителей»...

Марина Ивановна Астахова вспоминала: «Наша семья была очень дружная. Мама, папа, младшая сестра Лида и я были друзьями. Когда мы подросли, то принимали самое активное участие в решении всех вопросов, так как нас формировали как личность, хотя авторитет родителей был для нас неоспорим. С детства они воспитывали в нас трудолюбие, уважение и доброту к окружающим, силу воли в достижении поставленной цели, умение воспринимать критику, в любых ситуациях принимать объективные решения. В семье всегда царил дух любви, оптимизма. В свободные минутки, которые были для нас праздником, папа и мама делились своими школьными новостями, обсуждали прочитанные нами книги, читали вслух по очереди, устраивали «театр теней» и т. д. Все это сближало нас. У нас была большая библиотека, так как семейное хобби во все времена — книги. Мама очень любила И. А. Крылова, большую часть его басен знала наизусть. Родители привили нам любовь к родному краю, научили любить природу, любить жизнь, говоря, что жизнь на всех этапах прекрасна».

Астахова Марина Ивановна

Эти чувства к прекрасному пронесла через всю свою жизнь Марина Ивановна Астахова. Недаром ее бывшая ученица так сказала о ней: «Статная, с профилем античной богини с камеей. Возраст сделал ее еще красивее, высветив изнутри саму суть, и она — старейший педагог района, всегда оставалась с изыском одетой благородной дамой».

В ее дом на Пролетарской, бывшей Дворянской улице, по вечерам приходили люди, здесь бывали бывшие ученики. Приезжая к родителям, они обязательно наносили визит Марине Ивановне, а без этого вроде бы и не состоялась для них встреча с малой родиной.

Двери этого дома знакомы и нынешним школьникам, которых она уже не учит в своей родной первой школе: прибегают они справиться о здоровье, не

нужно ли чего. Это бывшие и сегодняшние коллеги волнуются, как там она. Знают, что любит молодежь, поэтому и посылают. Ведь и она когда-то посылала учеников проведать стариков. И кажется, от этого ребята учились понимать, жалеть и помогать им.

Ее хорошо знали в районе: вышла из учительской семьи, больше полвека сама проработала в школе, занималась депутатской работой, руководила Советом ветеранов-учителей. По складу характер активный, деятельный, энергичный и очень добрый, деликатный человек, она принимала участие в судьбе многих выпускников. Вера в возможности школьника, глубокое неподдельное уважение к его личности — неотъемлемая часть стиля Марины Ивановны, а отсюда ее незыблемый авторитет не только у учеников, но и у их родителей. Мудрые слова говорила она своим ученикам: «Пусть будет добрым ум у вас, а сердце умным будет». Этому, кажущемуся в руках мастера простому делу, отдана вся жизнь.

«Учитель! Сколько надо любви и огня, чтобы помнили, чтобы верили дети в тебя!» Эти слова полностью оправдывают жизненный путь Педагога с большой буквы — Марины Ивановны Астаховой.

В трудный 1944 военный год, когда все взрослое население, и учителя в том числе, ушли отстаивать нашу землю от фашистских оккупантов, она стала работать учителем в школе \mathbb{N} 2.

Марина Ивановна поступила учиться заочно в Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза, успешно его закончила, приобрела специальность учителя немецкого языка. Вскоре перешла в школу № 1, где проработала много времени. Теперь более 20 учеников Марины Ивановны стали преподавателями иностранных языков.

Многому хорошему она научила своих питомцев. Марина Ивановна обладала талантом человеколюбия, любовью к своему труду, поэтому долгие годы сохраняла бодрость духа, ясность ума, свежесть впечатлений. Каждое ее слово несло добро и справедливость.

В течение 22 лет, до 1984 года, Марина Ивановна работала заместителем директора, и за это время внесла в жизнь школы очень много нового, особенно в методической работе. Сама собранная, дисциплинированная — она вела большую работу по воспитанию чувства порядка. Много брала она от своих коллег-учителей, с которыми когда-то училась в институте, и опыт этот передала другим.

Много времени и сил отдала она работе, однако, на склоне лет, сохраняла удивительную физическую бодрость. Не скрывала секрета — все это от занятий в саду, по дому. Она выращивала подмосковный виноград, черенки которого были посажены еще отцом, георгины и астры. Любила природу, любила читать о природе, особенно произведения Тургенева. Неоднократно была с ребятами в Спасском-Лутовинове — родине писателя.

Марина Ивановна стояла у истоков создания Музея Боевой и Трудовой Славы. Экспонаты музея, собранные учениками и учителями, под руководством Марины Ивановны, бережно хранятся уже более 39 лет.

Была депутатом городского совета, возглавила внештатный отдел по народному образованию РК КПСС, где много времени отдавала работе с молодыми учителями.

За безупречный труд Марине Ивановне Астаховой присвоено звание «Отличник народного просвещения». Она награждена юбилейной медалью, самая высокая награда, которой она удостоена — это Орден Трудового Красного Знамени. В 1997 г. она получила звание «Заслуженный учитель России», а в 1998г. пошла на заслуженный отлых.

Отдавать сердце детям — так учил великий педагог В. А. Сухомлинский. Следуя его совету, педагог М. И. Астахова бескорыстно отдавала ребятам все, что было у нее хорошего, но от этого сама она становилась еще богаче.

Обратимся к письменным воспоминаниям о ней ее учеников:

«Во время Великой Отечественной войны 1941—45 гг. я находился в г. Белеве. Все учебные заведения в этот период не функционировали и мы, подростки, прервали свою учебу и возобновившие ее только в 1943 г. Школа наша называлась первой, которая находилась на улице Пролетарской д. 1. Условия были очень тяжелые, отопление было печное, дров было в ограниченном количестве, занимаясь в пальто. Классы были не приспособлены к занятиям, очень маленькие комнаты, сидели по 6 человек за партой. Педагогический коллектив был пожилого возраста, но хорошо знали свое дело. В 1944 году к нам в класс назначили классным руководителем молодую, жизнерадостную, веселую учительницу по немецкому языку, Астахову Марину Ивановну. Она была старше нас только на 6 лет. Но с первых дней она показала себя знающим специалистом, хорошим преподавателем немецкого языка. Она учила нас языку, благодаря чему мы стали понимать многие слова этого предмета и с интересом изучали немецкий язык.

Она была у меня классным руководителем, регулярно проводила классные собрания и встречи с родителями, где вскрывала положительные и отрицательные стороны каждого учащегося. Была очень требовательная по отношению к нам, все мы ее уважали и любили. Марина Ивановна пользовалась большим авторитетом среди пе-

дагогического коллектива и среди нас, учащихся. В отношении оценок знаний была справедлива, и никто из нас никогда не обижался. Ее ученики многие получили высшее образование, служат и работают во всех уголках нашей страны. Спасибо ей от бывших учащихся за то, что мы получили знания для жизни.

С уважением В. Т. Звездочкин, 18.11.2002, г. Белев».

А вот еще два письма:

«Дорогая моя Марина Ивановна!

В суете нашей жизни, быстротечных встреч мне не случилось выразить Вам свое глубочайшее уважение и любовь, которые я (и очень — очень многие белевцы) постоянно ношу в своем сердце с того времени, когда в далеком 1952 году Вы вошли в наш 10 «б» — красивая, открытая, молодая... Те знания, что дали Вы мне за один год, помогли мне поступить в прекрасный ВУЗ — Московский пединститут: первый предмет на вступительных — немецкий, и первая пятерка! В моей жизни я часто ощущала Вашу поддержку и влияние: и в выборе профессии, и в создании семьи, и методике преподавания, и в манере поведения с большой аудиторией, и во многом другом. Окончив школу, мы с большим волнением приходили в Ваш дом, общались с Вашими благородными родителями, достойнейшими наставниками Белевской детворы. Для каждого находили Вы доброе слово помощи, одобрения. Мы взрослели, старели, а Вы не изменялись.

Мы приводили к Вам своих детей, внуков, а нас встречала наша Марина (ведь у Вас не было прозвища) — и с улыбкой, вниманием и постоянным стремлением помочь. Вы — связующее звено многих поколений Белевских граждан. Доброго Вам здоровья, моя любимая Учительница, благополучия и низкий поклон. Спасибо Вам за все.

Пусть надолго сохранится блеск и энергия Вашего ума, богатство вашей молодой души. Для меня Вы всегда образец Человека и Женщины, Гражданина и Учителя. Целую Вас.

Римма Костава (Романова), 01.10.1997, г. Тула».

Летом 2004 г. Марины Ивановны Астаховой с нами не стало.

Более чем за полвека своей трудовой деятельности она воспитала многие поколения учеников. Некоторые из них уже сами состарились, другие, лишь недавно распрощались с юношеством. Они всегда будут помнить свою строгую и добрую учительницу, которая отдала им частицу себя.

യുതൽ

Владимир Никишов (г. Москва — г. Мытиши)

ИВАН ЕГОРОВИЧ АСТАХОВ. РАССКАЗ УЧЕНИКА

Рассказ Марии Аблогиной и Михаила Семенова о знаменитой белевской семье учителей Астаховых вызвала воспоминания далекого послевоенного детства. В 1950—1952 гг. в школе № 8 я был учеником Ивана Егоровича в 6-м и 7-м классах. Но прежде чем рассказать о нашей встрече с ним, его незабываемых уроках математики и неизвестных страницах его удивительной биографии, необходимо хотя бы несколько слов сказать о той нелегкой послевоенной поре, в которую ему пришлось буквально из руин восстанавливать народное образование в Белевском районе.

В те годы на территории района погибло много детей. Жестокая война, отнявшая жизни миллионов отцов, продолжала и после Победы убивать и калечить их детей. Оставались неразминированные поля и луга, кругом были разбросаны снаряды, гранаты, гильзы. Сколько соблазнов было пнуть ногой блестевший в траве минный взрыватель или потянуть за проволочную растяжку. Бывали случаи, когда старшая сестра буквально за руку уводила меня от этих соблазнов. Но не у всех были старшие сестры. У многих отцы погибли на фронте, матери работали в колхозе, где первым делом после войны было закапывание траншей. По оценкам специалистов, война оставила на полях сражений более ста тысяч километров траншей. Их выкопали солдатские руки. Но в дни торжеств никто не вспоминает, какого труда стоило закопать эти траншеи слабыми руками женщин. Вернувшиеся к развалинам своих домов, жившие в землянках, питавшиеся картошкой и лебедой, они распахивали на быках дернину, сеяли, жали, молотили, веяли и все это — вручную, за палочки-трудодни. За детьми некогда было смотреть. Потому предоставленные самим себе они, часто по неосторожности, становились жертвами проклятой войны.

Возвращаясь домой из Новых Долец на Пятилетку — поселок напротив Старых Долец, 16-летняя Аня Серегина на Широком лугу подорвалась на мине. Ее похоронили на возвышении у Перелески, напротив места ее гибели. Кладбище находилось на противоположной стороне луга, но из-за мин Широкий луг невозможно было перейти. Во время войны он служил разделительной полосой на линии фронта и был буквально усеян минами.

В Ольховке, в пятистах метрах от места гибели Ани, погиб 15-летний Иван Аблогин. Он пытался разрядить снаряд и в ответственный момент попросил отойти от него окружавших мальчишек. Я помню его безжизненное тело, которое принесли на деревенской ряднушке — подстилке — к правлению нашего Зубковского колхоза «Искра», где мой дядька Борис уже сколачивал для него гроб. Невозможно забыть душераздирающие крики его матери. Сколько тогда выплакали слез русские женщины. И кажется, что в деревне даже забыли слово «плачет», говорили — «голосит». Помню, как голосила Машуля — так звали в Зубково тетю Машу Аблогину. Тогда подорвался на мине ее единственный сын Илья, работавший прицепщиком на тракторе. Потрясение гибелью сына тяжело подорвало ее здоровье.

Обеспокоенные гибелью детей, власти района приняли тогда беспрецедентное решение — собрать всех детей под началом учителей. И вот по тому, как это было организовано и проведено в жизнь, можно с полной уверенностью сказать, что руководил всем Иван Егорович Астахов. В то время он работал заведующим районным отделом народного образования. Внимательно всмотритесь в его портрет: открытый, строгий с прищуром взгляд, в котором угадывается характер твердого решительного человека. И волевое лицо, и шапка, привычно надвинутая, как офицерская папаха,все говорит, что перед нами человек военный. И это подтвердилось документами, которые передали мне его внуки Александр Станиславович и Михаил Станиславович Кармановы. Выписка из учетно-воинского билета И. Е. Астахова публикуется ниже.

Решительность Ивана Егоровича на посту заведующего РОНО проявлялась во всем. Негде в разрушенном Белеве разместить районный отдел народного образования — разместимся в собственном астаховском доме на Пролетарской, 19. Разрушены школьные здания в деревнях, негде учить детей — не беда, временно разместимся в восстановленных домах колхозников. Нет учителей, кто-то убит, кто-то застрял в эвакуации — с работой учителя вполне справятся выпускники средних школ. Целыми классами девушки, окончившие десятилетку в 1943—1945 гг., уходили работать учителями. Гибнут дети — срочно всех собрать под присмотр учителей в каждом сельсовете. Надо кормить детей — накормим! Хорошо помню, как к нам в Новые Дольцы привозили из Белева вкусный душистый хлеб, горячие щи и кашу. Теперь-то я знаю, что пищу привозили в специальных термосах и скорее всего — из столовой белевского полка.

С 1 сентября 1945 года нашу детскую группу разместили в Зубково в только что восстановленном кирпичном доме Д. Плюхановой. В доме стояла русская печь, было тепло, хотя пол был земляным. Скоро поставили парты, скамейки, прибили к стене доску, и начались занятия. Учителем работала вчерашняя десятиклассница Наталья Матвеевна Гапеева. Тетрадей не было, и мы сами делали их из бумажных мешков. Много таких мешков из двух слоев проклеенной битумом крафт-бумаги находили в немецких фронтовых блиндажах. Мешки разрезали в размер тетради, сшивали суровой ниткой, а затем долго и аккуратно, с помощью взрослых, конечно, линовали карандашом строчки.

Не было обуви, чтобы ходить в школу. Зимой спасали валенки, а осенью в первые заморозки и в распутицу выручали русские лапти, обшитые технической резиной, которую послойно снимали с автомобильных покрышек. Для этого покрышки приходилось разогревать на кострах. Когда начались холода, многие мои сверстники перестали ходить в школу. Мать тоже попыталась не пускать меня, ведь мне тогда не было еще шести лет. Но учиться так понравилось, что я любой ценой рвался в школу. Конечно, были проблемы взаимоотношения учеников, ведь учились вместе с первого по четвертый класс. Среди детей из-за потерянных в войну лет обучения были переростки, обижавшие младших. В перерывах, когда обижали, я не мог справиться с обидчиком. Зато во время урока, когда все смирно сидели, я вставал, подходил к обидчику и шлепал его по затылку. Меня тут же ставили в угол, а в табеле оценок за

четверть весь первый класс по поведению неизменной оставалась отметка «3». Окончание первого класса запомнилось трагической гибелью моей одноклассницы Лиды Романцевой. Она была очень спокойной девочкой и сидела со мной рядом за одной партой. В тот день, в середине мая, она пасла коров с бабушкой в нижнем углу поля за Рытвиной. Когда Лида побежала за коровой, отставшей от стада, та наступила копытом на мину. От чудовищной силы взрыва содрогнулись даже стены школы... На похороны Лиды меня не пустили, настолько тяжело потрясла всех гибель ребенка.

Mysoeron Ubana Cropobu	nepeoemas nepeoemas
Il leyous a 6 cm apour	aprecus.
Приван разовани Произведен в прапоринки Явиобиливован в чине прапоринска	1915 Dex 7 1917 war 27 1918 and 2
Pour Nou-pa pour 432 cup mera 48 mysocran dibutus/hp 13 2/ Hatiar. bp. Naupours/ np 16/ Hatiaren Kom-pour pours/ np 18/	1919 open 6

log effection	Tuesso
Repeteden non dos museul Kein-1921 Ant.	16
Bus & paenopadu Namboura	1
now my na change of 425 cmg now	
3/hp. 159 921	1 -
aspamment & ucucres. no seek. Still Lan	1
1 149 Macock comp nowa / hp 14 19222 wous	
Must in nous Remoderes 3/20 MB-11-11-	29
Bluen Becoporterisoningen ted 1922 cent	
Horano suyan dos mucas longaros	e –
чене тр удового стесая Вышена с подшиними учет	
bounce Turemone / VIII a Noug/	(bep
beselen	vorg
Mysox. 248.	12 1
	D. Marie

Подробно рассказываю потому, что вскоре судьба свела меня с Иваном Егоровичем. Читатель лучше поймет и оценит этого необыкновенно талантливого учителя, если будет знать непростую школьную среду, в которой он работал.

После четвертого класса я не смог ходить в школу-семилетку, находившуюся в семи километрах в Борково, и меня отправили учиться в Белев в школу № 2. Оторванный от родной среды, от друзей, от ласковой матери, я пережил столь сильный стресс, что не могу отойти от него до сих пор. Талантливый фильм по рассказу Валентина Распутина «Уроки французского», о мальчишке с похожей судьбой, я не мог смотреть.

Особенно трудно было расстаться с деревенским диалектом, который заметно отличался в произношении от городского. На уроках одноклассники смеялись надо мной, дразнили на переменах и после школы, но учителя терпеливо поправляли. И я особенно благодарен Анастасии Сергеевне Мудровой, учившей нас русскому языку и родной речи.

Правда, к весне, когда начались детские игры и забавы, отношения с городскими ребятами наладились. Появились друзья, особенно после того, как я научился выигрывать в пристеночку и чеканочку. Выигрыш тут же тратили на колбасу и булочки, которые вместе съедали.

Осенью 1950 года наш класс из школы № 2 перевели в только что открывшуюся школу № 8, которая размещалась в восстановленном здании на улице Советской. В классе оказалось много учеников из близлежащих деревень: Жуково, Рядово, Ганьшино, Ламоново.

На урок математики пришел старичок невысокого роста в темном наглухо застегнутом вельветовом пиджаке, серых брюках и черных, аккуратно зашнурованных, начищенных ботинках. Это была его неизменная учительская одежда. Мы робко замерли, рассматривая его худощавое лицо с небольшой щеточкой усов под носом, высокий лоб и чисто выбритую голову. Своей осанкой он походил на горбатого человека. В фигуре была ярко выражена сутулость, одно плечо казалось ниже другого. Как ни пытались мы рассмотреть горб на его спине, но горба там не было. В одной руке он держал длинную линейку, большой деревянный транспортир и циркуль, а локтем другой придерживал журнал и учебник. Первое замешательство и ожидание страха быстро рассеялись, когда мы увидели изучавшие

нас ласковые глаза и добрую мягкую улыбку. Таким Иван Егорович запомнился мне на всю жизнь, и таким вы видите его на овальном портрете. Причину странности его фигуры я узнал от его жены Варвары Николаевны, но об этом расскажу ниже.

Его уроки математики отличались ясным, четким построением доказательств, красивыми иллюстрациями на доске, простым и понятным решением примеров и задач. Спустя годы, работая профессором университета и располагая уже немалым педагогическим опытом, могу сказать, что педагогическое мастерство Ивана Егоровича было редким искусством. Оно состояло в том, что он всегда оставлял ученику возможность самому сделать открытие в конце объяснения. Это открытие возникало как озарение, и радостное чувство наполняло гордостью душу: «Я сам, сам додумался!» Любил по окончании объяснения вызвать ученика к доске и, если тот затруднялся с ответом, просил класс о помощи, которая часто превращалась в умело направляемое коллективное творчество.

Хорошо помню, как рука его с ручкой скользила по списку учеников в журнале, и, не поднимая головы, он спрашивал:

— Посмотрим-ка, кого я давно не спрашивал...

Поднимался лес рук, раздавались радостно-усердные крики:

— Мине! Мине! Мине!

Иван Егорович поднимал голову и с добродушной улыбкой говорил:

— Минека Табеку за хвост укусила! Мастрюков, иди к доске.

Шутка с Минекой и Табекой была удачным педагогическим приемом. Ученики подхватили ее, и сами стали поправлять друг друга.

В своем отношении к ученикам Иван Егорович никогда никого ничем не выделял. Не было у него «любимчиков». Но он мог употребить свой высокий авторитет и решительно вмешаться в происходящее, особенно когда видел несправедливость в отношении к слабому.

Неоценимым оказалось заступничество Ивана Егоровича в решении моей судьбы в шестом классе. Я пропустил тогда из-за болезни всю последнюю четверть, не сдавал экзаменов, и меня, по настоянию классного руководителя, оставляли на второй год. Всему причиной была бурная ранняя весна. В жаркие солнечные дни стремительно таял снег, и в течение нескольких дней Ока превратилась в широко разлившееся море, которое мы бегали смотреть на Сабинину гору. Нас отпустили на каникулы, и я скорей помчался домой в родное Зубково. Но за мостом через Зеленку меня ждало горькое разочарование: через весь большак до Песочной горы, словно через плотину, переливал стремительный поток воды. Я расплакался — пропали мои каникулы, не увижу маму Ульяну и любимого друга Волчка. В таком же положении оказался еще один взрослый попутчик, и он стал меня успокаивать:

— Не плачь, мальчик. Видишь, какое жаркое солнце? Оно и растопило снег. А ты приходи утром. Ночью солнца не будет, и вода в Оке спадет. Спокойно пройдешь.

Так я и сделал. Действительно, большак очистился от воды. Заветная Песочная гора была совсем уж рядом, когда возникла новая водная преграда — неширокая протока. Я разбежался, прыгнул и... мои валенки скользнули в воду. Но теперь уже никакая сила не могла повернуть меня назад, и я прошагал с мокрыми ногами 25 км. Тяжелые последствия не замедлили сказаться. В первый же день после каникул, придя из школы, я потерял сознание. С высокой температурой меня положили в инфекционное отделение больницы: скарлатина. Три дня я метался в бреду, затем последовало длительное лечение. Выписали меня только через 45 дней, в конце мая 1951 года. В Белеве уже все цвело и утопало в зелени. Я сразу окунулся в море запахов и свежести, и мне казалось, что я никогда еще не дышал таким легким воздухом. Глаза скользили по стволам высоких деревьев и все не могли насмотреться на их зеленые кроны. Как же я не замечал их раньше? Но почему они начинают тихонько вращаться, а мне жалко оторвать взгляд от них, и... меня подхватывают руки сестры Лиды:

— Держись на ногах. Ты чего падаешь?

Занятия в школе кончились, впереди были экзамены. Я заявил, что пойду их сдавать, но сестра решительно воспротивилась:

— Какие тебе экзамены! Ты еле стоишь на ногах.

В тот же день мы отправились с ней к классному руководителю. С мужемофицером и пятилетним сыном она жила через дорогу от школы. Сестра оставила меня у калитки, а сама прошла через палисадник и поднялась на крыльцо. Там она негромко и довольно долго разговаривала с учительницей. Безразличное отношение ко мне учительницы меня очень удивило. Она даже не подошла ко мне. Все взрослые, знавшие меня, при встрече находили теплые слова, выражали радость по поводу возвращения, подбадривали. Помню, как живший по соседству Сергей Иванович Мудров, работавший директором мельницы,— это на его дрожках отвезли меня в больницу,— подошел ко мне, крепко пожал руку и сказал:

— Ну, молодец, мужичок! Выкарабкался. Теперь к мамке, на молочко!

У классного же руководителя для ее ученика не нашлось доброго слова. Видимо, простое человеческое участие было чуждо этому человеку. После долгой беседы с ней сестра вернулась хмурой. Как потом выяснилось, она просила классного руководителя освободить меня от экзаменов за шестой класс.

— Пропустил всю последнюю четверть! Не может сдавать экзамены — пусть остается на второй год,— таково было твердое ее убеждение.

Но сестра не сдавалась. На другой день ее разговор с классным руководителем продолжался в учительской. Но и здесь этот разговор складывался не в мою пользу. От бессилия и обиды слезы брызнули из глаз сестры. Она выскочила в коридор и, закрыв лицо ладонями, горько плакала. Следом за ней вышел Иван Егорович, подошел, мягко успокоил:

— Не плачь, дочка, не плачь. Все будет хорошо с твоим братом.

Позднее стало известно, что специальным решением педсовета школы я был переведен в седьмой класс без экзаменов. Решительным моим защитником выступил Иван Егорович. Его поддержал директор школы Иван Петрович Скотников, преподававший у нас историю.

Знание основ математики, полученное на уроках Ивана Егоровича, серьезно пригодилось в моей жизни. Я легко освоил программу средней школы, где математику преподавала Вера Ивановна Дзюбо, талантливая ученица Ивана Егоровича. В Московском лесотехническом институте мне легко давался математический анализ, который преподавал Николай Владимирович Ефимов, профессор, декан механикоматематического факультета МГУ. Все учебные дисциплины, которые строились на математических доказательствах, никогда не вызывали у меня затруднений.

Дважды в жизни я подвергался серьезным экзаменам по математике. Первый раз это было на зимних каникулах в седьмом классе. Мой отец, работавший в Москве водителем автобуса, отвез меня к своему старшему брату Алексею Дмитриевичу, который преподавал математику, и попросил его проверить мои знания. Ему надо было определиться с выбором: отправить меня в какой-либо техникум или оставить в средней школе, обучение в которой тогда было платным. Когда я без запинки решил все примеры и задачи самой различной сложности, мой дядя был очень удивлен:

- Откуда у мальчика из провинции такие знания? Кто твой учитель математики?
- Иван Егорович Астахов.
- Астахов? Я знаю его. Передай ему большой от меня привет. А этому мальчику из провинции,— дядя указал на меня отцу,— надо учиться. Только иди в лесной институт. Будешь работать и жить в лесу, на свежем воздухе. Заведешь корову, разведи пчел...

Я очень сожалею, что не спросил тогда дядю, откуда он знал Ивана Егоровича. Оба они интересовались садоводством, и я могу только предположить, что они познакомились в Алтухово у знаменитого селекционера Ф. Е. Арбузова. Кстати, жизнь и деятельность этого человека достойны серьезного исследования краеведами, ведь он осуществил интродукцию более 140 древесных пород и кустарников из разных уголков мира. Памятником ему остались кедровая роща в Алтуховском имении и яблоневые сады, культуру которых он страстно и бескорыстно проповедовал среди крестьян.

Второй серьезный экзамен по математике я сдавал при поступлении в институт. Экзаменатор, вызвавший меня отвечать, вел себя очень странно. Он отложил экзаменационный билет и стал задавать разные задачи и примеры. Решения их он не дослушивал до конца. Как только я начинал решать, он прерывал меня и давал новое задание, сложнее прежнего.

- Что, что он поставил тебе? спрашивали обступившие меня абитуриенты, когда я вышел из аудитории.
 - Пятерку!
 - Не может быть?! Это же Кле-те-ник! Пятерок он никому не ставит!

Но пятерка в экзаменационном листе действительно была поставлена самим Клетеником Д. В., автором широко известного университетского сборника задач по «Аналитической геометрии».

Прошли годы. Я учился в Московском лесотехническом институте, и однажды летом на каникулах в Белеве встретил Нину Михайловну Полунину, сестру моей одноклассницы Муси. Нина тогда работала секретарем райкома комсомола. Не дав мне опомниться, она тут же потащила меня на день рождения Марины Ивановны Астаховой. Я считал неприличным идти без приглашения на день рождения своей любимой учительницы, у которой учился немецкому языку с восьмого по десятый классы. Но как я ни упирался, увильнуть мне не удалось. По пути мы зашли за цветами в какойто старинный дом на Истоминской улице. Хозяйками дома были две очень приветливые старушки. Одна из них занялась с Ниной букетом цветов, а вторая — угощала меня чаем с вареньем. Помню, большую комнату с тяжелыми бархатными шторами украшали две красивые высокие китайские вазы, а в углу стоял старинный клавесин. Когда они узнали, что мы идем в гости к Астаховым, с нас решительно отказались брать деньги за цветы.

Дом Астаховых. Улица Пролетарская, 19. Снимок сделан в 2004 г.

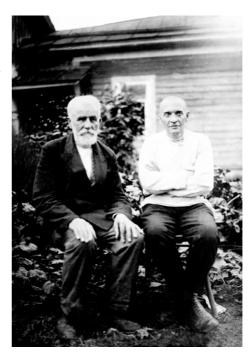
В доме Астаховых меня поразили светлые комнаты, которые казались еще больше, чем они были, из-за распахнутых высоких двухстворчатых белых дверей с красивыми филенками. Позднее, приезжая в Белев, я часто бывал в доме Астаховых, и Марина Ивановна рассказала мне его историю. Дом построил приказчик купца Игнатова. Он был очень образованным человеком. Окончил, говорю об этом по памяти, Бернский университет. Был химиком по специальности, знал европейские языки. Его сестра владела книжным магазином, и в доме была очень богатая библиотека с редкими книгами и журналами. В 30-е годы владелец дома, на фото он слева от Ивана Егоровича, остался одиноким и охотно согласился принять интеллигентную семью Астаховых на квартиру. До этого они ютились вместе с другими учителями в доме В. А. Жуковского. Когда в этом доме решено было устроить музей поэта, Астаховы

сняли квартиру на Пролетарской, 19. Хозяин дома, находясь в преклонном возрасте, в 1934 или 1935 году согласился продать дом Астаховым в рассрочку. Его условие проживать в доме до смерти — было доброжелательно принято, и постепенно он «врастает» в Астаховскую семью как член семьи.

Деньги ему регулярно выплачивались, но он не тратил их, откладывая на сберегательную книжку. Любивший детей, а особенно младшенькую Лиду, сберегательную книжку он завещает ей.

В Иване Егоровиче он находил, видимо, доброго, умного собеседника, и близкое родство их душ легко заметить по фотографии.

Во время войны он отказался выехать в эвакуацию вместе с Астаховыми, но поддерживал с ними связь. Когда освободили Белев, он успел дать телеграмму Астаховым, но когда они вернулись, его уже не

было в живых. В лютый мороз он, очень любивший молоко, отправился за ним в Жуково. По дороге простудился и умер. Дом с его ценнейшей библиотекой был разворован. Унесли даже оконные рамы, которые Марина Ивановна собирала потом по всей округе. Много труда вложила она в реставрацию и обустройство дома, который очень любила. С гордостью показывала глубокий, совершенно круглый погреб, который она построила:

— Нельзя у нас без погреба. Здесь сельский быт, а зимой не сбегаешь за картошкой в магазин. Да и с мясом проблема. Вот держу кроликов. В Москве растут племянники, подкармливаю их. У вас ведь в Москве проблемы с мясом.

Внутри дома, показывая новую обшивку, она рассказала, что все стены дома под старой обшивкой были утеплены листами войлока еще в XIX веке.

Но вернемся ко дню рождения Марины Ивановны. Когда собрались гости, я почувствовал себя среди них очень смущенным. Их внешний вид, одежда, манера вести себя говорили о людях образованных, имевших солидное общественное положение. Только Варвара Николаевна с ее необыкновенно мягкой, просто солнечной улыбкой успокаивающе действовала на меня и все просила подкладывать мне пышные пироги, изобилию которых, казалось, не было конца. Она обратила внимание, с каким интересом я просил показать комнату покойного Ивана Егоровича, его письменный стол, его книги, его виноградный куст. Еще до войны он посадил

УДОСТОВЕРЕНИЕ.
Настоящее удостоверение выдано Лина_ Каву Ивану Егаравичу
в том, что он саешай оружения Абу. Наук. факультета Саратовского
Университета. Г. Саратов <i>РИЈЦИ</i> дня 19 22 г.
11 Проректор Саратовского В. Голув
Сепретире по студенческим делум Замания

виноградную лозу, выходил ее в сложных климатических условиях, и она растет и плодоносит до сих пор. Очень охотно, с нескрываемой радостью Варвара Николоевна отвечала на все мои вопросы и все вспоминала и вспоминала... Из ее рассказов я узнал, что Иван Егорович окончил Саратовский университет. После службы в Красной Армии он был зачислен в университет, и ему разрешили экстерном сдать экзамены.

Особенно ей нравилось рассказывать об участии Ивана Егоровича в театральных постановках Народного театра в Белеве. О репетициях в театре он ничего ей не рассказывал — готовил сюрприз. Когда они пришли в театр, Ивана Егоровича неожиданно будто бы «вызвали к начальству», и весь спектакль она смотрела без него. Она настолько была увлечена постановкой, что даже не узнала собственного мужа в образе городничего, настолько было искусным его перевоплощение. Только когда они встретились в фойе, Иван Егорович несколько фраз сказал голосом городничего, и она всплеснула руками:

— Ванечка, так это был ты! Я тебя совсем не узнала.

Так в процессе разговора с Варварой Николаевной я узнал очень много интересного из жизни Ивана Егоровича. Когда же я набрался храбрости и спросил, отчего он горбился, она стала грустной:

— Это последствия тяжелого ранения в 1916 году. Он воевал на фронте, и в него попала немецкая разрывная пуля. Ему еще повезло. Пуля навылет прошла через правую лопатку под небольшим углом. Он вспоминал, что удар был такой силы, будто в лопатку, как молотом, ударил плоский осколок снаряда. От удара были повреждены ткани легкого, и несколько дней он кашлял с кровью, что позднее вызвало правосторонний плеврит. Последствия этого ранения сказывались на его здоровье всю жизнь.

2	C	въдънія о болѣ
Лечебное заведеніе, въ которое поступилъ нижній чинъ*).	прієм- пой прієма въ леч. зав.	я и раны и указаніе на зависимою охожденія военной службы нижни чиномъ.
Mas-apeyr W1555	Jos 193 /6: Unajoración emofración emofración emofración paren 1600 m. naste paren mento o April	iche parente un 5 addacto. Mado 5 oggati nelepan 10 pm p. Omogata in your mpar to

Из его военно-учетного билета (см. стр. 122—123) и записи в билете, сделанной при поступлении в лазарет, мы узнали, что в русскую армию он был призван 7 декабря 1915 г. и служил рядовым в 6-й роте 312-го пехотного Васильковского полка. Летом 1916 г. его полк участвовал в наступательной операции Юго-Западного фрон-

та — знаменитом Брусиловском прорыве. Удар наносился в направлении Луцк — Ковель силами 8-й армии под командованием генерала А. М. Каледина. Немцы, успевшие перегруппировать силы, упорно защищали стратегически важный железнодорожный узел Ковель. При попытке форсировать реку Стоход войска встретили ожесточенное сопротивление. Здесь, на реке Стоход, Иван Егорович был ранен 16 июля (29 июля по новому стилю) немецкой разрывной пулей «дум-дум», применение которой было запрещено Международной Конвенцией. Чтобы увеличить убойную силу пули, ее латунный наконечник надрезали крест-накрест. При попадании в цель тяжелый свинцовый стержень пули, продолжая по инерции движение вперед, выходил из латунной оболочки через надрез и причинял тяжелые увечья раненому, разрывая ткани.

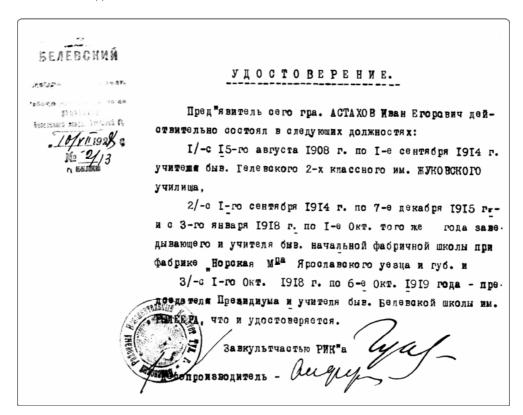
Более месяца Иван Егорович лежал в полевом госпитале. Однако из-за воспаления поврежденной плевры правого легкого, вызывавшего мучительный сухой кашель, его отправили санитарным поездом на долечивание в Москву. После двух недель лечения в лазарете № 1555, размещенном при Нижне-Сокольническом трамвайном парке, он получил месячный отпуск в Белев «для поправления здоровья и свидания с родными».

В середине октября 1916 г. он снова вернулся в действующую армию, где продолжал принимать участие в боевых действиях вплоть до демобилизации в начале января 1918 г. В мае 1917 г. Иван Егорович был произведен в прапорщики. Получение рядовым офицерского чина, безусловно, было связано с боевыми заслугами. Мы публикуем фотографию, сделанную в августе-сентябре 1917 г., где Иван Егорович на привале у костра с однополчанами. Он стоит слева с кукурузой в руках. Обратите внимание на гроздья винограда. Не отсюда ли его страстная увлеченность виноградной лозой, которую он вырастил в своем белевском саду?

-	Мосновское Городское Общественное Управленіе. ОРГАНИЗАЦІЯ ПОМОЩИ РАНЕНЫМЪ В ВОЛЬНЫМЪ ВОИНАМЪ. Форма билем объяджава з а «Врана замія по воденно объяджава з а «Врана замія з объяджава з а замія з з з з з з з з з з з з з з з з з з з
	БИЛЕТЪ, Видомъ на жительство служить не можеть, но нижий чинъ долженъ имъть всегда при себъ.
выдаваем	ый звануированному нижнему чину при поступленіи въ лечебное заведеніе.
№ 355 порядковый по пріемной квига.	
	пименованіе лечебнаго заведенія, выдавшаго билеть) еловаре 13 година порименто парка
	ойскъ и воинское звание разовой 3/2 тов Васимь=
roben	no nouse 6 framor
,	Simulation
3) Имя и (отчество Иван Соорговий
4) Мъсто 1 Мусль	приписки. Губернія, уъздъ, волость <i>сильну горо в полева</i> .
5) FOUR DO	жденія <i>1884</i>

В начале января 1918 г., после демобилизации, Иван Егорович возвращается в Ярославский уезд на фабрику «Норская мануфактура», где он работал до призыва в армию заведующим и учителем начальной фабричной школы. Мы не знаем, по чьей рекомендации он оказался в этой школе 1 сентября 1914 г. Но можно предположить, что эта рекомендация шла по линии известной белевской семьи купца А. И. Прохорова. В то время владельцем «Норской мануфактуры» был К. И. Прохоров. В октябре 1918 г. фабрика была остановлена и затем национализирована. Видимо, происходящие на фабрике события побудили Ивана Егоровича вернуться в родные белевские края. С 1 октября 1918 г. он приступил к работе в школе им. Рылеева, но проработал там совсем недолго.

Шла гражданская война, и уже 6 октября 1919 г. его призывают в Красную Армию, в которой он начинает службу помощником командира роты 432-го стрелкового полка 48-й Тульской дивизии. Боевой путь этой дивизии достаточно хорошо описан в литературе и в воспоминаниях маршала А. М. Василевского. В 1921—1922 гг. Александр Михайлович был начальником штаба 142-й бригады, а в мае 1921 г. в эту же бригаду командиром батальона был назначен Иван Егорович. Такое назначение без начальника штаба бригады не могло состояться и, конечно, можно быть уверенным, что Иван Егорович и Александр Михайлович были знакомы.

В январе 1923 г., после демобилизации и сдачи экстерном экзаменов в Саратовском университете, Иван Егорович возвращается в Белев и назначается на должность руководителя детского дома В. Величкиной. На этом посту он сменил Варвару Николаевну, которая вскоре стала его женой. 21 августа 1924 г. родилась первая дочь Марина. Потом 20 октября 1929 г. родилась вторая дочь Лида. Мы публикуем фотографию Ивана Егоровича среди родных и близких в 1930 г.

Р. с. Ф с. Р. ••••• Отдел	Удостоверение.
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАННЯ БВЛЕВСКОГО СОВДВПА 26 — подчотава Аня 1923 г. 76 // 6	Белевский Уездный Отдел Народного Образования сим удостоверяет, что пред'яви- Петель сего, т
Г. Белев Тульской губ	на баса. От делом Н-к Администр насти Секретарь

Лидия Ивановна Астахова в 1954 году окончила лечебный факультет 1-го Московского медицинского института. В 1954—1955 гг. работала главным врачом Челюскинской участковой больницы Тульской области. 24 августа 1954 года она вышла замуж за офицера военно-морского флота Карманова Станислава Григорьевича и в 1955 году переезжает в Петропавловск-Камчатский, где служил ее муж. Помню, как в феврале 1955 года они участвовали в традиционном вечере встречи десятиклассников с выпускниками школы № 1. Оба они, сияющие от счастья, поднялись на сцену и были представлены школьникам Мариной Ивановной. Станислав Григорьевич, одетый в красивую военно-морскую форму, произнес блестящую речь под бурные аплодисменты школьников. Лидия Ивановна приветливо улыбалась нам. В одной руке она держала необычный для февральской поры букет живых цветов, другой поднятой рукой приветствовала нас.

В 1955 году вместе с мужем она уезжает на Камчатку, где работает в областной больнице г. Петропавловска ординатором хирургического отделения. Затем с 1958 по 1968 гг. в той же больнице она работает ординатором травматологического отделения. После перевода мужа в Москву в 1968 году Лидия Ивановна шестнадцать лет работает в поликлинике № 56 Ленинского района г. Москвы заведующей травмопунктом. В 1985 г. с выходом на пенсию она переходит на должность врача-травматолога и работает в той же поликлинике до 1992 года. Вся ее жизнь, по примеру родителей и старшей сестры, была посвящена благородному делу служения людям.

Скончалась Лидия Ивановна 13 ноября 1999 года.

1937 год не обошел неприятностями семью Астаховых. Иван Егорович был арестован как «враг народа» и несколько месяцев сидел в тюрьме. Очевидно, кому-то не давало покоя офицерское звание Ивана Егоровича, заслуженное им тяжелым ратным трудом. К счастью, в тот период в Белеве с инспекторской проверкой оказался один из видных московских чекистов. Он был воспитанником детского дома, которым руководил Иван Егорович. Проверяя списки заключенных, чекист увидел фамилию Астахова, возмутился и потребовал немедленного его освобождения. С тех пор семью Астаховых по этому поводу никто больше не беспокоил.

1930 год. Иван Егорович и Варвара Николаевна с дочерьми Мариной и Лидией среди родных и близких

Дочери Ивана Егоровича Лида и Марина с внуком Александром

Иван Егорович у любимой виноградной лозы

Иван Егорович, Варвара Николаевна и Марина Ивановна с близкими друзьями в саду после сенокоса

Фотография Ивана Егоровича и Варвары Николаевны с дочерью Лидой

Семейное предание хранит еще одну историю, которая связана с участием Ивана Егоровича в знаменитом сталинском призыве 1942 года. Он попал в Казанское училище, где стал преподавать курсантам математику. С инспекторской поездкой в училище прибыл маршал Мерецков К. А., и на построении он обратил внимание на необычную фигуру уже не молодого Ивана Егоровича. Узнав, что он работал учителем, Мерецков К.А. немедленно распорядился отправить его домой:

Учитель должен работать с детьми!

Иван Егорович вернулся в прифронтовой Белев и в качестве заведующего РОНО стал заниматься восстановлением системы школьного образования.

Еще один вопрос, на который я так и не знаю полного ответа, но не сказать о нем не могу,— это происхождение Ивана Егоровича. Кто были его родители? Марина Ивановна рассказывала мне, что Иван Егорович был внебрачным сыном одного белевского помещика и его экономки. У его отца было еще несколько сыновей, которым он дал хорошее образование, но проявлял заботу о воспитании и образовании и младшего сына.

Теперь мы уже никогда не узнаем, был ли Иван Егорович верующим человеком, но нет никакого сомнения, что всей своей жизнью, своим отношением и служением людям он показывал образец высокой нравственной культуры и блестящего воспитания, которое он получил в православной среде.

Наш долг сегодня — увековечить память знаменитой белевской семьи учителей Астаховых. Одним из лучших памятников в Белеве стала бы УЛИЦА АСТАХОВЫХ с красивым домом № 19, где в войну размещался районный отдел народного образования.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Игорь Золотусский (г. Москва)

«У ГОГОЛЯ БЫЛА ПРЕКРАСНАЯ ДУША»

От редакции: К сожалению, интервью Игоря Золотусского, данное им спецкору нашего журнала Геннадию Маркину, по времени «не успело» в предыдущий номер «ПЗ», посвященный 200-летию Н. В. Гоголя. Публикуем, что называется,— вдогонку...

Первого апреля мировая и отечественная общественность отметит 200-летие со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Единственный наш литературный классик, не имеющий в России своего музея. Не хотят современные Антоны Антоновичи Сквозники-Дмухановские отдавать под музей старинные московские особнячки, ох как не хотят. То ли прибыль от московской недвижимости боятся потерять, то ли в отместку, за то, что Николай Васильевич в своих произведениях высмеивал чиновничью непорядочность, глупость и тупость. Но, какими бы обстоятельствами власть-имущие не аргументировали, результат один — музея Гоголя в России нет. Об этой проблеме, о творческой и духовной жизни Гоголя, а также о подготовке празднования юбилея Гоголя мы беседуем с писателем, лауреатом литературной премии Александра Солженицына, председателем Регионального общественного фонда сохранения творческого наследия Николая Васильевича Гоголя Игорем Золотусским.

— Игорь Петрович, ЮНЕСКО объявило 2009 год — Годом Гоголя. Вы — председатель Регионального общественного фонда сохранения творческого наследия Гоголя. Расскажите, пожалуйста, что делается фондом для подготовки празднования 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя?

— Наш фонд, о котором Вы спрашиваете, был создан два года назад, а зарегистрирован всего год назад. Этот наш фонд стоит на энтузиазме нескольких людей. У фонда нет даже своего счета в банке. Я не жалуюсь, просто говорю то, что есть. Тем не менее, фонд, точнее отдельные его члены попечительского совета, куда входят многие известные люди, работают на предстоящий юбилей Гоголя с огромным энтузиазмом и, я бы сказал, самоотверженностью. Я могу назвать писателя Валентина Распутина, реставратора Савелия Ямщикова, актера Василия Ливанова, и я тоже вместе с ними.

С самого начала, когда только фонд был создан, и мы получили все-таки общественную вывеску, что придало нам государственный статус, мы сразу обратились с письмом к тогдашнему президенту Путину, чтобы был издан Указ о праздновании юбилея Гоголя. В России такого Указа не было, а на Украине он уже был. И благодаря тому, что это наше письмо было передано Ливановым через нынешнего Президента Медведева Путину в руки, и был 15 апреля 2006 года принят Указ Президента по празднованию юбилея Гоголя. Это была наша работа. После этого к нам обратился тогдашний министр культуры Соколов с просьбой составить юбилейный список оргкомитета. Мы это сделали. Мы ввели в оргкомитет самых знаменитых и лучших людей нашей культуры, но небезысвестный господин Швыдкой, а он тогда в министерстве культуры был заведующим одного из главков, вычеркнул Антонову, Калягина, Чулкова и некоторых других людей и включил в список себя. И поэтому этот оргкомитет, составленный наполовину из чиновников, работает до сих пор неэффективно.

Тем не менее, что удалось нам сделать? Для нас, и в письме Путину мы об этом писали, самым главным было, во-первых, создание музея Гоголю в России. В России нет ни одного музея Гоголю. Пушкину — около двадцати, у Достоевского — восемь, а у Гоголя нет ни одного! Мы все любим этих писателей, но, тем не менее, — это не справедливо. На Украине Гоголю открыли три музея, один из которых создал ваш покорный слуга в 1984 году в его родовом имении. Наш фонд начал борьбу за создание музея Гоголю. В Москве есть дом, в котором Гоголь жил четыре года, где он писал второй том «Мертвых душ», где он его затем сжег, и где он скончался. Этот дом находится в самом центре Москвы по адресу: Никитский Бульвар, дом номер 7 «А» и во дворе этого дома сидит знаменитый Гоголь, которого изваял Андреев. Мы настаивали на том, чтобы весь этот дом был отдан под музей. Сейчас в этом доме находится библиотека, а Гоголю отданы две мемориальные комнаты, в которые руководители библиотеки, при поддержки Московского комитета культуры, вставили евроокна и закрыли их решетками. Сам же дом находится в ужасном состоянии. Все перевернуто с ног на голову, в комнате, где скончался Гоголь, в стене пробито отверстие под дверь и комната стала проходной и как комната она уже отсутствует. Планы московского культурного руководства состоят в том, чтобы этот дом превратить в «золотое лно». Дом находится в самом центре Москвы, и они собираются строить в нем какието гостиничные номера. Так пока обстоит дело с музеем. Во-вторых, что мы добиваемся, так это установку на могиле Гоголя на Новодевичьем кладбище голгофу и крест. Сейчас уже много лет, начиная с 1951 года, вместо креста на могиле Гоголя стоит бюст работы Томского, на котором на колонне написано: «Великому русскому писателю от советского правительства». Гоголь же в своем завещании писал: «Не ставьте надо мной никакого памятника христианина недостойного». Сейчас настало такое время, и мы потребовали, чтобы завещание Гоголя было исполнено. И этот вопрос был решен новым министром культуры Авдеевым. Приступив к исполнению своих служебных обязанностей, министр культуры повел себя очень решительно в частности по Гоголевским делам. Он нас поддержал, приехал на кладбище с чиновниками, и было принято решение бюст не разбивать, а передать музею Новодевичьего кладбища, который является филиалом исторического музея. Теперь на могиле Гоголя появятся бронзовый крест и голгофа. Причем все это будет сделано за счет министерства культуры.

— A с музеем как обстоит дело?

— За музей идет война. Напротив дома Гоголя имеется здание 18 века. Лихачев предложил переселить в него библиотеку, а дом по Никитскому Бульвару полностью отдать под музей Гоголя. Министр культуры, кстати, поддержал эту идею, но в том

доме засилье коммерческих структур, которых выселить очень трудно. Но если это и удастся, то дом под музей Гоголя все-равно отдавать не собираются. Так что чем именно закончится это дело с музеем сказать очень трудно.

— В декабре 2007 года в Литературной газете было напечатано открытое письмо, подписанное Вами и другими членами фонда на имя тогдашнего Председателя правительства Зубкова. В письме Вы просили Виктора Алексеевича пересмотреть план мероприятий, посвященных 200-летию юбилея Гоголя, а так же поручить Счетной палате, проконтролировать распределение государственных средств, выделенных на подготовку к празднованию. Скажите, что послужило поводом для обращения к Председателю правительства и были ли удовлетворены Ваши просьбы?

— Написание письма, которое было напечатано в газетах, было связано с тем, что нам раздали план празднования юбилея Гоголя, и мы увидели, что в том плане нет ни одного пункта, который бы укреплял память о Гоголе. Празднество, Сорочинская ярмарка в Москве, шествие по Бульварному Кольцу с портретом Гоголя, митинги и демонстрации. Зная о том, что согласно Указу Президента правительством были выделены деньги на празднование юбилея в сумме сто пятьдесят миллионов рублей, кстати, не очень много — Абрамович, например, как писала одна уважаемая газета, за футболиста купленного для Челси заплатил около ста миллионов долларов — мы и написали это письмо. Оно навеяло некоторый страх на чиновников, но не более того. Чиновники оказались крепкими ребятами. Недавно Председатель Счетной палаты Степашин выступил в «Независимой Газете» с интервью, где сказал, что он поддерживает усилия нашего фонда, а решение московского комитета по культуре — отдать две гоголевские комнаты для нужд библиотеки, считает неправильным. Его интервью было связано уже со вторым нашим письмом. На самом деле таких писем было около десяти, и они публиковались в различных газетах. Причем было написано письмо и на имя Путина. В письме мы говорили о том, что празднование юбилея Гоголя правительством провалено. Это было очень резкое письмо. Также было сказано о том, что нашей интеллигенции, всей этой нашей элите наплевать на этот юбилей. И о чиновниках мы тоже говорили в письме и, конечно же, мы использовали исторический момент наших взаимоотношений с Украиной. Мы писали о том, что Украина перед лицом запада пытается подняться на ноги в культурном отношении, а значит, ей необходимо иметь своего великого писателя. На самом деле они всегда считали, что Гоголь бежал в Россию и тем самым предал самостийную Украину, но теперь они готовы его считать своим. И у них есть для этого все основания. У них имеются три музея Гоголя, а у нас нет ни одного. Мы писали в открытом письме, что мы не должны отдать Гоголя Украине, потому, что если Украина войдет в НАТО, то и Гоголь уйдет вместе с ней под щит американских ракет. Это подействовало. Московские власти при огромном сопротивлении все же обещали деятелям отечественной культуры организовать музей Гоголя на Никитском Бульваре.

— В доме графа Толстого на Никитском Бульваре Гоголь снимал две комнаты. Как Вы уже упоминали, там же он сжег второй том «Мертвых душ». В том же доме Гоголь скончался. Действительно, лучшего помещения для музея Гоголя, как мне кажется, не найти. Скажите, Игорь Петрович, а рассматривались ли другие варианты для организации музея?

[—] Хочу сделать уточнение. Гоголь не снимал на Никитском Бульваре две комнаты. Его пригласили в гости, и за эти комнаты Гоголь ничего не платил. Других вари-

антов организации музея рассматривать просто-напросто нельзя. Потому, что этот дом на Никитском Бульваре исторически принадлежит Гоголю. В городе Санкт-Петербурге, например, чиновники поступили так. Там при каком-то жэке выделили комнату. В той комнате по стенам размещена литография Петербурга, а на дверях написано: «Музей Гоголя». А дом на Малой Морской улице в Петербурге, где жил Гоголь, занят Росохранкультурой, и выезжать из этого дома чиновники от Росохранкультуры не хотят.

- Игорь Петрович, представьте ситуацию, что дом на Никитском Бульваре все-таки выделили под музей Гоголя. Но ведь в доме необходимо воссоздать тот первоначальный вид, когда в нем жил писатель. Но ведь времени-то до празднования юбилея остается очень мало. Что делать?
- Да, Вы правы. Времени остается очень мало, тем более в доме Гоголя сегодняшними хозяевами все перестроено. Я уже говорил выше о том, что в доме заменены окна, переделаны комнаты, вдобавок они постелили там мраморные полы, которых там никогда не было. Что делать? Бороться и добиваться. Пусть мы не успеем что-то сделать к юбилею Гоголя, но ведь самое главное то, что музей должен быть. И будет когда-нибудь, я уверен.
- Любич-Романович говорил, что религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны у Гоголя еще с раннего возраста, когда он получал воспитание в христианской семье. Не явилось ли это воспитание тем результатом, что у Гоголя не было своей недвижимости. Будь у него свой дом, возможно и проблем с музеем не возникло бы. Как Вы считаете?
- Если бы у Гоголя был свой дом и, наверное, были бы потомки, то с музеем, конечно же, было бы гораздо легче. У Гоголя есть родственники на Украине, потомки от его сестры, но они, к сожалению, не такие влиятельные люди, как, например, потомки Льва Николаевича Толстого. Тем более они живут на Украине в другом государстве.
- Владимир Воропаев в своей литературной работе «Гоголь и отец Матфей» говорит о том, что духовный отец Гоголя, протоиерей Матфей Константиновский, требовал от Гоголя оставить литературное поприще и идти в монастырь и что он подвигнул Николая Васильевича на сожжение второго тома «Мертвых душ». Как бы Вы прокомментировали это утверждение Воропаева?
- Воропаев это человек, который считает, что люди не воцерквленные не могут понять Гоголя. Я думаю, что он неправ. Что же касается мнения Воропаева о том, что отец Матфей Константиновский подвигнул Гоголя на сожжение второго тома «Мертвых душ», то этого невозможно было сделать. Гоголь был личностью самостоятельной. Да он был чувствителен, он был подвержен каким-то впечатлениям, может быть злому слову, которое было сказано, но не до такой степени, чтобы он по настоянию кого-то сжег свой труд. Гоголь просто сам убедился в том, что написал не то. Он был очень суров в отношении себя. Так что отец Матфей здесь ни при чем.
- Гениальное творчество Гоголя оказало сильнейшее воздействие на развитие русской литературы, театра, живописи, музыки. Николай Тальберг считал его глашатаем Святой Руси, Федор Вербицкий называл Гоголя великим россиянином, архимандрит Константин о Гоголе говорил как об учителе жизни, а

Святейший Патриарх Алексий Второй сказал, что Гоголь — великий духовный писатель. Скажите, пожалуйста, а кем Гоголь является для Вас?

— Алексий Второй абсолютно прав. (Интервьюирование происходило, когда Патриарх еще был жив. Авт.). Именно духовная часть открытого творчества Гоголя, я имею в виду его переписку с друзьями, его конспекты и выписки из высказывания святых отцов, его молитвы, все это сейчас конечно возрастает в цене во много раз. И все это, кстати сказать, предвосхищает появление Толстого. Теперь мы это понимаем. Кроме всего прочего для меня Гоголь — это любимый человек, мой любимый писатель. Он был человеком скрытным и некоторые даже боялись его. Тем не менее, я подошел к нему очень близко и понял, что у Гоголя была очень прекрасная душа. Это можно понять из его сочинений, которые полны любви, а не неприязни к русскому народу или к русской жизни. Я даже люблю Хлестакова, по-моему, он замечательный парень.

— В народе ходят упорные слухи, что при перезахоронении Гоголя из Свято-Данилова монастыря на Новодевичье кладбище был вскрыт гроб и, как говорят одни, тело писателя находилось лицом вниз, другие утверждают, что в гробу отсутствовала голова писателя. Одно издание, не буду называть его, чтобы не делать рекламу, рассказало, что один из высокопоставленных работников Кремля, во время перезахоронения, снял с покойного Гоголя кафтан и в дальнейшем обернул им книгу «Мертвые души», которую хранил в личной библиотеке. Также ходит молва, что с могилы Гоголя исчезла надгробная плита, которая оказалась на могиле Булгакова. Есть ли в этих слухах доля правды?

— Перезахоронение праха Гоголя было варварским. Он был похоронен в Свято-Даниловом монастыре и в 1931 году был вырыт из могилы, гроб был вскрыт и разграблен. И разграблен на самом деле не крупными кремлевскими чиновниками, а как это ни печально — писателями. При вскрытии гроба присутствовали писатели Илья Сельвинский, Владимир Лидин, Юрий Тынянов. И кусок от сюртука Гоголя отрезал Владимир Лидин и переплел им книгу «Мертвые души» и на внутренней стороне обложки прикрепил пластину, где было сказано, что это не просто материя, а материя сюртука Гоголя. Он даже оставил записки утверждающие, что это так. Гроб был разграблен. По поводу головы — это один из многих мифов, которые ходят вокруг Гоголя, ходят по его следам. Это неправда. Что касается надгробной плиты, то это была не надгробная плита, а голгофа, камень на котором стоит крест, это основание. Никто не собирается у Булгакова забирать эту голгофу, она останется там, а у Гоголя будет другая. Осквернили не только могилу Гоголя, так поступили со всеми остальными, кто был похоронен рядом с Гоголем. Это Хомяков и его жена, это Языков, сестра Языкова, сын и отец Аксаковы. Вырыли гроб с телом Рубинштейна привезенного изза границы. Гроб был свинцовым, открыли его, а Рубинштейн был как живой, затем рассыпался. Были совершены кощунства и над другими могилами. А многих и не выкапывали из могил. Просто взяли и закатали катком. Недавно я получил письмо из Свято-Данилова монастыря от настоятеля архимандрита Алексия. Там сейчас находится Министерство иностранных дел Московской Патриархии. В письме сказано. что на территории монастырского кладбища прокладывали какие-то трубы и нашли могилу Гоголя. Она была очень глубокой, и гроб находился не на дне, а в боку, в таком гроте, который был выложен камнями. Он очень хорошо сохранился, дубовый, просмоленный гроб. Его индифицировали и есть письмо археологов, что это именно гроб Гоголя. Они собираются поставить там памятный знак, и может быть крест. Это уже отрадно. Все вырытые из могил останки, перевезли из Свято-Данилова монастыря на Новодевичье кладбище, где образовалась такая компания камней. А что под камнями — мы не знаем.

— С какой целью это делалось?

- Властям понадобился монастырь. Монастырь был отдан ГУЛАГу, и в нем была организована детская тюрьма. Для ее создания и было ликвидировано кладбище.
- Игорь Петрович, Ваши родные, да и Вы лично, будучи еще ребенком, познали сталинские лагеря. Если можно, расскажите об этом периоде Вашей жизни!
- В 1937 году арестовали моего отца, а в 1941 году маму. И меня отвезли в детскую тюрьму. В ту самую, которую создали в Свято-Даниловом монастыре. Монастырь был обнесен колючей проволокой и охранялся вооруженными часовыми. Эта тюрьма называлась детским приемником-распределителем ГУЛАГа НКВД. Я не знал своей судьбы. Я не знал, что со мной будет дальше. Я не знал, где были мои отец и мать. Можете себе представить переживание десятилетнего ребенка, которого в так называемый детский дом приводит милиционер и которого в первый же день накрыли одеялом и избили только за то, что на мне был матросский костюмчик. Я был маменькиным сынком. Там была суровая школа. Это был макаренковский каземат, который, правда, помог мне выжить,— там хоть пайку давали.
- В преддверии празднования юбилея Николая Васильевича Гоголя, что бы Вы, Игорь Петрович, пожелали всем почитателям его таланта?
- Всем почитателям таланта Николая Васильевича Гоголя я хочу пожелать одно любите Гоголя и читайте его бессмертные произведения.

Беседовал Геннадий Маркин; фото автора

Ирина Кедрова (г. Москва)

...ЕЩЕ РАЗ ОБ «ИСТОРИКЕ И ЕГО ИСТОРИИ»

Постоянный автор нашего журнала Ирина Николаевна Кедрова преподает этикет и москвоведение в Московском государственном педагогическом университете. Профессор, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук. Профессионально занимается литературной работой: прозаик, драматург, литературовед. Член Союза писателей России, академик Академии российской литературы, входит в редакционный совет альманаха (журнала) «Московский Парнас», член одноименного Творческого клуба. Редколлегия «Приокских зорь», публикуя материал Ирины Кедровой (ранее рецензии на роман печатались в «ПЗ», «Тульском литераторе» и других изданиях), имеет в виду тот интерес, который читатели проявили к «Историку и его Истории». Отметим, что за этот роман его автор был отмечен литературными премиями им. Л. Н. Толстого (2005) и им. Валентина Пикуля (2007).

Сюжет романа, на первый взгляд, стар, и к нему не однажды обращалась всемирная литература. Древность сюжета подчеркивается и избранным стилем, и трехчастным построением романа, и неспешным раскручиванием действия, с дополнениями, воспоминаниями, отступлениями, обращениями автора к читателю.

Витиеватый слог, подаренный нам девятнадцатым веком, наполнил роман сочной окраской таких слов и словосочетаний, как: «почитай», «полагал», «добрейший профессор», «личность неординарная», «почивший с миром», «напасть приключилась», «не будем ему докучать». Как небольшие фрагменты прошлого слога, они разбросаны по всему тексту, и вносят в него аромат забытого письма и прочных мыслей. Да и герой романа — человек благородного происхождения. Его бабушка помнила «еще с конца прошлого века французский язык», дедушка служил гвардейским офицером, был дворянином с порядочной родословной.

Старый сюжет, однако, раскрывается он с опорой на современность, можно даже сказать — по-яшински. В чем же особенность этого раскрытия? Что нового внес автор в поиски и метания современного, к тому же — российского, Фауста?

Герой — Виктор Ильич — помещен в жизненные условия, в которых и мы с вами, дорогой читатель, жили лет двадцать назад. Оттого он близок нам, по нему мы сверяем память прожитых лет и правоту своих мыслей, ощущений, взглядов.

Примечательно его имя. Виктор — победитель. Ильич... Сразу вспоминается «наш Ильич», перевернувший страну, и другой «Ильич», создавший общество «тихого застоя» и «незаметного для большей части населения диссидентства». Впрочем, об отчестве А. А. Яшин пишет тщательно и заключает: «Ильичи — все сплошь люди странные».

Постепенно раскрывается сущность Виктора Ильича. Читатель узнает, что он — «личность неординарная». В детстве занимался в многочисленных секциях и кружках,

^{*} Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях. — Тула: «Гриф и К», 2004. — 481 с.

окончил французскую школу, обучался музыке, получил хорошее образование в столичном «редкостном институте архивного дела». Был недолго женат и отличался «женолюбием». Курил «Беломор» — «из соображений чисто патриотических». Работу «в богатом материалами облархиве», хоть и проклинал ежечасно, но находил «по душе». Слегка диссидентствовал «и в морали, и в политике, и в далековатой от его души религии». Любил «проехаться по знаменитейшим букинистическим магазинам». Словом, нам открывается образ советского интеллигента, каких немало жило в описываемые времена, и все же не так много, чтобы они определяли общее течение жизни.

Чем занимался Виктор Ильич? Профессионал-архивист, «историк по призванию», человек много знающий, тщательный в работе. Однако, не бегающий от участия в сомнительных «операциях»: помог сохранить практичному и деятельному приятелю старый деревянный дом, не гнушаясь подтасовкой данных, заключенных в архивных документах. Нам что? Пусть дом стоит на радость хитрого предпринимателя. Но приведенный факт свидетельствует о том, что небезгрешен наш герой. К тому же объясняет, почему Аседон Младший, искуситель-агент 3-го ранга, предложил ему сомнительную мефистофеле-фаустовскую игру, даже при том, что тот к Фаусту относился скептически, полагая его скудоумным продавцом собственной немецкой души.

Впрочем, в жизни Виктора Ильича нашлись и другие ситуации, когда его слово и дело, убеждение и действия расходились. Еще в студенческие годы этот выходец из интеллигентной семьи доказывал первыми научными изысканиями (в курсовой работе) «полную ненужность и даже прямой экономический вред от изучения иностранных языков в СССР». Впоследствии же именно знание французского языка помогло ему не затеряться в мире, в котором он оказался благодаря судьбе и Аседону Младшему.

Раскрывая содержание той курсовой работы, автор, прекрасный умелец саркастического слова, объяснил читателю: «Иностранный язык не нужен, ибо общение с иностранцами сведено к минимуму. Крайне малое число иностранцев находится в стране», невелик «поток выезжающих в другие страны», в кино — «квалифицированный перевод или санкционированная недоступность, газетно-журнальная продукция на иностранных языках крайне ограничена», художественная литература «обеспечивается высококлассными переводами». Словом, все хорошо, и иностранные языки советскому гражданину вовсе не нужны. Пусть другие народы учатся говорить на языке Свехдержавы. Разве мы с вами не жили в таких условиях? Разве иностранный язык не преподавался в обычной школе таким образом, что выходили из нее «знатоки», способные, в лучшем случае, коряво произнести «І ат». И лишь «избранные» изучали языки в спецшколах и спецвузах.

Сарказм, присущий перу автора, постоянно перемежается болью — за Отечество, за русский народ, за людей, оказавшихся в абсурдных жизненных обстоятельствах. Прочтите, например:

«Но наш народ — не узкий специалист, как натовский диверсант; природная сметка да добротное образование, щедро отпускаемое Советской властью, позволят найти выход из самой тупиковой ситуации».

«Видать, до полной победы мирового коммунизма дожить хотят!».

«А вскоре и слава пришла сравнительно еще молодому профессору: именно сводному духовому оркестру военно-музыкального факультета T-го университета выпала высокая честь представлять страну на ежегодном шоу военных музыкантов развивающихся стран на острове Фиджи, где съели капитана Кука, и где питомцы экс-подполковника заняли почетное 38-ое место».

«Иначе мы до второго пришествия коммунизма, которое непременно наступит, не сумеем дописать это повествование».

К характеристике своего героя писатель обращается снова и снова. Виктор Иль-

ич, как сто лет назад Раскольников, мучился вопросом: он — личность или нет? Слабая или сильная? Свободная или нет? Известно, что случилось с Раскольниковым, возомнившим себя человеком свободным от нравственных законов. Виктор Ильич про себя решил, что он — личность, достоинство которой — организованный интеллект, свобода и воля. Аседон Младший, критически настроенный, в сомнении задает вопросы, которые и мы бы с вами задали нашему герою: «Но куда делся он, твой организованный интеллект в те три дня безобразной, разнузданной оргии обжорства и мщения?», «Хороша же твоя свобода и воля, если достигается она унижением пусть и мерзавцев, но ведь людей!».

Связь с Ф. М. Достоевским, пусть и не выставленная на первый план, прослеживается. В начале романа эта связь проявляется в размышлениях героя о силе, свободе и воле. В конце повествования автор посвящает Достоевскому и его творчеству несколько страниц и делает это намеренно. В чем суть такого сближения двух писателей? В том ли, что связаться с бесовской силой может лишь сумасшедший? В том ли, что выжить в условиях, в которых живет и Виктор Ильич, и все мы, может только тот, кто в той или иной мере связан с героями душевно неспокойного писателя? Об этом раздумывает Виктор Ильич: «ни разу не довелось ему встречать откровенного хама, пройдоху, жулика с нарушенной психикой. Именно и наоборот, все они, как правило без исключения, были отменно душевно здоровы, оптимистичны, жизнелюбивы. Наоборот, всякий вежливый, добродетельный, чувствительный человек нередко оказывался, что называется, «со сдвигом». А может, дело в том, что человек, взявшийся за писательское перо, уже не может считать себя полновесно нормальным, поскольку и берется писать увиденное особым — нестандартным — глазом, при особом душевном состоянии, причем не столь важно, сам он это понимает или нет.

Алексей Яшин — писатель прочный, серьезный, разноплановый. Молодые и ретивые словотворцы, несомненно, найдут в его книге «писательскую науку», ибо «...самое трудное, сложное и долгообучаемое в ремесле (в высоком понятии этого слова!) художника — умение рисовать, то есть реалистически отображать живой и неживой мир, но не «фотографируя», а преломляя его через свое субъективное восприятие этого самого мира». С юмором, в котором уложена истина, размышляет он о писателях, деля их на две категории — добрый и мудрый. У первого часто мудрости не хватает, а второй «непременно злой как сто чертей». «Нет у нас, к сожалению, писателей одновременно добрых, мудрых, ироничных...» Разумеется, это не так. Назовем К. Г. Паустовского, Ч. Т. Айтматова, А. Т. Твардовского, Ю. В. Трифонова. Есть добрые, умные и ироничные писатели, и все же таких, оказывается, имеющих все три предложенных автором качества, крайне мало. Есть чему озаботиться нашим мастерам слова.

Алексей Яшин — человек, познавший радости и тяготы писательского труда,—предупреждает желающих легко пройтись по пути создания литературного текста: сделать это невозможно. Виктор Ильич «жадно, словно готовясь к этому долгие годы и десятилетия, испытывая творческий подъем, отдался написанию шестисотстраничного труда. Он не заметил весну, из летних дней запомнилось только третье июня...» Его ожидал «изнурительный, но приносящий усталую радость труд».

Готов ли современный писатель к такому труду, к отрыву от жизненных радостей, к уединению? Готов ли он жизнь подчинить тому, чтобы появилась на свет книга, которую могут не заметить, на которую могут не отозваться, а могут и растерзать в угоду чьим-то настроениям? Чтобы писать, нужна страсть к слову, проявленному на листе бумаги. И умение. И чувство этого самого слова. И хорошее знание языка, на котором пишешь.

Искрометность слова у автора сей книги неиссякаема. Насладитесь сочным русским языком, читая: «мелькнул интерес», «приятно напуганный», «многоликое чу-

до», «кот имеет ту породу, которую пожелает хозяин», «Много чего везут, ума только не привозят...», «ждешь экзотики, а повсюду мировой бред!», «Радость пришла на Землю». На страницах книги появляется чудный афористичный лозунг, способный стать жизненным принципом: «Кирнарского кота не трожь!».

Увлекательный рассказчик Яшин работает в жанре авантюрного романа. Он сразу «окунает» читателя в интерес. Ночь, герой философствует, в его размышления неожиданно проникает некто невидимый. «Не черт ли?»,— задаешься вопросом. И скорая развязка,— ну, конечно, он, кто еще может быть в авантюрном романе? Однако, интересно: что же такого особенного придумает автор? Ах, договор красной шариковой ручкой? Ах, месть надоевшему директору архива? Да еще поддержка жизненно-семейного тонуса любовницы? Мелковато, сударь. Но читаешь, читаешь и понимаешь, что это лишь начало, это лишь закваска, и процесс ее брожения разворачивается на твоих глазах.

Виктор Ильич, оставивший мстительно-спасительные операции, направленные на обидчиков и лиц приятельского окружения, занялся собой. Незаметное для сотрудников самоустранение с работы, расширение собственной научной библиотеки, решение бытовых вопросов,— все направлено на то, чтобы освободиться для настоящей мыслительной деятельности.

Между строк размышляющий читатель найдет направление собственной деятельности — разгадай, узнай, вспомни. Что это за песня о бедном студенте? Да это же «Песенка студента» Д. Тухманова, написанная на слова Л. Гинзбурга, сделавшего перевод «Из вагантов». Песня эта была очень популярна во второй половине 70-х годов.

А кто такой Лоренс Стерн? Так это английский писатель XVIII века, любимец высшего света Лондона, покоривший читателей романом, наполненным оригинальной ученостью, а затем описавший, после собственного путешествия, любовные похождения путешественника. Открывается связь Лоренса Стерна с А. А.Яшиным, поскольку в оформительской части книги мы уже узнали, что автор — выдающийся ученый, получивший Государственную научную стипендию и направивший ее на издание этой книги. Вспоминая фаустовский сюжет, и проводя параллель с путешествующим Стерном, читатель догадывается: в книге непременно будет путешествие.

Кстати, нельзя не отметить, что издание книги такое, о котором могут мечтать серьезные писатели — в твердом переплете, на бумаге хорошего качества, с иллюстрациями, которыми автор, сам их отобравший, усиливает впечатление от прочитанного. Переплет книги украшен изящным, золотом вычерченным, мечом, напоминающим острое писательское перо. Изящная линия, словно нить истории или струна арфы — символа звучащего в музыке слова. И кот, конечно, кирнарский, гуляющий сам по себе, однако четко знающий, что ему нужно. Этот кот, как мы узнаем, гуляет в душе Виктора Ильича, и это дает нам дополнительную окраску сущности героя, с которым, к моменту данного сообщения, мы уже сдружились, и смело идем по пути его приключений.

Мы уже упомянули, что Алексей Яшин — ученый. Но он еще человек, страстно болеющий за науку и образование. Потому в его книгу органично вставлены размышления о том, что происходит сейчас, спустя тридцать лет после описываемых событий в российском высшем образовании. Многие работники высшей школы с горечью подтвердят опасения писателя: происходит ее ликвидация. Институты, знаменитые своими естественнонаучными и физкультурными кафедрами (опять не удержался автор от горького сарказма) «переведут в разряд «классических» университетов, все инженерные факультеты позакрывают, а вместо инженеров начнут готовить филологов, переводчиков для тихих оккупантов, визажистов и прочую обслугу для «новых русских» и американских консультантов по экономическому росту страны».

Предостерегает мудрый писатель, яростным пером сопротивляется тому, что происходит в стране. И мне приходит на ум: педагогические институты, копившие многие годы педагогическую мудрость, выработавшие механизм воспитания творческого и знающего школьного учителя, сегодня становятся «классическими» университетами, избавляются от педагогической направленности, берут на вооружение западноевропейский бакалавриат с магистратурой, бездумно отбрасывая достижения собственного высшего педагогического образования.

Ученый не может спокойно обойти тему образования и познания. Гимн познанию раздается со страниц произведения, целиком посвященного, несмотря на авантюрность и нереальность сюжета, правде жизни, философскому взгляду на нее. Какое это наслаждение — глубокое интеллектуальное познание, «где труд ума есть отдых и нирвана души, истинное, привольное гурманство разума». Такого труда требует автор от читателя, и тому приходится постоянно думать, чтобы понять логику размышлений писателя, манеру и ритм беседы, суть описываемых событий. Автор беседует с читателем, ни на минуту не отрываясь от этого увлекательного занятия. Даже в тот момент, когда описывает, казалось бы, никакого отношения к читателю не имеющие события жизни Виктора Ильича. Все, что сказано в романе, направлено к нам — молчаливым участникам беседы. Для этой беседы Яшин избрал стиль рассказчика, который сидит рядом с читателем и сообщает ему среди фантасмагорических сведений сведения реальные. И те, и другие направлены на одну цель — заставить нас рассуждать, прогнозировать последствия собственных поступков

Сообщает он о том, как расправились с Луной — вечной спутницей Земли. Люди радовались и восхищались, и лишь выживший из ума стотрехлетний дед задал вопрос, который и мы с вами задали бы: «Что им сделала Луна?» Смешно? Или ужас охватывает при мысли, что человечество способно само себя уничтожить? И хорошо, если оно это совершит через тысячу лет. А если сейчас? Погибнут твои дети, только что вступившие во взрослую жизнь, погибнут внуки, только пришедшие в жизнь. Погибнут те, кого ты любишь, о ком всегда волнуешься, за кого боишься. Все-все может исчезнуть во имя грандиозных необдуманных замыслов, из-за стремления доказать величие человека. Дорогая цена!

Алексей Яшин — историк. Через своего героя он предлагает нам собственный взгляд на историю человечества. Возможно, не во всем этот взгляд подкреплен фактами, однако, художник сказал, и дело человека, страждущего знаний, — докопаться до истины. Например, действительно ли Петербург в начале XIX века был переименован в Петроград?

Любой историк скажет: история не имеет сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло. Была Великая Отечественная война и была вторая мировая война. В этих войнах образовались союзники и враги. Известны сроки окончания обеих войн. Но зададимся вопросом, что могло бы произойти, если бы Сталин пошел в 43-м году на подписание мирного договора с Германией? Тогда война окончилась бы раньше, с меньшими потерями, с другими реалиями на сегодняшний день. Да, этого не произошло. Такова история. Но думать, предполагать, учиться на прошлых ошибках во имя недопущения их в будущем — разве нельзя? Тем и отличается роман, авантюрный роман, от строгого, опирающегося только на фиксированные факты, сообщения исторического события. Разве не задача художника слова — расширить рамки реалий, взглянуть в глубину процесса с разных — возможных и невозможных — сторон?

Как историк он раскрывает свой взгляд на исторические вехи, ставившие Россию на очередной путь. Он ищет то время, в которое можно повернуть страну на иной путь. Зачем? Да из желания изменить настоящее к лучшему. Просматривает Смутное время, XVII и XVIII века, правление Екатерины Великой, а затем императоров XIX

века. Он размышляет о необходимости и последствиях освобождения крестьян, опираясь, очевидно, на размышления историка XIX века М. П. Погодина. Показывает критическое отношение к деятельности Александра II — Освободителя. И здесь, мне думается, перекликается со взглядами некоторых современных историков... Вызывает у нас интерес к деятельности Александра III, и старается доказать, что такой интерес обоснован.

Алексей Яшин предупреждает: человечество играет, и играет в опасные игры, «человек всегда ищет цацку, которую можно поломать, когда в голове пустеет, а силищу нажрал неимоверную: нет бы себе самому голову отвернуть или ногу в камнедробильную машину вставить!? Так ведь жалко себя, боязно, а цацку? — Круши ее, ребята! Я с ней больше не играю, вырос, баста! Другим? — Не моя забота».

К игре человечества, к угрозе уничтожения либо к созданию военизированного общества, истребляющего своих членов за малейшую ошибку, писатель постоянно возвращается. В описании событий, происходивших с героем в Карримардаке, есть много опасного. Военизированное государство с демагогическими вывертами, с низким уровнем обслуживания — питание, бытовые условия, медицина, с непрекращающейся слежкой, в которой участвуют те, кому положено, и те, о которых не догадаешься. Да и работа, отнюдь не творческая, превращает человека в тупой винтик машины, которая действует под управлением властителей. Внешне же — все спокойно, чудесно, с улыбками, всеобщей радостью и достижениями — мифическими. Вырваться из этого государства невозможно, пропасть в нем — запросто. Даже вырвавшись, не получаешь гарантии спасения жизни. Знакомо? Нет ли у нас опасности оказаться в подобном государстве?

Страх, который появляется у читателя, читающего авантюрный роман, быстро проходит, поскольку события мчатся с огромной скоростью. От одного общества к другому, кажущемуся иным, но, по сути, с той же военизированной организацией. Из Карримардака да в Хиндельбраант. Поневоле вспомнишь слова из Божественного писания: «отнимается от вас царство Божие...» И наконец-то, как спасение, как осуществление мечты и свободы — благостный замок во Франции. Не Париж — с его развратом, гомосеками, хитрецами и пронырами. Где «все — от младших школьников до 90-летних инвалидов труда и революций, — обязаны неписанным законом до изнеможения предаваться любовным утехам».

Это что? Автор зол на Париж, который Хемингуэй назвал праздником — «Праздник, который всегда с тобой»? Про который известный режиссер А. А. Прошкин сказал — «Увидеть Париж и умереть»? Да нет. Опять надо докопаться до истинного смысла, который содержится, для особо непонятливых, в небольшой фразе: «у них каждый день — день качества и вежливого общения».

Однако, вернемся к нашему герою, которому Париж надоел еще в начале путешествия, и потому Аседон Младший отправил его в тихий средневековый замок Орсэ де Монтан, в котором имеется возможность спокойной, красивой без нужды жизни. Любить свою супругу, приобретенную в начале путешествия, иметь умную и очаровательную любовницу, русскую по происхождению, завести милого ангелочка собственную дочку, оказывать влияние на окружающих жителей, но главное — вести научные изыскания историко-философского порядка. Даже машина времени оказалась в услуге у Виктора Ильича. Однако, по русской привычке во все влезать, все портить и всех подводить, тот умудрился так повести свои изыскания, что Аседону Младшему пришлось на долгое время отбыть в наказание в неизвестном направлении, оставив своего подопечного в относительной свободе, но не оставив его, тем не менее, без своих материально-бытовых забот.

Аседон Младший — натура демоническая, многое способен сделать. Но и у него есть свои ограничения. Деньгами снабдить, машину предложить, дамочек по вызову

устроить и мужскую силу укрепить, замок обставить — это легко. Даже машину времени предоставить. «...Жратву, баб и прочее — пожалуйста, но только все чтобы было наше — земное, а эти чудаки-инопланетяне — не его компетенция, эти проходят по восьмому ведомству семнадцатой небесной канцелярии, которым заведует Ассахарит — его классовый враг». У них там, у чертей, оказывается, своя иерархия, свой порядок, и у каждого из них — свои возможности. Как у людей. Оттого пришлось Виктору Ильичу помыкаться в дальнем странствии, побояться-поволноваться.

Справедливость требует отметить, что наш герой поначалу не очень-то доверял нечистой силе и даже «тянулся» от дьявола с его всевозможностями в нормальную жизнь. Без дьявольской помощи зашел в салон-парикмахерскую и постригся, без нее же «решил полностью проделать путь, претерпевая обычные для путешественника невзгоды, томления и случайные радости дороги...» Удивительно наивный человек: дьявол просто не отпустит, да и сложно жить без него, вкусив от него же превеликие радости материального порядка. Виктор Ильич это быстро понял и стал с Аседоном Младшим сотрудничать, изредка выражая ему неудовольствие. Впрочем, Аседон Младший поводов для того почти не давал.

Алексей Яшин — философ, размышляющий о жизни, обществе, государстве, власти. Он подмечает незначительные детали. Обращает внимание на значимые явления, но, по вполне объяснимым причинам, не вызывающие в обществе потребности серьезного изучения и обсуждения. О малой компетентности власти, например, «точнее ее носителей» рассуждает Виктор Ильич, удивляясь, «как это они эту власть берут и держат, будучи дремучими невеждами в самых обыденных вещах». Об уверенности каждого властвующего в том, что он достоин бальзамирования. «Всем хочется фараоном стать!» И где нам набраться кремлевских стен, мавзолеев и, на худой конец, египетских пирамид?

«Время гениев проходит,— характеризует он современность словами Сталина,— наступает время подлецов». Однако, слышится со страниц книги голос автора, не согласного с этой позицией. Помилуйте, это было всегда! Во все времена боролись добро и зло, порядочность и безнравственность, талант и бездарность. Кто побеждал? По-разному было. Но даже если погибали добро, порядочность, талант — они возрождались, поскольку именно на них человечество держится!

Не успокаивается Яшин-сатирик. Ему надо на все обратить внимание, указать возможные пути обывателю, подчас не желающему осознавать, что есть общество, каким оно может стать, что может дать человеку и что отобрать, если тот будет пребывать в эйфории собственной значимости и богатства.

Недаром его герой, занимаясь серьезными исследованиями, внезапно осознает, «что Отечество находится близко-близко к пропасти, такой глубокой и мрачной, каковая еще ни разу в бурной 1000-летней истории страны ей не угрожала. А угрожала она уничтожением страны, физическим уничтожением большей части народа и дебилизацией оставшейся. — Той, которой милостиво позволят остаться на этом свете на положении рабов». Пугает нас Яшин, а нам не страшно, мы-то знаем, нам твердят о том, что к середине XXI века русский человек станет определять духовную жизнь мира. Здорово! Ни культуру развивать, ни улучшать положение народа, ни ставить в школы компьютеры, ни создавать условия, чтобы эти «думающие» и расширяющие мир общения и знания машины шли в широкие народные массы, ничего не делать. Само придет, и будем мы определять развитие человечества!

На сегодняшний день в России смертность превышает рождаемость. Процесс этот пока не остановим. Каким будет население страны к середине этого века? Кто будет духовным лидером человечества?

Яшин-юморист подмечает веселые жизненные сценки, утверждая, что и там, где, казалось бы, не до смеха, есть возможность для улыбки и веселья. Чего стоит хотя бы

ситуация в аптеке, когда геолог покупает в огромном количестве «изделие номер два» и объясняет стоящим в очереди, что это ему нужно для работы? Писатель дает нам немного отдохнуть от сложности восприятия раскрываемого им мира.

Обратимся теперь к изысканиям нашего героя, с помощью которого писатель сказал и то, о чем сам думает, и то, о чем думают другие. Мы можем спорить, осуждать, не соглашаться, возмущаться. Или принять точку зрения Виктора Ильича. Главное — мы будем думать! Мне представляются спорными рассуждения о роли Сталина, о его христианской миссии, о воплощении в СССР христианской идеи, о возможности выхода из войны в 1943 году, о союзниках и врагах СССР, о Крыме, тайных сообществах, об инквизиторском пути развития «через позор и ничтожество». Но, как убеждает меня автор, это вопросы, ждущие подробного исследования, открытого обсуждения. Они должны быть заявлены, и Яшин не умолчал, а так своеобразно и основательно приступил к делу.

Затворник замка Орсэ де Монтан связал в единое социализм и христианство. Допустимо ли такое объединение? В стране, которая пошла по пути социализма, уничтожались православные храмы и православная религия. Однако, человечество давно определило моральные требования к собственному выживанию и вставило их в христианские законы и проповеди. Да и христианство не из воздуха образовалось, его корни в более ранней философии. Все когда-то сказало человечество. Как только сказанное преломляется в разные эпохи?

Масонское тайное сообщество, додумался наш герой,— слуги Антихриста, однако именно слуга Антихриста Аседон Младший помогает Виктору Ильичу, который, как понимаем, сам негативно относится к силам зла и пытается от них уберечь Отечество. Конечно, в мире все переплетается, и все сложно. Надо бы привести эти сложности в систему, показать логику, понятную читателю.

Некий разрыв происходит при восприятии описания двух государств: подробнейшего описания событий в Карримардаке и краткого описания того, что видели путешественники в Хиндельбраанте. Создается впечатление, что автор устал и позволил себе отдохнуть от сотворения текста.

Непонятно, почему надо долго рассказывать о колебаниях струны, превращая фрагмент художественного произведения в научный доклад.

Почему «опереточное переименование столицы в Петроград пошло на пользу государственным устремлениям повзрослевшего Александра Павловича»? Есть и другие замечания исторического характера...

Виктор Ильич в начале романа был «далековат» от религии, потому легко связался с Аседоном Младшим. В ходе глубоких размышлений пришел к христианству. Он не стал ярым сторонником православия, однако понял, что оно и Антихрист — субстанции несовместные. Более того, он убежден: Антихрист несет человечеству беду. И все же продолжает пользоваться его услугами, благодаря которым стал профессором Сорбонны. Впрочем, об этом автор говорит как о сне, однако в каждом сне есть доля истины. Так перефразируем мы известную поговорку.

Научные изыскания Виктора Ильича шли в потоке будничной жизни, в которой значительное место отводилось отношениям с женщинами. Как же он к ним относился? Разумеется, по-мужски. Была жена на недолгое время. Была любовница, прибегавшая к нему в свободное от мужа время. Как человек благодарный он «отплатил» ей с помощью Аседона Младшего и исчез из ее круга. Ему нужна была милая, красивая, приятная, в меру умная, то есть без излишества того качества, которое смущает мужчину в женщине. К счастью, такая особа нашлась и пустилась с ним в удивительные приключения, не задумываясь, оставив родных и друзей. Со временем превратилась в обычную капризную супругу и в мать, наверное, не слишком обеспокоенную. Жизнь Леночки по воле мужа разнообразна, но скучна в плане ее личного участия. Главная ее

задача — ублажение Виктора Ильича, а когда ее утехи наскучили, тот глянул на умную и деятельную Наташу. «Его любили две прекрасные женщины». Обычный амбициозный мужчина удовлетворяется такой прекрасностью. Имеет право.

Читательницы получают указание к действию: будь такой как Леночка и станешь госпожой средневекового замка. Неизвестно, правда, куда потом денешься, когда супруг задумает вернуться на родину, «служить Отечеству». Можешь стать такой, как Наташа, но здесь-таки ум нужен, изворотливость, понимание мужчины. Здесь постоянно просчитывать надо: когда сдаваться, когда нет, когда и как поддерживать «вторую половину» возлюбленного, чтобы своего не упустить. Здесь руководствуются непреложным правилом: «любимому надо льстить».

Впрочем, подобных любовных историй в литературе огромное количество. Здесь они как отвлечение читателя на какое-то время от серьезности вскрываемых проблем, как дополнительная характеристика главного персонажа, благодаря которой читатель решит: верить ли научным изысканиям «болтающегося по бабам» исследователя, либо примет его за своего, нормального мужика, пусть он даже с чертом связался.

Кстати, а что с Аседоном Младшим? Так и пропадает в командировке, в которую его послали из-за слишком деятельного Виктора Ильича?

Прочитанная книга лежит на столе. Большой труд думающего человека. Писателя. И читателя. В этой книге отмечено: «Восемь процентов людей мыслят самостоятельно и являются, так сказать, двигателями прогресса, а проще говоря — только эти самые проценты могут и хотят думать, двигать, работать. На них и держится любая нация, этнос, страна, государство». Войдем же, читатель, в состав группы мыслителей-деятелей. Начнем свой путь от прочтения этой книги и размышления над всем, что открыл нам ее автор. В добрый путь!

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ* (Ответное письмо, переросшее в размышления...)

Уважаемая Ирина Николаевна! (Извините, мне удобнее писать от «третьего лица»)

Как когда-то пели: «Привыкли руки с топорам...» Это к тому, что состою сейчас в пяти диссертационных советах: в трех в нашем университете, в Сургутском университете и в Белокаменной, во ВНИИ медицинской и испытательной техники. То есть за год даже у себя (в Москву и Сургут не езжу — потеря времени) бываю где-то на двух-трех десятках защит. Да и своих ежегодно защищаю три-четыре кандидата и доктора технических, биологических и даже порой медицинских наук. И пришел к вполне объективному, то есть логически непротиворечивому выводу: уже полтора десятка лет как в стране нет уже никакой науки, а есть ее профанация. Это как в романе «Сны...» нет, «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ, классика китайской литературы 30—60-х годов, кстати, убитого хунвейбинами во время «Культурной революции». Он с иронией описывает образование в гоминьдановском Китае эпохи «китайских милитаристов» (30-е годы); цитирую по памяти, потому без кавычек и аутентичности текста: аттестат зрелости получает школьник, умеющий написать иероглиф «великий», а диплом о высшем образовании — два иероглифа: «великий правитель». В общем, в этом роде... Не мне Вам, как профессору, говорить об этом.

252

^{*} Авторский комментарий на очерк Ирины Кедровой «…Еще раз об «Историке и его Истории» («Приокские зори», № 2, 2009).

А задача преамбулы — сообщить Вам, что «отзыв на отзыв» пишу, сидя на защите очередных и сразу трех диссертаций, в том числе одной моей аспирантки (к.б.н.) и ½ тоже аспирантки (к.м.н.). Это и есть сейчас у меня свободное время, поскольку уже третий месяц, увлекшись, пишу новый, большой роман с условным пока, рабочим названием «Любовь новоюрского периода». С перерывом только на подготовку очередных номеров «Приокских зорь». Даже второй том сугубо научного трактата «Феноменология ноосферы» отложил, хотя и договор с московским издательством подписан. А сейчас подошел к третьей, заключительной части «Любви...» и понял: «перевожу» в беллетристику ту же «Ноосферу», особенно в части виртуальной реальности, в которой мы, грешные и безгрешные, уже де-факто живем. И вчерашнее избрание-назначение Тайным мировым правительством президента США, то есть исполнительного руководителя всего мира — темнокожего — это торжество базового феномена ноосферы, феномена виртуальности.

...И написанное выше — это не к слову, а имеет самое прямое отношение к «Историку». Ибо этот роман может рассматриваться как пробный камень (скорее — шар), попытка художественными средствами представить явление *предтечи* действующей ныне истории, понимаемой как отображение на социальном, экономическом, этическом и пр. уровне (не уровнях, ибо рассматривается симбиоз) эволюции человечества, а более обобщенно — эволюции живой материи на планете Земля. А нынешний этап этой эволюции суть знаменательный: переход биосферы в ноосферу, о чем аргументированно известил человечество еще в 20-х годах прошлого века великий русский и советский ученый В. И. Вернадский. В наше время его учение развивает выдающийся ученый, академик В. П. Казначеев; свою лепту вносит и Ваш покорный слуга, в научном плане поддерживаемый В. П. Казначеевым.

И вот здесь-то, в данном аспекте, и начинаются чудеса в решете: явление нам нового человека ноосферного и общества ноосферного (homo noospheres, sociale noospheres) с самого проявления их ростков, относящееся к концу XVIII века, организованно замалчивается теми сакральными силами мировой самоорганизованности, которые мы сейчас уже уверенно называем Тайным — пока, но уже в ближайшие 10...15 лет этот покров будет не нужен — мировым правительством.

Это и есть своего рода надфабульный стержень всего романа. Все остальное — «авантюрность», путешествия, демонические силы, трактат Виктора Ильича, главного героя романа, его же любовный антураж — это, конечно, тот необходимый набор, который переводит сухую теорию в качество литературно-художественного произведения. «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет древо жизни», — поучает Мефистофель Фауста и дальше учит любовной науке...

Как нам представляется, из тех нескольких отзывов на «Историка и его Историю», что появились в печати — газета «Тульский литератор», журнал «Приокские зори» — после выхода романа, обстоятельный анализ, выполненный профессором, профессиональной писательницей и драматургом Ириной Кедровой, наиболее близок к истине, если в данном, конкретном значении под истиной подразумевать ту степень корреляции содержания произведения и его оценки, что позволяет автору, литературному критику и, разумеется, читателю говорить на одном понятийном, художественно осознанном языке. Здесь нам на века пример оценки, то есть высшего «класса» критики, Виссарионом Белинским творчества Александра Сергеевича Пушкина. Именно творчества, а не отдельных его произведений. Ибо истинный писатель всю свою жизнь пишет одну книгу.

* * *

Автор не хочет сказать, что предыдущие «отзовисты», в смысле, конечно, рецензенты, не читали пухлого и многословного романа, но именно Ирина Николаевна

прочла его так, как и положено читать читателю, извиняюсь за тавтологию... И явные следы того читательского интереса, что и есть базис для последующего литературоведческого, критического анализа в отношении идеи, фабулы, сюжета и собственно художественного воплощения.

Несказанно радует всякого автора, когда при чтении отзыва на свое детище в форме художественного слова он видит: его игриво запрятанные в тексте фигуры умолчания тотчас опознаны и правильно названы. Самое существенное, что автор как раз этого и добивался. Такая вот игра в простительный гедонизм.

Вот, к примеру, взял автор за образец нарочитой «сюжетной запутанности» оригинальную манеру Лоренса Стерна, особенно имея в виду знаменитый роман английского писателя XVIII века «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», ан — о том же говорится и в отзыве. И правильно Ирина Николаевна пишет, что во многом читателя заинтриговывает не только смысловое, художественное содержание, но и эта своеобразная сюжетная чехарда — так ее можно на первый взгляд назвать. Но ведь это и есть следование литературной новации Лоренса Стерна. В конце концов, все мы, пишущие, редко что изобретаем свое, оригинальное — это слишком большая редкость. Или большая удача и находка. Почти все, как и в других отраслях творчества человечества, уже изобретено за века и тысячелетия цивилизации и культуры. Вот понравился автору прием Лоренса Стерна, он его и использовал в полной мере. А может, и гены «сработали», ибо автор по материнской линии из иностранцев.

Напомним не читавшим «Тристрама Шенди»: первую треть толстенной книги занимают «воспоминания» главного героя о том, как его зачинали. А к завершению романа эти воспоминания так и не выходят за ранее детство. Все это перемежено экскурсами в историю, политику и вообще куда угодно, то есть в мнения автора, подменяющего собой героя. Но в том и великолепие такого приема, что в итоге у читателя в голове остается абсолютно целостное впечатление об идее и обобщенном художественном образе «героя» романа.

А теперь все становится на свои места: главный герой «Историка» — это Тристрам Шенди нашего времени. Хотя бы и тридцатилетней давности. А раз так, то отпадает большая часть, почти все вопросы по сюжету. Понятным становятся и морские путешествия главного героя и сопутствующих ему лиц, и, главное, экскурсы в мировую историю и многое другое.

Но не только великолепный юморист в серьезных делах Лоренс Стерн направляет перо автора «Историка». Отдает он дань и столь популярному в последние десять лет в отечественной и — в особенности — в западной литературе, художественной и художественно-публицистической, приему, который можно назвать «а если бы в истории было вот так» — прием нарочито антиисторический, ибо в реальности история не имеет обратного хода... или сослагательного наклонения. Кому как нравится. Но ведь мы-то уже живем в эпоху виртуальной реальности, то есть в зеркальном мире «Алисы...» в стране — а теперь не в какой-то надуманной, искусственной зазеркальной стране, но в стране и вообще в мире, где историю творят уже конкретные люди, пока нами не знаемые.

И это прекрасно понимает автор отзыва, хотя в целом не приемлет смоделированное Виктором Ильичев завершение в 1943 году Мировой войны на Восточном фронте. Но ведь автор «Историка» не очень-то отстаивает свою точку зрения. Для него главное — показать все нарастающую виртуальность нашего мира.

* * *

...Далее в настоящей записке следует почти двусмысленный перерыв; пусть уж Ирина Николаевна великодушно извинит автора, ибо дописывание «Любви новоюрского периода» полностью захватило. Тем более — дал слово поставить точку 22 декабря в день солнцеворота (слово-то какое замечательное, оптимистичное!). Что и выполнил. И еще хлопоты по обеспечению издания «Приокских зорь» в наступающем 2009-м году. Слава богу, Тульский госуниверситет, печатающий тираж, дал добро, а администрация области, утомившись перепиской со мной — уже два тома накопилось, — вроде как согласилась финансировать журнал с 2011-го года — года реализации новой Культурной программы. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Сегодня четвертый день нового года; снега мало, но мороз настоящий. Но — продолжим ранее начатое.

Именно прощупывание этой грядущей виртуальности бытия будущего человечества, а в каких-то фрагментах уже и сегодняшнего, служат и эпизоды попадания Виктора Ильича со своей подругой и «примкнувшего» к ним колоритного Боцмана на острова с диковинными государственными устроениями. Все же — точно! Гены в авторе романа играют, ибо здесь земляка его пращуров Лоренса Стерна сменяет тож земляк. Который с Гулливером. И наш *пеw*-Фауст на время действия островных эпизодов становится *пеw*-Гулливером. Вот Фауста в Викторе Ильиче все мгновенно замечают — и ни полслова о Гулливере. Наверное, потому, что, во-первых, !Гулливера» все читали в детстве, а «Фауста» в серьезном возрасте; во-вторых, читали-то адаптированного к детско-юношескому возрасту «Гулливера». А вот Карримардак и Хиндельбраант в «Историке» предельно натуралистичны. Как, впрочем, и неадаптированный «Гулливер». А может он настолько вошел в литературную культуру, что стал привычной частью ее «интерьера», который настолько реален и привычен, что уже особо и не оговаривается...

И уже без всякой авторской подсказки читателю ясно: Карримардак и Хиндельбраант — это две ипостаси того устройства социума, форму которого наша страна с навязчивой периодичностью принимает в новой и, особенно, в новейшей истории. Уверенно входим в таковую и сейчас. Ни одно поколение наших соотечественников чаша сия не миновала. Но предстоящее нам, смиренным и смирившимся с властью хама с долларами, испытание еще следует помножить на эту самую настигшую нас виртуальную реальность.

Так что это за штука такая виртуальная реальность, в которую волей Рогатого попал Виктор Ильич, а теперь и все мы? Ответ прост: это сон разума, как у Гойи, или жизнь, как сок, у Кальдерона.— И так в каждом аспекте современной жизни — существования. В той же экономике, словесном идефикс, или поносе, кому как нравится, нашего времени. Включите утром кухонный репродуктор, но только после завтрака, памятуя слова булгаковского Филиппа Филипповича Преображенского: «Не читайте перед обедом советских газет — аппетит пропадет!» Точно также не рекомендуется слушать до завтрака уже антисоветское радио; равно читать газеты, смотреть телевизор, разговаривать с соседом-депутатом, тем более чиновником... Но если все же репродуктор включен, то вот она — виртуальная реальность.

Времена сейчас опасливые, как-то скоро и незаметно «свобода печати» скукорожилась до свободы панегириков до боли родным в исторической генеалогии рулевым. Поэтому дождитесь местных губернских новостей. Из них узнаете, что реальный сектор экономики нашего среднерусского областного города, где не добывается нефть и газ, растет невиданными темпами; далее следует неодобрительная реприза в адрес тоталитарного прошлого, а затем голос диктора начинает изображать черт-те какой восторг: это речь пошла о совсем уже невероятном росте экономики при нынешнем руководстве города.

Впору рукоплескать репродуктору, пугая доброго своего кота, кирнарского, конечно, что и сам пришел на кухню подкрепиться в перерыве между ночным и дневным сном. Но тут, как говаривали в старину гусары, пришел поручик Ржевский и все

испортил. Это диктор толерантной скороговоркой сообщил, что из трехсот тысяч работающих граждан среднерусского города сто шестьдесят три «заняты коммерцией». Будучи не дураком от природы или от *СМИ*, вы сами, зная свой родной город уже не один десяток лет, прикините: из оставшейся разницы 300 — 163+137 тысяч опять же вычтите бюджетников всех уровней и рангов, полноформатную — по численности военных лет укомплектованную дивизию чиновников-молодцов, армейский корпус (то есть две дивизии) «манагеров» и «офисных креветок» из тех контор, где перекачивают и отмывают спекулятивные деньги, и так далее. В итоге на «реальный сектор» останется не более полутора десятков тысяч, ну-у, может двадцать от силы. В тоталитарные времена в городе работали заводы, численность трудяг на каждом из которых в полтора-два раза превышала эту цифру...

Вот это и есть виртуальная реальность. Про науку, культуру, образование стыдливо умолчим. И вообще, пояснив связь грядущих времен и предвидений Виктора Ильича, оставим эту тягостную тему читателям: пусть поразгадывают ребусы.—Вместо оглупляющих кроссвордов и сканвордов.

* * *

...Рецензент, тем более женщина и профессор-педагог, то есть вдвойне наблюдательная, много и метко пишет о тех деталях романа, которые традиционно относят к второстепенным. Выходит, что и второстепенные детали имеют свою сверхзадачу? Согласен, ибо сам их вставлял в сюжет, добиваясь максимальной полноты характеристики главного героя. Самое интересное, что выискивать любопытных персонажей второго-третьего ряда мне и не требовалось: только оглянись вокруг себя! Посмеемся, Ирина Николаевна, вместе, дабы отвлечься от грядущей виртуальности.

Буквально за несколько дней до недавнего Нового года встретил на улице прототипа Витьки Логинова; это который в романе, стремясь сохранить свой частный дом с усадебным участком в самом центре многоэтажного микрорайона, пытался с помощью Виктора Ильича повесить на стену этого дома охранную табличку: здесь бывал видный революционер Имярек. С этим прототипом мы некогда молодыми специалистами трудились в военно-промышленном КБ и даже семьями вместе ездили летом в Крым.

Сейчас Витька-прототип заведует какой-то службой по части сотовой связи. Давно не виделись, поэтому поинтересовался историей тридцатилетней давности: небось, снесли домик-то? Теперь в квартире маешься?

- Отнюдь, рассмеялся прототип, дом взят под охрану государства!
- Неужели табличка с героическим подпольщиком?
- Табличка, но не с революционером, а с героем-летчиком, повторившим в войну подвиг Гастелло; оказался у супруги такой знаменитый родственник.

...А прошедшим летом вошел ко мне в рабочий кабинет в НИИ сухощавый молодец в полной казачьей амуниции, шутливо помахивая в руке не чем иным, как муляжом парабеллума. Тоже из прототипов, только из другого романа: «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», где он под именем Сашки Стехина геройствует как универсальный охранник-супермен. Теперь же Стехин-прототип, пройдя с его характером Павки Корчагина огни, воды и медные трубы волчьих девяностых, состоит в звании вахмистра в местном отделении Центрального казачьего войска («городские казаки»), получает там зарплату инструктора по рукопашному бою, сабельной рубке и стрельбе из всех видов переносимого оружия: от пистолета до гранатомета.

«С ума сойти!» — как говорят офисные девушки. Чего только в самой обыденной жизни не встретишь; ведь в этой жизни такое можно увидеть, с чем ни одна фантазия не совладает... Понятно, что по улицам города не маршировал в полной эсэсовской форме полковник, проказливо посланный на этот парад по просьбе Виктора Ильича

Аседоном-младшим. Но вот работяги одного из НИИ оборонного профиля, работавшие в третью смену, решившие «добавить» к казенному техническому спирту, преспокойно выехали из ворот родного предприятия на танке: мы, мол, на полчасика, доедем до известного домика, где торгуют самогоном на вынос, и назад воротимся!

Посмеявшись, вновь посерьезнели. А что есть самое серьезное для современного писателя — литератора эпохи натиска его Проклятейшества Капитала? Здесь и угадывать не стоит напрягаться: не высокие материи оценки и самооценки творчества, не раздумья об идейно-художественном содержании, даже не честолюбивые мечтания о высокой премии или ордене с барельефом Вождя к юбилейной дате творчества же... Нет, это все в тоталитарном прошлом, что было без «зелени» и евров, кризисов и щетинистых олигархеров, новых русских и новых же «русских бабок» на TB, что вызывают у нормального человека зубоскрежетальную ненависть.

Самое серьезное для современного сочинителя — это издание своих книг. Вот и замечания Ирины Николаевны, в основном, касаются редактуры и корректуры. Еще, правда. Имеется замечание что-де автор «Истории» полагает царя Алексия Михайловича, а не его папу Михаила, первым представителем романовской династии. Что здесь сказать? Даже если бы автор неаккуратно учился истории в школе, в Литинституте, не прочел бы всех историков России — от Татищева с его мамонтами до пролеткультовского Покровского, то уж оперу про события 400-летней давности в костромских лесах, дважды уже менявшего свое название, смотреть доводилось. Каемся, опять же дело в редактуре: называя Алексея первым «романовским» царем, автор пропустил определяющее слово «первым самодержавным».

* * *

Редактура и корректура — вот беда современного писателя; даже вроде бы определяющий вопрос о финансировании издания (я издаю либо на получаемые время от времени научные премии и иные поощрения, в том числе от Академии наук, либо на выделяемые администрацией области на писательские нужды средства; особенно последние было хорошо поставлено при народном (без кавычек!) губернаторе Василии Александровиче Стародубцеве, прекрасном знатоке отечественной литературы...) здесь отходит на второе место.

Довелось застать прежнюю, выверенную систему советского книгоиздания. В Приокском книжном издательстве тогдашними многотысячными тиражами вышли две книги: сборник повестей и рассказов «На островах» — дипломная работа в Литинституте и роман «В канцелярии», который считаю лучшим крупножанровым произведением, доселе много написанным. Может «Любовь новоюрского периода» сравняется с ним? — Но об этом судить прежде всего читателю. Система же была следующей: авторский оригинал — издательское редактирование — издательский оригинал — издательский оригинал-макет + художественное оформление — типографский набор и пробный оттиск-гранки — параллельная вычитка гранок автором и издательством — правка издательского набора — печать тиража — сигнальный экз. — выдача тиража.

Да, относительно нынешних сказок о «литовской» цензуре. На всех названных этапах ее не было по определению. Просто в облиты передавалось определенное число экземпляров уже отпечатанной книги. Как, впрочем, и в дореволюционной России, что оговаривалось на шмугу-титуле отпечатанной книги: «...по напечатании препроводить шесть экземпляров книги куда следует». А книги религиозного содержания цензурировались Св. Синодом.

...При такой многоступенчатой и согласованной системе «ляпы» не проходили. По своим, названным выше книгам сужу. Но главное — это высокая квалификация редакторов и корректоров.

Сейчас же указанная выше цепочка резко сокращена, а издательство и типография не имеют обратной связи в виде гранок; по крайней мере для малотиражных изданий, которые в современной беллетристике составляет 80-90 %. А на редактуру и корректуру либо у автора уже не остается денег — все ушло на печать тиража, но главное — сам институт редакторов отживает свое ввиду невостребованности (см. выше). Что касается корректоров, то они еще сохранились в издательствах, но здесь вот такой казус получается: это, как правило, бывшие технические редакторы или «выросшие» бывшие корректоры. И им поручается сдвоенная работа: корректура с техническим редактированием. Понятно, что такой комплексный работник, тем более имеющий филологическое образование, тяготеет более к редактированию, как более-менее творческому процессу, но — в ущерб корректуре. А вот в прежние времена корректоров специально подбирали из вчерашних школьниц-отличниц, по той или иной причине пока еще не поступивших в институт-университет. И такая девочка-отличница относилась к тексту как к школьному диктанту: не вникая в смысл текста, править ошибки. Это была гениальная система редакционной, технической подготовки текстов к изданию...

Но еще чаще роль редактора и корректора выполняет сам автор. Но самому себя редактировать — это из историй барона Мюнхгаузена. То же самое и с самокорректурой: будь ты доктором филологии и любимым учеником профессора Розенталя, что написал учебник по русской грамматике, все одно при чтении собственного текста внимание автоматически акцентируется на смысловом, но не грамматическом содержании текста. А что уж говорить, если автор прямо из известных строк Маяковского: «Будь я негром преклонных годов...» И так далее. Раньше посмеивался, слыша расхожее: наиболее слабы в грамоте именно писатели, но став главным редактором журнала «Приокские зори», смеюсь намного реже...

Опять же, печатаясь ранее и сейчас в известных литературных журналах, где имеются полноформатные редакционные службы, отмечаю: редактура, как сотворческий процесс, становится все более торопливой и небрежной.

Многажды извиняюсь за длинный экскурс в техническую сторону издания книг, но — это ответ на ныне столь привычные замечания типа: «Все хорошо и вовсе замечательно, но режет глаз...» И так далее.

* * *

И вдогонку, раз уж разговор пошел на тему подготовки рукописи к изданию, общие размышления о самом институте редактирования. Сложно ответить на вопрос: когда редактура художественных произведений появилась в России? Несомненно, на эту тему сочинены десятки филологических диссертаций, но диссертации, как известно, читает только час диссертант, да еще его руководитель внимательно читает и правит автореферат. А вот официальные оппоненты уже не читают, а зачитывают «свой» отзыв, написанный автором научного исследования...

Почему-то принято считать, что редактуру личным примером ввел в обиход император Николай Павлович, ссылаясь на разночтение его знаменитых слов к Пушкину: «Я буду твоим цензором (редактором)!» Возможно так. Но мы говорим вообщето не о высочайших персонах — Николай на самодержавном троне, Пушкин на троне поэзии, — но о редактуре, как обыденном явлении. Скорее всего, начиная со времен патриарха Никона, редактирование и цензура не разделялись и практиковался этот симбиоз исключительно в духовной литературе. Понятно почему это нововведение связано именно с Никоном.

В светской литературе цензура с элементами редактирования появилась при Екатерине Второй — и тоже в связи — в связи с «Путешествием...» Радищева. В XIX веке цензура полностью самостоятельна, а цензоры — государственные служащие во

главе с главным цензором Российской империи; самым знаменитым из них, главных, был автор «Фрегата «Паллада». Массовая же редактура появилась прежде всего в журнальной литературе, которая возникла в России, как общественно-литературное явление, в первой половине XIX века. И поэтому институт редактуры прежде всего связан с громкими именами редакторов-издателей самых известных журналов 30—80-х голов «века русской литературы»: «Современник», «Библиотека для чтения», возобновленный «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Москвитянин» — то есть с именами Пушкина, Осипа Сенковского, Некрасова и других, тоже именитых редакторов. Затем это перешло и на книгоиздательство.

Причина появления де-факто обязательной редактуры суть сочетание и совпадение по времени двух факторов. Во-первых, выдающиеся и великие писатели, тогда редактировавшие литературные журналы, подспудно стремились «подтянуть» среднего автора журнала, равняя в каком-то смысле общий уровень своего издания на себя. Это естественно для любого профессионала. Также и профи-дворник, проходя на чужому для его двору, инстинктивно поднимает валяющуюся на тротуаре ском-канную газету и бросает ее в урну... И из личного опыта: когда при губернаторе Василии Александровиче Стародубцеве меня «сватали» на должность председателя комитета по науке областной администрации, то вице-губернатор, от которого зависело это назначение, выразил неудовольствие, что я явился пред его очи без галстука. Это-то и предрешило отказ. Не мог же я ответить матерому чиновнику, даже занимавшему некогда пост, правда, не очень высокий, в ЦК КПСС на Старой площади, что у староверов, из рода которых я происхожу, галстук именуется «иудиной удавкой...».

А во-вторых, именно начиная с середины XIX века в литературу устремился мощный поток сочинителей-разночинцев, у которых даже университеты не смогли перебороть специфическое словесное образование, полученное ими в бурсах и семинариях: многолетняя практика чтения, речевая и даже мышление на церковнославянском, неформальное изучение трех «мертвых» языков, затверженная логика основных дисциплин: догматическое богословие, гомилетика, патристика... Обратите внимание: даже нынешние православные священнослужители в обычном, нецерковном общении имеют говор, несколько отличный от давно ставшего общенациональным московского говора. И наряду с разночинцами, людьми все же образованными, в последней трети XIX века в литературу массово пошли и способные, талантливые, но, увы, малообразованные писатели из гущи народа.

Таковы на наш взгляд, учитывающий реальные факты истории русской словесности, истоки института отечественной редактуры.

Свои коррективы внес век двадцатый, но это все или почти все «на виду», пояснений не требует. Вывод однозначный: редактирование было, есть и будет необходимым компонентом (или компонентой? — На сегодняшний лень здесь разночтение) подготовки рукописи к изданию. И это не зависит от степени литературной грамотности автора, ибо он пишет, вообще говоря, для себя, самовыражается, а изданное произведение предназначается для читателей; во множественном числе. Конечно и речи не идет о нивелировании-усреднении редактором оригинального текста для масс-медиа; это прерогатива глянцевых журнальчиков, дамских романов и романов дам — карманного формата в мягких переплетах. Задача редактора: реализовать все ту же формулу «близкое видится с расстояния». У опытного редактора, де-факто соавтора, полностью сохраняется стиль и аутентичность текста. Более того, они им выявляются, как выявляется внутренняя, кристаллическая симметрия алмаза при его огранке...

И беда бед нашего времени, что *институт* редактуры, надеемся — временно, сведен, в лучшем случае, к *рабфаку*... нет, к $\Pi T V$.

Все же отвлечемся от злободневной темы и обсудим другую, акцентированную в рецензии Ирины Николаевны; в ней содержатся несколько вопросов к автору и ремарок. Их можно объединить в риторическое: для кого сейчас пишутся художественные книги и могут ли они быть «умными»? Кавычки к последнему слову не знак иронии или отрицания смысла, но акцентирования последнего слова.

Начнем со второго подвопроса. Давно бытует в литературных кругах: прозаик в своих произведениях должен быть слегка умноватым, поэт несколько косить под глуповатого. От себя добавим: а драматург стараться не выходить из треугольника: «Гамлет» — «Синяя птица» и «Кавказский меловый круг». То есть отдавать дань философичности Шекспира (или Фрэнсиса Бэкона, ангажируемого на авторство), поэтичности Метерлинка и дидактике Бертольда Брехта... Все одно на него свой Лев Толстой найлется.

Но кто и когда издал директиву, что книга должна быть где-то между «умненькой» и «глупенькой», то есть масс-медийной? Да, директив за номером и подписью никто не издавал, однако модус масс-медийности и раньше был в чести у издательств и критики, а сейчас и вовсе господин положения. Здесь опять же счастливо для современных — уже не издательств, но частных издателей и несчастливо для собственно русской литературы совпали два исходных момента. Первый принадлежит к почившему в бозе агитпропу, взявшему на вооружение примитивно истолкованные слова Горького о доступности художественного слова для самых широких масс, как говорили раньше, — трудящихся; сегодня — не очень уж надрывающих пуп от трудов праведных... Вот так сложился преобладающих тип писателя-середняка, еще на заре его становления великолепно «продернутый» одесскими классиками: «...Понюхал свою портянку старик Ромуальдович и аж весь заколдобился». В этом многоликий середняк в старших поколениях современных писателей, особенно провинциальных, которым, в отличие от столичных, и вовсе даже намеков на изыски не позволялось.

Вот и сочиняют они по инерции (а чем еще занять все же натренированные голову и руку с пером? Все одно, раз они профи еще от СП СССР, другому занятию не обучены...) задумчивые романы о цветущих яблонях, рассказ-зарисовки и автобиографические повести. «Пишите о людях хороших, плохие и так на виду», — получал меня с сотоварищи по семинару в Литинституте добрейший наш наставник, седовласый и мудрый Борис Михайлович Зубавин, бывший первым главным редактором «Нашего современника» — возрожденного «Современника» Пушкина и Некрасова. Правда, уважаемые наши сочинители сделали коррективу, учитывающую ветер перемен времени: люди хорошие, скорбя и негодуя, делая оргвыводы, ушли на второй план, а люди очень даже плохие, прямо-таки скверные, вышли на план первый.

Но — выручает мастерство, данное от природы и отточенное в золотые для писателей советские годы, потому книги их имеют если не массового (тиражи копеечные ведь!), то благодарного читателя. Таковые романы, повести и стихи известных тульских литераторов: Наталии Парыгиной, Виктора Пахомова, Николая Дружкова и других. В любом регионе России вы найдете свои имена. В конце концов на их плечи легло поддержание добротных традиций литературы советского периода истории страны. Честь и хвала им!

Но истинное бедствие для современной литературы — второй фактор: господство ширпотреба — от эпатажного пиара сально-голубого оттенка (имена на слуху; как раз написала мне Ирина Николаевна: утюг включишь и слышишь...) до дамских, детективных, псевдоисторических и сексуально-приторных романчиков, заваливших прилавки книжных магазинов, ларьков и развалов.

Всех их объединяет одно: они издаются одновременно сериями по 10 штук под женскими «авторскими» именами, звучно подобранными, и изготавливаются на ком-

пьютерах по давно используемым на Западе программам, адаптированным под русский (новорусский, новояз) язык и соответствующую сферу действия. Оба варианта — коммерческие.

Итак, с умозрительной директивой все ясно. Так что есть «Историк» на фоне современного книготворения? Прочитав этот роман, мой одноклассник по школе города Полярного, что на берегу Кольского залива за Полярным же кругом, а ныне проживающий в Петрозаводске и работающий зам. начальника (по технической части) Госкомстата Карелии Юра Черняков сообщил просто: «Роман не для женского чтения!» Как человек воспитанный, он, конечно, имел в виду не какие-то особые женские качества мышления, но именно господство ныне «женского романа», о чем мы только что сказали.

Так еще раз сами себя спросим: почему литературное произведение должно быть масс-медийным? И в смысле позитивном, смотри выше первый исходный момент, и в понятии коммерческом — второй момент. Ведь собственно художественная литература издревле являлась философствующей, размышляющей. И даже когда античный, древнегреческий роман жанрово отделился от философии, он не поменял резко свои тропы. Таковы и первые позднегреческие романы «Дафнис и Хлоя» и Апулеев «Золотой осел» («Метаморфозы») — первый авантюрный роман мирового уровня — и тогдашнего и в восприятии сегодняшнего времени.

И только с появлением более или менее массового читателя, а это для Европы, впрочем, и для России, вторая треть XIX века на первое место выходит беллетристика. И появляется понятие «серьезной» литературы.

* * *

Но так ли велико различие между серьезной (опустим кавычки) литературой и беллетристикой? Наугад возьмем представителей той и другой примерно одного времени и одной, англо-ирландской литературной традиции: Джона Голсуорси и Джеймса Джойса. Речь пойдет, соответственно, о «Саге о Форсайтах» и «Улиссе». ...Но можно, конечно, сопоставить «В поисках утраченного времени» и одного из известных французских (и многочисленных) беллетристов того времени — времени творчества Марселя Пруста.

А почему на ум пришла именно эта, коррелирующая по времени и национальной литературной традиции пара выдающихся писателей? — Вспомнил: читал Голсуорси, к этому времени изданного в собрании сочинений, дома после работы инженерной, а по субботам два-три часа проводил в читальном зале областной библиотеки, тож читая не издаваемого тогда «Улисса» в номерах вытребованного из книгохранилища годового комплекта журнала «Интернациональная литература» — предшественника современной «Иностранки». Кажется, за 1934-й год. Или где-то около того.

К сожалению моему печатание романа прерывалось, не дойдя до середины. И давалось от редакции журнала идеологическое обоснование в том смысле, что почитали и хватит. Литература упадническая, декадентско-буржуазная. И вообще, нечего отвлекаться от строек пятилетки... Что ж, для той эпохи все верно.

Однако — от ностальгических воспоминаний к делу. Действительно, «Улисс» — декаданс декадансом, бесфабульный семисотстраничный роман, правда, при этом идеально математически, как сорокаходовая шахматная гроссмейстерская партия, рассчитана сюжетная линия, все многочисленные, нарочито запутанные узлы и разветвления которой в итоге сходятся.

А «Форсайты»? — романная классика; такая расклассическая, что английский сериал по роману был показан — и неоднократно — по советскому телевидению: первый зарубежный на наших экранах!

Но кто первый бросит... в смысле, кто скажет, что «Форсайты» и «Улисс» сколь-

либо разнятся по силе художественного впечатления, актуальности своему времени, богатству сюжетных ходов и образности героев, адекватности средств раскрытия их характеров? В конце концов, тот кто с удовольствием прочитает книгу Голсуорси — от первого тома романа до несколько искусственно (это наше, субъективное) притянутой к нему «Последней главы»,— тот так же воспримет и поймет «Улисса». Но это и не значит, что знакомый с «Сагой» только по сериалу возьмет в руки Джойса...

И еще следует учитывать, что фундаментальный для науки, технологий, обыденной жизни, наконец, принцип «гениальное всегда просто» явно не срабатывает в литературе. Впрочем, не совсем он адекватен в музыке и живописи. Даже в несколько догматизированной советской литературе были далеко не одни «цветущие яблони». Разве «Русский лес» Леонида Леонова так прост, беллетристичен? Не говоря уже о более поздней его «Пирамиде».

Писатель создает свое произведение теми художественными средствами, какие он полагает имманентными поставленной им задаче. И никаких раздумий: «просто» или «сложно» у него получится? А самое главное — его произведение есть только его самовыражение. И пишет он для себя. Демагогическое «писать надо не для себя, а для широких масс читателей» родилось в инструкциях еще Пролеткульта и из тактических соображений затвержено созданным Горьким Союзом писателей СССР. Будет этот самый широкий читатель листать страницы его книги, или даже не взглянет на нее — сочинителю простых, средних и архисложных романов и многотомных поэм все одно. При условии, конечно, если: а) книга пишется не «под премию», а в СССР — не под карьеру; б) автор не тщеславен или не гедонист-параноик; в) не преследуется полный или частичный коммерческий интерес. Вот в этих-то случаях можно и на широкий народ потрудиться!

...Писатель пишет, читатель читает.— А это уже не демагогия, а руководство к литературному процессу. И если художник слова — не пиарщик, не коммерсант, не премиальный соискатель, но истинный писатель, поэт, драматург, все же, покривив душой, начинает «опрощаться», то тем самым создает ситуацию, которую в медицине и биологии (я работаю по другой своей, не литературной профессии в этих областях, отсюда и сравнение) называют порочной цепью патогенеза или по-русски: игрой в поддавки. Писатель сочиняет попроще, «для пипла»; читатель отвыкает думать, превращая чтение в чтиво; литератор, подыгрывая читателю, еще больше снижает уровень... И так далее — до комиксов и пазлов.

А вообще-то рукописи не горят, хотя книги время от времени жгут. И традиционно: будь проклят *business* — главный враг художественной мысли. Пишем это слово по-американски, ибо слово глубоко нерусское, надеюсь, временное у нас. И спасибо Ирине Николаевне за великолепную рецензию. Она расставляет все точки на *i*.

യ്യാരുയ

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА

НЕУГОМОННЫЕ РЕФОРМАТОРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

От ведущего рубрики: В настоящей публикации «Документов эпохи» в определенном смысле продолжается тема, затронутая в очерке Алексея Третьякова «Повреждение нравов (реплика грамотея)», опубликованном в «ПЗ» № 2, 2007, о чисто национальном явлении: периодически, но относительно регулярно и настойчиво проявляющихся попыток реформирования грамматики — от фонетики до синтаксиса и пунктуации — русского языка.

...Вспомните, как у одесских классиков в их бессмертной дилогии о Чичикове (200-летний юбилей Н. В. Гоголя еще не забыт, что называется — на слуху) XX века — Остапе Бендере дается стереотип резолюции собрания по любому поводу типа: в ответ на наглое требование (такого-то имярек) повысить ему оклад содержания ответим... И далее перечисляются пункты «ответа» — от повышения бдительности в отношении происков мирового империализма до перевода учрежденческой документации на латинский алфавит. И это не сарказм и выдумка Ильфа — Петрова, но действительный, имевший место быть факт: в те годы на государственном уровне обсуждался вопрос о замене, полной или частичной, русского алфавита на латинские буквы. Ни много, ни мало. И счастье, что в тогдашнем руководстве страны состояли здравомыслящие люди, прежде всего Иосиф Виссарионович Сталин, глубоко чувствовавший русскую культуру, в том числе культуру русской речи и письма — алфавита, великого и провидческого творения Кирилла и Мефодия. Отстояли (см. приводимые ниже документы).

И откуда эта всеядная реформаторская напасть? — Может от ненависти к истории русской, в том числе к фонетике и орфографии родного языка? Еще можно понять те бывшие союзные, советские и социалистические республики СССР, в одночасье ставшие самостийными (хотя речь не об Украине), что поспешили отречься от кириллицы и перейти к латинице: вот вроде как и к «цивилизованному» миру одним боком повернулись, и заодно сказали «фи» русскому народу, некогда вытащившему их из турецкого рабства или средневековой азиатчины. Но, повторимся, в конце концов это их дело, раз самостийные... Но свои-то туда же!

На исконно русский вопрос «кто виноват?» в деле реформаторства языка и алфавита здесь легко ответить: Петр Первый, очень уж увлекиийся европеизацией; до того увлекиийся, что и новую столицу назвал не в честь себя, что он заслужил, конечно, но в честь главного католического святого апостола Петра (Санкт-Петербург — это в переводе: город Св. Петра). И это в тогдашнем оплоте всего православного мира? Не зря же два русских царя — Александр I и Николай II, чувствуя неловкость такого наименования, под удобными предлогами — война 1812-го года и Первая мировая война — тотчас из города Св. Петра делали Петроград — город императора Петра Великого! Сейчас вот петроградцы-ленинградцы снова вроде как под виртуальной сенью Ватикана...

В принципе, предпринятая Петром реформа орфографии русского языка имела целью разделения церковно-славянской и русской гражданской письменности, но на

собственно грамматику не посягала. Тому есть примеры и в Западной Европе: переход от средневекового готического алфавита в германоязычных странах к собственно латинскому, то есть возврат к правописанию Древнего Рима. И изданная в первые годы царствования Николая I «Пространная русская грамматика» Николая Греча (это которого в первой половине XIX только ленивый не «лягал»: от Ивана Андреевича до Александра Сергеевича и далее до Виссариона Григорьевича) систематизировала все нормы русского литературного языка. На «Грамматике» Греча и огражданствленном Петром Первым алфавите Кирилла-Мефодия можно было бы и остановиться и более их не трогать — посейчас и на далекое будущее. Как это было сделано в англо-германских и романских языках в Европе и по всему миру.

Но ведь не в русском же это характере! И вот уже в том же XIX веке, несмотря на наличие консервативных госруководителей народного просвещения — адмирала Шишкова и графа Уварова, — начинаются потуги на реформирование. Может это от разночинцев, измучавшихся в гимназиях от зубрения правил употребления «ятей» и «фит» с «фертами»? Правда, ограничилось все изъятием из алфавита нескольких греческих букв, имевших полные фонетические синонимы в гражданском алфавите. Однако Карамзин, пользуясь поддержкой двора, как воспитатель царских детей, сумел-таки нанести непоправимый удар по русской фонетике и орфографии, внедрив совершенно искусственную для базового, московского говора русского языка букву «ё». Настолько искусственную, что вплоть до начала XXI века в печатных текстах она не употреблялась.

Дальше — больше. К началу военно-революционных событий в России Министерством просвещения была подготовлена реформа орфографии; начавшаяся «германская» отложила ее проведение до 1918-го года: известно из истории, что любая новая власть охотно занимается реформаторством популистского характера. Вот с этой орфографией мы сейчас и живем. И другие разделы грамматики в прошлом веке претерпели, правда, малозначительные изменения, например, с правилами проставления знака переноса слов.

Но зато сколько решительных атак новореформаторов пришлось госвласти и общественности отбить? Чего только стоило утихомирить «заецеедов» 60-х годов? А совсем недавний всплеск тех же «упрощенцев»? Тоже власти пришлось их одергивать. Но в 20-х — начале 30-го годов замышлялось и вовсе невообразимое: «латинизация русского алфавита». Об этом — публикуемые ниже два документа — постановления Политбюро ЦК ВКП(б), за которыми явно просматривается позиция тогдашнего руководства страной и, особенно, И. В. Сталина.

В контексте тематики раздела мы сочли нужным поместить также известный, но обычно не документируемый, факт из жизни М. А. Булгакова.

Тексты взяты из Приложения к 17-му тому Полного собрания сочинений И.В. Сталина / Сост А.Е. Кирюнин, Р.И. Косолапов, С.Ю. Рыченков. — Тверь: Научн.-издат. компания «Северная корона», 2004. — С. 610—616.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) «О ЛАТИНИЗАЦИИ»

26 января 1930 года

Строго секретно

Выписка из протокола № 115 заседания Политбюро ЦК от 25.01.1930 г.

26.— О латинизации.

Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита.

Секретарь ЦК.

Источник. 1994. 5. С. 100.

АП РФ. Ф. 3. Он. 33. Д. 15. Л. 52.

Примечание. Поводом для рассмотрения вопроса на Политбюро стала следующая Записка наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова И. В. Сталину с приложением справки о работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита: «Секретно. 16 января 1930 г. г. Москва. № НКП 69/М. В ЦК ВКП(б), тов. Сталину. Согласно телефонному разговору представляю Вам справку зав. Главнаукой тов. Луппола о латинизации. А. Бубнов.

СПРАВКА

О работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита

По инициативе общественности (пресса, собрания учащихся, учителей, работников печати и т.п.) Главнаука с начала ноября 1929 г. приступила к разработке дальнейшей реформы орфографии. В процессе внутренней работы Главнауки выяснилась необходимость не только завершения реформы (1917 г.) орфографии и пунктуации, но и изучении проблемы латинизации русского алфавита. В особенности заинтересованной в этом деле оказалась полиграфическая промышленность, представители которой дали предварительные расчеты возможной экономии. Один переход с «и» на «i» («и» с точкой) должен дать экономию до 4-х мил. рублей в год, в том числе до 1 милл. рублей валютой (цветные металлы). Диспут, организованный «Домом печати», свидетельствовал о том, что общественность, связанная с полиграфической промышленностью, высказывается за латинизацию. Письма, получаемые Главнаукой, говорят, что эта проблема интересует широкие круги. Мнения, заключающиеся в письмах, разнородны. При таком положении Главнаука считала и считает необходимым комиссионным путем проработать эту проблему. В настоящий момент предварительная проработка закончена и весь материал с отзывами как представителей общественности, так и ученых специалистов будет рассмотрен на закрытом заседании коллегии наркомпроса.

Само собою разумеется, что всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита не основательны.

Вопрос, поднятый общественностью, <u>лишь</u> прорабатывается в органах наркомпроса, и было бы плохо, если бы этот вопрос, поднимаемый в ряде организаций, застал наркомпрос и прежде всего Главнауку врасплох.

И. Луппол»

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С М. А. БУЛГАКОВЫМ

18 апреля 1930 года

18 апреля часов в 6—7 вечера он (Булгаков. — *Ред.*) прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Бол. Ржевском и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный звонок, и Люба (Л. Е. Белозерская, жена писателя. — *Ред.*) его подозвала, сказав, что это из ЦК спрашивают.

М. А. не поверил, решив, что это розыгрыш (тогда это проделывалось), и взъерошенный, раздраженный взялся за трубку и услышал:

- Михаил Афанасьевич Булгаков?
- Да, да.
- Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.
- Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом.

- Да, с Вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или Михаил Афанасьевич не помню точно).
 - Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.
 - Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благо-

приятный ответ иметь... А, может быть, правда — Вы проситесь за границу? Что, мы Вам очень надоели?

- (М. А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса да он и звонка вообще не ожидал что растерялся и не сразу ответил):
- Я очень много думал в последнее время может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.
- Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?
 - Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.
- А Вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами.
 - Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с Вами поговорить.
- Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего.

Из воспоминаний Е. С. Булгаковой. М. Булгаков.

Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М., 2000. С.260—261.

Примечание. Письмо, о котором упоминается в разговоре, было направлено Булгаковым правительству СССР 28 марта 1930 года (См.: там же. С. 279—287). В нем писатель характеризует свое положение словами «ныне я уничтожен», «вещи мои безнадежны», «невозможность писать равносильна для меня погребению заживо». Цитируя многочисленные разгромные отзывы на свои произведения, он, в частности, пишет: «Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и С НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР СОВЕРШЕННО ПРАВА...

Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательский долг...

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции, как лучшего слоя в нашей стране... Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ — аттестат белогвардейца, врага, а получив его, как всякий, понимает, может считать себя конченным человеком в СССР...

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ.

Я обращаюсь к гуманности Советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу...».

Факт разговора Сталина с писателем стал быстро известен в «интеллигентских кругах». Любопытно его изложение «из третьих рук», зафиксированное в Агентурноосведомительной сводке 5-го Отд. СООГПУ от 24 мая 1930 года № 61:

«Письмо М. А. Булгакова.

В литературных и интеллигентских кругах очень много разговоров по поводу письма Булгакова.

Как говорят, дело обстояло так:

- ...в квартире БУЛГАКОВА раздается телефонный звонок.
- Вы тов. Булгаков?

- Да.
- С Вами будет разговаривать тов. СТАЛИН (!)

БУЛГАКОВ был в полной уверенности, что это мистификация, но стал ждать.

Через 2—3 минуты он услышал в телефоне голос:

— Я извиняюсь, тов. БУЛГАКОВ, что не мог быстро ответить на Ваше письмо, но я очень занят. Ваше письмо меня очень заинтересовало. Мне хотелось бы с Вами переговорить лично. Я не знаю, когда можно сделать, т. к. повторяю, я крайне загружен, но я вас извещу, когда смогу Вас принять. Но, во всяком случае, мы постараемся для Вас что-нибудь сделать».

19 апреля 1930 года Булгаков был зачислен ассистентом-режиссером во МХАТ. Встреча его со Сталиным, о которой они договорились, не состоялась. Об отношении последнего к писателю свидетельствуют и такие эпизоды. По словам артиставахтанговца О. Леонидова. «Сталин раза два был на «Зойкиной квартире» (пьеса Булгакова. — Ред.). Говорил с акцентом: хорошая пьеса! Не понимаю, совсем не понимаю, за что ее то разрешают, то запрещают. Хорошая пьеса, ничего дурного не вижу». В феврале 1932 года Сталин смотрел постановку пьесы А. Н. Афиногенова «Страх», которая ему не понравилась. «...В разговоре с представителями театра он заметил: «Вот у вас хорошая пьеса «Дни Турбиных» — почему она не идет?» Ему смущенно ответили, что она запрещена. «Вздор,— возразил он,— хорошая пьеса, ее нужно ставыть, ставьте». И в десятидневный срок было дано распоряжение восстановить постановку...» (Там же. С. 293, 329).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) «О «РЕФОРМЕ» РУССКОГО АЛФАВИТА» С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗВЕЩЕНИЯ ОБ ИТОГАХ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ОРФОГРАФИСТОВ В ГАЗЕТЕ «ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА»

2 июля 1931 года

Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК от 5 июля 1931 г.

О «реформе» русского языка.

Ввиду продолжающихся попыток «реформы» русского алфавита (см. извещение об итогах Всесоюзного совещания орфографистов в «Вечерней Москве» от 29 июня), создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства. ЦК ВКП(б) постановляет:

- 1) Воспретить всякую «реформу» и «дискуссию» о «реформе» русского алфавита.
- 2) Возложить на НКПрос РСФСР т. Бубнова ответственность за исполнение этого постановления.

Секретарь ЦК

«Вечерняя Москва» от 29.VI.31 г.

ПРОЕКТ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Итоги Всесоюзного орфографического совещания

26 июня закончило работу Всесоюзное совещание по реформе русской орфографии, пунктуации и транскрипции иностранных слов.

В результате горячего обсуждения и проработки проекта в секциях, совещание приняло с некоторыми поправками проект НИЯЗ'а. В основу этого проекта положен принцип приближения письменной речи к устной, или, точнее говоря, приближения орфографии к живому литературному языку.

Практическая часть этого проекта сводится в основном к следующему:

Упраздняются буквы э, и, й, ъ и ' (апостроф).

Вместо $\mathfrak s$ всюду пишется $\mathfrak e$ (етаж, електричество (произношение, конечно, остается прежнее)). Вместо $\mathfrak s$ вводится $\mathfrak s$.

Проект вводит новую букву ј (йот), которая употребляется, во-первых, везде вместо й, во-вторых, в сочетании с а, о, у, вместо я, е, ю (јаблоко, југ), в-третьих, в середине слов вместо ъ или ь знака, стоящих перед гласными (објект, калјян), а также в слове миллион (милјон), и в-четвертых, в сочетании ьи (чји, семји). Буквы я, ю, е сохраняются для обозначения мягкого произношения предшествующей согласной (няня, мел).

После ж, ш, ч, ц никогда не пишутся я, ю, ы (огурці, революціа, ціган).

Мягкий знак упраздняется: 1) после шипящих (рож), 2) в середине счетных слов (пятдесят, семсот), 3) в неопределенной форме глаголов, оканчивающихся на **ться** (он будет учится).

По вопросу о двойных согласных в корнях слов проект первоначально предлагал упразднить их, то есть писать Ана вместо Анна, каса вместо касса и т. д., но совещание признало это мероприятие нецелесообразным. Таким образом, двойные согласные в корнях слов остаются.

Приставки из, воз, низ, раз, без, чрез — всегда пишутся с буквой з. Окончания прилагательных ого, его заменяются на ово, ево. Окончания прилагательных мужского рода следует писать ој, еј (красној, доброј). Окончания прилагательных ые, ие, заменяются — ыі, іі (добрыі, синіі).

В сложных названиях (Всесоюзный центральный исполнительный комитет) с большой буквы пишется только первое слово.

Устанавливается свободный перенос слов (с-овет).

По вопросу пунктуации совещание приняло подробный свод правил, во многом совпадающий с существующими правилами. Наиболее существенное изменение — это сокращение случаев употребления запятой (например, между предложениями, соединенными сочинительными союзами).

В вопросе о транскрипции иностранных слов проект кладет в основу принцип передачи произношения слова (в особенности фамилий), а не написания.

Французские носовые звуки передаются буквой **н** и (перед губными согласными) буквой **м**. Немецкое **h** — буквой **x**, дифтонг **ei** — **ай**. Исключение делается для тех фамилий, которые давно и прочно вошли в русский язык в другой транскрипции, например, Γ ейне, Γ ауптман должны писаться по-прежнему, а не Γ хауптман, как это следовало бы по новым правилам.

Принятый Всесоюзным совещанием проект реформы орфографии, пунктуации и транскрипции передается на утверждение коллегии наркомпроса, а затем Совнаркома.

В. Г.

Источник. 1994. № 5. С. 101—102. АЛ РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 59—60.

യ്യാരുയ

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Уважаемые читатели и авторы!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», всех музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Прикосновение» (Тула), в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
 - Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
 - Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
 - Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
 - Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
 - Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
 - Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
 - Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
 - Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medtsu.tula.ru интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературнопублицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал и в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-учредителей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился от 100 до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года в культурную программу области. Начиная с этого номера, журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или е-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы.

Редколлегия журнала

наши поздравления

Редколлегия журнала «Приокские зори» члена редколлегии Наталию Диомидовну Парыгину с юбилеем (см. соответствующую рубрику в журнале).

«Лет до ста расти нам без старости!»

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, вводится регулярная рубрика библиографии вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь». Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (в верху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу.

В первом квартале 2009 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

- 1. *Воспоминания* о Литературном институте. Книга первая. М.: Изд-во Литинститута им. А. М. Горького, 2008.— 639 с.
- 2. *Воспоминания* о Литературном институте. Книга вторая.— М.: Изд-во Литинститута им. А. М. Горького, 2008.— 854 с. (В книге помещены воспоминания нашего главного редактора: Алексей Яшин. Амбирекстр (из автобиографии), С. 726—737).
- 3. *Ошевский С. Д.* Тула деревянная: Книга-альбом / Редактор-составитель А. В. Федосов.— Тула: Гриф и К., 2008.— 188 с., илл.
- 4. *Хлопкова Т.* Мир вам: Сб. духовных стихотворений.— Заокский: Источник жизни, 2008.— 320 с.
- 5. Времен связующая жизнь: Поэтический сборник.— Тула: Гриф и К., 2009.— 318 с. (Сборник издан к 60-й годовщине присвоения Плавску статуса города; авторы сборника участники литобъединений «Златой посев» и «Светозарник», г. Плавск).
- 6. *С бор*у по сосенке: Стихи и проза для детей / Под ред. В. В. Киреева.— Тула: Инфра, 1008.— 116 с.
 - 7. Киреев В. В. Вчера, сегодня, завтра: Стихи. Тула: Папирус, 2009. 304 с.
- 8. Абрамов М. А. На просторах родимого края: Песни, посвященные городугерою Туле. Свод избранных поэм, написанных в разные годы.— Тула: Гриф и К., 2008—172 с
 - 9. Лукаш Ю. М. Ностальгия: Стихи. Тула: Папирус, 2008.— 120 с.
 - 10. Барткевич Е. Спор о Моисеевом теле: Стихи. Тула: Инфра, 2008. 32 с., илл.
- 11. *Пахомов В. Ф.* Что на роду написано: Стихи.— Тула: Инфра, 2008.— 216 с., илл. А. Е. Новгородского.
- 12. *Кочетков О. В.* Надеждою ранят: Книга стихов.— М.: Советский писатель, 1989.— 128 с.
- 13. *Афремов И. Ф.* История Тульского края (Историческое обозрение Тульской губернии).— Тула: Приокск. кн. изд-во, 2002.— 256 с., илл. (Книга первого историка Тульского края Ивана Федоровича Афремова (1794—1866)).
- 14. Юрьев П. П. Ученик волшебника.— Щекино, 2009.— 64 с. («Фантастика реальности»).
- 15. *Ореховский А. И.* Человек и любовь: Избранные стихи.— Новосибирск, 2008.— 496 с.
- 16. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2008, №№ 8—10; 2009, №№ 1—3.
- 17. Молодая гвардия: Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.— 2008, №№ 10, 11—12; 2009, №№ 1—2, 3.
- 18. *Мартиросян Г. А.** Дайте человеку шанс стать добрым.— Рязань: Зеленые острова, 2005.— 72 с.
- 19. *Мартиросян Г. А.* Когда приходит зима.— Рязань: Зеленые острова, 2006.—80 с.
- 20. $\$ Мартиросян $\$ Г. А. Армянский батальон в Рязани (1916—1918 гг.).— Рязань: Зеленые острова.— Социально-экологический союз, 2002.— 28 с.
- 21. *Мартиросян Г. А.* Предмет ностальгии (Методологические указания науки о политике).— Рязань: Зеленые острова, 2003.— 24 с.
- 22. *Мартиросян* Γ . A. Не забудем, не простим! Рязань: Изд-во Рязанск. регион. отд-я «Союза армян России», 2005.— 87 с.

- 23. *Мартиросян Г. А.* Мои телеграммы Горбачеву о трагедии легендарного села Чардахлы, Нагорного Карабаха, Геташена... Рязань: Изд-во армянск. культурн. обва «Аракс», 1995.— 234 с.
- 24. *Мартиросян Г. А.* Офицеры республики Армения в концлагере города Рязани (1920—1921 гг.).— Рязань: Зеленые острова, 2002.— 116 с.
- 25. У микрофона Армянское радио. Книга третья / Сост. И лит. обработка Г. А. Мартиросяна.— Рязань: «Узорочье», 2002.— 175 с.
- 26. Мартиросян Γ . A. Мои года, мое богатство.— Рязань: Зеленые острова, 2007.— 97 с.
 - 27. Парыгина Н. Д. Семейные повести. Тула: Гриф и К., 2008. 360 с.
- 28. Лавров С. Познай себя и сотвори: Стихи.— Кимовск: ОАО «Кимовская типография», 2008.— 123 с.

Примечание*. Гюлаб Арамович Мартиросян (род. В 1925 г.) — наш постоянный автор; см. рубрику «Великая дружба» в номерах «ПЗ» за прошлые годы. Член Союза журналистов России, профессор, философ, политолог и публицист, руководитель Рязанского армянского культурного общества «Аракс», директор Рязанской армянской воскресной школы, автор свыше 20 книг и брошюр. Участник Великой Отечественной войны, имеет ранения, удостоен боевых наград. С 1953-го года почти полвека преподавал в Рязанском государственном медицинском институте; все выпускники-врачи этих лет, а их немало и в Туле, хорошо помнят Гюлаба Арамовича и добрым словом отзываются о талантливом ученом, педагоге, публицисте. Ныне — профессор Рязанской государственной радиотехнической академии, ведет курсы философии, политологии, логики и конфликтологии. Основная тема его многочисленных публицистических работ — история Армении, в том числе трагедия Нагорного Карабаха в новейшее время после разрушения СССР, жизнь армянской диаспоры на рязанской земле, ее роль в культуре, экономике, в поддержании и развитии многовековой русско-армянской дружбы. Известен Мартиросян и своими археологическими исследованиями, в частности, анализом раскопок на месте городища старой Рязани.

Гюлаб Арамович любезно передал в редакцию «Приокских зорь» свои основные книги.

В серии «Библиотека журнала «Приоские зори» вышли следующие книги:

- 1. Проскурин И. М. Учебник здоровья: Записки тренера о самооздоровлении.— Тула: Гриф и К., 2008.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
- 2. Яшин А. А. Любовь новоюрского периода (Философский роман) / Предисл. акад. Л. В. Ханбекова: Петровская академии наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». Москва: «Московский Парнас», 2009. 712 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
- 3. Дубинский М. С. Наследники «Бога войны»: Роман-хроника. Ч. І, Раздел ІІ.— Тула: Гриф и К., 2008.— 832 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с текущего года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова..

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;

 литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественнопублицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются во втором номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2008-го года будут объявлены в № 2, 2009 «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2009-ой год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В очередной раз «Литературная газета» (№ 12—13 (6217) от 25—31.03.2009.— С. 6) в рубрике «Литпремии» опубликовывая информацию о «Приокских зорях»: «Первыми лауреатами новой ежегодной литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшую публикацию в межрегиональном литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» (Тула) стали прозаик Геннадий Маркин, поэт Александр Ореховский, публицист Евгений Воропаев и критик Николай Боев.

Щекинцы в «Приокских зорях»

«Приокские зори». Четырнадцатый номер. Что это значит? Да то, что в межрегиональном литературно-художественном и публицистическом журнале, издаваемом в Туле (гл. редактор А. А. Яшин) опубликовано творчество членов Щекинского литературного клуба «Поэтическое братство». Среди них Олег Пантюхин, Анатолий Миронов, Павел Юрьев, Эдуард Мартышев, Нина Ростовцева. Кроме этого, в этом номере вы можете прочитать рассказ постоянного автора «Щекинского вестника» Г. Маркина «Марфина шахта». Журнал «Приокские зори» выходит четыре раза в год, учрежден Тульской писательской организацией Союза писателей России и Тульским государственным университетом. Через библиотечную сеть и сайт www.medtsu.ru журнал стал доступен любому читателю в России.

Соб. инф.

(Газета «Щекинский вестник», № 15 (14711), 2009 г., 25 апреля.— С. 4).

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА: ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ. ВИДЫ ТУЛЫ С ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТОК НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Тула. Общий вид. Фото с открытки начала XX в. Изд. М. Кампель. Москва. В центре на площади (теперь площадь Челюскинцев) видна Крестовоздвиженская церковь (1787). За ее колокольней справа — городская дума (теперь Дворец пионеров). Справа от городской думы — двухэтажное здание (теперь Дворец труда, надстроенный третьим этажом). Здания, показанные слева, не сохранились.

Тула. Самоварная фабрика Баташева. Фото с открытки начала XX в. Изд. Северного художественного издательства. Москва. Одна из многочисленных самоварных фабрик в Туле конца XIX в. На улице Грязевской (теперь на ул. Лейтейзена). Являлась первой паровой фабрикой в России. В начале XX в. Здесь выпускалось до 54 различных фасонов самоваров.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПЕРВЫХ ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2008-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Геннадий Николаевич Маркин — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Встреча», «Не стать хуже» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную общественно-литературную деятельность. Живет в г. Щекино Тульской области.

Александр Игнатьевич Ореховский — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихотворений «В орбите гармонии» («ПЗ», № 1, 2008) и за активную жизненную позицию, воплощаемую в его поэзии. Живет в г. Краснообске Новосибирской области. Профессор, зав. кафедрой философии и политологии.

Николай Ильич Боев — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование (книгу) «Плач по Высоцкому» («ПЗ», №№ 3, 4, 2008) и литературное подвижничество. Живет в г. Узловой Тульской области. Член Союза писателей России.

Евгений Григорьевич Воропаев — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тульский оружейный завод в эвакуации» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную журналистско-публицистическую деятельность. Живет в г. Туле. Член Союза журналистов России.